

А.Ф. Прасол

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

ТОКУГАВА ИЭЯСУ

А.Ф.Прасол

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

ТОКУГАВА ИЭЯСУ

ВКН

Москва

2017

Прасол А. Ф.

П70 Объединение Японии. Токугава Иэясу / А. Ф. Прасол. — М.: Издательство ВКН, 2017. — 496 с. — Ил.

ISBN 978-5-7873-1149-5

Эта книга — последняя в серии из трёх работ, посвящённых процессу объединения Японии в конце XVI — начале XVII века. Главное место в ней занимает жизнь и деятельность Токугава Иэясу, личность которого оказала огромное влияние на последующее развитие страны. Выходец из малоизвестного воинского клана Мацудайра, он большую часть своей жизни оставался на вторых ролях, но в 56 лет судьба дала ему шанс войти в историю, и он блестяще им воспользовался. Книга в живой и увлекательной форме рассказывает о том, как это произошло.

Важную её часть составляют сведения о культуре, быте и нравах Японии периода междоусобных войн. Она позволит читателю заглянуть в эту уже далёкую от нас эпоху и получить представление о некоторых малоизвестных реалиях японского общества того времени. Текст книги иллюстрирован множеством гравюр, рисунков и картографических схем, которые помогут читателю лучше понять события, происходившие в Японии четыре с половиной столетия назад.

© А. Ф. Прасол, 2017

© ООО «Издательство ВКН», 2017

Часть первая. ЯПОНИЯ, XVI ВЕК	5
Военно-политический ландшафт	5
Общество	18
Города и форты.....	26
Семейная стратегия и тактика	35
Боевые реалии	42
Перед походом.....	54
В походе	66
Поощрения и наказания	84
Оружие	99
Жизнь и смерть самурая.....	111
 Часть вторая. ТОКУГАВА ИЭЯСУ	 123
Преемник Нобунага	123
Предки.....	123
Детство и юность	132
Местный предводитель	149
Союз с Такэда Сингэн.....	162
Вместе с Нобунага	167
Война с Такэда Кацуёри	185
Нагасино	192
Провинция Этиго	204
Внутренний заговор.....	208
Разгром Такэда	214
Гибель Нобунага	221
Против Хидэёси	227

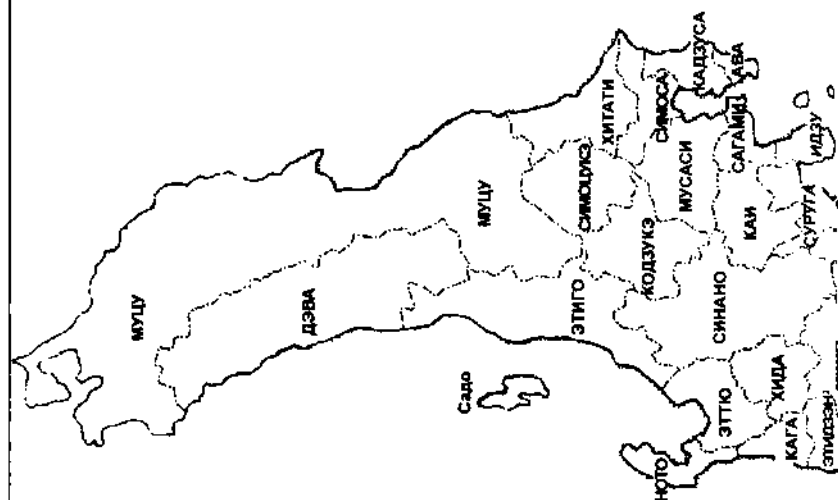
Вассал Хидэёси	241
Примирение	241
Гибель Ходзё	247
Эдо	263
Война в Корее	269
Правитель	282
Внутренние противоречия	282
«Старейшина-правитель»	292
Западная коалиция	296
Восточная армия	310
Сэкигахара	320
Плоды победы	344
Двоевластие	356
Внешняя политика	375
Внешняя торговля и гонения на христиан	385
Конец двоевластия	393
Зимнее сражение в Осака	403
Летнее сражение в Осака	425
Новые законы	449
Заключение	465
Личные качества и факторы успеха	465
Литература и источники	479
Приложение 1. Путь к власти: покровители, союзники, противники	484
Приложение 2. Хронологический указатель	487

Часть 1

ЯПОНИЯ, XVI век

Военно-политический ландшафт

В эпоху междоусобных войн японцы жили на трёх больших островах Японского архипелага — Хонсю, Кюсю и Сикоку. Страна была разделена на провинции (*куни*), провинции состояли из уездов (*гун*), а уезды — из волостей (*го*). В период ранней государственности губернаторы провинций (*сюго*) назначались из числа столичных аристократов, а после прихода к власти воинского сословия их место заняли руководители крупных кланов, состоявших в родстве с императорской фамилией или ведущими воинскими домами. Приближённые к сёгуну военачальники занимали должности в военном правительстве (*бакуфу*) и проводили много времени в «полевой ставке» — сначала в Камакура, а затем в Киото. Некоторые жили в столице постоянно, лишь время от времени наезжая в свои уделы, управляемые вассалами в ранге наместника (*сюодай*). У губернаторов, владевших несколькими провинциями, в каждой был свой наместник. Со временем они закреплялись на местной почве, обзаводились собственными вассалами и создавали свою пирамиду власти. И если губернатор по каким-то причинам утрачивал влияние в провинции, наместники прибирали к рукам его владения.

Карта Японии в XVI веке

А нередко и сами устраивали заговоры и свержали бывшего сюзерена. По этой причине к XV веку в провинциальной воинской иерархии сложилась изрядная неразбериха: в каждой провинции был свой номинальный губернатор, но далеко не каждый в ней доминировал. Чаще всего *сюго* делил власть и влияние с одним или несколькими *сюгодай*. Иногда это были его родственники, иногда — местные выдвиженцы, отвоёвывавшие себе часть провинции. На большей части страны, состоявшей из 60 провинций, почти постоянно шли боевые действия; по их результатам местные военачальники либо расширяли свои земли и влияние, либо теряли их.

В середине XVI века самыми обширными землями владели воинские дома Симадзу, Амаго, Мори, Отомо, Миёси на западе страны и Такэда, Ходзё, Имагава, Уэсуги на востоке. Несколько десятков кланов контролировали меньшие территории, от уезда до провинции, им подчинялись местные предводители, владевшие одной-двумя волостями. Эта ситуация сложилась после нескольких десятилетий междоусобных войн, начало которым положила смута годов Онин (1467–1477). Она началась с конфликта в ближайшем окружении восьмого сёгуна Асикага Ёсимаса (1436–1490) и продолжалась десять лет. В столице и её окрестностях шли бои между западной и восточной группировками, каждая из которых стремилась назначить сёгуном своего ставленника. После того как лидеры обеих группировок умерли естественной смертью, вражда стала затихать и к 1477 году сошла на нет. Однако смутное десятилетие не прошло даром — влияние центрального правительства в провинциях упало, и местные военачальники стали жить по своим уставам, не оглядываясь на столицу. Локальные междоусобные войны продолжались ещё более ста лет, поэтому период с 1477 по 1590 год в японской истории называется эпохой воюющих провинций (*сэнгоку дзидай*).

Названия провинций, упоминаемых в этой книге, на карте современной Японии найти невозможно. В 1868 году административное деление страны изменилось, и на смену провинциям пришли префектуры, не совпадающие с ними ни по названию, ни по границам. Сегодня это сильно затрудняет задачу тем, кто хотел бы побольше узнать о той эпохе. Приводимая ниже таблица может в этом помочь¹.

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
<i>Ава</i>	Токусима	<i>Дэва</i>	Ямагата, Акита
<i>Ава</i>	Южная часть Тиба	<i>Ивами</i>	Западная часть Симанэ
<i>Аки</i>	Западная часть Хиросимы	<i>Ига</i>	Западная часть Миэ
<i>Бидзэн</i>	Юго-восточная часть Окаяма	<i>Идзу</i>	Сидзуока, округ Токио
<i>Бинго</i>	Восточная часть Хиросимы	<i>Идзуми</i>	Округ Осака
<i>Биттю</i>	Западная часть Окаяма	<i>Идзумо</i>	Восточная часть Симанэ
<i>Будзэн</i>	Восточная часть Фукуока, северная часть Оита	<i>Иё</i>	Эхимэ
<i>Бунго</i>	Оита	<i>Инаба</i>	Восточная часть Тоттори
<i>Вакаса</i>	Южная часть Фукуи	<i>Исэ</i>	Миэ, Айти, Гифу

¹ Названия провинций приводятся в алфавитном порядке.

Продолжение таблицы

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
<i>Кавати</i>	Округ Осака	<i>Ното</i>	Северная часть Исикава
<i>Кага</i>	Южная часть Исикава	<i>Овари</i>	Западная часть Айти
<i>Кадзуса</i>	Центральная часть Тиба	<i>Оми</i>	Сига
<i>Каи</i>	Яманаси	<i>Осуми</i>	Восточная часть Кагосима
<i>Ки</i>	Вакаяма и южная часть Миэ	<i>Сагами</i>	Канагава
<i>Кодзукэ</i>	Гумма	<i>Сануки</i>	Кагава
<i>Микава</i>	Восточная часть Айти	<i>Сацума</i>	Западная часть Кагосима
<i>Мимасака</i>	Северо-восточная часть Окаяма	<i>Симоса</i>	Тиба, Ибараки, Сайтама, округ Токио
<i>Мино</i>	Южная часть Гифу	<i>Симоцукэ</i>	Тотиги
<i>Мусаси</i>	Округ Токио, Сайтама, Канагава	<i>Синано</i>	Гифу, Нагано
<i>Муцу</i>	Аомори, Иватэ, Мияги, Фукусима, Акита	<i>Суо</i>	Восточная часть Ямагути
<i>Нагато</i>	Западная часть Ямагути	<i>Суруга</i>	Сидзуока

Окончание таблицы

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
<i>Сэццу</i>	Округ Осака	<i>Хида</i>	Северная часть Гифу
<i>Тадзима</i>	Северная часть Хёго	<i>Хидзэн</i>	Сага, Нагасаки
<i>Тамба</i>	Центральная часть округа Киото	<i>Хитати</i>	Ибараки
<i>Танго</i>	Северная часть округа Киото	<i>Хоки</i>	Западная часть Тоттори
<i>Тикуго</i>	Южная часть Фукуока	<i>Хюга</i>	Миядзаки
<i>Тикудзэн</i>	Западная часть Фукуока	<i>Этиго</i>	Ниигата
<i>Тоса</i>	Коти	<i>Этидзэн</i>	Фукуи, Гифу
<i>Тотоми</i>	Сидзуока	<i>Эттю</i>	Тояма
<i>Харима</i>	Юго-западная часть Хёго	<i>Ямасиро</i>	Южная часть округа Киото
<i>Хиго</i>	Кумамото	<i>Ямато</i>	Нара

* Без пяти островных территорий (*Авадзи, Ики, Цусима, Оки, Садо*).

Военное правительство переехало из Камакура в Киото в 1338 году. К тому времени оно давно уже перестало быть «полевой ставкой» (*бакуфу*) и превратилось в военно-бюрократическое учреждение, где служили крупные военачальники в ранге *сюго*. С Асикага Такаудзи (1305–

1358) началась династия сёгунов Асикага, 15 поколений которых занимали высший воинский пост. Их правление в общей сложности длилось 237 лет. Первая столичная резиденция сёгунов Асикага располагалась в квартале Муромати, давшем название этой исторической эпохе.

В XIV веке выезды в столицу составляли важную часть воинской службы, и провинциальные кланы регулярно её несли. Это обеспечивало присутствие рядом с сёгуном военной силы и способствовало поддержанию порядка. Систему правления, при которой страной руководило военное правительство *бакуфу* во главе с сёгуном, называют *сёгунатом*.

Служившие в *бакуфу* губернаторы *сюго* имели в столице собственные усадьбы и проводили в них большую часть времени. Эти усадьбы называли словом *самурай-до-коро* (буквально «место службы»). До середины XV века ключевые посты в *бакуфу* занимали главы воинских домов Хосокава, Хатакэяма, Сиба, Ямана, Акамацу, Иссики и некоторые другие. В отличие от них военачальники из удалённых провинций в столице бывали редко. Например, клан Симадзу

Дом военачальника среднего ранга (реконструкция)

из провинции Сацума с 1336 по 1410 год вообще ни разу не отправлял своих представителей в Киото. Этот случай исключительный, но в целом удалённость региона сильно влияла на частоту визитов, и в *бакуфу* с этим считались.

Как уже говорилось, ситуация резко изменилась после смуты годов Онин — теперь уже не только удалённые, но и ближние воинские кланы стали всё реже появляться в столице. В 1493 году в правительстве вспыхнул очередной конфликт вокруг сёгунской должности (*Мэйо но сэйхэн*), спровоцировавший усиление междоусобных столкновений. Центр оказался в ещё большей изоляции, губернаторы постепенно ликвидировали свои столичные усадьбы и разъехались по провинциям. Их визиты в Киото стали совсем редкими и теперь, наоборот, привлекали повышенное внимание, замешанное на подозрении — с чего это вдруг тот или иной провинциальный военачальник надумал идти в столицу?

Со временем такие визиты превратились в большое событие и разделились на два типа — мирные и военные. Первые совершались с небольшими отрядами в несколько десятков или сотен человек и носили ритуально-этикетный характер. Их участники шли в Киото окружными путями, не вступая в конфликты с хозяевами земель, через которые проходили. Прибыв в столицу, наносили визиты вежливости сёгуну и императору, дарили подарки и жертвовали деньги. В ответ получали повышение в воинском или придворном ранге и грамоту, отмечавшую их воинскую доблесть, а затем возвращались домой в ореоле паломников, приобщившихся к центральной власти. В материальном плане такие походы обходились недёшево, но способствовали росту авторитета визитёров в местных кругах — вассалы охотнее шли к ним на службу, а соседи больше уважали. В 1526 году с таким мирным визитом столицу посетил Китабатакэ Харутомо (1503–1563) из провинции Исэ, в 1528 году — Анэкодзи Такацуна (?–1576) из провинции Хида, в 1530 году — Ода Нобутомо (?–1555) из

провинции Овари, родственник Ода Нобунага. Нобутомо пришёл в столицу с большим отрядом в три тысячи человек, за что удостоился упоминаний во многих хрониках.

Классическим паломничеством в столицу стал поход Уэсуги Кэнсин (1530–1578) из провинции Этиго в 1553 году. Особенно запомнилась современникам личная аудиенция, которой император удостоил провинциально-го предводителя. Во время этой встречи Уэсуги Кэнсин, тогда ещё носивший имя Нагао Кагэтора, был возведён в неполный пятый ранг низшей ступени и получил в подарок от императора столовый набор для *сакэ* и самурайский меч. Оглашённый во время аудиенции императорский указ гласил: «Выполняя Нашу волю, Нагао Кагэтора изгнал из своих владений враждебные силы. За сим повелеваю: править Кагэтора многие лета, приумножая воинские доблести и побеждая врагов своих во благо императорского трона» (Иматани, 2001). «Враждебные силы», которые победил Уэсуги Кэнсин в борьбе за пост главы семьи, состояли преимущественно из его родственников, и императорский указ формально закрепил его победу. Впрочем, визит молодого военачальника в столицу имел и практическую цель — недавно появившееся в Японии огнестрельное оружие. Наняв в столичном районе оружейников, клан Уэсуги вскоре наладил его производство у себя в провинции.

После того как в 1192 году власть перешла в руки воинского сословия, жизнь императорского дома и столичной аристократии сильно изменилась. Японские императоры в мирских делах ничего не решали и постоянно нуждались в деньгах, но сохранили свой сакрально-символический статус и неприкосновенность — никто не пытался ликвидировать императорскую династию как институт. Против сёгунов время от времени устраивались заговоры, но освящённая волей богов неприкосновенность «сына неба» и его потомков никогда и никем не подвергалась сомнению.

Неизменным оставалось и формальное почитание императора в воинской среде.

В эпохи Камакура и Муромати все сколько-нибудь значимые действия императорского дома оплачивались просителями, и эти поступления составляли важную часть его дохода. Например, в конце 1540-х годов провинция Микава, где родился Токугава Иэясу, была захвачена соседним кланом Имагава. В 1560 году император, получив от Имагава Ёсимото солидное денежное пожертвование, утвердил этот результат своим указом, присвоив ему титул военного губернатора Микава. Если провинциальный предводитель хотел легализовать боевые действия против кого-то из своих соседей, он мог обратиться к императору и за соответствующее вознаграждение получить высочайший указ о наказании «ослушника». Такие указы назывались *дзибану риндзи* и часто издавались в XIII–XIV веках. Впрочем, со временем военачальники перестали на них тратить и научились обходиться без них.

В отличие от мирных походов на столицу военные совершались по другим правилам. Один или несколько союзных кланов собирали войско и шли в Киото кратчайшим путём, воюя со всеми, кто попадался на пути. Цель таких походов состояла в установлении контроля над столицей и получении за счёт этого особого статуса — защитника и покровителя императорского дома. Благополучие и безопасность сёгуна при этом гарантировались не всегда; иногда такие походы совершались именно для замены одного военного правителя на другого. Или, наоборот, для защиты действующего сёгуна от какой-либо угрозы.

В 1508 году такой военный поход организовал Оути Ёсиоки (1477–1529) из удалённой западной провинции Суо для восстановления в должности десятого сёгуна Асикага Ёситанэ (1466–1523). Выполнив задачу, Ёсиоки следующие десять лет бессменно занимал пост столичного губернатора. В 1549 году Миёси Нагаёси (1522–1564) из

Крупнейшие кланы Японии

(1570–1572)

провинции Ава на острове Сикоку вмешался в семейный конфликт, вспыхнувший в клане Хосокава, приближённого к дому Асикага, и под предлогом защиты одного из родственников с большим войском предпринял поход на Киото, также завершившийся успехом.

В 1568 году то же самое сделал Ода Нобунага (1534–1582), посадив на воинский трон пятнадцатого сёгуна Асикага Ёсиаки (1537–1597). Нобунага пришёл с востока, через провинцию Оми, и его покорение столицы стало последним в XVI веке.

Общество

Эпоха междоусобных войн завершилась в конце XVI века объединением страны. Его заключительный этап длился 24 года: первые 14 лет (1568–1582) главным действующим лицом был Ода Нобунага, а последние 10 лет (1582–1592) — Тоётоми Хидэёси. Элиту воинского сословия составляли военачальники трёх категорий: *сюго*, *сюго даймё* и *сэнгоку даймё*. Официальный ранг *сюго* присваивался указом сёгуна, а неофициальные звания *сюго даймё* и *сэнгоку даймё* добывались на полях сражений. Они появились позднее, в эпоху Токугава, а в XVI веке глава клана Уэсуги, например, не знал, что входит в число *сэнгоку даймё*. Авторитет и влияние военачальника определялись двумя взаимоопределяющими факторами: численностью вассалов и площадью землевладений. Нижестоящий командир обычно поставлял своему начальнику одного воина с каждых 6–7 *каммон* дохода². Таким образом, при доходе,

² В пересчёте на современные деньги один *каммон* приблизительно равнялся 80 000 нен (700–800 долларов США). Несколькими десятилетиями позже, уже в эпоху Токугава, 60 *каммон* были эквивалентны 400 *коку* рисового дохода.

например, в 400 *каммон* он должен был в случае мобилизации отправить на службу 60–70 пехотинцев. В начале 1570-х годов в Японии насчитывалось около 100 крупнейших воинских домов с годовым доходом более 10 тысяч *коку*³ риса, а через 30 лет, в 1600 году, их число возросло уже до 270.

В количественном отношении больше всего было обладателей ранга *сюго*, контролировавших от одного до двух-трёх уездов. К категории *сюго даймё* относились владельцы более крупных территорий — от нескольких уездов до провинции среднего размера. В высшую категорию

сэнгоку даймё входили военачальники, владевшие самыми обширными землями, от одной до нескольких провинций. Рядовых военных губернаторов, последовательно прошедших путь от *сюго* до *сэнгоку даймё*, было немного, около десяти на всю страну (Сатакэ, Имагава, Такэда, Асакура, Роккаку, Симадзу и др.). На заключительном этапе объединения страны потерпели поражение и выбыли из воинской элиты крупные воинские дома Китабатакэ, Адзай, Асакура, Такэда, Ходзэ, Ода, Отомо и многие другие.

Постоянным источником пополнения для этих трёх категорий служила огромная масса местных предводите-

Военачальник XVI века

³ Один *коку* — мера веса, равная примерно 150 кг. Считалось, что именно столько риса производит один крестьянин за год работы и столько же требуется для пропитания взрослому мужчине на год.

лей самого разного происхождения (их называли *кунидзин рёсю* или *кунисю*), которые пробивались наверх исключительно за счёт личных качеств, объединяя вокруг себя местных командиров. Самые известные примеры — вышедшие из низов главы домов Датэ, Мори, Тёсокабэ.

Японское общество XVI века отличалось большой текучестью и подвижностью сословных рамок — подтверждением тому служат биографии военачальников. Например, известный Сайто Досан (1494–1556) начинал в провинции Мино торговцем рыбьего жира для светильников, а затем, последовательно свергая вышестоящих, стал её хозяином. Не менее известный Ходзэ Соун (1456–1519) в молодости бродяжничал, а закончил жизнь на посту главы крупного клана. В XV–XVI веках выдвижение из низов в гораздо большей степени зависело от личных качеств человека, чем в последующую эпоху Токутава. Социальная подвижность и смена рода занятий были характерны для всех слоёв японского общества. Крестьяне регулярно брали в руки оружие, а низкоранговые и рядовые самураи — мотыгу. Меч, лук и копье имелись в каждом крестьянском доме. Регулярные военные мобилизации, конфликты с соседями, коллективная самооборона и охота без них были немыслимы. С другой стороны, одним только воинским ремеслом могли прокормиться лишь крупные военачальники, а всем остальным так или иначе приходилось работать на земле. Например, пока малолетний Токутава Изёсу содержался в заложниках у Имагава Ёсимото, его будущие вассалы более десяти лет занимались крестьянским трудом, время от времени принимая участие в походах Имагава.

Столь же размытым было деление на торговцев, монахов и рядовых самураев. Социальное происхождение человека определялось занятием, которым жила его семья, поэтому воином считали того, кто родился в семье воина. А поскольку занятия человека в течение жизни часто менялись, то менялась и его социальная принадлежность.

Например, Тоётоми Хидэёси родился в крестьянской семье, в молодости торговал вразнос прядельными спицами, а затем вступил на воинский путь, который и привёл его на вершину власти. Согласно хронике «Записки о великом регенте» (*Тайкоки*), Хидэёси в молодые годы перепробовал множество профессий — он не только торговал, но и работал подручным бондаря, кузнеца, плотника, красильщика тканей.

В воинских семьях отцовское дело наследовал старший сын, а его младшие братья, как правило, уходили в монастырь. В монашеской келье провёл свои молодые годы известный полководец Цуцун Дзюнкэй (1549–1584); такой же путь из монахов в воины проделал Экэй (1539–1600). И наоборот, в конце карьеры многие военачальники снимали с себя доспехи и брили головы. В роду сёгунов Асикага это вообще считалось самым достойным завершением жизненного пути. А если глава клана умирал, когда старший сын по каким-то причинам не мог его заменить, то один из младших братьев покидал монастырь и занимал его место. В этом отношении типичен пример Имагава Ёсимото (1519–1560). Молодые годы он тоже провёл в буддийском храме, где принял монашеский сан и имя Байтаку Сёхо, а после смерти старшего брата Удзитэру вернулся в семью и возглавил её, победив в борьбе с родственниками.

Что касается торговцев, то они вообще не выделялись из воинского сословия, как в последующую эпоху Токугава. Сохранившиеся описания чайных церемоний, которые проводили Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, позволяют говорить о том, что присутствовавшие на них состоятельные купцы имели такой же статус, как военачальники с доходом от 50 до 100 тысяч коку риса (урожайность средней по размерам провинции).

Ни один из трёх объединителей Японии — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу — изначально не входил в воинскую элиту. Нобунага и Иэясу

родились в воинских кланах среднего уровня, их отцы не имели даже ранга *сюго*, а Хидзэси — выходец из крестьян.

Общественные отношения также имели свою специфику. Верность и служба, основанные на чувстве долга, стали основой межличностных отношений позже, в эпоху Токугава, а в XVI веке их заменяли кровнородственные связи. В период междоусобных войн отношения между выше- и нижестоящими отличались большей свободой и вариативностью. В хронике «Записи о деяниях и высказываниях великих полководцев» (*Мэйсё гэнкорoku*) есть эпизод встречи Тоётоми Хидзэси с «вассалом его вассала» Ханабуса Мотоюки (1549–1617), командиром среднего звена из отряда Укита Хидэиэ (1572–1655). Мотоюки прибыл в ставку Хидзэси в качестве курьера и передал ему письмо от своего непосредственного начальника. При этом он не снял головного убора и не сошёл с лошади. А Хидзэси к тому времени уже имел придворный титул Регента (*кампаку*) и фактически был главным военачальником страны. В хрониках содержится много упоминаний о спорах, которые вели младшие по званию со своими командирами. В последующую эпоху Токугава с этим было покончено.

Эти дисциплинарные вольности объяснял в своём семейном наставлении Ходзё Удзиясу (1515–1571): «Как господин набирает себе вассалов, так и вассалы выбирают господина. Воюя с соседями, не должно забывать об интересах своих подчинённых, иначе они найдут себе другого покровителя» (Исин, 2011). Из этого следует, что за подчинённым признавалось право на уход от своего начальника, если тот не соответствовал его представлениям.

О том, как часто совершались такие переходы и насколько переменчива могла быть судьба воина того времени, говорит пример низкорангового командира по имени Кани Сайдзо (1554–1613). Выходец из провинции Мино, он начал воинскую карьеру в замке Инабаяма, на службе

у Сайто Тацуоки. После его поражения от Ода Нобунага в 1567 году Сайдзо перешёл на службу к Сибата Кацуиз, одному из полководцев Нобунага. Через некоторое время он ушёл от него и нанялся к Акэти Мицухидэ, также служившему Нобунага. Мицухидэ в 1582 году в сражении при Ямадзаки потерпел поражение от Тоётоми Хидэёси и погиб. Кани Сайдзо перешёл в отряд Ода Нобутака, третьего сына Нобунага. В 1583 году Нобутака тоже погиб, и Сайдзо оказался в отряде Тоётоми Хидэцугу, племянника Хидэёси. Здесь он задержался на долгие 12 лет, но в 1595 году после смерти Хидэцугу на некоторое время стал *ронином*⁴, а затем был принят в отряд Маэда Тосииз, соратника Тоётоми Хидэёси. Ещё через несколько лет он перешёл к Фукусима Масанори, где и закончил свою службу. Таким образом, за свою жизнь Кани Сайдзо сменил восемь командиров и не раз выходил на поле боя против бывших соратников. Его судьба хотя и не вполне типична, но хорошо иллюстрирует популярное выражение того времени *буси ва ватаримоно* («самурай — что перекасти-поле»). Судьба воина в эпоху междоусобиц тоже заметно отличалась от стандартов последующей эпохи Токугава, когда в обществе доминировало представление о том, что «у самурая двух господ не бывает» (*буси ва никун ни мамидзу*).

Следует оговориться, что судьба Кани Сайдзо и его востребованность были обусловлены не только особенностями эпохи, но и его личными качествами. Отлично владевший мечом, он брал на поле боя столько голов, что не мог унести их за один раз, и трофеи приходилось собирать в несколько заходов. В то время для сбора голов использовались специальные мешки (*кубибукуро*), во многих кланах входившие в список обязательной воинской экипировки. Командование признало этот атрибут полезным,

⁴ Безработный самурай, не имеющий господина.

Доспехи и экипировка

поскольку считало, что пустой мешок на поясе лучше всяких слов расскажет окружающим о воинских качествах его хозяина и, следовательно, будет стимулировать его на поле боя. Кани Сайдзо дополнительных стимулов не требовалось, а его трофеи в мешок обычно не помещались, поэтому он пошёл другим путём — отмечал тела поверженных противников, вставляя им в рот лист бамбука. В таких случаях убитым обычно отрезали нос, но Кани Сайдзо проявил экологическую смекалку и упростил приём,

в результате чего за ним закрепилось прозвище «Сайдзо Бамбуковый Лист». Согласно сохранившимся записям, в крупном сражении на равнине Сэкигахара (1600 год) 46-летний Сайдзо участвовал на стороне Токугава в составе отряда под командованием Фукусима Масанори и лично убил 16 человек. После боя немолодой уже воин, как обычно, предъявил боевые трофеи и был соответственно вознаграждён.

В хронике «Сказание о Тоса» (*Тоса моногатари*) приводятся слова главы клана Тёсокабэ Мототика (1539–1599), прямо объяснявшего военную экспансию необходимостью поощрять подчинённых ему командиров новыми землями (Овада, 1993). Наём союзников и вассалов, не связанных с кланом родственными узами, осуществлялся фактически на контрактной основе, хотя самого понятия контракта ещё не существовало. По этой причине

командиры среднего и низшего звена часто переходили на сторону победителя уже в середине или даже в начале кампании, если её исход был для них ясен. Это ещё одна особенность междоусобных войн XVI века, известных большим количеством измен и предательств. Стоило крупному военачальнику удачно начать кампанию на чужой территории, как местные командиры один за другим переходили на его сторону, увеличивая тем самым его войско и уменьшая численность противника. В таких случаях соотношение сил между воюющими сторонами могло резко измениться за очень короткое время. Поэтому умение полководца удовлетворять запросы идущих за ним командиров и не допускать измен считалось важнейшим качеством. Подчинённый, недовольный отношением к нему вышестоящего военачальника, либо уходил к другому, либо свергал его и занимал его место. Популярное в то время выражение *гэкокудзё* («низший свергает высшего») довольно точно отражало суть взаимоотношений в воинской среде.

Переноска голов

Города и форты

В Средние века Япония представляла собой малозаселённую территорию с поселениями четырёх типов: 1) призамковые города; 2) портовые посёлки; 3) храмовые поселения; 4) постоянные дворы. С поправкой на эпоху призамковые города можно считать образованиями городского типа, все остальные — сельского. Рыбачьи посёлки располагались вдоль побережья и в устьях рек, а храмовые поселения — вокруг крупных монастырей. Почти все современные японские города выросли из поселений, располагавшихся вокруг крупных замков. Окружённые земляными насыпями и деревянным частоколом со стрелковыми вышками укрепления были неотъемлемой частью любого населённого пункта. Все фортификационные сооружения делились на большие, средние и малые. Большие назывались замками (*сиро*) и служили семейными резиденциями для военачальников высокого и среднего ранга. Население самых больших призамковых городов могло достигать нескольких тысяч человек. Менее крупные укрепления назывались крепостями или фортами (*торидэ*). Их строили и содержали местные предводители, владевшие одной-двумя деревнями. Классификационных различий между замками и фортами не существовало — они отличались лишь размерами и качеством защитных укреплений. Замок мог обветшать, потерять своё значение и превратиться во второстепенный форт, а удобно расположенный форт, наоборот, мог стать замком, если переехавший в него военачальник перестраивал его и дополнительно укреплял. Типичный форт в среднем имел размеры 300 × 300 метров.

Крупные призамковые поселения выполняли роль современных городов, а небольшие форты служили опорными пунктами для контроля над прилегающей территорией. Военачальники проводили много времени в разъездах между замками и фортами, поэтому большая

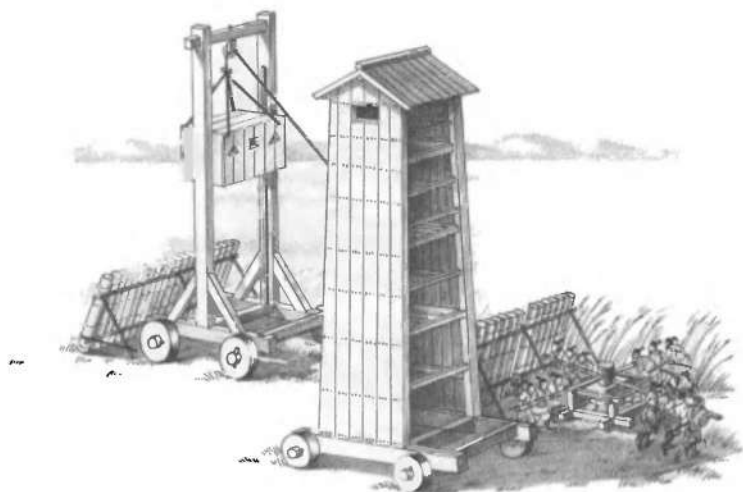
часть записей в семейных хрониках посвящена тому, кто и когда откуда уехал и куда приехал. Любое укрепление независимо от размера и значимости имело своего начальника, отвечающего за его содержание и оборону. Должность такого командира называлась словом *дзёсю* (буквально «хозяин форта») и одновременно служила воинским званием. В эпоху Муромати его обладатели составляли подавляющее большинство всех военачальников страны, поскольку её территория была густо покрыта сетью замков, храмов с крепостными стенами, защитных и осадных фортов всех видов и размеров. Крупный военачальник, контролировавший обширную территорию, принимал *дзёсю* к себе на службу вместе с принадлежавшим ему фортом, а в захваченные чужие укрепления назначал кого-либо из своих

Замок

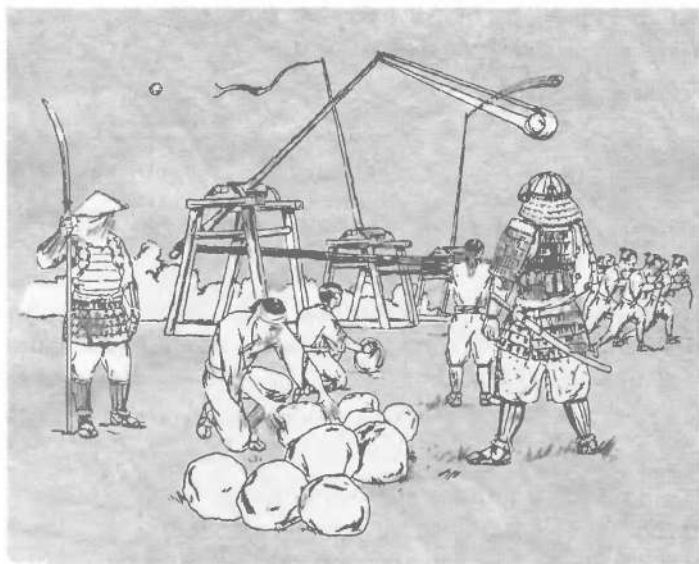
вассалов. Многие форты по несколько раз переходили из рук в руки, соответственно, менялись их начальники и названия. В мирное время гарнизон среднего по размерам форта составлял несколько десятков человек, а в крупном замке мог доходить до нескольких сотен, но при угрозе нападения он получал подкрепление, и тогда численность защитников могла достигать двух-трёх тысяч человек.

Ограниченный масштаб боевых действий и малая поражающая сила холодного оружия обусловили большую роль фортификационных сооружений. В сочетании с преимуществами ландшафта они могли компенсировать многие слабости той или иной стороны, в том числе и самую главную — нехватку живой силы. Укрепления помогали отразить атаку превосходящих сил противника и защищали в тех случаях, когда победить его в открытом бою не представлялось возможным. Потерпевшие поражение бежали под защиту крепостных стен, чтобы сохранить остатки войска.

Передвижные стрелковые вышки

Захватить укрепление можно было двумя способами — быстрым штурмом или долгой осадой. В обоих случаях его окружали по периметру изгородью или засекой из поваленных деревьев (*сакамоги*), а вдоль изгороди ставили стрелковые вышки (*ягура*), с которых было удобно вести наблюдение и обстреливать противника. Перед штурмом укрепления определялись его наиболее уязвимые места и готовились подходы, по которым должна была развиваться атака. Если форт был окружён сухим рвом, то в намеченных местах в него набрасывались камни, ветки или солома. При наличии сухостоя рядом с крепостной стеной пускали низовой пал в надежде поджечь ограждение и стрелковые вышки противника. Если же замок был хорошо укреплён, то выбирался осадный вариант, и тогда объём строительных работ многократно возрастал. Прежде всего нужно было построить один или несколько осадных лагерьей (*цукэдзиро*), в которых можно было есть,

Средневековая катапульта

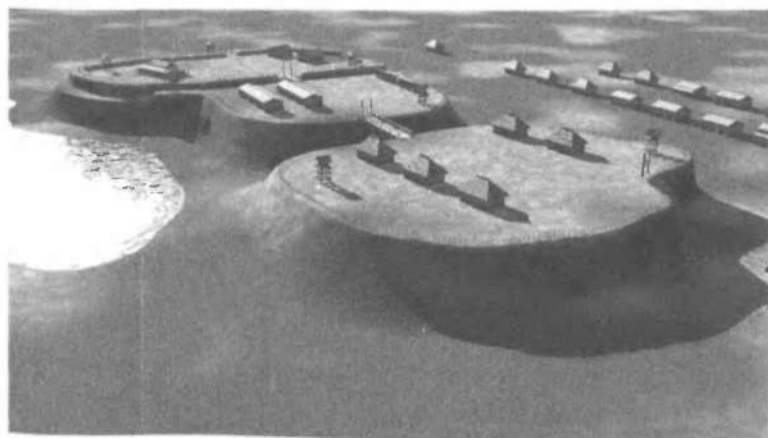

Голод в замке

спать и укрываться от непогоды. При длительной осаде окружённый форт обводили ещё и земляной насыпью.

По правилам эпохи междоусобных войн штурм укреплённого сооружения требовал не менее чем трёхкратного преимущества в живой силе, и чем крупнее был объект и чем лучше защищён, тем большее требовалось превосходство. В любом случае штурмовая атака была сопряжена с большими потерями, поэтому крупные замки чаще брали осадой. В таких случаях главным врагом защитни-

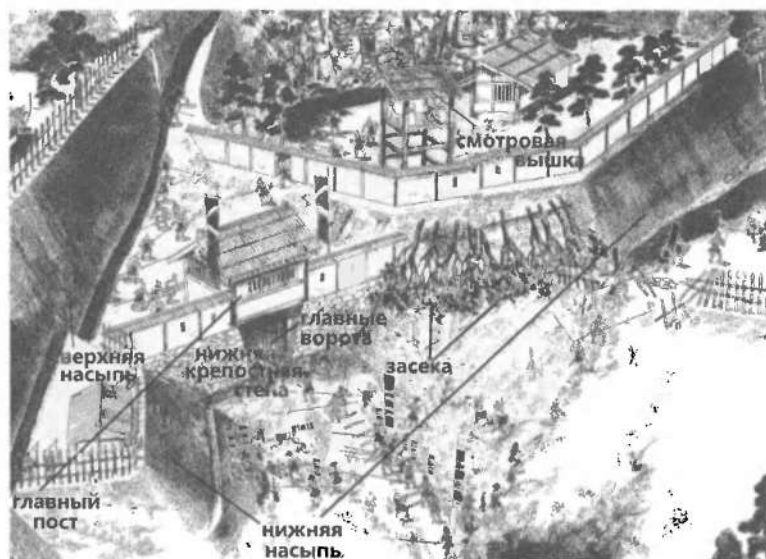
ков становилась жажда. Хозяева фортов это учитывали и строили их только там, где можно было добыть воду; на территории крупных замков, как правило, было несколько колодцев. Вторая проблема — голод. Чем больше было защитников, тем быстрее заканчивались запасы еды и начинались болезни, вызванные скученностью и антисанитарией. Обычная осадная практика состояла в том, чтобы перед нападением на крупный замок сжечь прилегающие к нему поселения, захватив в плен как можно больше местных жителей. Оставшиеся бежали либо в леса, либо под защиту крепостных стен замка, увеличивая число его защитников, но одновременно добавляя лишние рты. В большинстве случаев съестных припасов хватало на два-три месяца, но если осада была организована недостаточно хорошо (что тоже бывало) и замок тайком снабжался, то она могла длиться многие месяцы и даже годы. Такая осада становилась настоящим испытанием не только для защитников форта, но и для нападавших. Кроме строительства осадных лагерей и изолирующих заграждений, они тоже должны были позаботиться о снабжении

Осадный лагерь (цукэдзиро)

продовольствием и боеприпасами. Кроме того, осаждённые гарнизоны время от времени совершали боевые вылазки, поэтому осадные лагеря и форты также обносились защитным заграждением.

Важнейшие укрепления, с помощью которых осуществлялся контроль над прилегающей местностью, рано или поздно становились объектом нападения, поэтому в непосредственной близости от них (обычно на расстоянии двух-трёх километров) было принято строить несколько вспомогательных фортов. В случае нападения на основной форт ему отправлялось подкрепление, которое располагалось снаружи и занимало позицию для атаки, если нападавшие шли на штурм. Этот манёвр (он назывался *годзэмэ*, буквально «атака с тыла») считался средством первой очереди при защите укреплённых сооружений. До тех пор пока существовала угроза нападения с тыла, нападавшие не решались идти на штурм. Поэтому к главному замку сразу

Штурм замка

никогда не подступали — сначала зачищали окрестности, уничтожая или захватывая его вспомогательные форты и рассеивая местное население. Если это удавалось, то лишённый внешней поддержки и окружённый замок попадал в трудное положение и рано или поздно капитулировал. Эта несложная, но эффективная тактика повсеместно соблюдалась и, как правило, давала хорошие результаты.

Однако самый лёгкий способ овладеть фортом всё-таки состоял в том, чтобы договориться с его хозяином и одержать победу без боя. В этом случае подчинённые вновь приобретённого союзника вливались в ряды нападавших и увеличивали их численность. В тактическом плане это было гораздо выгоднее, поэтому в большинстве случаев перед нападением коменданту форта или хозяину замка сразу предлагалось добровольно сдаться и перейти на сторону нападавших с сохранением всего, что ему принадлежит, а в некоторых особо важных случаях — даже с расширением земель за счёт его бывшего господина. Если командир отказывался, то вместе с подчинёнными должен был защищаться до последнего, а в случае неудачи покончить с собой. В последний момент, когда дальнейшее сопротивление становилось бесполезным, у него ещё оставался шанс спасти жизни своих подчинённых, объявив о капитуляции, но его собственная судьба к тому моменту уже была решена. Если же гарнизон сопротивлялся до конца, то погибал вместе с командиром или попадал в плен.

Эти многократно повторявшиеся ситуации утвердили в воинской среде представление о том, что старший военачальник несёт личную ответственность за исход любой операции, а за наиболее важные решения расплачивается жизнью. Вместе со многими самурайскими ценностями это представление со временем распространилось на другие слои японского общества и прочно вошло в их жизнь. Именно в эпоху междоусобных войн сложилась характерная для современного японского общества формула лич-

ной ответственности руководителя группы. Впоследствии она распространилась и на рядовых членов группы, отвечающих за то или иное направление групповой деятельности. Те, кто знает об этой особенности японского менталитета, не удивляются сообщениям о самоубийствах сотрудников японских фирм, покончивших с собой из чувства личной ответственности. Такие случаи всё ещё не редкость в современной японской жизни.

В ноябре 2013 года в магазины города Киото попала партия мяса с вредными химическими добавками. За его предпродажную подготовку отвечала компания «Тамба вайн», расположенная в небольшом городке с 70-тысячным населением. Некондиционным мясом никто не отравился, но партия попавших в магазины ростбифов и сосисок составила более двух тонн, и случай получил большую огласку. Двадцать пятого ноября фирма публично принесла извинения и отозвала из розничной торговли всю партию мяса, вернув покупателям деньги. Однако ещё за пять дней до этого, 20 ноября, сотрудник фирмы «Тамба вайн», отвечавший за контроль качества, покончил жизнь самоубийством. В предсмертной записке он написал, что совершил непростительную ошибку.

В последние десятилетия случаев «самоубийства из чувства ответственности» (*сэкинин дзисаи*) становится меньше — сказывается общая гуманизация жизни. В случаях, подобных вышеописанному, японцы чаще попадают на приём к психиатру и пьют антидепрессанты, чем решаются на крайнюю меру. А самым распространённым способом взять ответственность на себя стала добровольная отставка с занимаемой должности. Здесь японская традиция органично вписалась в тенденции современного менеджмента и стала основным способом выхода из кризисных ситуаций. Самый наглядный тому пример — частая смена премьер-министров и их кабинетов в послевоенной Японии, не имеющая аналогов в экономически развитых

странах. За 69 лет (с 1945 по 2014 год) в Японии сменилось 35 глав кабинетов, каждый из которых провёл на этом посту в среднем менее двух лет. Традиционное представление о личной ответственности первого лица, сложившееся в период междоусобных войн XVI века, имеет к этому самое прямое отношение.

Семейная стратегия и тактика

В условиях многолетней борьбы воинских кланов между собой их ближайшая тактическая задача состояла в том, чтобы победить в конкретном противостоянии, а стратегическая — в том, чтобы выжить и сохранить семейную линию. И то, и другое было связано с территориальной экспансией. Такие крупные кланы, как Ода, Миёси, Ходзё, Такэда, хорошо справлялись с тактическими задачами и часто побеждали соседей, но достичь стратегической цели и выжить они в конечном счёте не сумели. Другие, наоборот, время от времени терпели поражения, но всё-таки сохранились и обеспечили выживание своим потомкам. Среди наиболее известных примеров — дома Мори, Токугава, Симадзу, Тёсокабэ и др.

Провинциальные воинские кланы всех уровней сами решали вопросы войны и мира, приобретений и потерь, жизни и смерти. В таких условиях нападение на ослабевшего соседа стало первой заповедью любого успешного военачальника. Если глава соседнего клана умирал от болезни или погибал на поле боя в молодом возрасте, когда наследник ещё не подрос, семья подвергалась большому риску. Соседи, если только они не были давними союзниками, не упускали своего шанса и незамедлительно атаковали владения ослабевшего хозяина. А если состояли в союзе, то брали его под свою защиту, не очень отличав-

шуюся от захвата. По этой причине в эпоху междоусобиц в военных домах сложился определённый алгоритм наследования. Идеальным считался вариант, при котором отец в 40—45 лет назначал преемником своего старшего сына и передавал ему управление делами семьи. Но при этом оставался фактическим хозяином положения, а сын состоял при нём и на практике постигал науку управления. Ближайшее окружение получало время, чтобы привыкнуть к молодому хозяину, и когда отец достигал преклонного возраста, фактическая передача власти проходила спокойно. Воинские дома, которым удавалось придерживаться такого порядка на протяжении нескольких поколений, как правило, добивались успеха.

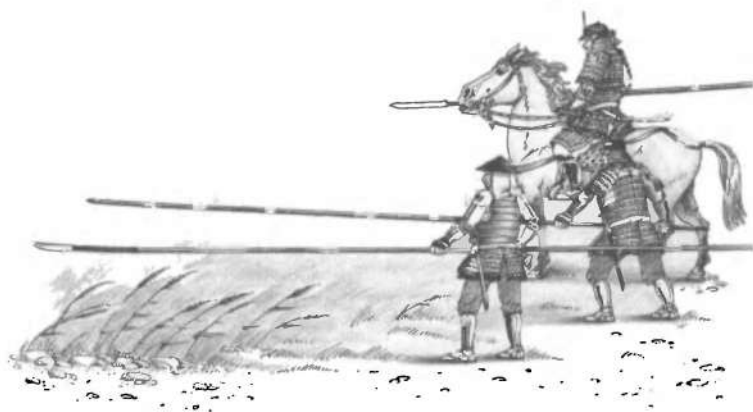
Преждевременная смерть главы клана помимо внешней опасности порождала ещё и внутреннюю — она провоцировала внутренние конфликты, чаще всего между старшим сыном-наследником и младшими братьями главы клана, уже достаточно зрелыми для того, чтобы его возглавить. После таких конфликтов представители проигравшей стороны нередко переходили на службу к соседям и начинали воевать против своих. Соседи, в свою очередь, внимательно отслеживали такие ситуации и не упускали случая переманить на свою сторону кого-либо из недовольных родственников. На этот счёт можно было бы привести десятки примеров.

Воюющие между собой кланы располагали довольно ограниченными ресурсами — лишь самые крупные воинские дома могли выставить на поле боя больше 10 тысяч человек одновременно; в местных же столкновениях обычно участвовало по две-три тысячи воинов с каждой стороны, а во внутрисемейных конфликтах — и того меньше.

Большая раздробленность сил предопределяла роль военных союзов. Они делились на два типа: ближние и удалённые. Ближние союзы заключались между соседями с оборонительной целью, чтобы обеспечить безопасность

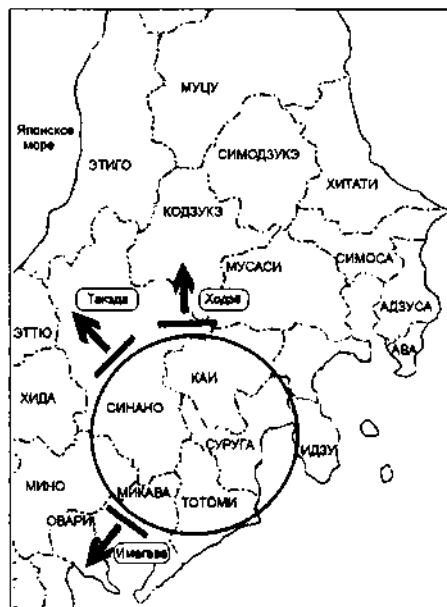
границ на том или ином направлении и избежать войны на два фронта. Как два бойца встают спиной к спине, чтобы защититься от нападения сзади, один клан заключал союз со своим восточным соседом, чтобы напасть на западного, или с южным, чтобы напасть на северного. Или наоборот. В эпоху междоусобиц это был самый распространённый вариант соглашений. Воинские дома Ода и Токугава, Имагава и Ходзё, Адзай и Асакура, Роккаку и Миёси, Ходзё и Датэ — этот список можно долго продолжать. Оборонительные союзы соседей нередко бывали довольно прочными и могли длиться десятилетиями. Пожалуй, самый известный среди них — союз Ода Нобунага и Токугава Изясу, которые поддерживали друг друга 22 года и продолжали бы делать это и дальше, если бы не смерть одного из партнёров.

В оборонительных целях создавались и тройственные союзы, но они встречались намного реже. Здесь самый известный пример — союз Такэда, Ходзё и Имагава, заключённый в 1554 году. Владения этих кланов включали в себя современный район Канто и имели форму треугольника, внутри которого находились сегодняшняя столица Японии и гора Фудзи. Как и все прочие, этот тройственный

Всадник и пехотинцы

союз был скреплён политическими браками и приёмными детьми. Старшая сестра Такэда Сингэн была выдана замуж в дом Имагава, а старшая сестра Имагава Ёсимото — в дом Ходзё. Безопасный тыл позволял каждому из союзников сосредоточиться на своём направлении: Имагава воевал на западном против Мацудайра и Ода (провинции Микава и Овари соответственно), Такэда много лет выяснял отношения с Уэсуги на севере, в провинции Синано, а Ходзё вёл боевые действия на северо-востоке, в Кодзукэ и Симоцукэ. Но чем больше участников, тем больше интересов, а значит, и выше вероятность их столкновения. В союзе Такэда — Ходзё — Имагава первые трения появились через шесть лет, а ещё через восемь, в 1568 году, он распался: Имагава сблизился с Уэсуги, многолетним противником Такэда, который почувствовал в этом угрозу и напал на бывшего союзника.

Тройственный союз Имагава —
Такэда — Ходзё

В отличие от близких союзов удалённые имели агрессивный характер — они заключались для нападения на того, кто оказывался между двумя договаривающимися сторонами. Самые известные примеры: Ода из Овари и Адзай из Оми против расположенной между ними провинции Мино во главе с Сайто Тацуоки. Такие же соглашения заключил Такэда Сингэн с храмом Исияма-хонган, домами Мори, Адзай и Асакура про-

тив Ода Нобунага; этот многосторонний союз превратился в коалицию. Имагава после разрыва отношений с Такэда создал направленный против него союз с Уэсуги, чьи владения располагались за спиной Такэда.

Удалённые союзы часто оказывались краткосрочными и утрачивали актуальность сразу после достижения цели, ради

которой создавались. Их агрессивная направленность оборачивалась слабостью в ситуации, когда один из союзников подвергался нападению, поскольку его партнёр мог находиться в дружеских отношениях с третьим участником и в этом случае вставал перед нелёгким выбором, кого ему поддерживать. Такие ситуации возникали довольно часто. Например, после нападения Ода Нобунага на клан Асакура главе дома Адзай, дружившему с обоими, пришлось делать трудный выбор, результатом которого стала гибель всей семьи.

Тактика, которой придерживались японские военачальники эпохи междоусобиц, не содержала ничего принципиально нового по сравнению с войнами Древнего мира. В Японию она попала непосредственно из Китая и имела китайские названия; то же самое относится и к военным союзам⁵.

*Удалённый союз Ода и Адзай
против Сайто*

⁵ Энко кинко (токи то мадзивари тикаки о сэмэру, «договор с дальним, нападение на ближнего»).

Субъектом союзного договора выступал глава воинского клана, но все приготовления, в том числе предварительные переговоры и подготовку итогового документа, осуществляли его доверенные лица (*торицугу*). Это были люди из его ближайшего окружения, знавшие воинский этикет и владевшие письменным стилем, — военачальники, священники, столичные аристократы. К итоговому документу обязательно прилагалось сопроводительное письмо ответственного переговорщика, тоже составленное по определённым правилам. Без него договор считался недействительным. Сопроводительные письма были обязательны для любого послания, в том числе и для обычного поздравления по случаю военной победы.

Основу союзного договора составляли обычно три-четыре пункта, в которых говорилось о взаимной помощи и ненападении. Текст завершала ритуальная фраза «да постигнет меня кара небесная, если я нарушу клятву» с указанием имени самого почитаемого подписантом божества. Клятву заверяли личной печатью, смоченной в крови. Для этого на деревянную печать наносили несколько капель

Индивидуальная клятва верности

и поклонялся чужеземному богу, Симадзу Ёсихиро (1535–1619) отказался писать для него *кисёмон* по установленной форме. В результате его обязательство было составлено как обычное письмо, без традиционной последней фразы.

Вообще, невзирая на простоту воинских нравов, формальному этикету уделялось чрезвычайно большое внимание. Военачальник, стоявший ниже в табели о рангах, не мог обращаться письменно напрямую к вышестоящему. Писать можно было только равным по статусу или нижестоящим. Примеров тому много. Такэда Кацуёри (1546–1582), когда хотел связаться со своим отцом Такэда Сингэн (1521–1573), писал письмо его советнику Атобэ Кацутада. Точно так же через получателей-посредников общались со своими влиятельными отцами сыновья Мори Мотонари (1497–1571) и Ходзё Удзиясу (1515–1571). Поэтому в современной литературе ссылки на личную переписку того времени выглядят так: «в письме такого-то автора от такого-то числа, адресованном такому-то адресату для такого-то военачальника, говорится, что...»

Боевые реалии

Традиция человеческих жертвоприношений существовала во всех древних цивилизациях, от Индии до Центральной Америки. Пожертвовать жизнью одного из своих членов ради выживания остальных во все века считалось делом благородным и абсолютно оправданным. И чем чище и невиннее была жертва, тем больше она ценилась и людьми, и богами. Японцы довольно рано отказались от ритуальных жертвоприношений, но система заложничества в Средние века процветала, а междоусобные войны превратили её в один из главных инструментов междоговорных отношений.

В крестьянских общинах, составлявших большую часть населения страны, все конфликты разрешались с применением принципа групповой ответственности. Например, если житель одной деревни грабил, убивал или калечил жителя другой, то примирение достигалось выдачей виновного пострадавшей стороне, где его наказывали по своим законам. Кроме того, семья нарушителя обычно выдавала пострадавшим кого-либо из самых слабых своих членов — старика или ребёнка. В большинстве случаев пострадавшая сторона принимала заложника (его называли *гэсюнин* или *гэсинин*) и через некоторое время возвращала обратно целым и невредимым. Отправкой заложника виновная сторона признавала факт нанесения ущерба и гарантировала примирение. Но если возникала угроза возобновления конфликта, то заложника вполне могли убить.

Если же преступник скрывался и наказать его не удавалось, то вместо него семья или община выдавала пострадавшей стороне одного или двух его родственников, чаще всего жену и ребёнка (их называли *мигавари*, буквально «заместитель»). Европейских миссионеров очень удивляло, что в Японии детей активно использовали в разрешении взрослых конфликтов. В воинских семьях их с 10-летнего возраста уже разрешалось отправлять в качестве парламентариев и одновременно заложников, чего никогда не практиковалось в Европе (Фройс, 1977). Отчасти этому обычаю способствовала средневековая японская норма, в соответствии с которой несовершеннолетние дети, женщины и старики не считались полноценными членами общества — они не могли занимать никаких формальных должностей и не несли личной ответственности за свои поступки. Эти три категории обособлялись в основной массе населения и считались своего рода прослойкой между обычными людьми и богами, которых на картинах как раз и изображали в облике стариков, женщин и детей. По этой же причине их использовали

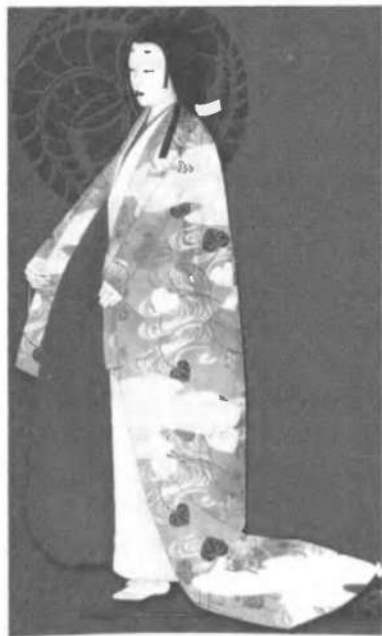
в качестве заложников — по сравнению с простым смертным жизнь приближённого к богам человека считалась более весомой гарантией и придавала клятве сакральный оттенок, возвышавший её над бренным миром. На основе этих представлений сложилась практика, в соответствии с которой заложниками чаще всего становились ближайшие родственники главы клана из числа социально недееспособных членов семьи.

Заложничество имело множество форм и использовалось в самых разных целях. Помимо добровольной отправки заложников широко практиковался их насильственный захват. В эпоху, когда боевые действия являлись одним из главных занятий для большинства населения, этот приём считался особенно действенным. В дневниковых записях придворного аристократа Кудзё Масамото (1445–1516) содержится описание событий местной жизни в провинции Идзуми. По данным источника, с 1501 по 1504 год в этой маленькой провинции произошло 13 случаев захвата заложников. В большинстве случаев объектом похищений становились крестьяне и торговцы, обычно в сезон сбора урожая и сдачи риса, а в нападениях чаще всего участвовали вассалы правящего в провинции дома Хосокава и монахи крупного храма Нэгоро (Фудзики, 2008). Заложников содержали в плетёных бамбуковых корзинах, связанными по рукам и ногам, так же как арестованных преступников. В большинстве случаев они возвращались живыми после выполнения выдвинутых требований, но в случае побега и поимки заложников могли убить.

Воинское сословие придерживалось таких же социальных норм и установлений. Воевавшие между собой кланы обменивались заложниками в нескольких стандартных ситуациях. Во-первых, при капитуляции в обмен на сохранение жизни всем оставшимся — для гарантии, что проигравшая сторона не возобновит войну. Во-вторых, при заключении союзного договора или принятии вассала-

литета — как обещание выполнять оговорённые условия. Политические браки между детьми договаривающихся военачальников представляли собой более мягкую разновидность заложничества с использованием кровнородственных связей — рождавшиеся в таких браках дети дополнительно скрепляли отношения сторон. В политических браках в залог тоже отдавалась жизнь более слабого, в данном случае женщины. Мягкость этой формы заложничества состояла в том, что дочери военачальников имели в чужом доме высокий статус хозяйки, а в случае разрыва отношений их не убивали, а возвращали в отчий дом, в то время как формальных заложников в таких случаях казнили.

В истории междоусобных войн было немало примеров, когда политические браки оказывались самым действенным фактором, решавшим судьбу альянсов и обширных землевладений. Не сумев одолеть Токугава Иэясу в прямом столкновении, Тоётоми Хидэеси едва ли не насильно женил его на своей сестре и тем самым вынудил принять вассалитет. Ода Нобунага сначала породнился с Адзай Нагамаса, отдав ему в жёны младшую сестру Оити, а затем с его помощью завоевал провинцию Мино. Если отец или брат отданной замуж женщины начинали воевать с её мужем, то обычно её разлучали с детьми — сама

Знатная женщина XVI века

она возвращалась в отчий дом, а дети оставались с отцом. Потерпев поражение, глава клана совершал самоубийство, и члены семьи, в том числе дети, как правило, разделяли его судьбу.

В эпоху междоусобиц жизнь заложников зависела от того, насколько добросовестно их гарант выполнял взятые на себя обязательства. По разным причинам гаранты часто меняли свои решения, и тогда заложники погибали. Иногда ими жертвовали вынужденно, в силу обстоятельств, иногда — сознательно. С июня 1578 года по январь 1580 года Тоётоми (в то время Хасиба) Хидэеси вёл трудную осаду замка Мики в провинции Харима. Вступив в тайную переписку с Накамура Тюгоро, одним из защищавших замок командиров, Хидэеси склонил его к измене. Тюгоро пообещал в нужный момент открыть главные ворота и в подтверждение своих слов отправил к Хидэеси родную дочь. В условленное время ворота замка открылись, и нападавшие бросились на штурм, но попали в засаду и были уничтожены. С самого начала Тюгоро вёл двойную игру, чтобы заманить людей Хидэеси в ловушку, и ради этого пожертвовал собственной дочерью. Девушка была казнена.

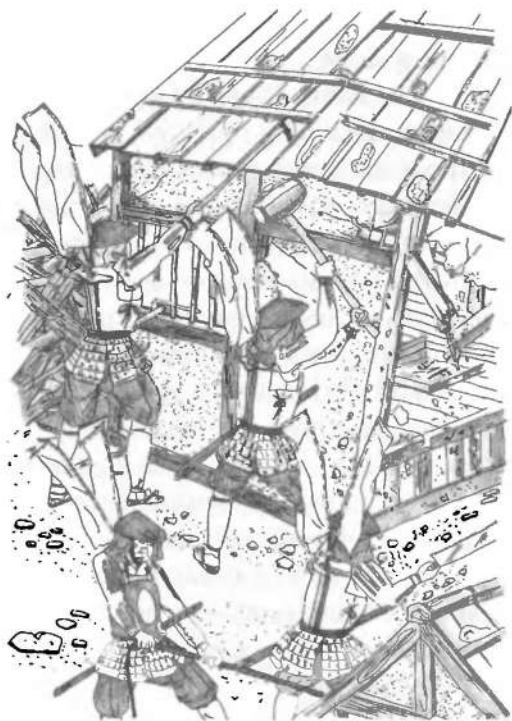
Осенью 1582 года Ода Нобутака, третий сын Нобунага, выступил против Хидэеси, но потерпел поражение и капитулировал. Его мать и дочь были отправлены к победителю в качестве заложниц. Однако уже весной следующего года Нобутака нарушил клятву и снова поднял оружие против Хидэеси, на этот раз в союзе с Сибата Кацуиз. Чем подписал смертный приговор своей матери — её казнили на кресте. О судьбе дочери сведений не сохранилось. Со смертью на кресте женщине ещё повезло, поскольку в то время заложников было принято казнить самыми лучшими способами — специально, чтобы удержать гаранта от измены. Обычно осуждённого привязывали к кресту и медленно протыкали снизу копьём от ягодиц до горла. Эта

казнь (*кусидзаси*, буквально «нанизать на шампур») применялась в Японии со времён эпохи Хэйан и считалась самой жестокой разновидностью смерти на кресте. Таким способом Имагава Удзидзанэ (1538–1615) в 1560 году казнил одиннадцать заложников, чтобы удержать Токугава Иэясу от разрыва отношений с его семьёй. В то время 17-летняя жена Иэясу и его новорождённый сын находились в руках Удзидзанэ, и в случае его измены их казнили бы таким же способом.

Во время бунтов и боевых действий широко практиковался прямой «коммерческий» захват заложников. В дальних походах и на чужих землях захватчики вообще не церемонились — деревни грабили и сжигали, домашний скот, имущество и продовольствие забирали с собой. Мобилизованные крестьяне даже рис на корню с чужих полей собирали, а дома местных жителей разбирали на строительство укреплений. Живые рабочие руки представляли собой универсальную и при этом самую доступную ценность, поэтому на людей велась самая настоящая охота. Особенно большой удачей считалось захватить в плен состоятельного купца, квартального городского или деревенского старосту и прочих зажиточных граждан — за них с родственников можно было получить хороший выкуп. Но это бывало редко, а в основном захватчикам приходилось довольствоваться беднотой, попадавшей в плен десятками и сотнями человек. Военные хроники сообщают о множестве таких фактов. Пленных за небольшие деньги продавали в рабство в соседние провинции: мужчин — на рудники или на полевые работы, женщин — в служанки или проститутки. На острове Кюсю людей часто продавали в Китай или Корею. Европейские миссионеры, сообщавшие о работорговле в своих записках, сами охотно покупали себе рабов, что в разговоре с Хидэёси в 1587 году признал португальский иезуит Гаспар Коэльо (1530–1590). На вопрос Хидэёси, почему они это делают, пастор скромно

ответил: «Так ведь сами японцы предлагают их купить» (Фройс, 1977).

Этим промыслом занимались преимущественно низшие категории воинского сообщества — рядовые крестьяне-пехотинцы и «чернорабочие воины», для которых торговля людьми составляла важную часть боевого дохода. Согласно хронике *Кацуямаки*, на невольничьих рынках минимальная стоимость одного раба составляла 2 *каммон* серебром (на современные деньги около полутора тысяч долларов США). При выкупе заложника родственникам приходилось платить больше — от 2 до 8 *каммон* (Фудзики, 2008). В таких сделках посредниками обычно выступали торговцы, получавшие за содействие свой процент.

Разборка дома

Но это в городе и в более или менее благополучное время. В других обстоятельствах цены на рабов могли сильно меняться. Например, в 1566 году Уэсуги Кэнсин, в то время ещё носивший имя Нагао Кагэтора, взял замок Ода в провинции Хитати. По его распоряжению в при-замковом городе был организован невольничий рынок, на котором с февраля по март того же года шла бойкая торговля захваченными в плен жителями по цене от 20 до 30 *каммон* за человека. Столь высокая норма прибыли объяснялась тем, что свирепствовавший в северо-восточном регионе голод резко сократил местное население, и рабочих рук катастрофически не хватало. Тот факт, что такие известные полководцы, как Такэда Сингэн, Уэсуги Кэнсин, Имагава Ёсимото, совмещали военные подвиги с банальной работоторговлей, особенно не афишируется, и в сегодняшней Японии об этом мало кто знает.

Некоторые крупные полководцы на словах её осуждали и время от времени даже издавали соответствующие распоряжения, но особенно ей не препятствовали. Системное наступление на этот средневековый пережиток первым начал Тоётоми Хидэёси. Получив в июле 1585 года назначение на высокую должность Регента императорского двора (*кампаку*), он весной следующего года письменно запретил продавать людей в рабство. Окончательно этот запрет оформился в государственный документ двумя годами позднее, весной 1588 года. Всех захваченных к тому времени мирных жителей надлежало вернуть по домам, а за торговлю людьми была установлена смертная казнь. Это было уже не первое распоряжение такого рода, поэтому нельзя сказать, что оно получило всеобщее понимание и поддержку — реалии междоусобных войн складывались столетиями, и быстро отменить их было невозможно. Однако наступивший в 1591 году мир постепенно уменьшил общее число мятежей и беспорядков, а вместе с ними и число запрещённых деяний. После прихода к влас-

ти Токугава Иэясу издал собственный указ о запрете работорговли, но прошло ещё немало времени, прежде чем общественные нравы пришли в соответствие с требованиями мирного времени.

В годы междоусобиц массовый захват людей происходил не только в боевых походах, но и во время городских беспорядков, в том числе и в столице. Горожане, в том числе и купцы, уже имевшие опыт посредничества в сделках с живым товаром, сами или через наёмников похищали сограждан, а затем с выгодой продавали.

В сельской местности тоже регулярно случались набеги и боевые действия, поэтому крестьянские общины принимали свои меры безопасности. Деревенские старо-

Разбой

сты и настоятели храмов заранее заключали с окрестными военачальниками договоры о неприкосновенности своих угодий (*киндзэй*). По условиям соглашений самурайским отрядам запрещалось не только разбойничать на этих землях, но даже заходить на них и останавливаться на ночёвку. За такие гарантии крестьяне и монахи платили военачальникам хорошие отступные, но всё-таки это было лучше, чем грабёж и полное разорение. Гарантийные грамоты с поручительствами местных военачальников обычно вывешивались на приспособленных под объявления деревянных щитах при въезде в деревню или храмовое поселение.

Больше всего страдали от боевых действий крестьяне, жившие на границах провинций, которые управлялись разными кланами. Вражда и боевые действия между ними могли длиться годами и даже десятилетиями, поэтому в таких уездах старосты заключали соглашения с обеими воюющими сторонами. В обмен на неприкосновенность полей и жилищ крестьяне поставляли рисовый оброк (*нэнгу*) и тем, и другим. Такие соглашения назывались словом *хантэ* («половина руки») и давали больше шансов на спокойную жизнь, поскольку военачальники в таких случаях тоже договаривались между собой. Если же враг приходил издалека и никаких договорённостей с ним не существовало, то единственным способом избежать тотального уничтожения оставалось собрать большой выкуп, сопоставимый с доходом захватчиков от разорения деревни. Такие случаи тоже были.

Кроме мирных способов самозащиты существовали и военные. Каждая деревня, каждый храм имели собственные вооружённые силы, составленные из мужчин молодого и среднего возраста. Воевали в основном с соседями, а против самурайских отрядов выходили редко — когда поблизости случалось крупное сражение. Такие вылазки назывались «охотой на побеждённых» (*отидокари* или *отибусакари*) и представляли собой одну из форм маро-

дёрства. «Охотой» занимались не только сельские, но и городские жители. Нападая на остатки отрядов, проигравших сражение и бежавших с поля боя, крестьяне людей убивали, а себе забирали оружие, лошадей, доспехи и другие материальные ценности. Если среди убитых попадались командиры, то за их головы можно было получить хорошие деньги от победителя, поэтому их тоже с собой прихватывали. После боёв не только в деревнях, но и в городах часто бывали погромы, жертвами которых становились случайные люди, которых принимали за сторонников проигравших.

Перед нашествием крупного войска или началом вооружённого мятежа жители городов и деревень бежали в леса и горы. Бегство в горы называлось словом *яманобори*, которое существует в современном языке и сегодня — так в Японии называют популярные у населения оздоровительно-любительские восхождения по горным тропам.

Крестьянин-пехотинец

Покидая дома, жители забирали с собой лишь самое ценное, что могли унести, а остальное закапывали в землю и маскировали, чтобы противник не мог обнаружить. Под жилыми домами погреба не копали, потому что если дом сгорал, то их заваливало обломками. Да и мародёры легко обнаруживали такие схроны. А вот выкопанную в лесу и хорошо замаскированную яму найти было труднее. Соседи по кварталу часто делали это общими усилиями; некоторые даже строили в каком-нибудь глухом углу рассчитанные на оборону мини-укрепления, обнесённые насыпью и бамбуковой изгородью, а в деревнях специальные наставники писали для крестьян руководства, как следует укрывать имущество при срочном бегстве.

Как часто это происходило? В первой половине XVI века на границе провинций Идзуми и Кии несколько лет шла война между военным губернатором Хосокава, с одной стороны, и вооружёнными отрядами храма Нэгоро и так называемых «людей из Сайка» (*сайкасю*)⁶ — с другой. Согласно местной хронике, расположенные в зоне конфликта четыре деревни подвергались нашествию с той или иной стороны в среднем раз в два месяца, и каждый раз их жители покидали свои дома (Фудзики, 2008).

В некоторых местностях жители перед уходом из деревни готовили противнику неприятные сюрпризы, сливая, например, в колодцы нечистоты в расчёте на массовую дизентерию. Командиры об этом знали, поэтому запрещали подчинённым брать воду из колодцев на захваченных территориях. Но если реки поблизости не было, то волей-неволей приходилось рисковать. В таких случаях воду предварительно обеззараживали, опуская в неё мешочек с косточками абрикоса. При такой дезинфекции более или менее пригодным к употреблению становился только самый верхний слой воды, и то без гарантии.

⁶ Самоуправляемая местность в провинции Кии.

Перед походом

В годы междоусобиц основу любого войска составляли рядовые самураи и крестьяне-пехотинцы. Различия между ними легко определялись даже на глаз: крестьяне не имели полноценных доспехов и шлемов (вместо них соломенные зонтики-шляпы), не могли воевать верхом и быть знаменосцами. По крайней мере такие правила существовали в армиях Такэда и Ходзэ. Тем, кто не имел собственного оружия, его выдавали на время из запасов вышестоящего командира, поэтому крупные военачальники хранили в домашних замках запасные арсеналы. Например, воинский дом Ходзэ в 1569 году имел на складах запас в 500 единиц огнестрельного оружия для раздачи набранным по деревням пехотинцам (Сэнрюку, 2011).

Часть крестьян участвовали в боевых действиях постоянно, а часть привлекались только при всеобщей мобилизации. В менее заселённых и удалённых от центра провинциях на западе и востоке страны такие мобилизации объявлялись гораздо чаще. В семейных хрониках Мори, Уэсуги, Такэда, Ходзэ содержится много упоминаний о сборе всего мужского населения в возрасте от 15 до 60 лет. В эпоху междоусобиц численность войска оставалась главным фактором победы, что нашло своё отражение в популярной пословице того времени, по смыслу противоположной известному выражению Александра Суворова, — *хэй оки га кацу* («армия побеждает числом»). Существенного превосходства в живой силе можно было добиться только за счёт массового набора крестьян, и этот фактор играл решающую роль в организации боевых действий, включая выбор времени и сроков их проведения.

Мобилизации мужского населения в тёплое время года опустошали деревни и срывали полевые работы, поэтому в период посевной и уборки урожая крестьян к боевым действиям старались не привлекать. В более тёплой запад-

ной части страны снимали по два урожая в год, что сокращало время привлечения крестьян к боевым действиям до трёх-четырёх месяцев в году. Но зимой резко возрастали расходы на походное содержание армии (тёплая одежда, дрова, строительство временных сооружений и т. п.), поэтому в зимние месяцы здесь старались не воевать.

Но так было не везде. Приведём только один пример, показывающий влияние природных условий на выбор времени для ведения боевых действий. В провинции Этидзэн (современная префектура Ниигата, которую в Японии и сегодня называют «снежной страной») в силу более холодного климата снимали только один урожай в год; снег здесь выпадал в конце осени и лежал до самой весны. Население провинции, разбросанное по маленьким горным деревушкам, зимой хронически голодало: при одном урожае в год никаким героическим трудом в летние месяцы создать на зиму достаточных запасов еды было невозможно. Как и сегодня, конец зимы и весна были самым тяжёлым временем, когда смертность от болезней и постоянного недоедания резко возрастала. Поэтому каждый год после сбора урожая мужчины из горных селений спускались в долины и промышляли кто чем мог — занимались отходным промыслом, нанимались на любую работу, а то и просто выходили грабить на большую дорогу. Для таких людей наём в войско местного правителя в зимнее время был самым желательным вариантом. Во-первых, они переходили на казённое довольствие, тем самым избавляя свои семьи от лишнего рта, а во-вторых, получали возможность заработать, пограбив на чужой территории.

С учётом этой потребности правивший провинцией клан Уэсути начал практиковать военные походы против соседей в зимнее время. В этом случае глубокие снега, накрывавшие провинцию, становились его союзником. Провинция Этиго граничила с владениями сильных кла-

нов Ходзэ и Такэда, с которыми дом Уэсуги вёл многолетнее соперничество, поэтому любой поход в одном направлении был чреват нападением с другого. Соседи отслеживали перемещения друг друга и не упускали случая совершить набег на чужую территорию в отсутствие хозяина. Уходя в зимний поход, Уэсуги Кэнсин мог быть уверен, что непроходимые снега не позволят соседним кланам воспользоваться его отсутствием.

От расположенной южнее плодородной равнины Канто его провинцию отделял горный хребет⁷, служивший погодноклиматическим рубежом, и это тоже имело значение. Когда в Этиго выпадал первый снег, в Канто ещё шла уборка урожая, что сулило нападавшим богатую добычу. Этот горный хребет, кстати, остаётся и сегодня таким же погодным рубежом в зимнее время: курсирующий между Токио и Ниигатой скоростной экспресс «Синкансэн» входит в 11-километровый тоннель Канъэцу с южной стороны под лучами яркого солнца на фоне голубого неба без единого облачка, а через три минуты вылетает из него в снегопад, исторгаемый низко нависшим небом свинцового цвета. Этот погодный контраст производит большое впечатление на иностранцев, впервые приезжающих на лыжные курорты в районе Юдзава. Сохранившиеся датировки 26 военных походов Уэсуги Кэнсин в соседние провинции показывают, что больше половины из них были совершены именно в зимнее время, по графику осень — весна (Фудзики, 2008).

Сроки предстоящего похода обычно определялись заранее, а выбор конкретной даты обставлялся рядом обязательных процедур. Ближайшими советниками главы дома в этом вопросе выступали его начальник штаба (*гунси* или *гункан*, буквально «военный наставник») и синтоистский священник-предсказатель (*китоси*). С помощью специальных гадательных палочек *гунси* определял оптимальный

⁷ Один из отрогов Северных Японских Альп.

день для начала похода, а затем посещал местный храм и получал от него прогноз на выбранный день. Затем он сверялся с предсказанием штатного священника, и если воля неба оказывалась благоприятной, то дата представлялась на утверждение главному военачальнику. При наличии негативных моментов дату либо пересматривали, либо «очищали» от плохой кармы ритуальным выстрелом из лука в исполнении того же *гунси* или *китоси*. Стрела в этом случае направлялась в сторону будущего противника. Некоторые даты считались однозначно несчастливыми для начала похода — в эти дни влияние тёмных сил было невозможно преодолеть никаким ритуалом, поэтому походы на них не назначались. Они равномерно распределялись по сезонам: весной — седьмое, четырнадцатое и двадцать первое числа каждого месяца; летом — восьмое, шестнадцатое и двадцать четвёртое; осенью — девятое, восемнадцатое и двадцать седьмое; зимой — десятое, двадцать первое и тридцатое числа. Кроме того, во многих воинских домах существовали и свои собственные неблагоприятные числа, которые тоже принимали во внимание.

Определившись с датой, военачальник издавал соответствующий приказ (*дзимбурэ*) и доводил его до подчинённых. Тех, кто жил поблизости, извещали ударами в большой колокол, барабанным боем или морскими раковинами. К удалённым поселениям отправлялись пешие или конные гонцы. Оповещение проходило в алфавитном порядке, по заранее заготовленным спискам. Обычно в мобилизационном предписании скрупулёзно перечислялось всё, что воин должен был иметь при себе: доспехи, оружие, боеприпасы, лошади, провиант и т. д. Сельским старостам предписывалось проследить, чтобы подопечные крестьяне не забыли взять с собой всё необходимое, от соломенной шляпы до нескольких пар сандалий (на каждый день, походных, боевых и т. д.). Одним из самых подробных документов такого рода считается предпи-

сание, разосланное вассалам и союзникам дома Ходзё в 1591 году перед сражением с Тоётоми Хидэёси. Помимо всего прочего оно содержало подробный перечень форм и размеров шлемовых украшений (*татэмоно*) и боевых наспинных флагов (*сасимоно*).

Три основные части, из которых состояло любое японское войско, оставались неизменными в течение многих веков. Первую составляли близкие и дальние родственники главы клана, вторую — его вассалы, третью — добровольно примкнувшие союзники. По степени благонадёжности они следовали именно в таком порядке. Вассалы и союзники давали главе клана подписанную кровью клятву верности, но, несмотря на это, часто изменяли, особенно вторые. Строго говоря, абсолютной верности не приходилось ожидать ни от кого, в том числе и от родствен-

Командир отряда

ников, — изменить мог кто угодно, но всё-таки члены семьи делали это реже, чем вассалы, а вассалы — реже, чем союзники. Сведениями об изменах буквально переполнены военные хроники начиная с эпохи Нара. В древности эти группы назывались *дзюруй* (родственники), *сёмон* (вассалы) и *ханруй* (союзники), но со временем единоеобразие в обозначениях было утрачено.

Рядовые самураи и мобилизованные крестьяне относились к союзникам низшего ранга. Кроме них в боевых походах участвовали представители широких народных масс самого разного происхождения: купцы и сельские старосты, зажиточные горожане и селяне, а также монахи. Некоторые из них были экипированы не хуже самураев, сражались верхом и могли командовать отдельными отрядами. Все затраты по доставке оружия, продовольствия и других грузов к месту общего сбора ложились на плечи командиров низшего и среднего звена, а они собирали средства с крестьян на подконтрольных территориях. Нормативы по части воинской повинности в разное время и в разных местах сильно различались. Например, согласно податным росписям 1185 года, Минамото Ёритомо определял сельским старостам норму сбора в 5 *сё*⁸ риса с одного *тамбу*⁹ посевной площади. В привычных для нас единицах это составляло около 14 кг риса с каждых 11 соток земли. В Средние века норму воинской повинности стали рассчитывать в денежном эквиваленте, и судить о ней можно по устойчивому выражению того времени *хяккан икки* («сто *каммон* — один всадник»). Это означало, что с каждых ста *каммон* дохода подчинённый должен был выставить одного полностью экипированного конного воина. Сам по себе всадник — это элитная боевая единица, ему полагалась свита как минимум из четырёх человек: охранник-адъютант, оруженосец,

⁸ Один *сё* = 1,8 л (1,5 кг).

⁹ Один *тамбу* = 1134 квадратных метра.

интендант и конюх. Впрочем, в разных кланах эти нормы могли сильно различаться. Например, в XVI веке клан Ходзё с каждых 50 *каммон* дохода требовал предоставить одного всадника в сопровождении знаменосца, аркебузира и двух копьеносцев. Со временем из-за отсутствия единой системы денежных единиц воинскую повинность снова начали рассчитывать в мерах риса, приравняв 1 *каммон* серебра к 5 *коку* (750 кг) риса.

На начальном этапе сборов эти расходы ложились на плечи командиров низшего и среднего звена, но по прибытии к месту назначения они компенсировались главным военачальником. В срочных случаях, когда времени на подготовку всего необходимого не хватало, войско от-

Молитва

правлялось в поход с минимальными запасами, а интендантская служба получала приказ в кратчайшие сроки заготовить провиант и догонять основные силы. В таких ситуациях исход всей операции во многом зависел от того, насколько быстро и чётко она действовала. Правда, в хрониках имена начальников тылового обеспечения почти никогда не указывались — все победы и поражения записывались на счёт главного полководца.

За долгие годы сражений переменчивая воинская удача научила самураев уважительно относиться к разного рода знакам и приметам, поэтому перед каждым походом исполнялся специальный ритуал, призванный обеспечить благосклонность неба и отвести неудачу. Он начинался ещё дома, где каждый идущий на войну индивидуально совершал определённые процедуры, и продолжался на месте общего сбора, непосредственно перед отправлением. Главным действующим лицом выступал здесь главнокомандующий. Предпоходный ритуал совершался перед воротами его замка или в главном местном святилище. Церемониальная площадка заранее обносилась воткнутыми в землю шестами и обтягивалась материей, отгораживаясь таким образом от остального невоенного мира.

Центральное место в череде ритуальных действий занимало «тройное подношение» (*сангон но ги*). Главнокомандующий усаживался перед собравшимися лицом к югу, за его спиной выстраивались ближайшие соратники. Перед ним ставили переносной столик, и три помощника поочерёдно подавали ему пиалы с морским моллюском *аваби*¹⁰, каштанами и морской капустой. Выбор блюд объяснялся их японскими названиями — каждое состояло из двух иероглифов, первые компоненты которых составляли последовательность смыслов «удар» (*ути*), «победа» (*кати*), «радость» (*ёрокоби*). О том, чтобы события раз-

¹⁰ Морское ушко.

вивались именно в таком порядке, молились священники, и главный военачальник им в этом помогал. Во время исполнения процедуры было множество мелких, но чрезвычайно важных деталей. Например, число каштанов во второй и число листиков морской капусты в третьей пиале должно было равняться трём или пяти. Отведав поднесённое блюдо, военачальник выпивал чашку *сакэ*. Всего получалось три блюда, три чашки. Все движения вассалов в ходе процедуры — медленные, торжественные и отточенные — были тщательно выверены и отрепетированы, любое отклонение считалось плохим предзнаменованием. По возвращении из успешного похода церемония *сангон но ги* повторялась, но уже в другом порядке: первыми подносились каштаны (*кати*, «победа»), затем моллюск (*ути*, «дом») и, наконец, морская капуста (*ёрокоби*, «радость»). По сравнению с первым разом компоненты «радость» и «победа» оставались без изменений, а иероглиф *ути* «удар» менялся на отличный по начертанию, но одина-

Тройное подношение

ковый по звучанию иероглиф «дом». Со временем обряд «тройного подношения» широко распространился среди населения и утратил свой военно-походный смысл — его стали проводить перед дальними путешествиями, серьезными делами, а также по праздникам.

Предпоходный ритуал должен был исполняться в условиях полной телесной чистоты и здоровья, поэтому на него не допускались больные или раненые — считалось, что их присутствие может навлечь болезни, ранения, смерть. В запретную категорию попадали также женщины, родившие ребёнка в течение последних 33 дней перед ритуалом или в период менструаций. Накануне похода с женщинами вообще было связано много запретов. Например, им не разрешалось прикасаться к оружию или доспехам воина, равно как и к нему самому (половое воздержание). Все эти правила вступали в силу сразу после приказа о военном походе.

В воинском варианте предпоходный ритуал должен был исполняться с непокрытой головой, а после его окончания главнокомандующий вставал и надевал шлем. В левую руку ему подавали лук, в правую — боевой веер. Полностью его раскрыв, он широко расставлял ноги коленями наружу, делал глубокий полуприсед (сегодня это стандартная стойка борцов *сумо* перед началом схватки) и бросал войску призывный клич *ээ-ээ-ээ-й*. Воины отвечали ему дружным *оо-оо-оо*, демонстрируя полную боеготовность и силу духа. Некоторые полководцы, облачившись в доспехи, тут же обрезают концы шнура, стягивавшего нагрудные пластины. После этого развязать шнуровку было невозможно — только разрезать. Это означало, что главнокомандующий не может больше снимать и надевать доспехи, то есть готов биться до победного конца. Последним актом церемонии он возлагал к святилищу ветку священного дерева *сакаки*¹¹ и возносил молитву о воинской удаче.

¹¹ Клейера японская, синтоистское священное дерево.

На этом предпоходный ритуал заканчивался, и войско отправлялось в путь. Перед главными воротами клали нож остриём к выходу, через который старший командир должен был переступить. Это гарантировало безопасность замка в его отсутствие. Первые движения всадников также регламентировались ритуалом. В уставе воинского дома Имагава (*Имагава одзоси*) говорилось: «Садясь в седло, воин должен обратить коня головой к востоку и сделать на лошади три левых оборота, не пользуясь поводьями» (Сасама, 2014).

Стороны света имели для японцев большое значение, и с ними было связано множество суеверий и воинских привычек. Прежде всего они делились на дружественные

Предпоходный боевой клич

человеку юг и восток и враждебные север и запад. По этой причине дома в деревнях ставили в ряд с востока на запад, а вход или главные ворота в них выходили только на юг. В крупных усадьбах внутренний двор планировался так, чтобы боковые ворота были обращены не на запад, а на восток. Первый шаг лошади, с которого начинался военный поход, тоже полагалось делать только в южном или восточном направлении. Эти представления распространялись и на посмертный ритуал: погибших хоронили головой к северу, а трофейные головы противника закапывали севернее того места, где проходила церемония их идентификации. Предубеждённое отношение к северному направлению, вероятнее всего, пришло в Японию из Китая, где юг издавна ассоциировался с активно-позитивным, а север — с пассивно-негативным началом в жизни человека. Не исключено, что со временем японцы могли найти подтверждение заимствованному представлению в реалиях собственной жизни. Например, в японской литературе встречается такое объяснение: в Средние века иероглиф «север» имел чтение *нигу*, совпадавшее с одной из форм глагола *нигэру* («бежать, отступать»), поэтому всё связанное с поражением воины как бы переадресовывали противнику. По этой же причине суеверные самураи при хранении доспехов никогда не обращали их передней частью к северу.

Приметы распространялись буквально на всё, что окружало воинов, в том числе и на лошадей. Если перед походом боевой конь проявлял беспокойство и шарахался от людей, это считалось плохим предзнаменованием. Успокоив животное, нужно было нейтрализовать влияние дурных сил и провести обряд очищения *кудзикири* (буквально «девять знаков-сечений»)¹² или прочитать обере-

¹² Аналог крестного знамения в христианстве. По форме — набор вертикальных и горизонтальных движений рукой в воздухе, повторяющих начертание священных иероглифов. По сути — сакральное действие, направленное на нейтрализацию злых сил.

гающую молитву. Неблагоприятных примет было много, поэтому проводить очищающие процедуры приходилось часто. Например, если собака перебежала дорогу перед воинской колонной справа налево, то это считалось хорошим предзнаменованием, а если слева направо, то дурным. Или если стая птиц летела по ходу марша, в сторону противника, то это к удаче, а если навстречу — то опять надо звать священника. Про приметы не забывали даже во время боя. Если раненый конь падал на левый бок, то у всадника оставалась надежда на благоприятный исход, а если на правый — то гораздо хуже. Или если дуга лука переломилась выше захвата, то это ещё не беда, а вот если ниже — то не к добру. И так далее.

В походе

На марше в целях безопасности воинский караван делился на три части: авангард (*маэдзороз*), середина (*накадзороз*) и арьергард (*атодзороз*). В случае нападения на любую из них две остальные имели возможность перегруппироваться и прийти на помощь. Чаще всего с неожиданными нападениями сталкивался авангард, поэтому его командирам предписывалась особая осторожность, особенно на чужой территории. В биографии Тоётоми Хидэёси (*Тайкоки*) говорится о том, что Акэти Мицухидэ в ночь на 2 июня 1582 года по пути в столицу приказал убивать всех крестьян, которые попадались ему на пути, чтобы не оставлять свидетелей своего передвижения. Марш-бросок, от которого зависел успех операции по ликвидации Ода Нобунага, совершался в глубокой тайне, и информация о нём не должна была попасть в столицу раньше времени.

Авангард первым обнаруживал выставленные противником препятствия. В лесной местности это могли быть

засеки из поваленных деревьев, а на речных переправах — вбитые в дно деревянные колья, связанные между собой верёвками (*рангуй*). Если головной отряд обнаруживал такое препятствие, то был вынужден остановиться и восстановить проходимость маршрута; противнику это давало возможность для внезапной атаки. Если же, например, безопасность переправы предварительно не была проверена, то отряд мог наткнуться на *рангуй* уже в воде, и это было ещё хуже. На узких лесных дорогах на пути отряда выкапывались присыпанные сверху землёй волчьи ямы (*могари*) с острыми бамбуковыми кольями на дне.

По своей территории, где можно было не опасаться внезапного нападения, участники похода передвигались налегке, без шлема, доспехов и остальной экипировки. Низкоранговые командиры и рядовые несли всё на себе, а военачальники с годовым доходом более 200 коку риса имели специальных носильщиков-адъютантов. Боевая амуниция складывалась в походный сундук и на плечах носильщика следовала за своим хозяином. У самых крупных военачальников за сохранность большого меча, шлема и доспехов отвечали три разных адъютанта. На должности оруженосцев и хранителей доспехов обычно брали надёжных воинов не юного уже возраста и с боевым опытом, имевших собственных вассалов. На ходу оруженосец нёс меч господина на правом плече, в сидячем положении клал себе на колени, придерживая обеими руками, а когда стоял, мог пристегнуть его к поясу справа. В случае опасности он должен был первым делом защитить оружие господина или быстро его передать, поэтому всегда располагался слева от него. Собственное оружие меченосца (лук или копье) за ним носил его собственный слуга, а меч он всегда имел при себе. В походе крупного военачальника сопровождал также конюх с одной или двумя запасными лошадьми.

Вертикальные флаги (*сасимоно*) появились одновременно с воинским сословием много веков назад. В эпоху

междоусобных войн, когда армии состояли из множества разных отрядов со своими штабами и командирами, особое значение получила сигнальная функция флагов. Каждый командир среднего звена имел адъютанта-знаменосца (*хатасаси*), который должен был всегда находиться рядом с ним и указывать его местонахождение подчинённым. Самое большое в армии знамя принадлежало главнокомандующему и было украшено его фамильным гербом. В походе оно устанавливалось рядом с главным штабом и служило ориентиром для всех подчинённых командиров. Один человек с таким крупным полотнищем справиться не мог, поэтому его перевозили на лошади в сопровождении трёх адъютантов-хранителей.

Во время боя командирское знамя видели не только свои, но и чужие, а поскольку захват головы командира ценился очень высоко, то знаменосцы часто оказывались в центре самых ожесточённых схваток. Хранитель знамени должен был везде следовать за своим начальником, и если он бросался в горячую точку, то *хатасаси* делал то же самое. Флаги имели вертикальную прямоугольную форму и привязывались к бамбуковым шестам длиной полтора-два метра, а шест крепился на спине знаменосца в двух местах — нашитом в наплечники металлическом кольце и на поясе, поэтому руки у него оставались свободными. Вся конструкция весила пять-восемь килограммов и во время боя затрудняла движения знаменосца, особенно в ветреную погоду, когда флаг превращался в парус. Сильным боковым порывом ветра знаменосца вообще могло сбросить с лошади, поэтому помимо отваги и бесстрашия от него требовалась ещё и изрядная физическая сила.

На воинских флагах обычно изображался фамильный герб, какой-либо священный символ или популярный лозунг. Например, на флагах повстанцев Икко, воевавших против Ода Нобунага, был начертан призыв их духовного лидера Коса Кэннэ: *сусумаба одзё гокураку*,

сиридзокаба мугэн дзигоку («вперёд идущих ожидает рай, бегущим — бесконечный ад»). Объявив войну Ода Нобунага, предводитель повстанцев таким образом призвал последователей Учения чистой земли подняться на войну с узурпатором.

Перед началом сражения флаги разворачивались, а в конце — сворачивались. Сигнал к атаке подавался барабанным боем или морскими раковинами¹³, а отступление обычно начиналось спонтанно, без команды, поэтому сворачивание флагов становилось единственным формальным признаком окончания боя. Знаменосцы делали это для того, чтобы не давать ориентиров противнику, который, как правило, начинал преследование проигравшей стороны. Знаменосцы победителей этого не делали, поэтому выражение «свернуть флаги» (*хата о маку*) было синонимичным поражению, а «подъём флагов» (*хатаагэ*) означал начало похода или объявление войны. Впрочем, эти значения остались у них и сегодня.

В военных хрониках эпохи междоусобиц главное место занимают сведения о том, какой командир на каком участке кого победил или кому проиграл, а о причинах этих побед и поражений почти ничего не сообщается. Но ясно одно — для победы требовалась большая и кропотливая подготовка к сражению, предполагавшая слаженную работу всех служб обеспечения. В боевых походах сами сражения занимали абсолютно меньшую часть времени, а большая его часть уходила на разведку, составление плана действий, строительство укреплений, обеспечение провиантом, приготовление пищи и т. п. Вся эта

¹³ Раковины морского моллюска тритонов рог (*хорагаи*) первыми начали использовать буддийские монахи задолго до появления воинского сословия. В горных лесных районах, где обычно строились храмы, с их помощью сообщали о своём приближении и отпугивали диких зверей.

неромантическая черновая работа, выполняемая руками низшего воинского контингента, осталась за рамками дошедших до нас документов. Этих «разнорабочих невидимого фронта» называли по-разному, но чаще других встречаются названия *дзимпу* и *бумару*. На марше они несли на себе грузы, на привале ставили шатры, перед сражением рубили деревья, разбирали дома местных жителей и строили из них укрепления, копали землю, сооружали ограждения и т. д. Этих «разнорабочих войны» нанимали в качестве тягловой силы из низших слоёв, которые ничего не имели и ничего не умели. Многие нанимались добровольно, но если рабочих рук не хватало, то брали в приказном порядке. За набор отвечали сельские старосты, и с ними можно было договориться о замене мобилизации натуральным продуктом, сдав по 6 *го* (около килограмма) риса и 1 *сё* (полтора килограмма) соевых бобов за один рабочий человеко-день.

Земляные работы

Зажиточные селяне могли откупиться от мобилизации продуктами или деньгами, на которые староста нанимал бедняков, бродяг и разбойников, во множестве обитавших в любой местности. Доверия они, конечно, никакого не вызывали, но при надлежащем контроле с обязанностями носильщиков и землекопов вполне справлялись. Эти пары войны в сражениях обычно не участвовали, но в трудных ситуациях им тоже выдавали оружие, самую простую амуницию и выпускали на поле боя. По окончании похода всё полученное нужно было вернуть.

Многие из тех, кто нанимался на черновую работу, имели тёмное прошлое и неопределённое будущее. Жили они впроголодь, и их жизненные планы редко простирались за пределы следующего урожая, до которого ещё нужно было дожить. Для этого были все средства хороши, в том числе и наём в боевой поход в качестве рабочей силы, поскольку он давал возможность практически безнаказанно грабить и мародёрствовать на чужой территории. Как уже говорилось, всё движимое и недвижимое имущество местного населения в районе боевых действий, включая само население, по умолчанию считалось добычей победителей. Захватив в чужой деревне пару-тройку женщин и детей и продав их в рабство, отдельно взятый носильщик-уборщик-землекоп вполне мог обеспечить себе несколько месяцев вольной жизни.

Решения о боевых операциях и тактические планы принимались на военных советах, которые могли проводиться как в помещении, так и под открытым небом. В последнем случае место сбора обтягивали прямоугольными лоскутами белой материи и крепили её на шестах, а позади втыкали в землю флагштоки со знамёнами, указывавшими на состав участников. Заседания военного совета перед крупными операциями могли быть довольно многочисленными. Полный состав участников такого совета указан в приводимой ниже таблице.

**Воинские звания и должности
эпохи междоусобных войн**

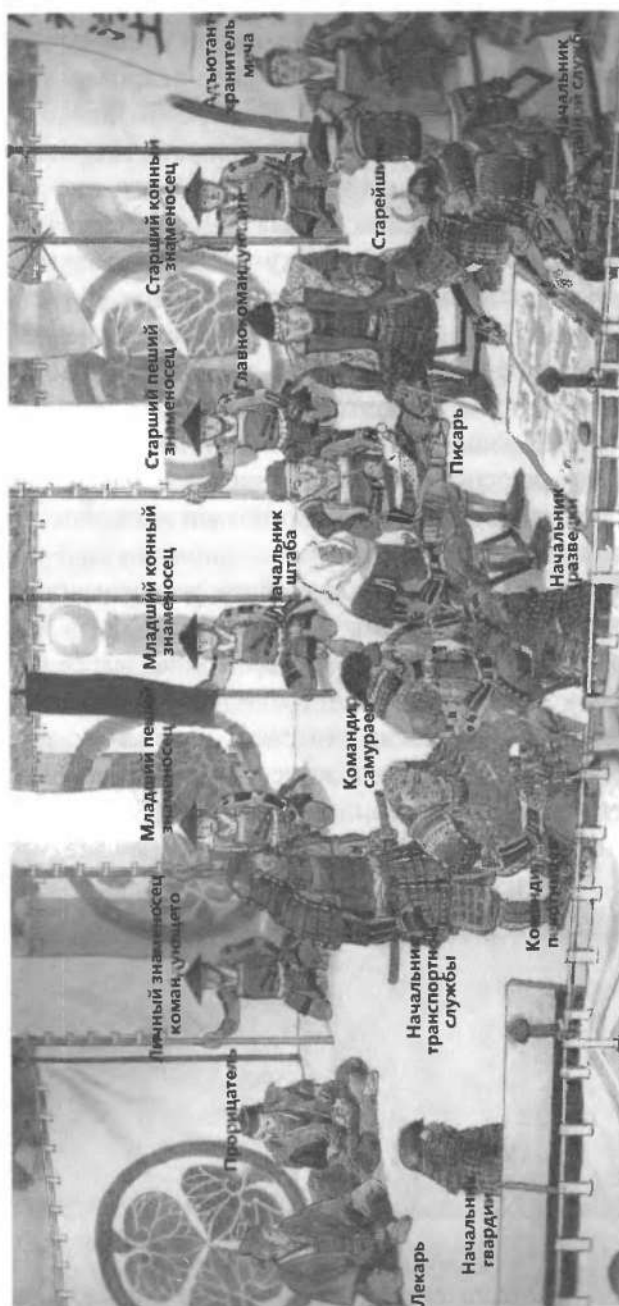
Звание	Должность	Функции
<i>Тайсё</i>	Глава клана или командующий операцией	Общее руководство
<i>Гункан</i> (<i>гунси</i>)	Старший военный советник	Планирование и подготовка операций, командование ими, обучение личного состава
<i>Каро</i>	Старейшина	Советник и личный консультант главы клана, исполнитель важнейших поручений. Мог командовать отдельными операциями
<i>Самурай дайсё</i>	Начальник самурайской части войска	Общее руководство всеми самурайскими отрядами
<i>Асигару дайсё</i>	Начальник несамурайской части войска	Общее руководство пехотинцами, набранными из крестьян
<i>Мэцукэ</i> (<i>гунмэцукэ</i>)	Начальник тайной службы	Надзор за личным составом
<i>Мономи банто</i>	Начальник разведки	Сбор информации о противнике
<i>Рёмацу бугё</i>	Старший интендант	Снабжение войска фуражом и продовольствием
<i>Конида бугё</i>	Начальник транспортной службы	Доставка боеприпасов, амуниции и продовольствия
<i>Юхицу</i>	Штабной писарь	Написание и рассылка документов

Звание	Должность	Функции
<i>Татимоти</i>	Личный адъютант-меченосец	Хранение и переноска большого меча главы клана или командующего операцией
<i>Оумадзирисимоти</i>	Хранитель большого знамени	Хранение и перевозка личного знамени главнокомандующего
<i>Коумадзируси</i>	Хранитель малого знамени	Хранение и перевозка малого знамени, которое должно было находиться рядом с командующим текущей операцией
<i>Хондзин но хатамоти</i>	Хранитель общевойсковой знамени	Хранение и перевозка знамени штаба (полевой ставки)
<i>Хатасаси</i>	Знаменосцы отрядных командиров	Хранение и перевозка именных знамён командиров-вассалов и командиров-союзников
<i>Китоси</i>	Синтоистские священники	Астрология, гадание, воинский и религиозный церемониал. Личного оружия не имели
<i>Якуси</i>	Лекари	Приготовление снадобий и обработка ран. Личного оружия не имели
<i>Хатамото</i>	«Подзнамённые», союзники среднего ранга	Не состояли в родстве с главой клана и не были его вассалами, воевали на договорной основе
<i>Цукаибан</i>	Курьеры	Обеспечение связи между ставкой и командирами отрядов

На раннем этапе становления воинского сословия военные советы обычно проходили в походах, под открытым небом. Образ руководящего органа настолько за ними закрепился, что первое военное правительство, учреждённое в 1192 году, по традиции продолжали называть полевой ставкой (*бакуфу*). Это название закрепилось, и в течение семи столетий, пока страной правили самураи, их главный административный орган называли словом *бакуфу*.

Главным источником информации, на основе которой составлялись оперативные планы, служили наблюдатели и разведчики (*мономи*), следившие за действиями противника. Первые занимали позицию в пределах дислокации своего войска, а вторые выдвигались на нейтральную территорию или в зону расположения вражеских частей. Кроме разведчиков-самураев командиры пользовались услугами вольнонаёмных гражданских лиц, никому постоянно не служивших и потому неизвестных разведке противника. Их нанимали временно, для выполнения одного-двух заданий, после чего они возвращались по домам и продолжали жить обычной жизнью. В разных провинциях их называли по-разному, одно из самых известных названий — *камари*. Этих наблюдателей-шпионов не следует путать с широко известными сегодня *ниндзя*: в отличие от них *камари* не владели никакими особыми приёмами и навыками, ни от кого не прятались и выполняли задания за счёт своей неприметности. Смешиваясь с местным населением, они смотрели по сторонам, слушали, собирали информацию и распространяли ложные слухи, в отдельных случаях подбивали население на какие-либо действия в соответствии с заданием.

В отличие от них *ниндзя* (буквально «тайный человек») нанимались для активных и скрытно выполняемых диверсий, чаще всего для убийств или поджогов. Специфика заданий требовала от них умения незаметно проникать в помещения и покидать их, знания особых приёмов и спе-

Военный совет

циальной амуниции, в том числе орудий убийства. Как правило, *ниндзя* действовали тайком, под покровом темноты, а в остальное время одевались и вели себя так же, как *камари*, — не выделяясь среди окружающих. Да и на тайные операции они ходили в своей обычной одежде. Роковые чёрные одеяния, маски и прочая романтическая атрибутика появились недавно, в эпоху телевидения и массовой культуры. Доведись средневековому *ниндзя* увидеть свой современный киношный облик — он бы себя не узнал.

Отношение к этой категории воинов тоже было не таким однозначным, как сегодня. Их услугами охотно пользовались и хорошо их оплачивали, но многие потомственные самуран считали тайные приёмы вроде отравления или убийства из-за угла недостойными настоящего воина и относились к *ниндзя* как к разновидности разбойников. Главным фактором их последующей романтизации стало мирное токугавское время с его ностальгией по военным подвигам и приключениям, а современная массовая культура лишь усилила и распространила этот стереотип.

Другой прозаический, но очень важный аспект жизни в боевом походе — питание. Командирам низшего и среднего звена еду готовила прислуга, набираемая из тех же разнорабочих *бумару*, делавших в походе всё, что при-

Повседневный рацион
рядового (слева), военачальника (справа)

кажут. Крупному полководцу полагался начальник личной интендантской службы (*годзэн бугё*) со своим штатом подчинённых. Во второй половине XVI века, то есть во времена Ода Нобунага и Тоётоми Хидэеси, это было уже общим правилом. В разных источниках говорится о том, что на эту должность назначались командиры низшего и среднего звена с годовым доходом от 30 до 200 *коку* риса. В их обязанности входил весь перечень работ, связанных с питанием главнокомандующего, от заготовки продуктов и приготовления еды до её доставки к столу.

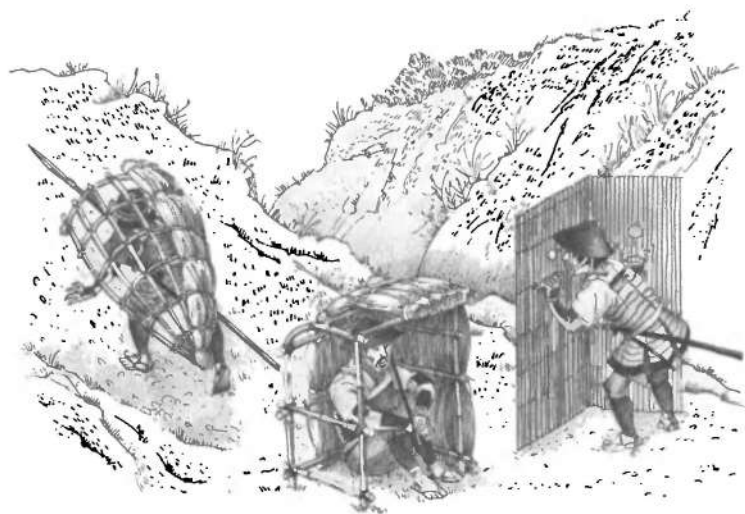
Питались в то время два раза в день. Причём не только крестьяне и рядовые самуран, но и военачальники. Повседневный рацион мирного времени вряд ли вдохновил бы современных гурманов. Стандартный набор блюд состоял из миски бобового бульона *мисо*, в который добавляли соевый творог *тофу*, пшено или чечевицу, а также съедобные травы. Военачальники питались лучше: им полагался отварной рис, к нему маринованные овощи и пара-тройка жаренных рыбок с чашкой зелёного чая в конце трапезы.

Во время боевых действий питались три раза в день и более калорийно: при заготовке провизии интенданты обычно исходили из расчёта 100–160 граммов сухого риса и 30 граммов *мисо* на человека в день¹⁴ (Сасама, 2014). Война отнимала много сил и требовала физической выносливости: войска совершали многокилометровые пешие марши, копали рвы, строили укрепления. Верхом передвигалась лишь самурайская конница, составлявшая не более 10% любого войска, остальных лошадей использовали для перевозки провианта и амуниции. Сила и выносливость были чрезвычайно важны и на поле боя. Управляться с холодным оружием нелегко даже без тяжёлых доспехов,

¹⁴ В японских мерах ёмкости: от шести *го* до одного *сё* риса и два *го* *мисо* на десять человек (1 *го* = 160 г, 1 *сё* = 1,6 кг). Варёный рис примерно в 2,5 раза тяжелее сухого. — А. П.

а японские воины отнюдь не были богатырями. Средний рост мужчины составлял в то время 156–157 сантиметров. По сохранившимся доспехам было установлено, что Ода Нобунага и Токугава Иэясу, например, имели рост 157 см, а Тоётоми Хидэёси — 154 см. Такие гиганты, как Уэсуги Кэнсин (180 см) или Маэда Тосиизэ (182 см), были редким исключением.

Влажный японский климат тоже приходилось учитывать. Сегодня в Японии за год выпадает 170 см осадков, это в два раза больше, чем в среднем на планете, а в некоторых районах острова Кюсю уровень осадков достигает 230 см. Более влажный климат только в тропиках. В XVI веке доспехи делали из металлических пластин, покрытых кожей и несколькими слоями лака. Шлем, защищавший голову и шею, состоял из таких же пластин и был довольно тяжёл. Его надевали непосредственно перед боем, поэтому у старших командиров были специальные адъютанты-шлемоносцы (*кабуто докорояку*), повсюду

следовавшие за ними. Во время боя шлем хорошо защищал от стрел и слабых ударов, но не спасал от тяжёлых ударов мечом, копьём или камнем. Потеряв от сотрясения ориентацию всего на несколько секунд, воин становился лёгкой добычей противника. Поэтому со временем шлем стали обшивать изнутри амортизирующими материалами, что ещё больше увеличило его вес и размер. Воевали в основном в тёплое время года, поэтому голова под шлемом сильно потела, во время боя пот заливал глаза и сильно мешал. Это стало одной из причин, по которым самураи начали брить себе лбы. Впоследствии эта воинская привычка распространилась на всё мужское население страны, и со временем выбритый до затылка лоб стал отличительной чертой любой мужской причёски.

В годы междоусобных войн деньги как платёжное средство играли большую роль, чем в последующую эпоху Токугава, — они начали сдавать позиции только в конце 1570-х годов. Поэтому, отправляясь в поход, рядовые и командиры брали их с собой в обязательном порядке. Боевые действия часто затягивались и осложнялись неожиданными обстоятельствами, поэтому во многих кланах воинский устав требовал иметь при себе деньги. Их хранили в шёлковых мешочках, которые крепились в укромных местах под доспехами. Обнаружение такого мешочка было большой удачей для местных жителей, занимавшихся «охотой на проигравших» (*отибуса кари*). В этом случае их добычей становились не только оружие и доспехи воина, но и его деньги.

Крупные военачальники в боевой поход брали с собой целую казну. Деньги были нужны на закупку провианта, боеприпасов и амуниции, на поощрение особо отличившихся командиров, для подкупа потенциальных перебежчиков и на другие благородные цели. Тоётоми Хидэёси, например, при подготовке к осаде Тоттори в 1581 году потратил огромные средства на закупку мест-

ного риса по завышенным ценам. Организовав таким образом искусственный голод, он лишил гарнизон замка возможности запастись впрок продовольствием. Действовавшие от имени Хидзэси купцы заявили в Тоттори такую цену на рис, что свои домашние запасы им продали даже некоторые защитники замка. По такой же схеме этот полководец действовал в 1590 году против Ходзэ во время осады Одавара. Скупив рис по высокой цене, он перепродал его своим потенциальным союзникам дешевле и с убытком для себя, но зато завоевал их глубокие симпатии и привлёк на свою сторону. Так что в военных победах того времени деньги играли далеко не последнюю роль.

Но они же создавали владельцам и проблемы. Во многих источниках говорится о том, что в походных условиях было чрезвычайно распространено воровство, в том числе и денег. Личные взаимоотношения, наличие в одном войске отрядов из разных уездов и провинций, подчинявшихся разным командирам, создавали для этого благоприят-

Удар в спину

ную почву, особенно в низовых звеньях. Командиры среднего и низшего уровня часто переходили от одного военачальника к другому вместе со своими подчинёнными, поэтому на поле боя друг против друга нередко сходились вчерашние союзники или, наоборот, вместе шли в атаку недавние противники. Временный характер боевых союзов оказывал большое влияние на взаимоотношения и снижал моральные барьеры. В военных хрониках содержатся упоминания о хищениях денег и ценностей среди соратников, случаях подмены оружия и амуниции (колчанов, ножен, наконечников стрел, копий и т. п.). Неприятного, да ещё и удачливого соратника вообще могли убить ударом в спину ради присвоения его имущества или трофеев, в том числе и снятых голов противника, чтобы хорошо отчитаться и получить вознаграждение. Такое присвоение чужих трофейных голов даже имело своё название (*байкуби*). В общем, как на любой войне, доблесть и героизм одних соседствовали с подлостью и мародёрством других.

Если боевой поход затягивался, то жизнь в лагере насыщалась элементами мирного быта. Из окрестных деревень подходили крестьяне и торговцы с товарами, а постоянные дворы отправляли большими группами девушек. Так было во все века. Упоминания о разгульных вечеринках в полевых условиях содержатся в *Хэйкэ моногатари* («Повесть о доме Тайра», эпизод 1181 года), в *Тайхэйки* («Повесть о великом мире», эпизод 1332 года), *Ходзё годайки* («Хроника пяти поколений Ходзё», 1590 года) и других известных источниках. Во второй половине XVI века, когда численность армий и длительность походов заметно возросли, рядом с военными лагерями вырастали целые городки из заезжих торговцев, предлагавших весь ассортимент товаров и услуг, которые могли понадобиться участникам боевых действий. Например, в 1590 году Тоётоми Хидэёси во время длившейся несколько месяцев

операции против дома Ходзё разрешил своим полководцам пригласить в походные лагерь жён и детей и сам вызвал к себе любимую наложницу Ёдо.

Присутствие торговцев в районе боевых действий поощрялось командованием, поскольку помогало решать вопросы снабжения армии. Торговцы вразнос привозили на продажу рис, овощи, рыбу, мясо птицы, *сакэ*, а мастера-вые люди из ближайших деревень чинили вышедший из строя рабочий инвентарь, сбрую, оружие, доспехи. В общем, война войной, а жизнь кипела. Услугами торговцев пользовались обе воюющие стороны, позволяя им свободно перемещаться между позициями. Конечно, не обходи-

Полевая любовь

лось и без происшествий — низовое воинство с обеих сторон не упускало случая ограбить, а то и убить визитёров, предлагавших услуги и товары, поэтому торговцы тоже не теряли бдительности.

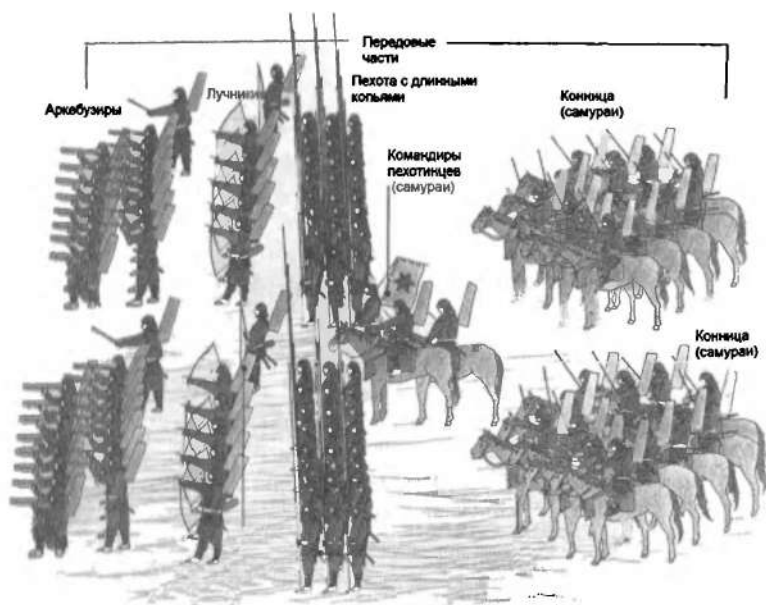
Затягивание сроков похода, неопределённость ситуации и длительное бездействие подрывали боевой дух войска и нередко провоцировали необдуманные вылазки со стороны командиров низшего звена. Иногда это дорого обходилось, поэтому при планировании операций полководцы старались учитывать этот фактор. Пожалуй, последовательнее других это делал Ода Нобунага. Операции, которыми он сам командовал, отличались скоротечностью: ни одна из них не длилась дольше двух месяцев. Его полководцы могли подолгу осаждать замки, форты или вести бои за контроль над провинциями, но сам Нобунага в длительных кампаниях не участвовал, предпочитая руководить ими на расстоянии.

Торговля вразнос

Поощрения и наказания

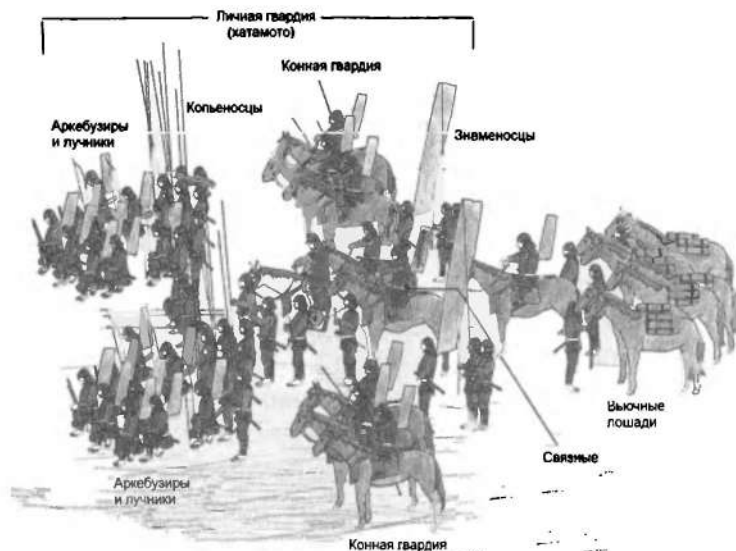
Для поддержания в армии боевого духа существовали свои приёмы и правила. Ещё в IX–X веках, когда самурайские сражения происходили на окраинах страны, сложилась система поощрения воинов, первыми добивавшихся успеха на поле боя. Чаще всего это был первый поверженный враг и его снятая голова. Удачное начало боя чрезвычайно вдохновляло соратников и придавало им уверенности, что очень ценило командование. После сражения таких героев чествовали, награждали и присваивали почётное звание *дайити нори* («первый всадник»), поскольку именно всадники чаще всего первыми шли в атаку. Позднее, когда основным оружием на поле боя стало копьё, героическая номинация изменилась и стала называться *дайити яри* («первое копьё»). Посмертно эта

Стандартный боевой

награда не присуждалась, поэтому претендент на звание «первого копья» кроме горячего воинского сердца должен был иметь ещё и холодную голову, потому что, вклинившись в одиночку в ряды противника, рисковал оттуда уже не выбраться. В эпоху Хэйан такая же героическая номинация существовала у лучников — её присваивали стрелку, первым сразившему соперника, но, поскольку стрельба велась на большом расстоянии и риск лучника не шёл ни в какое сравнение с поединком на копьях, эта награда со временем отошла на второй план.

Со временем в некоторых кланах были введены звания «второго» и «третьего копья» (*нибан яри*, *самбан яри*), но по значимости они сильно уступали первому. «Вторым копьем» могли признать не только кого-то из копьеносцев, но вообще любого воина, добившегося какого-либо примечательного успеха. Позже кое-где появились номинации «первый меч»,

порядок

«второй меч», а также «первая голова» (*дайити куби*), «вторая голова» и так далее. Награда за *дайити куби* вручалась воину, который первым снял голову противника. Этот успех тоже воодушевлял соратников, поэтому отмечался начальниками штабов на церемонии *ронко косё*¹⁵.

Крупные воинские кланы жили по своим собственным уставам, поэтому традиции и правила поощрения в разных местностях сильно различались. Например, награда за «первую голову» во многих кланах вручалась не тому, кто первым одолел противника, а тому, кто сумел добыть голову самого именитого командира независимо от очередности. При определении заслуг учитывалось много разных факторов. Например, головы, взятые во время преследования отступавшего противника, ценились меньше. Все понимали, что бегущий с поля боя — лёгкая добыча, поэтому взятые таким образом головы (их называли «бросовыми», *сутэкуби*) не приносили большой славы. То же самое можно сказать о головах рядовых крестьян-пехотинцев и разнорабочих. Но кроме официального признания, которое фиксировалось штабными писарями и попадало в анналы, в среде низового воинства существовал своего рода неофициальный зачёт, устный и далеко не всегда достоверный. Рядовые самураи, крестьяне-пехотинцы и разнорабочие тоже вели счёт личным достижениям и, подражая командирам, увлечённо рассказывали друг другу об одержанных победах.

На официальной церемонии *ронко косё* определялся вклад каждого воина в победу и проводилась раздача наград сразу после главного сражения. Это было важное мероприятие, к которому готовились заранее. Важнейшим моментом было представление доказательств своих действий — их получали от бывших противников, пере-

¹⁵ Смысл названия по иероглифам: *ко о рондзитэ, сё о оконау*, «обсудить заслуги и раздать награды».

шедших в лагерь победителей, или от пленных. Большое значение имели вещественные доказательства, и первое место здесь занимали снятые головы противника. Их ранжировали по знатности и готовили к публичному освидетельствованию, которое называлось *куби дзиккэн*. Эта процедура обычно предшествовала *ронко косё* и служила основанием для признания заслуг того или иного воина. Проводилась она в практических целях, но поскольку была связана со смертью, то со временем приобрела ритуально-обрядовый характер и стала выполняться по определённым правилам. Главным из них считалось уважительное отношение к смерти вообще и к поверженному противнику в частности. Добытые в бою головы следовало представлять в достойном виде, поэтому женщины и дети обмывали с них кровь и грязь, причёсывали волосы, собирали их в пучок и перевязывали лентой. На лицо убитого наносили растительную косметику или пудру из толчёно-

Подготовка голов

го риса, кое-где чернили зубы. Тщательность, с которой была обработана и подготовлена голова, демонстрировала достоинство победителя. Многие самураи считали правилом хорошего тона перед боем нанести на лицо косметику и втереть в кожу травяной настой с приятным запахом, чтобы не вызывать неприязни у тех, кто, возможно, будет заниматься их головами. Такая предусмотрительность не считалась слабостью духа или пораженчеством.

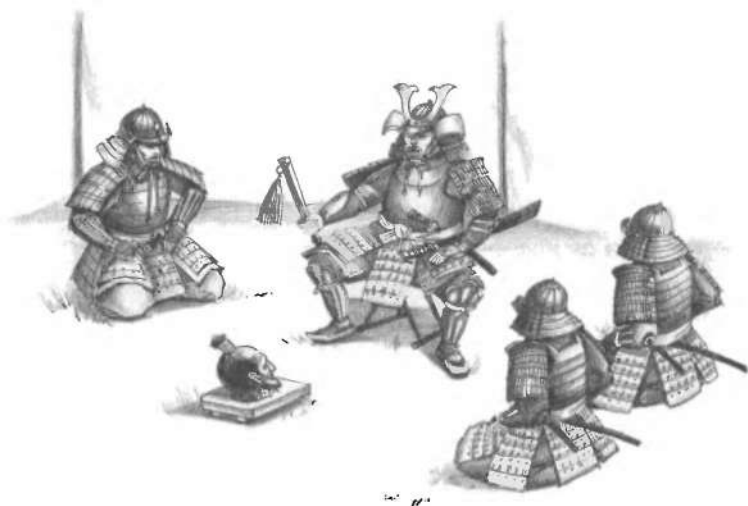
Процедура представления голов восходит к ритуалу заупокойной службы. Над телом умершего человека издавна производили разного рода ритуальные манипуляции; в эпоху междоусобиц эта традиция органично слилась с необходимостью подвести итоги сражения и наградить отличившихся. С головами работать было намного удобнее, чем с телами, поэтому обычай быстро закрепился и обрёл собственный алгоритм.

Представление голов обычно проходило в буддийском храме или рядом с ним. Головы самых именитых противников представлялись на столиках определённой высоты и с ножками, низкоранговым командирам ножек не полагалось, но их статус обозначался толщиной подставки, которую вырезали из цельной кипарисовой доски; чем выше ранг, тем толще подставка. На представлении голов должны были присутствовать все участники сражения, в доспехах и при оружии. Это объяснялось тем, что сначала церемонии проходили в полевых условиях, а впоследствии оружие и экипировка стали просто символом воинского характера процедуры.

Представление голов обычно принимал начальник штаба (*гунси*, буквально «военный наставник»), второе лицо после главы клана или назначенного им командующего операцией. Он располагался в центре площадки, слева от него садился глашатай. Владелец боевого трофея представлял голову, преклонив одно колено. Взяв голову за волосы, он приподнимал её с подставки и показывал

начальнику анфас справа. Тот должен был привстать и в знак уважения к погибшему немного вынуть меч из ножен, показав основание лезвия. Затем он возвращал его на место, бросал на голову быстрый взгляд и отводил глаза. Внимательно рассматривать лицо умершего не полагалось. В это время глашатай громким голосом нараспев объявлял имя и воинское звание погибшего. Затем наступал черёд следующего представления. В конце процедуры *гунси* брал в правую руку лук, а в левую — веер, показывая, что церемония окончена. После этого трофейные головы выставляли за воротами храма лицом в ту сторону, где находились владения погибших. К мертвым губам подносилась ритуальная чарка *сакэ*, и на этом церемония завершалась — головы уносили и закапывали севернее того места, где она проходила.

Все эти посмертные почести предназначались только командирам не ниже среднего ранга; рядовых пехотинцев-самураев и крестьян хоронили в общих могилах. Сегодня

Представление голов

в разных уголках Японии разбросано множество не приметных холмиков с вертикальным камнем посередине, на котором выбиты три стёртых временем иероглифа — «сражение», «человек» и «холм». Это *сэнниндзука*, братские могилы воинов эпохи междоусобных войн. В них хоронили головы или тела погибших, своих и чужих, когда позволяли обстоятельства. Головы рядовых бойцов противника (процедура называлась *куби кэнти*) принимал не начальник штаба, а кто-либо из подчинённых командиров по его поручению. Их представляли все вместе, выставив в один ряд.

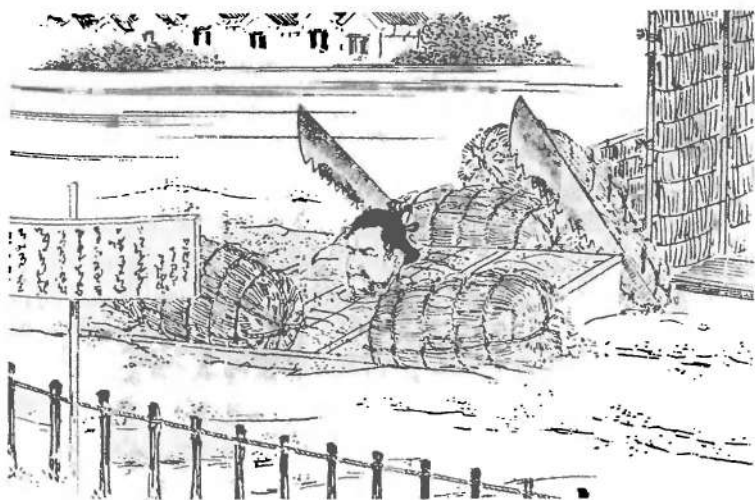
Головы крупных военачальников после идентификации выставляли на всеобщее обозрение. Это было продолжением церемонии *куби дзиккэн* с той лишь разницей, что она проводилась в интересах полководца, одержавшего победу над крупным противником, а его голова предьявлялась общественности как доказательство этой победы. Так произошло с головами Адзаи Нагамаса, Асакура Ёсикагэ, Мацунага Хисахидэ, Цуда Нобудзumi, Акэти Мицухидэ и многих других крупных военачальников. Иногда голову именитого противника отправляли его родственникам, если он погибал вдали от дома; например, так поступил Ода Нобунага после победы над Имагава Ёсимото в 1560 году.

Публичному предьявлению подлежали также головы тех, кто объявлялся изменником или преступником. Их выставляли на всеобщее обозрение на три дня, а потом закапывали в тайном месте. Таким образом власть извещала широкую общественность об очередной победе над нехорошим человеком.

Наряду с поощрением за заслуги существовала система наказаний за провинности. В средневековых армиях их тоже было предостаточно. В основном выносились наказания трёх типов: выговор, денежный штраф и смертная казнь. Первые два назначались за мелкие проступки, они адресовались военным и гражданским лицам низкого

происхождения, а смертные приговоры выносились часто и повсеместно, причём независимо от воинского или социального статуса. По сравнению с последующей эпохой Токугава отличие было только в одном: не применялось такое наказание, как ссылка с конфискацией имущества. Причина достаточно очевидна: наказанный таким образом неизбежно оказывался в лагере противника, и с ним ещё предстояло воевать. Ссылку с конфискацией земель первым начал практиковать Ода Нобунага в отношении своих полководцев на последнем этапе объединения страны — сильных противников к тому времени у него уже не осталось, а переходом опального командира на сторону слабого можно было и пренебречь. Но и в то время провинившихся чаще приговаривали к самоубийству, чем ссылали.

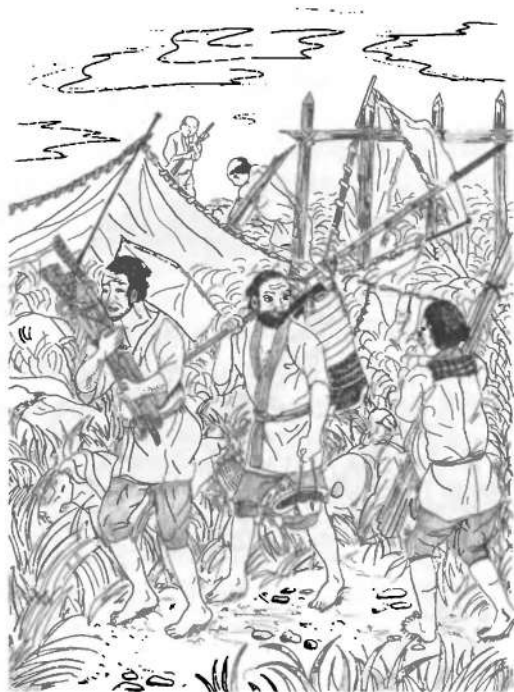
В воинской элите смертью наказывали за серьёзные преступления, среди которых первое место занимали тайные контакты с противником. В 1574 году в замке Окадзаки за это был казнён один из вассалов Токугава Изясу по име-

Отпиливание головы

ни Ога Ясиро. Согласно семейной хронике, сначала он был наказан лишением земли за какую-то провинность, но посчитал взыскание несправедливым и вступил в тайные переговоры с Такэда Кацуёри, за что и был приговорён к смерти. Расправились с ним демонстративно сурово: сначала у него на глазах казнили жену и четверых детей, а затем закопали по шее в землю и долго убивали медленным отпиливанием головы. Пять лет спустя по подозрению в контактах с тем же кланом Такэда был приговорён к самоубийству 20-летний Мацудайра Нобуясу, старший сын и наследник Токугава Иэясу.

В связи с приговорами к самоубийству следует иметь в виду, что это был самый почётный вид казни, как прави-

Незаконный сбор трофеев

до, достававшийся родственникам или ближайшим соратникам крупного военачальника. Давая воину возможность умереть как бы по собственному желанию, его отделяли от обычных преступников, которых лишал жизни палач. Однако посланцы, сообщавшие приговорённому окончательное решение, всегда имели предписание на тот случай, если он не подчинится, убить на месте, лишив возможности сохранить своё имя для потомков. Так что добровольность ухода из жизни была довольно относительной.

Людей из простых сословий тоже часто приговаривали к смертной казни, но обычной, не добровольной. Среди преступлений, заслуживающих такого наказания, большое место занимали связанные с покушением на права и собственность воинского сословия. О том, что в той или иной местности состоится сражение, обычно становилось известно заранее, и местные жители в связи с этим строили собственные планы. Для многих бой представлял зрелищное событие, на которое стоило посмотреть. Жители окрестных деревень собирались на склонах гор или взбирались на деревья, чтобы наблюдать за ходом сражения. После его окончания тоже происходило много интересного: победители собирали трофеи, уносили раненых соратников, хоронили погибших. С наступлением темноты поле боя пустело, и тогда на нём появлялись бывшие зрители, да и не только они. Всё ценное, что можно было продать, собиралось. Если же сражение заканчивалось бегством и преследованием проигравших победителями, то поле боя на какое-то время вообще могло остаться в полном распоряжении зрителей.

По правилам все боевые трофеи переходили в собственность победителей, поэтому за мародёрство на поле боя казнили, не разбираясь, но это не особенно пугало местное население. В конце концов вся жизнь так или иначе была связана с риском: одним больше, одним меньше — невелика разница. Уже упоминавшаяся «охота на

проигравших» являла собой наиболее активную форму мародёрства, но при этом содержала и некий оправдательный аспект. Преследуя проигравших, убивая их и забирая имущество, местные жители как бы присоединялись к победителям, которые на законном основании занимались тем же самым. Поэтому отряд местных крестьян или монахов из соседнего храма, «помогающих» победителям добить врага, всегда мог оправдать свои действия союзническими намерениями.

Преследование отступавшего противника действительно переходило в разбой, поскольку в число его объектов автоматически попадали все, кого можно было причислить к сторонникам или хотя бы к сочувствующим проигравшей стороне. Например, легко могли разграбить и сжечь дом купца или священника, просто состоявшего в дружеских отношениях с кем-либо из командиров проигравшей стороны. Грабежи часто сочетались с мстью за предыдущие обиды и унижения. В этом отношении характерны масштабные беспорядки в столице, начавшиеся 2 июня 1582 года сразу после гибели Ода Нобунага. Город 14 лет находился под его контролем, и многие жители так или иначе были связаны с созданной им системой власти. Во время конфликта с сёгуном Асикага Ёсиаки в 1573 году Нобунага сжёг половину города, чем восстановил против себя многих его обитателей. Поэтому после его смерти в Киото начались погромы невиданного масштаба. Его первыми жертвами стали все известные сторонники Нобунага и его столичного наместника Муран Садакацу, вместе с семьями, дальними родственниками и даже соседями. Затем вошедшие во вкус мародёры начали грабить всех подряд. В течение первой недели после смерти Нобунага император дважды лично обращался к Акэти Мицухидэ с просьбой остановить грабежи и восстановить порядок в столице.

Одним из результатов войны всех против всех было большое число убитых и раненых. Крупные военачаль-

ники имели в походном штате лекарей и синтоистских священников, в обязанности которых входила работа с телами и душами воинов, получивших ранения на поле боя. Как правило, надежда на выздоровление оставалась лишь у тех, кто получал лёгкие травмы. Удалив из раны наконечник стрелы или копья, лекарь её промывал, присыпал растёртыми в порошок травами и перевязывал материей, пропитанной лечебным раствором из тех же трав и другой органики. Как видно из гравюр эпохи Нара, наконечники стрел вынимались из тела с помощью обычного гвоздодёра. Если остриё вонзалось глубоко и для его выемки требовалось большое усилие, раненого жёстко фиксировали, привязывая к дереву. Тяжелее всего приходилось тем, кто по каким-то причинам не мог сразу удалить оружие из раны. Через некоторое время ткани вокруг неё опухали, и сделать это становилось намного труднее. Глубоко вошедшие в тело ружейные пули, даже если они не задевали жизненно важных органов, доставать не умели, поэтому такие раненые, как правило, погибали.

После обработки раны лекарь призывал синтоистского священника. Тот читал молитву о выздоровлении, и теперь оно зависело только от силы духа раненого воина и правильности молитвенного ритуала. Врачеватели, состоявшие на службе в крупных воинских домах, в то время делились на специалистов по внутренним и внешним болезням — об этом говорится уже в *Адзума кагами* («Восточное зеркало»). Первый правительственный указ, обязавший удельных князей иметь при себе штатного лекаря, был издан только в 1649 году, через 60 лет после окончания междоусобных войн. Это говорит о том, что профессия врача в то время больше ассоциировалась с лечением от болезней, чем с заживлением ран.

За 36 лет до этого правительственного указа был переведён на японский язык и издан корейский медицинский

Обработка ран

трактат *Тои хокан* («Сокровищница восточной медицины»), что стало заметным событием в лекарской практике. Правда, изложенные в нём рецепты были известны в Японии и раньше. Среди них встречались и довольно экзотические. Например, для остановки кровотечения из раны трактат рекомендовал обильно обмазывать её экскрементами. В годы междоусобиц этот метод широко использовался японцами наряду с травяными компрессами. Эти знания пришли в Корею, а затем и в Японию из Китая, где выделения человеческого организма с незапамятных времён использовались как в диагностике (их пробовали на язык), так и в лечении различных заболеваний — наружно и внутрь.

Вслед за индийскими врачами древние китайцы считали, что вместе с выделениями из человеческого организма уходит жизненная сила, поэтому для её восстановления необходимо вернуть их внутрь. Так что современных поклонников уринокалотерапии — как в нашей стране, так и в Африке — можно считать последователями этой древней медицинской теории. В Японии в Средние века их было ещё больше, а их рецепты — ещё разнообразнее. Например, для уменьшения кровотечения из раны тогдашние врачи часто прописывали пациентам пить мочу лошадей, но не любимых, а только гневной масти.

А пока раненые выполняли полученные предписания и поправлялись, начальники штабов подводили итоги и определяли размер материальной компенсации семьям погибших и искалеченных. Забота о вассалах входила в перечень добродетелей любого успешного военачальника, и многие из них на деле её проявляли. Размер вознаграждения семьям пострадавших определялся специальным документом (*кандзё*, буквально «благодарственная грамота») за подписью первого лица. Чем выше был ранг погибшего или раненого, тем больше внимания уделялось его семье. Иногда глава клана посещал её лично и сам вручал грамоту и денежную награду, но в большинстве случаев это делал его начальник штаба или кто-то из старейшин. Рядовым пехотинцам и разнорабочим дополнительных выплат за победу не полагалось, если только кто-то из них не совершал чего-то действительно экстраординарного. После поражения компенсации никому не выплачивались, даже героям. В область компенсационных выплат эпоха междоусобных войн не внесла ничего нового — действовали те же правила, что и в предыдущие столетия.

Тела своих командиров, погибших в бою, старались отправлять домой для захоронения по установленному обряду. В походе это не всегда получалось; в таких случаях хоронили на месте. Погибших клали головой к северу,

ногами к югу. Как уже говорилось, северное направление вообще считалось неблагоприятным для воина, что проявлялось во многих действиях и приметах. Низший воинский контингент, если позволяли обстоятельства, тоже хоронили, но без всякого ритуала, в общих могилах. Если и такой возможности не было, то тела просто сбрасывали в реку или оставляли на поле боя.

Благодарность и компенсация

Оружие

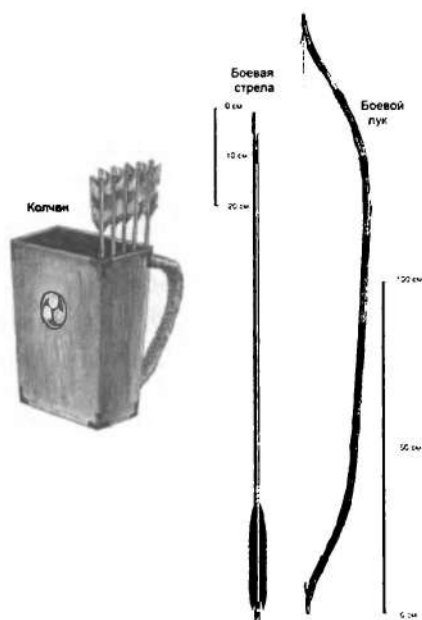
В течение столетий основным оружием японских воинов были лук, меч и копье. Для конного самурая большой меч не являлся главным оружием — копье и лук были эффективнее, поэтому лучники и копьеносцы воевали как верхом, так и в пешем строю. Ценность меча возросла позднее, в XVII веке, когда он стал символом самурайской чести. Примерно за 200 лет до эпохи междоусобных войн размеры меча и техника его использования несколько изменились. Лезвие меча укоротилось, и в ножны его стали вкладывать остриём не вниз, а вверх — это давало выигрыш во времени. При положении меча остриём вниз атакующий удар выполнялся в три движения: вынуть из ножен, сделать замах, нанести удар. Положение остриём вверх позволяло слить первые два движения в одно — выхватывая меч, воин одновременно замахивался им для удара. К XVI веку эта техника стала повсеместной и получила название *нукиути* (от глаголов *нуку* «вынимать» и *уцу* «наносить удар»). За счёт длительных тренировок её можно было отшлифовать так, чтобы выигрывать доли секунды, необходимые для опережающего удара.

Однако при всех своих достоинствах меч оставался оружием ближнего боя, а во время массовых сражений основной урон живой силе противника наносился на расстоянии, недоступном для меча, — копьем и стрелами. Размах дуги лука в среднем составлял около полутора метров, а длина стрелы — чуть больше метра. На самых больших луках дуга могла достигать двух метров. Дальность выстрела обеспечивалась оперением стрелы, уменьшением её веса и упругостью дуги. Её измеряли силой, необходимой для сгибания дуги при натяжении тетивы; обычно это делали два или три человека.

Для изготовления стрел лучшим материалом считался двухлетний бамбук, срезанный в определённое время года. Обычная стрела весила 50–70 граммов и пролетала 200–300 метров. Попав в незащищённую часть тела, она наносила серьёзную травму на расстоянии до 100 метров, а с 15 метров пробивала даже кожаную кирасу, усиленную металлическими кольцами. Все лучники делились на пеших и конных; стрельба на скаку требовала особой сноровки, которая достигалась долгими упражнениями. Для верховых лучников подбирали специальных лошадей — не самых быстрых, но с ровным бегом. Перед боем в колчане у каждого из них находилось не менее 20 стрел.

По числу единиц оружия, использовавшегося в сражениях, безусловное первое место занимало

копьё, поэтому его можно считать главным оружием эпохи междоусобных войн. Это подтверждается и гравюрами XVI века, на которых чаще всего изображены копьеносцы. Долгое время обычная длина копья составляла 2,7–3,6 метра, пока Ода Нобунага не внедрил в своей армии сверхдлинные 6-метровые копья. Со временем это новшество, изменившее тактику боя, переняли и другие военачальники. Длинные

Лук и стрелы

Верховой лучник (гравюра)

Смерть самурая

копья (*нагаяри*) не отменили и не вытеснили применявшиеся до этого более короткие пики (*мотияри*), а лишь расширили диапазон применения этого вида оружия.

Умелое обращение с копьем, особенно со сверхдлинным, также требовало долгих тренировок. Копьеносцы отработывали на них три основных приёма — один защитный и два атакующих. Первый заключался в том, чтобы ударом

сбоку отвести копье противника, а для нападения использовались выпад и удар сверху. В 20–25 см от острия копья по обеим сторонам располагались два изогнутых крестовидных рожка, с помощью которых копье противника захватывалось и отводилось в сторону. Самые ловкие использовали бамбуковые копья в качестве шеста при преодолении препятствий (ров, речка, стена и т. п.).

В XVI веке японцы впервые познакомились с огнестрельным оружием. Оно было создано в Германии в 1379 году, но в Японию попало лишь 164 года спустя. В 1543 году 15-лет-

Упражнения с копьем

Бамбуковая защита

ний Танэгасима Токитака¹⁶, служивший клану Симадзу на острове Кюсю, купил у португальцев две металлические трубки с непонятными приспособлениями и фитилями. Это были первые европейские аркебузы (официальное название — гладкоствольное фитильное дульнозарядное ружьё). На следующий год диковинное оружие попало в столицу и было показано сёгуну. Весть о новинке быстро облетела провинции, и местные военачальники стали один за другим налаживать у себя её производство. Вскоре огнестрельное оружие распространилось широко, но неглубоко — пользовались им ограниченно. Первые 30 лет аркебузы считались вспомогательным оружием. Его поражающая сила была выше, чем у лука и стрел, но это преимущество сводилось на нет двумя недостатками: невозможностью прицелиться и долгой подготовкой к выстрелу. От аркебуз, как и от луков, защищались бамбуковыми вязанками. Связанные вместе стволы молодого бамбука

¹⁶ Танэгасима Токитака (1528–1579) — глава воинского дома Танэгасима в 14-м поколении.

надёжно защищали пехотинцев и от пуль, и от стрел. До появления огнестрельного оружия от стрел и копий прикрывались щитами, но пули их легко пробивали, поэтому пришлось изобрести новый способ защиты. Считается, что эта идея родилась в голове одного из вассалов Такэда Сингэн, а затем быстро распространилась по стране.

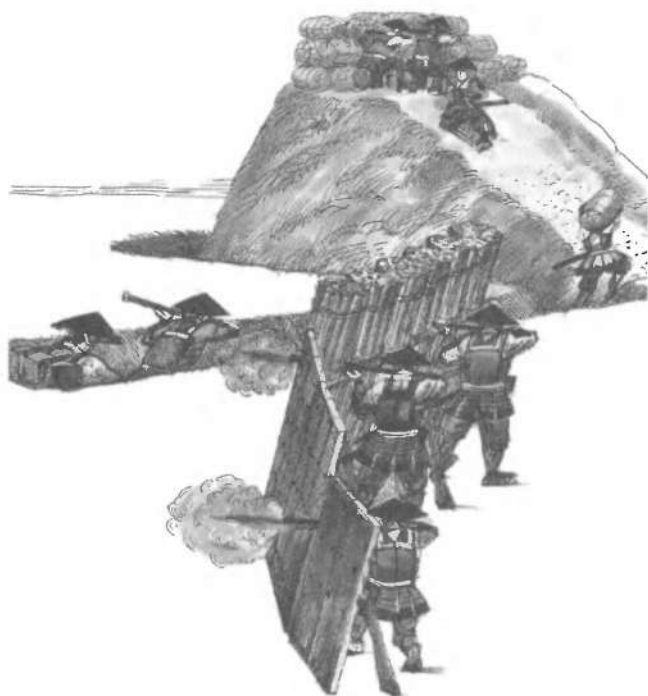
В XVI веке в Японии использовались аркебузы с калибром дула от 10,5 до 22 мм. В современных экспериментах было показано, что с расстояния в 30 метров пуля калибра 15,5 пробивала от 4 до 6 бамбуковых стволов диаметром 4 см. Оружие калибра 18,4 показало чуть большую убойную силу. Это означает, что с расстояния

Лучник

до 30 метров пуля пробивала любые защитные доспехи и гарантированно выводила человека из строя; на большем расстоянии она могла нанести ему урон только в том случае, если попадала в незащищённую часть тела. Как уже говорилось, при стрельбе из лука гарантированный урон противнику наносился с расстояния до 15 метров.

Однако меньшая поражающая сила лука компенсировалась его скорострельностью, а что касается аркебузы, то её главный недостаток заключался в долгой зарядке. Для подготовки к выстрелу нужно было выполнить следующие действия:

Аркебузиры

- 1) Прочистить дуло шомполом, удалив пороховой нагар от предыдущего выстрела.
- 2) Засыпать в дуло порох.
- 3) Вставить пулю.
- 4) Загнуть пыж и с помощью шомпола уплотнить её в стволе.
- 5) Насыпать порох на полку, закрыть крышку.
- 6) Взять фитиль, прицелиться, положить палец на курок.
- 7) Открыть крышку, запалить порох, выстрелить.

Самому тренированному стрелку на все эти действия требовалось не менее 20–25 секунд, и если он не попадал в противника со 100 метров, то на второй выстрел времени могло и не хватить — за 25 секунд даже пехотинец мог пробежать эту дистанцию, не говоря уже о всаднике. А лучник за это же время успевал выстрелить до 5 раз, причём более прицельно. Поэтому аркебузир и лучник на поле боя обычно ставили рядом — пока первые перезаряжали оружие, вторые осыпали противника градом стрел. Эффективной оказалась также установка перед линией стрелков защитного ограждения, которое исключало непосредственный контакт с наступающим противником. Дополнительные неудобства аркебузирам создавал и запальный пеньковый фитиль: в дождливую погоду он отсыревал и часто гас, его приходилось поджигать заново, на это тоже уходило время. Кроме того, из аркебузы было почти невозможно прицелиться. Поэтому в первые десятилетия считалось, что огнестрельное оружие больше подходит для внешнего эффекта — чтобы оглушить противника или напугать его лошадь грохотом выстрела. И действительно, этот психологический фактор иногда срабатывал, но для победы его было недостаточно, поэтому аркебузиры составляли обычно три-пять процентов от

общей численности войска (300–500 стволов на 10-тысячную армию).

Ситуация начала меняться после 21 мая 1575 года, когда в сражении при Нагасино¹⁷ Ода Нобунага впервые сумел на практике использовать преимущества аркебуз, выставив на линию огня более тысячи стрелков. Как именно он организовал их действия, неизвестно, но, по свидетельствам участников боя, выстрелы звучали в три раза чаще, чем обычно. Наиболее вероятным считается вариант, при котором один пехотинец только стрелял, а двое помощников заряжали и подавали ему оружие. Европейский историк Джеффри Паркер отмечает, что этим изобретением Нобунага почти на 20 лет опередил европейцев — они начали применять этот приём в 1594 году, а по-настоящему широко он распространился в 1620-е годы (Конлан, 2013). Умелое использование преимуществ огнестрельного оружия помогло Нобунага одержать убедительную победу над Такэда Кацуёри. Несмотря на все свои недостатки, к концу XVI века огнестрельное оружие из вспомогательного превратилось в основной фактор дистанционного поражения, а лук и стрелы хотя и продолжали использоваться, но отошли на второй план. Если раньше сражение начиналось с массированного обстрела противника из луков, то после 1575 года его первым делом осыпали градом пуль, стремясь разрушить наступательные порядки. Если это удавалось, то вторым эшелоном в бой вступали конные копьеносцы. Атакуя смешавшиеся ряды противника, они вынуждали его ввести в бой своих копьеносцев, и бой делился на множество групповых поединков. Излюбленным приёмом Ода Нобунага было введение в этот момент второго эшелона вооружённых копьями всадников ударом во фланг противнику. Этот манёвр назывался «копье в бок»

¹⁷ По названию замка, в окрестностях которого произошло сражение.

(ёкояри) и часто приносил успех. Выражение «воткнуть копье в бок» сохранилось до наших дней и в современном языке означает неожиданный и очень болезненный удар в широком смысле этого слова.

Появление огнестрельного оружия повлияло и на фортификационные сооружения. Раньше для них достаточно было бамбуковой изгороди, а с появлением аркебузов, а затем и пушек возникла необходимость в возведении более прочных деревянных ограждений и земляных насыпей, а в стрелковых башнях стали делать бойницы.

В открытом бою эффективнее всего действовала конница, но по экономическим причинам она составляла абсолютно меньшую часть войска — вместе с лошадью экипированный всадник стоил очень дорого. Боевые скакуны высоко ценились, хотя и уступали европейским в силе и выносливости: при росте 120–130 см они имели вес от 250 до 350 кг, в то время как современные арабские скакуны весят около 500 кг и в среднем выше японских лошадок

Стрелки за заграждением

Походный порядок

на 40 см. В XVI веке японский конь мог брать на спину груз до 150 кг и проходить с ним от 25 до 40 км в день. Он заменял пятерых носильщиков, но двигался чуть быстрее пешехода. Согласно современным экспериментам, 50-килограммовый всадник и 45 килограммов груза на спине ограничивали скорость лошади 9 километрами в час.

Тем не менее при движении по равнине конный отряд даже с грузом передвигался быстрее, чем пехота. Но на пересечённой местности опять возникали проблемы. Лошадь с всадником поднимается в гору быстрее, чем человек, но зато медленнее спускается, а крутые склоны более 30 градусов ей вообще недоступны. В Японии много невысоких, но крутых гор, поэтому коннице часто приходилось их огибать, проходя лишние километры.

Во время боя также приходилось учитывать некоторые особенности поведения лошадей. Эти животные вообще

пугливы по своей природе, и далеко не все годились для сражений. Испуганный конь мог унести всадника куда угодно, поэтому боевых лошадей тщательно отбирали и тренировали. Предпочтение отдавалось животным с нором, а более спокойных использовали для перевозки грузов. Чтобы отобрать сотню боевых лошадей, нужно было содержать табун в 400–500 голов. Лучшими в стране пастбищами славилась восточные провинции, в первую очередь Каи, Синано, Мусаси, Кодзукэ. Здесь с IX века выращивали боевых лошадей на продажу. Не случайно в эпоху междоусобиц лучшей считалась конница Такэда Сингэн из провинции Каи, составлявшая десятую часть его 30-тысячного войска; кроме него никто не имел такого количества всадников. Лошади Такэда отличались хорошей выучкой; они не шарахались от громopodobных выстрелов аркебузов и были приучены к запаху горелого дерева, который обращает в бегство всех животных. Разумеется, эти качества обеспечивались целой армией знающих своё

Защитное построение ярибусума

дело коневодов. Особое место, которое занимает Такэда Сингэн в истории междоусобных войн, не в последнюю очередь объясняется расположением его владений и тем вниманием, которое он уделял подготовке боеспособной конницы.

Во время боя лошадей убивали так же, как людей. Самым опасным оружием считались для них меч и копье. Согласно одному из источников XIV века, более 60% всех смертельных для лошадей ран приходилось на уколы копьем (Конлан, 2013). Типичное защитное построение пехоты против конницы называлось *ярибусума*, при котором пехотинцы выстраивались в линию и, прикрывшись щитами, выставляли вперед длинные копья. Обычно таких линий было несколько. В конной атаке животные первыми налетали на острые лезвия, но за счёт массы сминали ряды пехотинцев. Впрочем, лошади и их всадники гибли на поле боя всё же намного реже, чем пешие воины.

Жизнь и смерть самурая

Во время междоусобных войн мужчины часто гибли на полях сражений. В самурайских семьях из десяти сыновей до среднего возраста доживали двое-трое, а в одном из воинских кланов из провинции Сацума, по данным Овада Тэцуо, в пяти поколениях ни один мужчина не умер своей смертью (Овада, 1993). Для самурая гибель на поле боя считалась естественным завершением жизни независимо от её продолжительности, поэтому о погибшем 20-летнем воине скорбели не больше, чем о 40-летнем. В воинской этике главное место занимал выбор не между жизнью и смертью, а между смертью достойной и недостойной. Широко распространённое в то

время выражение «сохранить себя в чистоте» (*онорэ о исагиёку суру*) отражало общественное внимание к тому, как человек уходил из жизни. За несколько столетий в воинской среде сложилось твёрдое представление о том, что умирать надо спокойно и с достоинством, без патетики и красивых жестов. А свои подлинные чувства воин должен уметь скрывать.

На этот счёт можно привести много примеров, но ограничимся одним. Весной 1582 года замок Уодзу¹⁸ в провинции Этидзэн был окружён армией Ода Нобунага под командованием Сибата Кацуиэ. Среди 3800 защитников замка, которыми командовал 24-летний Накадзё Кагэясу (1558–1582), были представители всех сословий — монахи, крестьяне, рядовые самураи, местные предводители разных рангов. Во второй половине мая Уэсуги Кэнсин выслал им на подмогу большой отряд, но он не смог пробиться к осаждённым, и гарнизон остался без помощи. Когда стало ясно, что замок не удержать, на военном совете приняли решение: 12 старших командиров должны покончить жизнь самоубийством. Договорились, что каждый проткнёт себе ухо и вставит в него металлическое кольцо с деревянной дощечкой, на которой напишет своё имя и звание. После *сэппуку*¹⁹ голова будет отделена от тела, и с помощью дощечки её будет легко идентифицировать. Так все узнают имена тех, кто ушёл из жизни достойно. А чтобы показать противнику силу духа, самоубийство решили исполнить самым трудным способом — крестообразным разрезом с двух рук. Всё это занесли в протокол и поручили обнародовать после падения замка. Командиры гарнизона добились своей цели: в Японии о них помнят до сих пор. Групповое самоубийство произошло 3 июня

¹⁸ Сегодня это одноимённый город в префектуре Тояма.

¹⁹ *Сэппуку* — ритуальное самоубийство, литературный и более уважительный синоним слова *харакири*.

1582 года, а за сутки до этого в 400 километрах от замка Уодзу, в Киото, покончил с собой их противник Ода Нобунага, оказавшийся в похожей ситуации.

В популярной литературе часто говорится о том, что перед самоубийством воины сочиняли трёхстишия, в которых выражали своё эмоциональное состояние. Как правило, это сдержанные, исполненные лёгкой грусти послания в буддийском духе, нередко отстранённо-философского содержания.

Семнадцатого января 1580 года после многомесячной осады пал замок Мики, который защищали братья Бэссё. Старшему Хидэхару в тот год исполнилось 22 года, а младшему Томоюки — 20 лет. Перед капитуляцией братья покончили с собой, оставив предсмертные послания. Младшему брату приписывают следующие строки:

*Има ва тада урами мо арадзу
Сёнин но иноти ни кавару
Вагами о оmozба*

Досады нет во мне при мысли,
Что жизнь свою меняю я
На жизни остальных

Составление предсмертного послания полностью вписывается в буддийские представления японцев о жизни и смерти, и это даёт основания полагать, что большинство стихотворений были сочинены позднее и приписаны воинам, выполнившим требования морального кодекса. Во всяком случае, такого мнения придерживаются многие японские историки. Например, Овада Тэцуо приводит два достоверных случая, когда предсмертные трёхстишия были приписаны воинам после их смерти (Овада, 1993). Мотивация вполне очевидна. Столетие междоусобных войн породило немало героев, до конца выполнивших

свой воинский долг. Впоследствии события эпохи были романтизированы и легли в основу исторических романов и театральных постановок. Это можно наблюдать в Японии и сегодня — в кино и на телевидении снимается огромное количество фильмов и сериалов на исторические темы. Они чрезвычайно популярны, и не последнюю роль в этом играет героизация действующих лиц и событий того времени. Герои этих фильмов немногословны, мужественны, решительны и справедливы. Другая сторона их личности — глубокое понимание жизни и философский склад ума. Невозможно представить, чтобы такой человек перед смертью не оставил своим потомкам послания, лаконичного по форме и глубокого по содержанию. И если в действительности такого послания не было, его сочиняли позднее, облагораживая память об ушедшем воине, что полностью вписывается в синтоистскую философию почитания предков.

Традиция оставлять в конце жизни какой-либо итоговый текст действительно существовала. Она восходит к началу XIII века, когда главы успешных воинских кланов начали составлять семейные наставления (*какун*) — своего рода внутренние уставы, следуя которым потомки патриарха могли продолжить его успех. За несколько веков таких наставлений было написано великое множество, и со временем в общественном сознании прочно утвердилось представление о том, что достойный человек перед уходом из жизни непременно должен подвести ей какой-то итог. Текст мог быть длинным или коротким, в прозе или в стихах, но какой-то должен быть обязательно.

Сохранившиеся описания обстоятельств смерти многих известных военачальников, да и просто здравый смысл подсказывают, что вряд ли увлечение предсмертной поэзией могло быть массовым. Во-первых, сами обстоятельства. Далеко не каждый человек на грани жизни

и смерти способен создать что-то изящное по форме и глубокое по содержанию. Во-вторых, вряд ли самуран XVI века, в подавляющем большинстве люди не самого аристократического происхождения и культуры, настолько хорошо владели литературным китайским языком. Из сохранившихся записей известно, что в поэтических турнирах того времени участвовали в основном священнослужители и придворные аристократы, а представители воинского сословия стихи писали крайне редко. К числу немногих военачальников, наделённых поэтическим даром, принадлежал, например, Акэти Мицухидэ. Авторы романов и пьес, написанных в последующие мирные столетия, наверняка сочиняли стихи лучше, чем самуран эпохи междоусобиц. Грамотно, с соблюдением всех этикетных форм составленные письма и распоряжения военачальников также не могут служить доказательством их литературной одарённости, поскольку главы воинских домов сами документов не писали — для этого у них были штатные писари (*юхицу*), обычно из числа священнослужителей.

Кроме того, в последние минуты жизни любой уважающий себя воин должен был позаботиться о том, чтобы его голова не оказалась экспонатом на чужом празднике. Это была последняя возможность подпортить ему торжество. В таких ситуациях последним помощником обречённого полководца часто становился кто-то из его ближайших соратников, а последним союзником — огонь. Перед тем как совершить самоубийство, он приказывал поджечь помещение — быстро пожиравшее внутренние перегородки пламя перекрывало путь нападавшим и заставляло их отступить. Старший военачальник и его ассистент в этом случае оказывались в огненном кольце и тоже лишались выхода, но он был уже не нужен. Во многих случаях помощник, обезглавив своего начальника, разрубал его тело на части, чтобы останки было невозможно опознать,

или прятал тело и голову в разных местах по отдельности. Огонь и обломки здания довершали погребение. Самоубийство в горящем помещении считалось самым надёжным способом избежать посмертных унижений. Так встретили свою смерть Ода Нобунага, его старший сын Нобутада, Мацунага Хисахидэ, Сибата Кацуиэ и многие другие полководцы.

Голову от тела отделяли также в тех случаях, когда смерть заставляла командира в полевых условиях или на чужой территории. Так случилось, например, с Акэти Мицухидэ, который погиб во время ночного боя с отрядом местных крестьян, «зачищавших» окрестности после сражения при Ямадзаки. Надеясь сохранить его гибель в тайне, соратники Мицухидэ закопали его голову в лесу отдельно. Впрочем, история междоусобных войн оставила множество самых разных образцов поведения в последние минуты. Бывали случаи, когда командиры пытались

Гибель семьи

предъявлением своей головы спасти жизни подчинённых. Так поступил в 1578 году Акамацу Масанори, военный губернатор провинции Харима. Окружённый в своём домашнем замке, он перед смертью распорядился передать свою голову командовавшему операцией Тоётоми Хидэёси в обмен на сохранение жизни оставшимся обитателям и защитникам замка.

Японские женщины в то время нечасто брали в руки оружие, но их отношение к смерти не очень отличалось от мужского. Во многих воинских кланах крупное поражение главы дома становилось смертным приговором для всех членов его семьи, и женщины в таких случаях без колебаний принимали свою судьбу. Для них тоже самоубийство считалось наиболее почётным способом ухода из жизни, но в отличие от мужчин они убивали себя ударом кинжала в горло. Согласно хроникам, так погибли жёны военачальников Уэно Таканори (1575), Бэссё Нагахару (1580), Такэда Кацуёри (1582) и многие другие. Те, у кого не хватало сил лишить себя жизни, обращались за помощью к мужчинам.

В одной из хроник провинции Будзэн (остров Кюсю) сохранилось описание редкого случая, когда женщине, а точнее, молодой девушке в силу обстоятельств пришлось выступить в роли ассистента при самоубийстве. В 1584 году во время штурма форта Нэкоо его хозяин Куроги Изнага оказался в безвыходной ситуации, когда в последний момент рядом с ним не оказалось никого, кроме 13-летней дочери. Приставив к своему животу меч, он велел ей помочь себе и отсечь голову, но дрожащая от страха девочка наотрез отказалась. Она много раз слышала, что для самурая нет большего позора, чем предстать живым перед ворвавшимся в дом противником, но ничего не могла с собой поделать. Махнув на дочь рукой, отец вонзил меч себе в живот и скорчился на полу от боли. Некоторое время девочка в ужасе смотрела на него, а за-

тем не выдержала и, взяв меч двумя руками, опустила его на шею отца. Затем она с окровавленной головой и мечом в руках бросилась к выходу, где была схвачена нападавшими. Девочка не только осталась в живых, но и получила известность как достойная дочь своего отца, которая в трудный момент всё-таки приняла верное решение. Впоследствии она вышла замуж за самурая из воинского дома Оки и родила ему двоих детей.

Достойный уход из жизни главы семьи и его ближайшего окружения давал возможность его потомкам жить в согласии с окружающим миром, а в некоторых случаях даже помогал в жизни. Во время похода Ода Нобунага против Такэда Кацуёри многие местные командиры, предвидя поражение своего командующего, сразу перешли на сторону будущего победителя. Среди немногих приближённых, сохранивших верность присяге, был Цутия Масацунэ (1556–1582). Он до последних минут сопровождал Кацуёри и его семью, а когда они попали в окружение и глава дома решил, что пришёл его час, Масацунэ с личной охраной сражался на последнем рубеже, чтобы дать своему начальнику возможность достойно уйти из жизни. В последний момент он помог Кацуёри и его 14-летнему сыну Нобукацу совершить *сэппуку*, а затем покончил с собой. Узнав об этом, Токугава Иэясу через несколько лет приказал разыскать малолетнего сына Масацунэ и назначил его адъютантом к своему сыну Хидэтада, будущему второму сёгуну династии Токугава. В 20-летнем возрасте Масацунэ за верную службу был награждён владениями с доходом в 20 тысяч *коку* риса и стал удельным князем Цутия Таданао (1582–1612). Так верность воинскому долгу, продемонстрированная отцом, определила судьбу сына.

В семейной хронике дома Асакура говорится о том, что отношение к старшему сыну и наследнику после гибели отца прямо зависит от того, насколько он соот-

ветствовал кодексу чести и как встретил смерть. В годы правления сёгунов Токугава это неписаное правило эпохи междоусобиц превратилось в писаное и было зафиксировано в воинском уставе *Хэйхо синрон* («Новый воинский кодекс»).

Конечно, бесконечное геройство бывает только у сочинителей, а в реальных междоусобных войнах случалось всякое: бывало, что и на поле боя лишь для вида выходили, и форты добровольно сдавали, и клятве изменяли. Случалось это настолько часто, что после боя свою доблесть и отвагу нужно было подтверждать и доказывать. Поэтому в отчётах о прошедшем сражении его участники обычно указывали имена свидетелей, которые могли подтвердить достоверность сведений. Зная, что в бою некогда смотреть по сторонам, соратники заранее договаривались, что будут указывать друг друга в качестве свидетелей, и иногда даже обменивались шлемами — свой собственный проще различить среди многих.

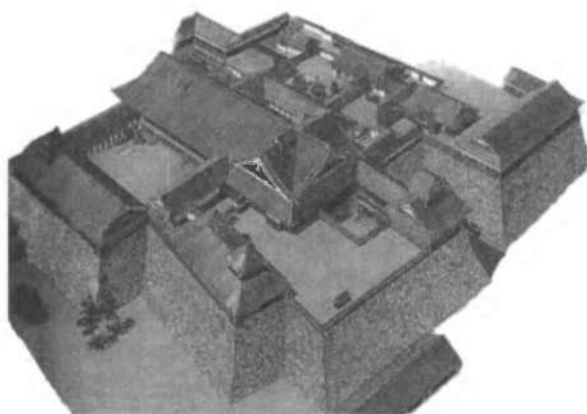
Известная из исторической литературы привычка японцев перед боем громко выкрикивать своё имя и воинское звание идёт отсюда же — прокричав своим и чужим, кто он и откуда, воин получал множество свидетелей того, что за этим последует. Что также способствовало проявлению лучших качеств — струсить или предать намного труднее, когда все знают, кто ты такой. А если ты пал на поле боя и «труп твой повернут головой к врагу», как требует воинский кодекс, то и об этом свидетели тоже расскажут.

Привычка сообщать всем своё имя была связана также с тем, что один и тот же человек в разном возрасте именовался по-разному. Японцы считали, что имя человека должно соответствовать его возрасту, семейному положению, социальному статусу и даже физическому состоянию. Взрослея, человек проходит через определённые этапы своей жизни и в соответствии с этим должен по-

разному именоваться. Поэтому любой знатный самурай имел не менее трёх имён — детское, взрослое и посмертное. Детское имя он получал при рождении и носил его до совершеннолетия, а взрослое сопровождало его всю дальнейшую жизнь, но и оно никогда не бывало единственным. Например, «христианский *даймё*» Такаяма Укон в разное время называл себя именами Томонага, Нагафуса, Сигэтомо. Если юношу отправляли в другую воинскую семью — на воспитание или в качестве заложника, — он просто обязан был сменить не только фамилию, но и имя. То же самое происходило, если взрослый уже военачальник принимал буддийский сан — примерами могут служить такие известные имена, как Ходзё Соун, Сайто Досан, Уэсуги Кэнсин, Такэда Сингэн. Существовали и другие поводы для смены личного имени, у каждого свои собственные. Например, у Токугава Иэясу смена личного имени и фамилии выглядела следующим образом: от детского имени Такэтиё к взрослым Мацудайра Мотонобу, Мацудайра Мотоясу, Мацудайра Иэясу и, наконец, Токугава Иэясу. Под всеми этими именами он и фигурирует в текстах XVI века.

С женскими именами было ещё сложнее. В Японии с давних времён существовала традиция именовать знатных женщин по названию тех селений или фортов, где они жили. Например, племянница Ода Нобунага по имени Тятя в юном возрасте стала наложницей Хидэёси и впоследствии родила ему наследника. Во дворец Фусими девушка переехала из замка Ёдо, где жила некоторое время, и за ней сразу же закрепилось новое имя — «госпожа Ёдо». В источниках того времени встречается великое множество его вариантов: от сравнительно простых Ёдогими и Ёдодоно²⁰ до многосложных Ёдо но камисама (мидайсама,

²⁰ *Гими* и *доно* — почтительно-вежливые суффиксы, добавляемые к женским именам.

Главная усадьба крупного замка

оути, омаэсама, онёбосю и т. д.). Во всех случаях неизменным оставалось только название замка, из которого она прибыла. А после того, как она переехала из Фусими в замок Осака, её стали называть «госпожой Осака» или «хозяйкой Осака» с теми же многочисленными вариантами. Затем Хидзэси построил для неё на территории замка отдельную Вторую усадьбу (*Ниномару*), и Ёдодоно (она же Осака-сама) превратилась в Ниномару-сама, Ниномару-доно и т. д. По названию занимаемых в замке помещений различали также жён и наложниц крупных военачальников (в том числе и сёгунов); жён называли словом *сэйсицу* (буквально «главная комната»), а наложниц — *сокусицу* («боковая комната»).

Имена женщин менее знатного происхождения в течение всей жизни тоже часто менялись, но не столь кардинально. Например, если в молодости девушку звали просто Фуку, то с возрастом к её имени добавлялся вежливый префикс *о-* и она превращалась в Офуку, а если выходила замуж за знатного господина и становилась хозяйкой большого дома, то её величали Фуку но ката или Офуку но ката.

Таким образом, имена — как мужские, так и женские — служили своего рода лозунгом, под которым человек проживал тот или иной отрезок своей жизни. Что вполне соответствовало традиции давать такие же лозунги правлению каждого нового императора. Всё это было частью японского понимания принципа соответствий, при котором внешняя форма, наименование или лозунг объекта должны соответствовать его внутреннему содержанию. Это понимание во многом остаётся таковым и сегодня, только по части личных имён произошло большое сокращение.

Часть 2

ТОКУГАВА ИЭЯСУ

Преемник Нобунага

Предки

Токугава Иэясу родился в небольшой провинции Микава (современная префектура Сидзуока), в центральной части острова Хонсю. Сегодня это восточная часть префектуры Айти в 180 километрах к западу от Токио. Мальчик появился на свет холодным зимним вечером 26 декабря 1542 года²¹. Родила его 14-летняя девушка по имени Одай (1528–1602), приёмная дочь местного военачальника Мидзуно Тадамаса (1493–1543), владевшего небольшим фортом Кария. За год до этого, в 13-летнем возрасте, она была выдана замуж за 15-летнего Мацудайра Хиротада (1526–1549), отца Токугава Иэясу. Брак был заключён в политических целях и имел сугубо практическую направленность — отцы жениха и невесты вместе боролись за выживание в условиях войны между двумя соседними кланами Ода и Имагава. Владения Ода граничили с провинцией Микава на западе, а земли Имагава — на востоке. Семьи Мидзуно и Мацудайра воевали на стороне Имагава. Через год после свадьбы у молодых супругов родился первенец, будущий Токугава Иэясу.

²¹ Здесь и далее даты приводятся по старояпонскому календарю.

Одай, мать Токугава Иэясу

Восемь поколений его предков носили фамилию Мацудайра и входили в число мелкопоместных военных предводителей. Семейная история Мацудайра полна белых пятен и почти целиком опирается на летописный источник «Сказание о Микава» (*Микава моногатари*), составленный в 1622 году вассалом Токугава по имени Окубо Хикодзаэмон (1560–

1639). В хронике говорится, что семью основал Мацудайра Тикаудзи, поселившийся в провинции Микава в годы правления Оэй (1394–1427). О нём известно лишь то, что он был бродячим монахом по имени Токуами, последователем Учения чистой земли. Кочевал он не один, а вместе со своим отцом Нагаами. В летописи говорится о том, что Токуами был потомственным монахом в десятом поколении, занимался стихосложением *рэнга* (буквально «цепочка строф») и принимал участие в поэтических турнирах. Бродячий монах чем-то приглянулся местному предводителю из деревни Мацудайра уезда Камо, который принял его в семью и отдал ему в жёны свою старшую дочь. Сегодня на месте деревни Мацудайра находится город Тоёта с населением в 420 тысяч человек, в котором располагается управление известного автомобильного концерна.

Японские крестьяне фамилий не имели, поэтому их называли по имени с добавлением названия местности, в которой они жили. Личных имён могло быть два или больше. Например, полное имя тестя Токуами звучало как Мацудайра Тародзаэмон Нобусигэ. Отказавшись от монашеского сана, Токуами стал именовать себя Мацудайра Тародзаэмон Тикаудзи. По некоторым сведениям, Тикаудзи занимался

тем, что добывал древесину, минералы, металл и продавал их местным крестьянам. Сегодня его назвали бы индивидуальным предпринимателем. Известно также, что Тикаудзи неплохо стрелял из лука и умел обращаться с мечом. Через какое-то время он собрал небольшой отряд и начал воевать с соседями. Победив двух соперников (одного из соседней деревни, другого — из соседнего уезда), Тикаудзи занял их земли и построил на них небольшой укрепленный форт. Когда и как это произошло, хроника не сообщает. Через два столетия летописцы приписали первому Мацудайра благородство и великодушие, заботу о людях и стремление к обустройству местной жизни на радость благодарным селянам.

Чем занимался Тикаудзи до того, как стать бродячим монахом, неизвестно, но «Сказание о Микава» указывает на его связь с древним воинским родом Гэндзи Нитта, жившего в волости Токугава (уезд Нитта) провинции Кодзукэ (современная преф. Гумма). Во второй половине XIV века Токуами и его отец лишились своих владений и были изгнаны из родных мест, поэтому стали бродячими монахами.

Это описание повторяет версию семейной родословной, которую Токугава Иэясу предста-

Дом Мацудайра Тикаудзи
(графика литературного источника)

вил в 1602 году императорскому дому перед назначением на должность сёгуна. Она была принята и стала официальной историей семейства Токугава. Изучив имеющиеся источники, японский историк Ватанабэ Ёсукэ в 1934 году пришёл к выводу, что сведения о жизни Токуами до 1394 года не имеют документального подтверждения, а некоторым фактам и вовсе противоречат, поэтому сегодня общепринятой считается точка зрения, что предки Токугава Иэясу до 1394 года либо были бродячими монахами, либо занимались чем-то другим, о чём не сохранилось никаких сведений.

Построив на добытой воинскими трудами земле семейный форт, Мацудайра Тикаудзи впоследствии передал его своему преемнику Мацудайра Ясутика — то ли сыну, то ли младшему брату. О втором Мацудайра хроника провинции Микава сообщает, что в 1421 году он с помощью родственников захватил форт Ивадзу, который впоследствии будет переименован в Окадзаки и на долгие годы

станет главной резиденцией Мацудайра.

Большой вклад в дело семейных завоеваний внёс третий глава дома Нобумицу. При нём фамилия Мацудайра впервые попала в военную хронику сёгуната Асикага. Нобумицу оставил после себя 48 детей, потомки которых расселились по всей западной части провинции Микава

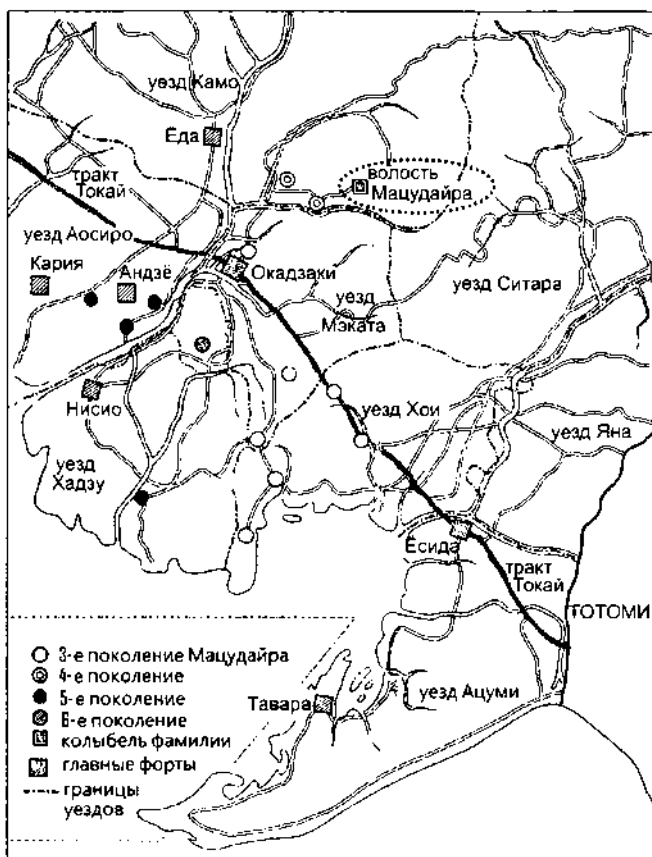
Провинция Микава на карте Японии

и основали 14 семей с фамилией Мацудайра. Некоторые из них со временем перебрались в столицу и породнились с известными воинскими и аристократическими домами.

Во времена четвёртого патриарха (Тикагада, 1431–1501), пятого (Нагатика, 1473–1544) и шестого (Нобутада, 1490–1531) войны с соседями продолжались и шли с переменным успехом. Чаще всего воевать приходилось с домом Имагава, хотя и с другими соседями стычки тоже случались.

Седьмой по счёту глава семьи Киёёсу (1511–1535), дед Токугава Иэёсу, вошёл в её историю как один из самых боевых и успешных. После добровольной отставки отца он в 13 лет возглавил семью и сразу же напал на замок Окадзаки, принадлежавший его дяде Мацудайра Нобусада, чтобы наказать родственника «за непочтительность к главной семейной ветви». Непочтительность действительно имела место. Амбициозный Нобусада в своё время боролся за пост главы дома со своим старшим братом и отцом Киёёсу, но проиграл. Традиция победила, и Нобутада возглавил семью, хотя особенно к этому и не стремился. Ещё больше Нобусада огорчился, когда старший брат в 32 года ушёл в отставку, а наследником назначил не его, молодого и полного сил мужчину, а своего 13-летнего сына. Узнав, что племянник идёт на него войной, дядя бежал из своего замка, и он достался юному Киёёсу. Так в 1524 году Окадзаки стал главной резиденцией разветвлённого семейства Мацудайра и оставался ею следующие 46 лет.

Несмотря на молодость, Мацудайра Киёёсу оказался успешным воином: с 1525 по 1529 год он захватил форты Асука, Ёсида, Тавара на востоке провинции Микава и взял под контроль окружавшие их земли. После этого он совершил вылазку в соседнюю провинцию Овари и овладел фортами Синано и Ивасаки, принадлежавшими союзникам дома Ода. Именно при Киёёсу семейство Мацудайра стало приобретать характерные черты воинского дома —

Происхождение Мацудайра

передавать землю по наследству и иметь собственных вассалов, также владевших небольшими уделами.

В августе 1531 года 20-летний Мацудайра Киёясу впервые подписал одно из своих распоряжений фамилией Сэрада. Это была заявка. Воинский клан Сэрада, боковая ветвь дома Гэндзи Нитта, причислял себя к потомкам сёгунов Минамото. К этой же ветви принадлежали сёгуны Асикага и их дальние родственники Имагава. Цель присвоения известной фамилии была очевидна — поднять ав-

торитет семьи и встать вровень со своим восточным соседом и вечным противником Имагава. Одно дело, когда на родственника сёгунов Асикага и потомка Минамото нападает праправнук бродячего монаха, и совсем другое — если такой же знатный противник, как и он сам.

Мацудайра Киёёсу

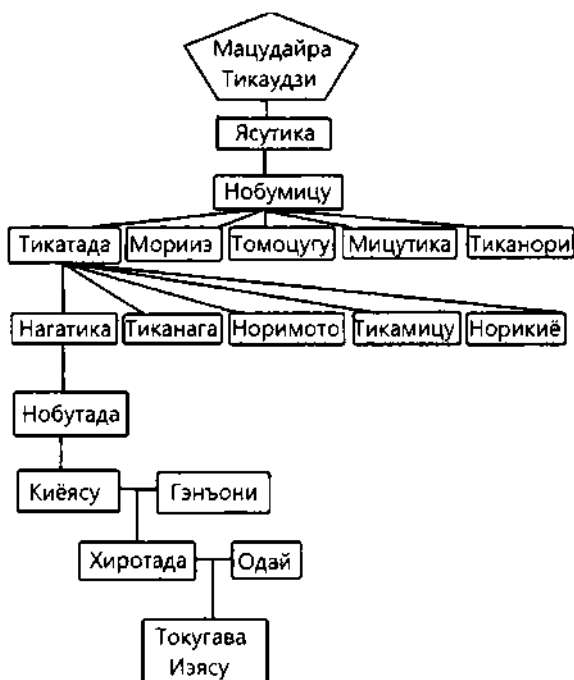
Случайно или нет, но главные успехи Мацудайра Киёёсу начались в том же 1531 году. Объявив себя потомком именитых предков, он после ряда успешных вылазок взял под контроль всю западную половину провинции Микава и часть восточной. Никогда ещё семья Мацудайра не контролировала столь обширной территории. Успехи Киёёсу не давали покоя изгнанному им из собственного дома дяде Нобусада. Чтобы справиться с племянником, он сблизился с его главным противником из соседней провинции Овари, Ода Нобухидэ (1510–1551), отцом Ода Нобунага. Оба были заинтересованы в устранении молодого и воинственного Мацудайра Киёёсу.

Решив убрать соперника чужими руками, Нобусада распустил слух, что главный старейшина Киёёсу по имени Абэ Садаёси (1505–1549) тайно перешёл на его сторону и только ждёт удобного момента, чтобы расправиться со своим начальником. Одновременно он начал убеждать сына старейшины по имени Масатоё, что единственный способ спасти отца от неизбежной расправы — это убить Мацудайра Киёёсу²². Коварный план сработал. В конце

²² По другой версии, распространение ложных слухов организовал не Мацудайра Нобусада, а Ода Нобухидэ.

1535 года Киёясу с 10-тысячным отрядом отправился на захват форта Морияма в провинции Овари, и во время подготовки к штурму сын старейшины убил 24-летнего командира.

Смерть Киёясу стала для для главной ветви дома Мацудайра катастрофой, поскольку его сыну в тот момент не исполнилось ещё и десяти лет. Через неделю после гибели главы семьи Ода Нобухидэ воспользовался ситуацией и попытался захватить Окадзаки. В ходе ожесточённого боя защитники замка численностью около 800 человек отразили атаку и заставили противника отступить. Благодаря этой победе девятилетний отец Токугава Иэясу остался в живых; с этого дня началась его вражда с Ода Нобухидэ.

Предки Токугава Иэясу

Отразив первую атаку, замок Окадзаки тут же подвергся новой, на этот раз со стороны Мацудайра Нобусада (?–1538). С помощью поддержавших его родственников Нобусада вернул себе замок Окадзаки и исполнил давнюю мечту — объявил себя главой дома Мацудайра. Изгнанный Хиротада (1526–1549) уехал в провинцию Исэ и провёл там полтора года под опекой старейшины Абэ Садаёси, который испытывал чувство вины за поступок своего сына. Уже через год против нового главы семьи Нобусада сложился заговор, в котором объединились родственники и часть вассалов главной ветви Мацудайра. Обратившись за помощью к соседу Имагава, они получили от него подкрепление и в июне 1537 года изгнали Нобусада из Окадзаки. Благодаря этому 11-летний Хиротада смог вернуться в отцовский дом. Оказавший ему помощь сосед Имагава Ёсимото (1519–1560) взял мальчика под свою опеку, а заодно и его земли под свой контроль. В следующем году Мацудайра Нобусада умер от болезни, и семейный конфликт на этом прекратился.

В июне 1540 года Ода Нобухидэ совершил очередную вооружённую вылазку против Мацудайра и захватил форт Андзё, расположенный совсем рядом с Окадзаки. Это был большой успех Ода и крупная неудача Мацудайра — потеря форта означала, что его главный домашний замок мог быть в любой момент атакован с близкого расстояния. Отсутствие дееспособного главы дома и ослабление позиций в борьбе с восточными и западными соседями вызвали раскол среди родственников и старейшин. В сентябре того же года на сторону усилившегося Ода Нобухидэ перешли Мацудайра Тадамото, Мацудайра Нобутака и Сакаи Тадахиса, дальний родственник Мацудайра.

Детство и юность

В 1541 году 15-летний Мацудайра Хиротада по совету старейшин заключил политический брак, взяв в жёны дочь местного военачальника Мидзуно Тадамаса (1493–1543), и через год у них родился сын, будущий Токугава Иэясу. Мальчика нарекли традиционным для семьи Мацудайра именем Такэтиё — так звали в детстве его деда Киёясу и трёх его старших братьев. В следующие два с половиной столетия это детское имя ещё семь раз будет вписано в семейные хроники Токугава, а трое из семи Такэтиё впоследствии станут сёгунами — в третьем, четвёртом и десятом поколениях.

Через полтора года после рождения будущего Токугава Иэясу в судьбе его семьи произошёл очередной крутой поворот — в 1544 году умер его дед по матери Мидзуно Тадамаса, а его сын и преемник Нобумото (?–1576) объявил, что намерен заключить союз с Ода Нобухидэ, главным на тот момент врагом Мацудайра. Хиротада, пользовавшийся покровительством Имагава, не мог оставить

в доме сестру изменника, поэтому разорвал брак и отправил жену к её старшему брату. Там она была повторно выдана замуж в дом Хисамацу, и в этом браке она родила ещё семерых детей. На втором году жизни Мацудайра Такэтиё был разлучён с матерью и в следующий раз увидел её в 17-летнем возрасте.

Отец Токугава Иэясу на следующий год женился на девушке по имени Маки,

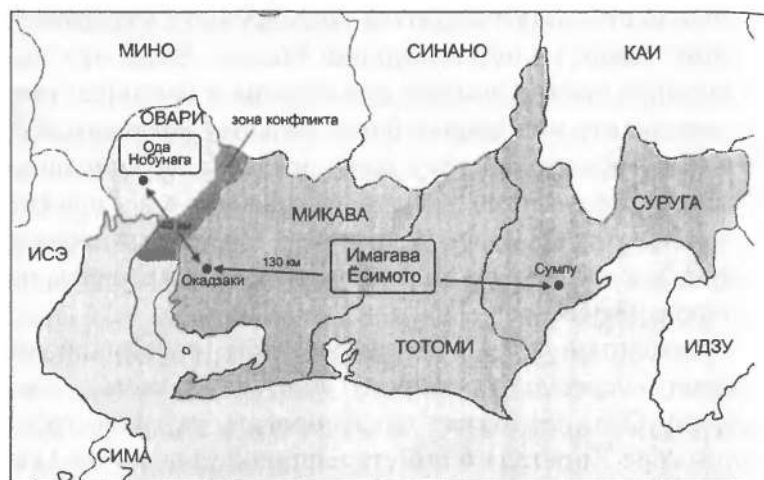

*Памятник матери
Токугава Иэясу*

дочери местного предводителя Тода Ясумицу, владевшего фортом Тавара на юге провинции Микава. Видя, что дом Мацудайра быстро слабеет, его вассалы и союзники стали переходить под защиту более сильных покровителей. Главная угроза домашнему замку исходила от потерянного ранее форта Андзэ, находившегося всего в нескольких километрах от Окадзаки. В сентябре 1545 года Хиротада собрал все оставшиеся силы и попытался его вернуть, но потерпел поражение.

Расколотив клан Мацудайра, часть родственников которого перешли на сторону Имагава, а часть — на сторону Ода, продолжал балансировать на грани гибели. Вскоре Хиротада и его старейшины узнали, что Ода Нобухидэ собирает большие силы для нападения на Окадзаки. От владений Ода его отделяли всего 10 километров, что позволяло атаковать замок с ходу, без строительства осадных сооружений. Шансов на то, чтобы защититься своими силами, было немного, поэтому на семейном совете было решено обратиться за помощью к Имагава Ёсимото. Восточный сосед владел двумя провинциями и по своим возможностям намного превосходил Ода Нобухидэ.

Заключив военный союз с Имагава, Хиротада пообещал отправить к нему заложником своего единственного сына Такэтиё, которому в тот момент шёл пятый год. Второго августа 1547 года мальчик под охраной выехал в Сумпу, город, расположенный в 130 километрах восточнее Окадзаки, где находился главный замок Имагава. Безопаснее всего было добираться морем, поэтому группа сопровождения двинулась сначала на юг, в прибрежный форт Тавара, которым владел Тода Ясумицу, отец второй жены Хиротада и вассал Имагава. Здесь он должен был посадить мальчика на судно и сопроводить его в Сумпу, но вместо этого привёз его в провинцию Овари и передал Ода Нобухидэ. Токугава впоследствии говорил, что был

Зона конфликта

продан отцу Ода Нобунага за 500 *каммон* серебром²³ — именно такую сумму получил Тода Ясумицу в качестве вознаграждения²⁴. Впрочем, деньги были не единственной целью предварительного сговора — Тода Ясумицу разорвал отношения с Имагава и перешёл на сторону Ода.

Узнав о предательстве союзника, Имагава Ёсимото отправил в Тавара карательный отряд. В ходе боя, состоявшегося в том же 1547 году, Тода Ясумицу и его старший сын были убиты. Потеря заложника не повлияла на союз Мацудайра и Имагава — последний продолжал оказывать соседу военную помощь.

Заполучив Такэтиё, Ода Нобухидэ потребовал от его отца в обмен на возвращение заложника сдать замок Окадзаки, но Хиротада ответил, что это невозможно

²³ В пересчёте на современные деньги один *каммон* серебра равнялся примерно 80 000 иен (700–800 долларов США), поэтому сумма вознаграждения составила около 400 тысяч долларов США.

²⁴ По другим сведениям, вознаграждение составило 1000 *каммон* серебром.

и он готов пожертвовать сыном, раз уж так получилось. Нобухидэ оставил мальчика у себя и отдал на воспитание в храм Мансё, приставив к нему одного из своих вассалов. Одай, мать Такэтиё, жила неподалёку, но видиться с сыном не могла. Время от времени она отправляла к нему прислугу с подарками и через неё узнавала, как он живёт.

В октябре 1547 года против Хиротада выступил ещё один родственник, Мацудайра Тадамити. Заручившись поддержкой Ода Нобухидэ, он тоже попытался захватить замок Окадзаки, но сил не хватило. После этого Хиротада обратился к Имагава с просьбой прислать подкрепление, чтобы покончить с постоянной угрозой и вернуть себе форт Андзё. Решающий бой произошёл в марте следующего 1548 года в местечке Адзукидзака, в нескольких километрах южнее форта. Имагава Ёсимото прислал на помощь союзнику около 10 тысяч человек, численность собственных сил Мацудайра неизвестна; им противостоял пятитысячный отряд под командованием Ода Нобухидэ. Описание боя не сохранилось; согласно единственному упоминанию в биографии Ода Нобунага, победу одержали объединённые силы Имагава и Мацудайра. В хронике говорится, что хаотично наступавшие воины Ода столкнулись с эшелонированным построением вооружённых длинными копьями пехотинцев Имагава в семь рядов и были разбиты (*Синтё коки*). Несмотря на неудачу в этом бою, Ода Нобухидэ сохранил контроль над фортом Андзё.

Тактическая победа укрепила позиции молодого главы дома Мацудайра, но не решила вопрос семейного единства — вскоре после боя при Адзукидзака ещё один родственник перешёл на сторону Ода, и в ноябре того же года Хиротада пришлось брать штурмом его форт Яманака.

Ода Нобухидэ не сдавался. Осенью 1548 года он после нескольких лет вражды заключил мирный договор со своим северным соседом Сайто Досан (1494–1556) и теперь мог полностью сосредоточиться на провинции Микава.

Бой при Адзукидзака

Не сумев добиться победы в прямом военном столкновении, он сменил тактику и начал готовить тайную операцию. Третьего марта 1549 года подсланный им наёмный убийца Ивамацу Хатия убил 23-летнего Мацудайра Хиротада²⁵. Это был последний удар — обезглавленный клан уже не мог сопротивляться, и его соседи вступили в борьбу за раздел его владений.

Имагава Ёсимото хотя и находился в три раза дальше от Окадзаки, чем Ода Нобухидэ, опередил его, отправив в Микава крупные силы. Его командиры взяли под контроль главный замок и его окрестности, а также ключевые форты в восточной части провинции, примыкавшей к владениям Имагава. В общей сложности он захватил около двух третей провинции Микава. Жёны и дети старейшин,

²⁵ По другой версии, отец Токугава Иэясу умер от болезни.

ключевых вассалов и союзников главной ветви Мацудайра были отправлены в Сумпу в качестве заложников. Таким образом, весной 1549 года дом Мацудайра потерял самостоятельность и перешёл под протекторат Имагава. Очередной раунд междоусобных войн, удачно начатый дедом Токугава Иэясу, со смертью его отца завершился глубоким кризисом. Вассалы и союзники Мацудайра лишись своих земель, остались без жалованья и занялись крестьянским трудом, чтобы как-то прокормиться. Время от времени Имагава привлекал их на боевые операции и ставил на самые опасные участки, где они несли наибольшие потери.

Военную организацию Имагава в то время возглавлял его старший родственник, опытный командир Тайгэн Сэссай (1496–1555). Взяв под контроль замок Окадзаки, он предложил главе клана сделать то, что пытался, но не смог Мацудайра Хиротада, — отбить у Ода Нобухидэ форт Андзё и ликвидировать главную угрозу замку. В августе 1549 года он с семитысячным отрядом взял его штурмом и захватил в плен хозяина форта Ода Нобухиро (?–1574)²⁶. В ноябре того же года состоялся обмен пленными — Нобухиро возвратился к отцу, а семилетний Мацудайра Такэтиё отправился в Сумпу. Из заложника Ода он превратился в заложника Имагава. По пути его завезли в Окадзаки, чтобы дать возможность навестить могилу отца, а вассалам Мацудайра показать, что семья имеет наследника и, следовательно, будущее.

Потеряв форт Андзё, Ода Нобухидэ резко снизил активность и фактически прекратил борьбу — в источниках больше нет упоминаний о его походах в провинцию Микава. В 1552 году он умер во время эпидемии, и главой дома стал 18-летний Нобунага. Следующие пять лет в семье

²⁶ Старший брат Ода Нобунага. Был рождён наложницей, поэтому не мог претендовать на роль главы дома.

Ода шла борьба между родственниками, поэтому на внешнем фронте она не воевала.

В 1554 году соседние кланы Имагава, Ходзё и Такэда заключили тройственный военный союз, и каждый из них получил возможность сосредоточиться на своём направлении, не опасаясь за тылы. Имагава Ёсимото начал расширяться на запад, в провинцию Микава и далее, к владениям Ода.

Следующие 11 лет Мацудайра Такэтиё провёл в Сумпу. Согласно семейной хронике, он жил в отдельной усадьбе и с девяти лет принимал участие в воинском ритуале. У него было два взрослых куратора, Сакаи Масатика и Найто Масацугу, и семь юных адъютантов: Сакаи Тадацугу, Аmano Ясукагэ, Сакакибара Тадамаса, Хираива Тикаёси, Абэ Мотоцугу, Исигава Кадзумаса и Тории Мототада. Все они впоследствии стали его ближайшими соратниками и сопровождали в течение всей жизни.

Памятник Токугава Иэясу
в г. Сидзуока

Будущий Токугава Иэясу изучал начальную грамоту в местном храме Риндзай, его домашним воспитанием занималась жившая в Сумпу бабушка Гэнъо, а военному делу обучал старейшина Тайгэн Сэссай. С юных лет он пристрастился к соколиной охоте, которую любил потом всю жизнь. В лесах соседнего уезда Камбара водилось несметное количество птиц, на которых он охотился, вы-

пускающая в небо соколов (*Сёэй кидзи*). Никаких записей о детстве и юности Токугава Изясу не сохранилось. В более поздних источниках есть немало эпизодов, свидетельствующих о ранней одарённости юноши, но историки по понятным причинам не воспринимают их всерьёз.

В январе 1556 года 13-летний Такэтиё прошёл обряд совершеннолетия и получил взрослое имя Мотонобу, в котором первый компонент *мото* был взят из имени главы клана. Взрослую причёску мальчику делал его будущий тесть Сэкигути Тиканага, а взрослый головной убор надел лично Имагава Ёсимото.

После церемонии ему впервые за семь лет было разрешено съездить домой, чтобы посетить могилы отца и деда. Прибыв в семейный замок, юноша продемонстрировал понимание этикета и уважение к воинской иерархии, поселившись не в Главной усадьбе замка, которую занимал наместник Имагава, а во втором по значению доме. Узнав об этом, Ёсимото похвалил воспитанника, сказав, что он растёт достойным сыном своего отца. Мотонобу провёл на родине несколько недель, встретился с потомственными вассалами своей семьи, после чего вернулся в Сумпу.

В январе 1557 года у 14-летнего Мотонобу появилась жена, племянница Имагава Ёсимото по имени Сэна²⁷

*Мацудайра Такэтиё
(памятник в г. Сидзуока)*

²⁷ Известна также под именами Цурухимэ, Цукияма, Цукияма-доно, Цукияма годзэн, Суруга годзэн.

(1542–1579). С этих пор глава клана стал его тестем, а его старший сын и наследник Удзидзанэ — сводным братом.

После обряда совершеннолетия и вступления в брак следующим важным событием в жизни юноши стало боевое крещение. Поводом для него стал переход на сторону Ода одного из вассалов Имагава, местного военачальника Судзуки Хюга, контролировавшего несколько фортов в западной части провинции Микава. Поскольку измена произошла на родине Мотонобу, ему было поручено провести карательную операцию силами своих вассалов. В тот момент юноше было 15 лет и два месяца. Собрав в Окадзаки своих людей, он в феврале 1558 года подошёл к форту Тэрабэ и поджёг его внешние укрепления, после чего отошёл назад. Нападение на форт изменника не планировалось — малочисленному отряду Мотонобу это было не по силам. Для боевого крещения обычно выбирались несложные операции, поскольку поражение в первом бою считалось плохим предзнаменованием. Так было и на этот раз, хотя совсем без жертв не обошлось — хозяин форта выслал навстречу нападавшим отряд, и Мотонобу потерял несколько человек.

Имагава Ёсимото в молодости

Несмотря на скромные результаты, сам факт боевого похода под командованием юного наследника Мацудайра воодушевил его вассалов и вселил надежду на будущее. Успешно пройдя боевое крещение, Мотонобу получил в награду от Имагава часть своих же земель в провинции Микава с небольшим доходом в 300 каммон серебром

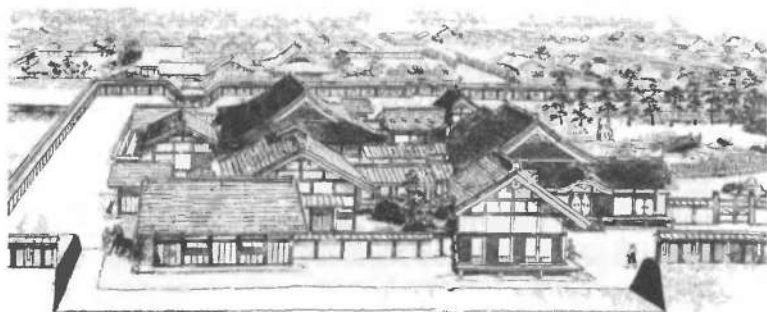
и короткий меч, впоследствии ставший его постоянным оружием.

После боевого крещения юноша снова сменил имя и стал называть себя Мотоясу. Указывающий на связь с Имагава компонент *мото* остался без изменений, а иероглиф *нобу* был заменён на *ясу* — в знак уважения к заслугам деда Мацудайра Киёясу.

Вскоре после этого на Мацудайра Иэцугу, одного из друженственных родственников Мотоясу, напал Ода Нобухидэ, и старейшины Мацудайра попросили Имагава разрешить юноше вернуться домой, чтобы защитить семейный замок, но Ёсимото, уже начавший подготовку к большому походу против Ода Нобунага, в просьбе отказал.

Клан Имагава вёл своё происхождение от боковой ветви сёгунов Асикага и чрезвычайно гордился своей родословной. Его замок в Сумпу был выстроен по образцу столичной резиденции сёгунов Асикага, а сам глава дома считал себя вторым после сёгуна человеком в воинской элите и вёл весьма аристократический образ жизни. Он увлекался классическими искусствами и даже чернил себе зубы, что считалось признаком особой утончённости и высокого вкуса. В то время это делали только женщины и высшая придворная аристократия. Ёсимото любил яркие цвета: его походный паланкин и шлем были выкрашены в красный цвет и контрастировали с ослепительно белой кирасой. Подражая столичным родственникам, Ёсимото увлекался поэзией, живописью, регулярно устраивал чайные церемонии и любованию цветами, а самые красивые места в окрестностях Сумпу повторяли столичные названия. Все эти привычки были привиты ему с детства.

Имагава Ёсимото родился в 1519 году пятым по счёту сыном, поэтому в наследники не планировался. В три года отец отправил его вместе с личным наставником Тайгэн Сэссай в крупный столичный храм, где мальчик провёл больше десяти лет и прошёл полный курс обучения.

Сумпу, домашняя резиденция Имагава

В 1535 году старший брат Удзитэру, занявший место отца, вернул его в Сумпу, а на следующий год после смерти обоих старших братьев Ёсимото неожиданно попал в число претендентов на пост главы семьи, который и занял некоторое время спустя.

Важную роль в этом сыграл его дядя и влиятельный старейшина Тайгэн Сэссай. В том же 1536 году он стал начальником штаба и ближайшим советником главы дома, отвечавшим за организацию всего военного дела. За 19 лет работы в этой должности он значительно её усилил и модернизировал. Согласно хронике провинции Микава, уже через шесть лет после появления огнестрельного оружия в Японии армия Имагава использовала его в бою (*Микава моногатари*). Тайгэн Сэссай также внёс изменения в боевую тактику и организацию войска. В первой половине XVI века бои чаще всего проходили по схеме «навала»: командующий собирал подчинённых ему командиров и ставил задачу. После этого отряды занимали свои позиции и вступали в бой, а ему оставалось лишь ждать результата. Сэссай упорядочил взаимодействие между высшим и средним звеном управления, ввёл в практику составле-

ние списков всех старших командиров с указанием численности и характера вооружений их подчинённых. Это облегчило планирование операций и повысило управляемость войском во время боя. Реорганизация усилила клан Имагава и принесла ему несколько громких побед, а Ёсимото стали называть лучшим полководцем восточных провинций (*токайдоити юмотори*, буквально «лучший лучник Восточного тракта»)²⁸. В течение шести лет Тайгэн Сэссай обучал будущего Токугава Иэясу военному делу, поэтому можно считать, что он прошёл хорошую школу. В 1555 году наставник умер, и эта смерть ослабила военную организацию Имагава.

Тайгэн Сэссай, первый наставник
Токугава Иэясу

В следующем после боевого крещения 1559 году у 16-летнего Мацудайра Мотоясу родился первенец, которого по традиции нарекли детским именем Такэтиё. В том же году юный командир получил первое самостоятельное задание — доставить продовольствие и боеприпасы в форт Одака. Это укрепление, одно из пяти защищавших юго-восточную границу владений Ода, построил Нобунага, но вскоре его комендант вместе с гарнизоном перешёл на сторону Имагава. Форт Одака стал передовым его укреплением во владениях Ода и требовал особого внима-

В следующем после боевого крещения 1559 году у 16-летнего Мацудайра Мотоясу родился первенец, которого по традиции нарекли детским именем Такэтиё. В том же году юный командир получил первое самостоятельное задание — доставить продовольствие и боеприпасы в форт Одака. Это укрепление, одно из пяти защищавших юго-восточную границу владений Ода, построил Нобунага, но вскоре его комендант вместе с гарнизоном перешёл на сторону Имагава. Форт Одака стал передовым его укреплением во владениях Ода и требовал особого внима-

²⁸ Неофициальный титул для полководцев, сохранившийся со времён эпохи Камакура.

ния и снабжения. Некоторые старейшины сомневались, стоит ли поручать неопытному юноше столь сложную операцию; форт Одака был окружён подконтрольными Ода укреплениями Васидзу, Марунэ, Тэрабэ и Умэдзу, защитники которых вполне могли дать бой отряду Мотоясу и сорвать доставку груза. Но после успешного боевого крещения глава дома поверил в способности своего воспитанника и настоял на своём решении.

Он не ошибся — молодой командир не стал полагаться на присущие молодости лихость и напор, а прибег к военной хитрости: с наступлением темноты его люди подожгли защитную изгородь в двух самых удалённых от Одака фортах Тэрабэ и Умэдзу и устроили вокруг них шум и движение. Увидев вдали огонь и услышав крики, защитники Марунэ и Васидзу побежали на выручку соседям, а гружённые провиантом и боеприпасами лошади незаметно подошли к Одака с противоположной стороны и доставили груз по назначению.

Этот успех окончательно убедил Имагава Ёсимото в том, что в его лагере стало одним толковым командиром больше. До конца 1559 года Мотоясу принял участие ещё в нескольких боевых эпизодах, в том числе и против своего дяди Мидзуно Нобумото, перешедшего на сторону Ода Нобунага. В марте 1560 года 17-летний юноша встретился со своей матерью Одай, которую не видел 15 лет, и на правах старшего взял под своё покровительство трёх её сыновей, рождённых во втором браке, — Ясутоси (1552–1586), Ясумото (?–1603) и Садакацу (1560–1624). Все они получили право носить фамилию Мацудайра и стали членами семьи, формирующейся вокруг молодого командира.

В мае 1560 года находившийся в расцвете сил 40-летний Имагава Ёсимото с 25-тысячным войском двинулся на запад и, пройдя через провинцию Микава, вторгся в соседнюю Овари, которую к тому времени объединил под своей

властью Ода Нобунага. Конечная цель похода Имагава неизвестна, но на первом этапе Ёсимото рассчитывал захватить восточную часть провинции. Соотношение сил гарантировало ему успех: Ода Нобунага, имевший в своём распоряжении около шести тысяч человек, вряд ли мог оказать сопротивление 25-тысячной армии Имагава, собранной в трёх подконтрольных ему провинциях. С учётом того, что поход начался в мае, задолго до наступления холодов, нельзя исключать и более масштабных задач, которые мог ставить перед собой глава находившегося на подъёме воинского клана. Некоторые японские историки считают, что Имагава планировал захватить всю провинцию Овари и, возможно, даже дойти до столицы, если обстоятельства сложатся благополучно. Гарантирующий надёжный тыл тройственный союз с соседями Такэда и Ходзё говорит в пользу такого предположения, но есть и контраргументы. Прежде всего расстояние. Город Сумпу отстоял от столицы на 300 километров, и путь этот пролегал через земли других воинских кланов, в том числе крупных. Без предварительных договорённостей с ними отправляться в столь дальний поход было крайне рискованно. Окадзаки находился на 130 километров ближе к Киото, а Киёсу — ещё на сорок. Но и остававшихся 130 километров было достаточно, чтобы усомниться в реальности такого плана, если он существовал.

Своего старшего сына и наследника Имагава Ёсимото в поход не взял — он остался охранять домашний замок. Войдя в провинцию Овари, армия Имагава разделилась на две части: одна взяла курс на Киёсу, главный город Ода Нобунага, а вторая направилась к его пограничным фортам Марунэ, Васидзу, Тэрабэ и Умэдзу. Первый из них было поручено захватить Мацудайра Мотоясу. Утром 19 мая его люди подожгли внешние укрепления форта и пошли на штурм, в то время как соседний форт Васидзу атаковал Асахина Ясутото, другой командир Имагава. К де-

Стилизованное изображение
Имагава Ёсимото

вяти часам утра оба укрепления были взяты, и в ставку Имагава помчались гонцы с победными вестями.

Сам глава клана с пяти тысячным отрядом в это время двигался по основному тракту на северо-восток, в глубь провинции. Он и раньше свысока относился к своему западному соседу, а теперь, после падения Марунэ и Васидзу,

решил, что главное дело сделано и теперь коменданты местных фортов начнут один за другим переходить на его сторону. Остановившись в полдень на привал у горы Окэадзама, командиры Имагава решили отпраздновать победное начало похода и открыли бочонки с *сакэ*. Глава клана принимал в это время подношения от местных монахов, собравшихся, чтобы поприветствовать именитого полководца. Сопровождавшие его в походе актёры декламировали здравицы в честь победителя на импровизированной полевой сцене. Однако сразу после обеда праздничная атмосфера была прервана нападением неизвестно откуда взявшегося Ода Нобунага.

За день до этого гонец сообщил ему о приближении передовых отрядов Имагава к фортам Марунэ и Васидзу и передал послание комендантов, что они вряд ли их удержат, но молодой глава дома никак не отреагировал на тревожную весть. Судя по всему, он просто не знал, что делать, и решил положиться на судьбу. На следующий день он встал рано утром, позавтракал, наскоро испол-

нил предположительный воинский ритуал и с двумя сотнями конных гвардейцев покинул Киёсу. К восьми часам он прибыл в форт Ацута и оттуда увидел дым над Марунэ и Васидзу — оба форта уже горели. Затем он заехал в ближайший форт Тангэ, приказал гарнизону готовиться к выступлению и назначил место сбора в расположенном рядом храме Дзэнсё. Через некоторое время здесь собралось чуть более двух тысяч человек. Головной отряд Имагава был уже совсем рядом, и Нобунага отправил против него 300 человек во главе с Сасса Масацугу и Сэнсю Суэтада. Отвлекающий манёвр завершился коротким боем с предсказуемым результатом — отряд Нобунага был разбит, оба его командира погибли. Для Имагава Ёсимото это была вторая хорошая новость за день.

Обогнув с севера Наруми, Нобунага прибыл в форт Накадзима и здесь объяснил своим людям цель операции. «Атакуем полевую ставку Имагава. Цель одна — голова Ёсимото. Вперёд, и на всё воля неба». Отчаянному манёвру Нобунага сопутствовала удача — в час дня хлынул тяжёлый короткий ливень, и потоки воды устремились по склонам горы, заливая лагерь Имагава. Спасаясь от дождя, его люди рассредоточились и собрались под установленными на скорую руку навесами, оставив шатёр главнокомандующего практически без защиты. Около двух часов дня дождь прекратился, и люди Нобунага бросились вниз по склону в атаку. Застигнутая врасплох личная охрана Ёсимото схватилась за оружие, но была смята налетевшими сверху бойцами. Из 300 охранявших его гвардейцев в живых осталось не более 50 человек, а основной отряд в беспорядке рассеялся по долине. В ходе боя был убит и сам Имагава Ёсимото. Его подвели аристократические привычки: в походе он передвигался в своём ярко-красном паланкине, что позволило дозорным Нобунага точно установить его местонахождение.

Бой при Окэадзэма

Гибель командующего крупной армией, да ещё на марше, — редчайшее событие. Поход прервался в самом начале, и армия Имагава отправилась в обратный путь, захватив обезглавленное тело Ёсимото, чтобы похоронить его на родине. Однако из-за установившейся жары довести его до места не удалось, и тело предали земле в провинции Микава.

Весь день 19 мая Мацудайра Мотоясу провёл в форте Одака, в нескольких километрах от Окэадзэма. Невероятное сообщение о гибели главнокомандующего

поставило перед ним вопрос, что делать дальше. Кое-то из вассалов предложил воспользоваться ситуацией и немедленно вернуться в Окадзаки, но молодой командир решил подождать и убедиться, что Имагава действительно погиб. На следующий день к нему прибыл посланник от его дяди Мидзуно Нобумото. Он подтвердил гибель Ёсимото и посоветовал юноше возвращаться не в Сумпу, а к себе в Окадзаки. Мотоясу так и сделал — с большими предосторожностями вернулся на родину. В его замке всё ещё находились люди Имагава, поэтому молодой командир решил переждать ситуацию в ближайшем храме Дайдзю. Через три дня наместник Имагава вместе со свитой покинул Окадзаки, и юноша смог занять свою семейную резиденцию, 11 лет остававшуюся без хозяина.

Местный предводитель

Погибшего Имагава Ёсимото на посту главы дома сменил его 22-летний сын Удзидзанэ (1538–1615). Как и отец, он имел множество аристократических привычек — увлекался каллиграфией, стихосложением и популярной в придворной среде игрой в мяч (*кэмари*). Боевые походы и организация военного дела интересовали его гораздо меньше, и Мацудайра Мотоясу об этом знал. Удзидзанэ был всего на четыре года старше его и не пользовался тем авторитетом, которым обладал его отец. Раздумывая обо всём об этом, Мотоясу всё больше склонялся к мысли, что его отношения с семьёй Имагава не могут оставаться прежними.

Первый год оба молодых военачальника занимались собственными делами. Для Удзидзанэ это было трудное время. Гибель Ёсимото посеяла в лагере Имагава неуверенность и тревожные ожидания. В бою у горы Окэхадзама

Замок Окадзаки (современный вид)

вместе с ним погибли многие старшие командиры — Юи Масанобу, Итиномия Мунэкорэ, Мацуи Мунэнобу, Ии Наомори и другие. Почувствовав ослабление в руководстве клана, союзники Имагава из восточной части Микава стали подумывать о переходе на службу к более сильным покровителям. Удзидзанэ принял меры, потребовав от них прислать в Сумпу новых заложников.

В начале января 1561 года к нему прибыл представитель сёгуна, чтобы в новой ситуации помочь наладить отношения с домом Мацудаира. По его просьбе глава соседнего клана Ходзё Удзиясу (1515–1571) в качестве по-

средника обратился к Мотоясу с предложением заключить военный союз с Удзидзанэ. Детали этих переговоров неизвестны, но они не увенчались успехом.

На первом этапе главной задачей Мотоясу стало восстановление былых позиций семьи. За прошедшие годы расклад сил в восточной части Микава сильно изменился, и самым заметным фактором стало усиление воинского дома Кира. Заключив союзы с Имагава и Ходзэ, он подчинил себе многих местных предводителей и расширил контролируемую территорию. Однако в январе 1561 года глава дома Ёриясу умер от болезни, и Мотоясу воспользовался этим для нападения на соседа. В апреле ему удалось одержать победу в бою у дамбы Дзэммё (*Дзэммё-цуцуми но татакаи*), а в сентябре — в местечке Фудзинами (*Фудзинами-наватэ но татакаи*), после чего дом Кира капитулировал и стал вассалом Мацудайра.

Ещё до начала боевых действий дядя Нобуясу, Мидзуно Нобумото, предложил ему подумать о союзе с западным соседом Ода Нобунага, эффектная победа которого над Имагава Ёсимото сделала его известным в воинских кругах. Ближайшие планы Нобунага в тот момент были связаны с соседней провинцией Мино, где правил дом Сайто, поэтому он нуждался в союзнике на востоке.

Вопрос о новом союзе вынесли на обсуждение совета. Мнения разделились — Сакаи Тадацугу (1527–1596) поддержал идею, а другой родственник, Сакаи Таданао, выступил категорически против. У обоих нашлись сторонники, и обсуждение вылилось в горячую перепалку, едва не закончившуюся гибелью Таданао, но молодой глава сумел погасить страсти. Союз с набирающим силу западным соседом показался ему более перспективным, чем продолжение отношений с Имагава Удзидзанэ, слабости которого были хорошо известны.

После нескольких осторожных контактов и согласований через посредников Мацудайра Мотоясу сделал

окончательный выбор и в январе 1562 года приехал к Ода Нобунага в его замок Киёсу, где в присутствии Мидзуно Нобумото подписал соглашение о военном союзе. Встреча двух командиров, отцы которых много лет воевали друг с другом, прошла с соблюдением воинского ритуала и в торжественной обстановке. Как старший партнёр и хозяин дома, 28-летний Нобунага подарил 19-летнему Мотоясу два меча работы известных мастеров Нагамицу и Ёсимицу²⁹. Союз скрепили договорённостью о будущей помолвке между дочерью Нобунага и сыном Мотоясу, которым в тот момент было по два года; сама помолвка состоялась через 15 месяцев.

Двадцатилетний период вражды между домами Ода и Мацудайра закончился, и теперь во весь рост встала проблема отношений с недавним союзником и покровителем Имагава. Вернувшись из Киёсу, Мотоясу сразу же отправил в Сумпу своего представителя с объяснениями, что союз с Ода заключён исключительно из соображений безопасности на западной границе и не направлен против Имагава. Глава дома Мацудайра уверял Удзидзанэ, что остаётся верен многолетним партнёрским связям и надеется на добрососедские отношения в дальнейшем. Всё это был чистой воды камуфляж в расчёте на то, что Удзидзанэ не может быстро перейти к решительным действиям, поскольку в тройственном союзе Имагава — Такэда — Ходзё к тому времени возникли серьёзные противоречия.

Расчёт оказался верным — предательское, по мнению многих, соглашение с Ода Нобунага не привело к казни жены и двоих детей Мотоясу, остававшихся в заложниках у Удзидзанэ, и военному походу против него. Однако и дальше оставлять семью в чужих руках было опасно, и Мотоясу с помощью советника Исигава Кадзумаса (1533–1593) разработал операцию, похожую на ту, с по-

²⁹ Знаменитые оружейники из провинции Бидзэн на острове Кюсю.

мощью которой 13 лет назад Тайгэн Сэссай освободил его самого из плена Ода Нобухидэ.

Четвёртого февраля 1562 года отряд Мацудайра напал на форт Каминого, принадлежавший Удоно Нагатэру, одному из вассалов Имагава. Хозяин форта был женат на родной сестре Имагава Ёсимото и имел в этом браке детей. В ходе боя Нагатэру был убит, его форт захвачен, а члены семьи попали в плен. Затем состоялся обмен заложниками, в результате которого семья Удоно Нагатэру вернулась в Сумпу, а жена и дети Мотоясу — в Окадзаки. Этот эпизод стал ещё одной неудачей Удзидзанэ и ухудшил его и без того не блестящую репутацию. Напав на вассала Имагава, молодой Мацудайра ясно дал понять, что больше не является его союзником.

Эпизод с освобождением заложников обернулся гибелью служившего у Имагава тестя Мотоясу, Сэкигути Тиканага, — он был заподозрен в том, что сговорился с зятем и помог ему освободить дочь и внуков, поэтому получил приказ покончить жизнь самоубийством. Некоторое время спустя Удзидзанэ казнил ещё 11 заложников из семей Суганума, Сайго и Ситара, которые ушли от Имагава и примкнули к союзу Ода и Мацудайра.

Жена Мотоясу с сыном и дочерью благополучно вернулись в Окадзаки, и семья воссоединилась после двухлетней разлуки, однако переориентация на союз с Ода Нобунага поссорила супругов. Цукияма, племянница Имагава Ёсимото и двоюродная сестра Удзидзанэ, заявила мужу, что он предал её и детей, заключив договор с недавним врагом, пока они были в заложниках. Теперь он их освободил, но это стоило жизни её отцу. И все эти жертвы ради союза с Ода, заклятым врагом семьи, которая их обоих вырастила. Эта ситуация нанесла тяжёлый удар по отношениям супругов, они отдалились друг от друга.

Получив независимость, Мацудайра Мотоясу снова сменил имя, заменив в нём компонент *мото*, указывав-

ший на связь с Имагава Ёсимото, на *изэ*, и стал именовать себя Иэясу. Причины выбора точно неизвестны; есть версия, что он связан с именем Минамото Ёсинаэ (1039–1106), одного из первых сёгунов знаменитой воинской династии, которую Токугава всю жизнь считал образцом для подражания. Согласно семейной хронике, смена имени произошла 6 июля 1563 года.

Военный союз Ода и Мацудайра действительно оказался сугубо оборонительным — первые шесть лет союзники действовали раздельно: Нобунага воевал на северо-западном направлении, Иэясу — на восточном. Их первая совместная операция состоялась только в сентябре 1568 года, во время похода Ода Нобунага на столицу. Цели и масштаб боевых действий союзников также были не сопоставимы: ещё воюя против соседнего клана Сайто, Нобунага уже думал о высшей власти, в то время как Иэясу предстоял ещё долгий путь к тому, чтобы взять под контроль свою родную провинцию Микава.

Первым серьёзным испытанием для него стало вооружённое восстание в её западной части в сентябре 1563 года. Оно началось с изъятия рисовых запасов у храма Дзёгу местным феодалом Суганума Садааки для нужд построенного им форта. Ограбленный храм призвал своих сторонников отомстить обидчику и отправил вооружённый отряд на захват соседнего форта Сасаки, союзника Суганума. Через несколько недель в трёх западных уездах провинции Микава уже шли бои между последователями буддийского учения и местными военачальниками, вассалами и союзниками Мацудайра. В провинции Микава доминировали буддийские школы Дзэн и Дзёдо. Их храмы представляли собой самостоятельную военную и экономическую силу и активно участвовали в борьбе за власть на местном уровне. Имея собственные земли и вооружённые отряды численностью в одну-две тысячи человек, они были освобождены от налогов и не подчинялись никому,

кроме своих духовных лидеров. Участие в боевых действиях помогало храмам расширять земельные владения, а в отдельных случаях позволяло брать власть в свои руки, как в провинциях Кага и Этидзэн, например.

У местных военачальников были свои резоны воевать против Мацудайра. Во-первых, далеко не все были рады возвращению молодого главы дома; во-вторых, многие выступали против его союза с Ода. Кроме того, в провинции было много последователей Учения чистой земли, искренне веривших в то, что его защитники после смерти гарантированно попадают в рай, а их противники вечно горят в аду. Этот религиозный фактор повлиял на многих вассалов и родственников главной ветви Мацудайра и побудил их поддержать мятежников. Так поступили Мацудайра Изэцугу из Сакураи, Мацудайра Масахиса из Огуса, Сакаи Таданао из Уэно, Хонда Масанобу, Хатия Садацугу, Аракава Ёсихиро, ранее капитулировавший Кира Ёсиаки и многие другие. Некоторые из них обратились за помощью к Имагава.

Другая часть родственников Мацудайра (из Нагасава, из Гои, из Такэноя) поддержали Иэасу. Раскол местного воинства на два лагеря затруднил подавление мятежа и затянул его во времени: боевые действия в провинции продолжались семь месяцев, с сентября 1563 года по март 1564 года. Иэасу сам участвовал в боях и в одном из них был легко ранен — доспехи защитили его от двух пуль. Последнее крупное столкновение состоялось в конце февраля 1564 года у храма Дзёгу, после чего обе стороны, истощив ресурсы, приступили к переговорам. Иэасу повезло, что Имагава Удзидзанэ, занятый своими делами, не прислал мятежникам подкрепление; в этом случае исход кампании мог быть другим.

По условиям соглашения всем противникам Мацудайра были обещаны амнистия и неприкосновенность земельных владений, однако Иэасу с помощью разных

*Мятеж 1563 года в провинции
Микава (гравюра)*

уловок сумел изъять у них часть земель и усилить контроль над западной частью провинции. В ходе подавления мятежа он, с одной стороны, консолидировал и проверил боеспособность своих сторонников, а с другой — оттеснил на периферию противников. Вассалы, выступившие против него исключительно из религиозных побуждений, были прощены и приняты на службу.

Коменданты фортов в восточной части провинции Микава по-прежнему хранили верность дому Имагава, поэтому вскоре после подавления мятежа Иэясу совершил против них несколько рейдов, справедливо решив, что если Удзидзанэ не вмешался раньше, то вряд ли станет делать это сейчас. Наибольшим его успехом стало мирное завоевание в мае 1564 года крупного форта Ёсида. Вступив в переговоры с его хозяином, Иэясу пообещал, что не будет воевать против Имагава, и склонил его к переходу на свою сторону. В доказательство он отправил в Сумпу двух заложников — сводного брата Ясутоси и дочь своего старейшины Сакаи Тадацугу. Расширяя зону влияния в провинции Микава, он действовал предельно осторожно, чтобы не вызвать столкновения со своим бывшим покровителем, который всё ещё значительно превосходил его по ресурсам. До конца 1564 года на сторону Иэясу перешли ещё три бывших союзника Имагава — хозяева форт

Тахара, Нирэнги и Усикуба; таким образом, почти вся провинция Микава перешла под его контроль.

В годы междоусобных войн установление единовластия на территории провинции считалось рубежным достижением. Те, кому это удавалось, отправлялись в столицу за императорским назначением. Победитель получал исторически значимое звание военного губернатора (*сюго*) и соответствующий придворный ранг, что давало ему пропуск в воинскую элиту (военачальники уровня *сэнгоку даймё*). В эпоху Нара военных губернаторов действительно назначали в метрополии, но в XVI веке ни сёгун, ни император уже не оказывали на процесс выдвижения провинциальных полководцев никакого влияния, они лишь фиксировали своими указами ситуацию, сложившуюся в той или иной провинции.

Мацудайра Иэясу решил приурочить к протокольному мероприятию ещё и смену фамилии — это позволяло ему подчеркнуть своё особое положение среди всех прочих Мацудайра. Для смены фамилии требовалась и хорошая родословная, которая связала бы соискателя с именитыми воинскими кланами прошлого. Через местного буддийского монаха по имени Кэйсин Иэясу обратился к столичному аристократу Коноэ Сакихиса (1536–1612), занимавшему при дворе должность Левого министра и имевшему доступ к архивам. Ссылаясь на семейные предания, он сообщил аристократу, что его дед Киёясу происходил из рода Сэрада, боковой ветви воинского дома Нитта, который в свою очередь был связан родственными узами с династией Минамото. Изучив архивы, Левый министр не нашёл упоминаний о том, что представители дома Сэрада когда-либо назначались губернаторами провинции Микава, но зато обнаружил относившееся к первой половине XIII века распоряжение военачальника по имени Сэрада Ёсисуэ (?–1247) из провинции Кодзукэ, подписанное фамилией Токугава — вероятнее всего, по названию

местности, которую контролировал. На этом основании Коноэ предложил Иэясу взять фамилию Токугава, обозначив тем самым генеалогическую связь с известным воинским домом, боковой ветвью Минамото. Совет был принят, архивные поиски оплачены, и в декабре 1566 года император Огимати издал указ о присвоении хозяину провинции Микава фамилии Токугава и неполного пятого ранга младшей ступени (*дзюгои но гэ*). В придворной иерархии это был низший уровень, с которого начинались аристократические привилегии, но для Иэясу он означал серьёзное повышение: со своим прежним рангом он мог рассчитывать лишь на должность рядового канцелярского писаря, если бы вдруг решил устроиться на работу при дворе.

Историческое обоснование смены фамилии Мацудайра на Токугава изложено в семейной хронике и не подтверждается другими источниками, поэтому многие историки подвергают его сомнению. По другой версии, в придворном архиве не удалось обнаружить никакой связи между фамилиями Сэрада и Мацудайра, поэтому Иэясу в прошении было отказано. Если это действительно так, то фамилию Токугава он вообще взял произвольно без каких-либо оснований, но в то время такое бывало часто. Критики официальной версии отмечают, что вторично к своей родословной Иэясу обратился в 1602 году, перед назначением на пост сёгуна, и «нашёл» подтверждение связи своих предков с династией Минамото (Футаки, 2008).

Как бы то ни было, в декабре 1566 года в Окадзаки прошла церемония в честь повышения придворного ранга и смены фамилии, после которой в Японии появился военачальник по имени Токугава Иэясу, владевший небольшой провинцией в центре страны. Товарную продукцию длительного пользования сегодня принято классифицировать по качеству и престижности. Если воспользоваться современной терминологией из этой области, то положе-

ние Токугава Изясу в воинской иерархии того времени можно было бы отнести к низшему сегменту премиум-класса.

В 1565–1568 годах провинция Микава жила спокойной жизнью, содержание которой не привлекло внимания летописцев, но ситуация вокруг неё менялась в обычном для того времени темпе. Скорость и качество этих изменений в первую очередь определялись взаимоотношениями между крупнейшими кланами региона — Имагава, Ходзё, Такэда, Уэсуги и Датэ. Как уже говорилось, в 1554 году соседи Имагава, Такэда и Ходзё заключили тройственный союз и скрепили его политическими браками. В результате каждый из них получил прочный тыл и гарантию от удара в спину, а за счёт этого — свободу рук на своём направлении. Такэда Сингэн (1521–1573) много лет выяснял отношения со своим северным соседом Уэсуги Кэнсин (1530–1578)³⁰, Ходзё Удзиясу (1515–1571) вёл боевые действия на северо-востоке, в провинциях Кодзукэ и Симоцукэ, а Имагава Ёсимото (1519–1560) сосредоточился на западном направлении — провинциях Микава и Овари.

До середины 1560-х годов союз исправно функционировал и был выгоден всем его участникам, однако затем в нём стали нарастать противоречия. Такэда Сингэн за десять лет противостояния с Уэсуги Кэнсин закалил и обучил свою армию, отточил тактику и сплотил командиров. Поддержав Ходзё в его нападении на провинцию Кодзукэ, он получил часть её территории и расширил свои владения на юго-восток. Дом Имагава, наоборот, после 1560 года ослабел и начал сдавать позиции. Заговор против 13-го сёгуна Асикага Ёситэру (1536–1565) и его убийство в 1565 году освободили высший воинский пост и привели в движение многие воинские кланы. Такэда Сингэн,

³⁰ С 1553 по 1564 год армии Такэда и Уэсуги пять раз сходились в крупных сражениях на Каванакадзима (современная преф. Нагано).

ставший к тому времени крупной региональной силой, задумался о продвижении на запад, в сторону столицы, где происходили главные события. В 1567 году ему поступило предложение о военном союзе от Ода Нобунага, помыслы которого также были устремлены на запад. Нобунага ещё воевал в провинции Мино, но уверенно шёл к победе и уже думал о будущем. Союз с молодыми и честолюбивыми Ода Нобунага и Токугава Иэясу открывал перед Такэда неплохие перспективы, поскольку владения трёх кланов покрывали больше половины расстояния от его домашней провинции Каи до столицы. Но было одно небольшое препятствие: между землями Такэда и Токугава лежали две провинции ослабевшего в последнее время Имагава. Решение напрашивалось само собой.

Сломив сопротивление тех, кто выступал против разрыва отношений с многолетним союзником Имагава, Такэда Сингэн заключил альянс с Ода Нобунага и начал готовиться к войне с соседом. Соглашение по традиции скрепили

политическим браком: племянница Нобунага стала женой Кацуёри, четвёртого сына главы дома. Как и все удалённые союзы, альянс Ода и Такэда был заключён в наступательных целях и направлен против того, кто находился между ними, то есть против Имагава. В октябре 1567 года Такэда Сингэн приказал обвинённому два года назад в заговоре и посаженному под домашний арест

Такэда Сингэн (гравюра)

старшему сыну Ёсинобу (1538–1567) покончить жизнь самоубийством и отправил его жену, дочь Имагава Ёсимото, в отчий дом.

Понимая, к чему идёт дело, Имагава Удзидзанэ заручился поддержкой своего союзника Ходзё, а тот в свою очередь подписал договор с Уэсуги Кэнсин, многолетним врагом Такэда. Теперь и Такэда Сингэн в случае

Ода Нобунага

нападения на Имагава мог быть атакован одновременно с двух сторон. Любопытно, что указанная в договоре Ходзё и Уэсуги конечная цель совпадала с намерениями самого Такэда — разобравшись с агрессивным соседом, они вместе собирались идти в столицу, чтобы покарать заговорщиков из клана Миёси и их союзника Мацунага Хисахидэ, убивших сёгуна Асикага Ёситэру (Ямадзи, 2007). Видя враждебные приготовления Такэда, Имагава и Ходзё прекратили поставки соли в провинцию Каи, чем нанесли ему ощутимый хозяйственный ущерб. Соль широко использовалась для консервации продуктов и добывалась только на морском побережье, к которому Такэда Сингэн не имел выхода.

Следующий 1568 год принёс Ода Нобунага большой успех, прозвучавший на всю страну. Победив в борьбе за провинцию Мино, он приблизился к столице на расстояние в 100 километров, которое позволяло организовать военный поход. В августе 1568 года он вышел из Гифу с 40-тысячной армией и двинулся на столицу, где обратил в бегство доминировавший до этого клан Миёси и по-

садил на высший воинский пост Асикага Ёсиаки (1537–1597), младшего брата предыдущего сёгуна Ёситэру. Восстановление сёгуната, привычной формы воинского правления, стало значительным событием в жизни страны.

Токугава Иэясу также принял участие в подготовке этого похода, отправив в распоряжение Нобунага две тысячи человек под командованием своего родственника Мацудайра Нобукадзу (1539–1624). Они хорошо действовали во время захвата форта Мицукури, принадлежавшего Роккаку Дзётэй, и получили от Нобунага благодарность. Впрочем, в столице у них случился конфликт из-за раздела трофеев с подчинёнными Ода Нобуканэ, младшего брата Нобунага, который закончился кровопролитием. Разобравшись в обстоятельствах дела, Нобунага признал виновным своего брата и принёс извинения командиру Токугава, благодаря чему отношения союзников не пострадали. В следующем году отряд из Микава участвовал в военном походе Нобунага в провинцию Исэ против дома Китабатакэ и вновь хорошо себя зарекомендовал.

Союз с Такэда Сингэн

Владения Такэда находились далеко на востоке, поэтому в августовском походе Нобунага на столицу он не участвовал, но крупный успех союзника убедил его, что всё идёт как надо, и ускорил подготовку к войне против Имагава. В октябре 1568 года он предложил Токугава заключить договор, вместе напасть на соседа и поделить его земли: восточную провинцию Суруга Такэда хотел взять себе, а большую часть западной Тотоми был готов уступить союзнику. Сингэн, владевший в тот момент провин-

циями Каи, Синано и частью Кодзукэ, намного превосходил Токугава по материальным ресурсам и действовал с позиций старшего партнёра. Иэясу принял предложение, и военачальники обменялись подписанными кровью клятвами. Таким образом, к концу 1568 года в районе Канто сложились две готовые к столкновению группировки: Такэда — Ода — Токугава против Имагава — Ходзэ — Уэсуги.

Начало зимы — не лучшее время для боевых действий. В районе Канто зимой обычно не воевали, но на этот раз пришлось — глубокие снега, которые заваливали расположенные за высоким горным хребтом владения Уэсуги Кэнсин, исключали его участие в боевых действиях и гарантировали безопасность Такэда в тылу. А на равнине Канто глубокий снег выпадал редко.

Войско Такэда вошло в провинцию Суруга в декабре того же года. Имагава Удзидзанэ выслал ему навстречу войско, но многие его вассалы и союзники, понимая, к чему идёт дело, заранее списались с Такэда и получили от него определённые гарантии, поэтому сразу перешли на его сторону³¹. Армия Имагава оказалась недееспособной; Удзидзанэ вместе с семьёй и ближайшим окружением бежал в замок Какэгава на юго-западе провинции Тотоми. Тринадцатого декабря Такэда Сингэн, не встретив серьёзного сопротивления, вошёл в Сумпу, сжёг и разграбил столицу Имагава.

Одновременно с ним начал боевые действия и Токугава. Он вошёл в провинцию Тотоми с запада и без боя захватил несколько сразу сдавшихся укреплений, в том числе крупный форт Хикума на реке Тэнрю. В течение нескольких дней хозяева фортков на западном берегу реки перешли на его сторону; до конца декабря Токугава взял под контроль

³¹ Так поступили главы домов Сэна, Миура, Асахина, Кацураяма и другие командиры, всего 21 человек.

западную часть провинции Тотоми от границы до реки Ои, примерно четвёртую часть всех земель Имагава.

Выполняя союзные обязательства перед соседом, Ходзё Удзимаса вступил в войну против Такэда. Бои шли с переменным успехом до весны 1569 года, но выход к морю и наличие собственного флота в конце концов склонили чашу весов в пользу Ходзё. Запасы продовольствия в армии Такэда подошли к концу, и в апреле 1569 года он вынужден был вернуться в провинцию Каи, не одержав решающей победы.

В декабре 1568 года Токугава подошёл к замку Какэгава, где укрылся Такэда Удзидзанэ, и окружил его. Но готовиться к штурму не стал. Замок был хорошо укреплён и труднодоступен, а идти до конца и терять людей, чтобы убить Удзидзанэ, он не собирался, поскольку не считал его своим заклятым врагом, так же как Такэда Сингэн — надёжным союзником.

Весной следующего года произошёл инцидент, подтвердивший неоднозначность отношений между новыми союзниками. Старший командир Такэда по имени Акияма Харутика (1527–1575) вошёл с крупным отрядом на подконтрольную Токугава территорию и начал приводить местных военачальников к присяге на верность Такэда Сингэн. Один из них, Огасавара Нагатада, отказался и вместе со своими людьми ушёл в соседний форт к Куно Мунэёси, вассалу Токугава, в расчёте на то, что командир Такэда не станет атаковать его на чужой территории. Но он ошибся — Акияма окружил форт Куно и начал готовиться к штурму. Узнав об этом, Токугава заявил Такэда протест и потребовал объяснений, после чего Акияма снял осаду и ушёл. Этот случай напомнил Иэясу, что в отношениях с союзником нужно быть бдительным.

Всё это время замок Какэгава находился в пассивной осаде. Вскоре после инцидента с Акияма Токугава начал с Имагава переговоры о сдаче замка, пообещав ему амни-

стировать всех защитников и оказать содействие в возврате домашней провинции Суруга. В боевых действиях между Такэда и Ходзё как раз наступила передышка, и люди Токугава тоже нуждались в отдыхе. Его обещание помочь сохранить провинцию Суруга подействовало, и Имагава согласился решить дело миром. Думал ли Токугава в тот момент о разрыве отношений с Такэда и реальной помощи Имагава или просто хотел получить стратегически важный замок, неизвестно. Но действия вассалов Такэда на территории Токугава и его переговоры с противником за спиной Такэда кое-что говорят о качестве их обещаний.

Шестого мая 1569 года замок Какэгава после пяти-месячной осады капитулировал и перешёл под контроль Токугава, а Имагава Удзидзанэ пришлось искать убежища у своего союзника Ходзё. Токугава помог ему добраться до замка Одавара. Сохранить за Имагава домашнюю провинцию Суруга тоже не удалось: одержав победу над Ходзё, Такэда забрал её себе. В борьбе с соседями Имагава Удзидзанэ потерпел поражение, потерял все свои владения и шесть лет спустя по требованию Ода Нобунага переехал жить в столицу. В 1582 году Токугава стал хозяином провинции Суруга и попытался вернуть половину территории прежнему хозяину, но Нобунага воспротивился, заявив, что успешный военачальник не должен вступать в отношения с такими людьми, как неудачник Имагава Удзидзанэ. Тем не менее Токугава сохранил к нему хорошее отношение и передал его своим потомкам — в последующую эпоху несколько поколений выходцев из дома Имагава служили в замке Эдо главными церемониймейстерами.

Не сумев победить Ходзё с первой попытки, Такэда Сингэн в июле 1569 года возобновил боевые действия. На этот раз они проходили не только в Суруга, но и в Сагами, домашней провинции Ходзё (современная префектура Канагава). Оставшись один на один с сильным противни-

ком, Ходзэ Удзимаса попросил помощи у своего союзника Уэсуги, но он ограничился тем, что радушно принял посланника и пообещал прислать подкрепление. До реальной помощи дело не дошло.

На этот раз Такэда Сингэн действовал успешнее. Ему удалось выманить Ходзэ из считавшегося неприступным замка Одавара и навязать ему тактику маневрирования и боёв на открытом пространстве. Вторично заняв полуразрушенный Сумпу, он к концу года взял под контроль всю провинцию Суруга и стал хозяином трёх с половиной провинций. Таким образом, ему достались три четверти всех владений Имагава.

Токугава прибавил к прежней провинции Микава западную часть Тотоми и тоже расширился на восток, в результате чего его главный замок Окадзаки оказался недалеко от западной границы его владений. Обустройство новых земель требовало частых поездок на восток, на дорогу уходило много времени, поэтому было решено сменить главный замок. Оставив Окадзаки на 11-летнего сына Нобуясу, Токугава переехал в форт Хикума в провинции Тотоми. Форт предстояло капитально перестроить и превратить в укрепленный замок, способный выдержать массированный штурм. Изменение в статусе требовало также смены названия, тем более что прежнее было не слишком удачным — составлявшие его иероглифы «сдерживать» (*хику*) и «лошадь» (*ума*) с военной точки зрения вызывали не самые лучшие ассоциации. Новую резиденцию, находившуюся на 50 километров восточнее Окадзаки, назвали словом Хамамацу («береговая сосна»)¹². Переезд состоялся летом 1570 года. Жена Цукияма, отношения с которой у Токугава окончательно испортились, вместе с сыном осталась в Окадзаки и фактически стала его хозяйкой.

¹² Сегодня Хамамацу — город в префектуре Сидзуока с 800-тысячным населением.

Токугава и Такэда. Нападение на Имагава

Женщина с сильным характером и твёрдыми убеждениями, она так и не простила мужу измены дому Имагава и смерти своего отца.

Вместе с Нобунага

Пока Иэясу расширял и обустроивал свои владения, его союзник Ода Нобунага воевал в столичном районе с врагами, которых становилось всё больше. Восстановив сёгунат Асикага, он от имени императора разослал главам крупнейших воинских домов приказ собраться в Киото, чтобы подтвердить лояльность новому сёгуну и принять участие в строительстве его столичной резиденции. На призыв откликнулись не все; отказавшиеся попали в чёрный список, и первым в нём значился клан Асакура из

*Главная пагода замка Хамамацу
(реконструкция 1958 года)*

провинции Этидзэн. Причин было несколько, и одна из них касалась, как обычно, земельных владений. После восстановления сёгуната часть храмовых земель была конфискована и передана сторонникам Ода Нобунага и сёгуна Ёсиаки, в том числе и небольшой удел в провинции Мино, принадлежавший Асакура, но переданный им местному храму. Письменный запрос к сёгуну с просьбой отменить решение о конфискации остался без ответа, и клан Асакура счёл себя оскорблённым. По этой причине предписание Нобунага прибыть в столицу на домашнем совете решили проигнорировать, что и стало причиной карательного похода.

Он начался 24 апреля 1570 года и стал для Токугава первой совместной с Нобунага военной акцией. Войдя в провинцию Этидзэн, его армия быстро захватила передовые форты Тэдзуцуяма и Канэгасаки. Путь к Итидзёдани, домашнему замку Асакура, был открыт, но в этот момент

против Нобунага неожиданно выступил его военный союзник Адзай Нагамаса (1545–1573) из провинции Оми. Его заход в тыл наступавшей армии спутал все карты и вынудил Нобунага отказаться от своих планов; скомандовав отступление, он бросил войско и с десятком охранников бежал в столицу. Токугава вместе с другими командирами тем же маршрутом вернулся в Киото, а затем по главному тракту ушёл в Микава. Поход Нобунага против Асакура закончился неудачей.

С этого момента семьи Адзай и Асакура стали главными врагами Нобунага и центром притяжения для

Поход в Этидзэн против Асакура и бегство Нобунага

других его противников. Уже через два месяца, в июне 1570 года, он воспользовался изменой одного из союзников Адзай и с большой армией подошёл к его главному замку Одани в провинции Оми. Перед выходом он отправил к Токугава гонца с просьбой присоединиться к операции, и вскоре Иэясу с пятью тысячами бойцов вышел на помощь.

Адзай Нагамаса в свою очередь попросил подкрепление у Асакура Ёсикагэ, и тот отправил к нему своего племянника Кагэтакэ с восьмитысячным отрядом. Общая численность сил Ода и Токугава составляла около 25 тысяч человек; из них 15 тысяч встали на левом берегу реки Анэ, а остальные 10 тысяч остались в резерве, державшем в окружении форт Ёкояма. Объединённые силы Адзай и Асакура численностью 13 тысяч заняли позиции на правом берегу реки: пятитысячный отряд Адзай против 10 тысяч Ода Нобунага, а восьмитысячный отряд Асакура — против пяти тысяч под командованием Токугава.

Сражение началось 28 июня в шесть часов утра. Первым переправился через реку и пошёл в атаку Токугава, перед этим отправив в обходной манёвр своего командира Сакакибара Ясумаса (1548–1606). На правом фланге первым атаковал противника Адзай Нагамаса. Речка Анэ небольшая и мелкая — метров десять-пятнадцать в ширину. Ударив с фронта и во фланг, Токугава начал теснить противника, в то время как на участке Ода Нобунага дела поначалу шли хуже. В первой половине боя погибли его командиры Сакаи, Икэда и Мори, это повлияло на боевой дух пехотинцев, и они начали отступать. В семейной хронике Адзай говорится о том, что из тринадцати пехотных шеренг противника были смяты одиннадцать (*Адзай сандайки*). Отступление грозило перерасти в повальное бегство, когда Нобунага ввёл в бой резерв, стоявший у форта Ёкояма. После того как Иэясу на левом фланге заметно потеснил Асакура, а Адзай на правом, наоборот,

продвинулся вперёд, удар свежих сил по растянувшимся позициям противника оказался особенно эффективным. Фланговая атака трёхтысячного резервного отряда смяла боевые порядки Адзай, и его воины побежали. Паника в рядах союзника заставила Асакура Кагэтакэ командовать своим командирам отступление. Адзай вернулся в замок Одани, а Асакура по Северному тракту ушёл в провинцию Этидзэн.

Нашлемник Токугава Иэясу

Обе стороны потеряли в этом бою по две — две с половиной тысячи человек убитыми. По свидетельству очевидцев, берега реки были завалены трупами, а её вода покраснела от крови. Главными факторами победы стали удачные действия Токугава в начале боя, общее численное превосходство и своевременный ввод резерва Нобунага.

Сражение на реке Анэ

Впоследствии он выразил суть своего тактического плана словами, которые широко распространились и стали поговоркой: *нику о кирасэтэ хонэ о тацу*³³. Однако эта победа не стала окончательной в войне с Адзай и Асакура. Оба противника Нобунага остались в живых, сохранили большую часть сил и воевали с ним ещё три года.

Сражение на реке Анэ стало второй за этот год военной акцией, в которой Токугава Иэясу участвовал совместно с Ода Нобунага. Но не последней: в октябре того же 1570 года его помощь снова потребовалась, когда Нобунага попал в тяжёлую ситуацию во время столкновения с Асакура и Адзай в пригороде столицы. После ничем не закончившегося двухмесячного противостояния у стен храма Энряку противники заключили перемирие, и Токугава вернулся домой.

Формально союз Ода и Токугава строился на равноправной основе, но фактически в нём доминировал Нобунага. В письме от 23 марта 1569 года Такэда Сингэн писал одному из своих соратников, что «Токугава полностью следует в фарватере Ода» (Футаки, 2008). После 1570 года Иэясу стал активнее участвовать в борьбе за власть, которую вёл его старший союзник. Против Нобунага начали формироваться коалиции противников, для борьбы с которыми ему приходилось напрягать все силы. Следующий кризис возник на почве ухудшения отношений Нобунага с его подопечным, сёгуном Асикага Ёсиаки. Через полтора года после назначения на высший пост сёгун начал искать союзников среди крупных военачальников, чтобы избавиться от опеки со стороны Нобунага. Внешне сохраняя лояльность своему покровителю, он рассылал в провинции письма, в которых писал о его деспотизме и несправедливости.

³³ «Уступив в малом, выиграть в большом» (буквально: пожертвовав мягкими тканями, перерубить [противнику] кость).

В сентябре 1571 года Ода Нобунага сжёг крупнейший храмовый комплекс Энряку и уничтожил тысячи его обитателей. Это была месть за содействие, оказанное храмом осенью прошлого года силам Адзай и Асакура. Беспрецедентное злодеяние против крупнейшего храма страны всколыхнуло многочисленных последователей буддийского учения и резко увеличило число врагов Нобунага. В сочетании с эпистолярной активностью сёгуна Ёсиаки оно привело к созданию второй антинобунагской коалиции.

В эту коалицию вошёл и Такэда Сингэн, убеждённый последователь буддийского учения. В мае 1571 года в письме, адресованном Мацунага Хисахидэ, он писал: «Сёгун глубоко оскорблён отношением Нобунага и намерен избавиться от него» (*Мусю бунсё*). А узнав о разрушении храма Энряку, назвал Нобунага «дьяволом в облике человека». Кэннэ (1543–1592), духовный лидер храма Исияма, в начале 1572 года призвал состоявшего с ним в родственных отношениях Такэда Сингэн (они были женаты на родных сёстрах) вместе выступить против узурпатора и обидчика буддийского духовенства. Вступив в переписку с Кэннэ, Асакура и другими членами антинобунагской коалиции, Такэда Сингэн принял решение разорвать союз с Нобунага и начал готовиться к походу против него. Первым под удар попадал его ближайший сосед, Токугава Изясу.

В октябре 1571 года умер глава клана Ходзё Удзиясу (1515–1571), и вместе с ним ушла часть личных контактов и договорённостей, определявших соотношение сил в районе Канто. Такэда Сингэн предложил его сыну Ходзё Удзимаса (1538–1590) забыть старые обиды и вместе напасть на соседнюю провинцию Кодзукэ. Поделив её с Ходзё, он планировал не только расширить свои владения, но и обезопасить их с трёх сторон, чтобы иметь свободу рук на западном направлении, против недавних союзников Ода и Токугава. Ходзё Удзимаса состоял в направлен-

ном против Такэда союзе с Уэсуги Кэнсин, его извечным врагом, но это не стало большой проблемой. Во-первых, Уэсуги два года назад не пришёл ему на помощь в войне с Такэда, а во-вторых, Сингэн уверял, что в ближайшее время намерен помириться с Уэсуги, чтобы в тылу у него не было ни одного противника. Перспектива союза с сильным соседом и раздела провинции Кодзукэ перевесила, и глава дома Ходзё пожертвовал отношениями с Уэсуги. Кроме того, он тоже состоял в переписке с сёгуном Ёсиаки и получал от него просьбы о помощи в борьбе с Нобунага. Союз с Такэда позволял планировать совместные действия и на этом фронте. В декабре 1571 года главы домов Ходзё и Такэда обменялись подписанными кровью клятвами и начали готовиться к войне.

Первый враждебный сигнал от Такэда Сингэн поступил в феврале 1572 года. Его посланник встретился с Токугава в Хамамацу и обвинил его в нарушении договора о разделе провинции Тотоми. По его словам, Иэясу была отведена территория к западу от реки Тэнрю, тогда как на самом деле граница раздела проходила восточнее, по реке Ои. Получалось, что Токугава два года незаконно удерживает принадлежавшую Такэда часть провинции; для объявления войны вполне достаточно.

Живший у Ходзё Имагава Удзидзанэ после сближения своего родственника и покровителя с Такэда почувствовал себя неуютно и попросил убежища у Токугава. Иэясу его принял и через него вышел на контакт с Уэсуги Кэнсин (1530–1578), с которым дом Имагава поддерживал хорошие отношения ещё со времён Ёсимото. Токугава и Уэсуги до этого никогда не встречались, поэтому для переговоров им нужен был посредник. Таким образом, в ответ на сближение Такэда и Ходзё возник союз Токугава и Уэсуги, к которому вскоре примкнул и Ода Нобунага. Точная дата договорённостей неизвестна, но в конце 1572 года Нобунага в письме к Уэсуги Кэнсин

уже рассказывал ему о своих успехах и делился планами на будущее (Ямадзи, 2007).

Закончив организационную и дипломатическую подготовку, Такэда Сингэн осенью 1572 года вышел из провинции Каи с 25-тысячной армией и двинулся на запад. Начальником штаба и вторым человеком в его армии был полководец Ямагата Масакагэ (1529–1575). Конечная цель похода официально не объявлялась, поэтому историки до сих пор о ней спорят. Наличие крупной антинобунагской коалиции в центре страны даёт основания предполагать, что Такэда планировал идти на столицу, чтобы изгнать Ода Нобунага и восстановить независимость сёгуна Ёсиаки. А расстояние в 450 километров, отделявшее его земли от Киото, и лежавшие на пути пять провинций, принадлежавших Ода и Токугава, позволяют оппонентам сомневаться в реальности этого плана.

Определённо можно утверждать одно: до наступления холодов Такэда планировал силой или угрозами её применения подчинить себе вассалов и союзников Токугава и за счёт большого численного преимущества нанести ему поражение, чтобы расчистить путь для дальнейшего продвижения на запад, к владениям Нобунага. В том, что Токугава не сможет ему противостоять, можно было не сомневаться: своих сил у него было мало, а окружённый противниками Нобунага вряд ли сможет выслать серьёзное подкрепление. Что касается нового союзника Уэсути, то надвигавшаяся зима должна была надёжно блокировать его в снежной провинции Этиго (современная префектура Ниигата). Устранив Токугава, Такэда получал возможность объединить под своим началом все ресурсы района Канто и следующей весной предпринять генеральный поход на столицу через владения Нобунага. Адзай, Асакура, Миёси, Кэннё, сёгун Ёсиаки и другие противники Нобунага очень ждали этого похода и готовы были его поддержать.

В первых числах октября армия Такэда, разделившись на три группы, начала боевые действия сразу в трёх провинциях: Ямагата Масакагэ с пятитысячным отрядом вошёл в Микава и захватил форты Даминэ и Нагасино, Акияма Нобумото (1527–1575) с такими же силами взял под контроль форты Акэти и Ивасаки в провинции Мино, а сам Такэда Сингэн вторгся в Тотоми с севера и пошёл на юг, поочерёдно захватывая форты Идайра, Инуи, Тэдаран и др. Ввиду подавляющего численного превосходства нападавших почти все укрепления сдались без боя.

Взяв пять фортов на левом берегу реки Тэнрю, Сингэн подошёл к крупному замку Футамата и окружил его. Здесь к нему присоединились Ямагата и Акияма со своими соединениями, и армия Такэда в полном составе начала готовиться к штурму. К этому моменту её численность ещё больше возросла за счёт сдавшихся и перешедших на сторону Такэда союзников Токугава, в том числе таких крупных, как Окудайра и Суганума. В составе армии Такэда воевал и отряд Ходзэ численностью в две тысячи человек.

Замок Футамата стоял на главном тракте Токай и связывал Хамамацу со стратегически важными укреплениями Какэгава и Такатэндзин. В случае его потери они оказывались в изоляции и удержать их было бы крайне трудно. Токугава отправил на помощь окружённому гарнизону подкрепление в три тысячи человек; Такэда выслал ему навстречу отряд, и в местечке Хитокотодзака состоялся скоротечный бой, после которого подкрепление было вынуждено вернуться назад. Пробриться к окружённому замку не удалось.

Весь мобилизационный ресурс Токугава не превышал восьми тысяч человек, в то время как у Такэда было в три с лишним раза больше. Такое соотношение сил оставляло мало надежд, поэтому Иэясу пришлось обратиться за помощью к Нобунага. Союзник отправил к нему три тысячи человек под командованием Сакума Нобумори, Хиратэ

Хирохидэ и Мидзуно Нобумото. Больше он выделить не мог, так как сам оказался в тяжелейшей ситуации.

Командиры Нобунага прибыли в Хамамацу в середине декабря и передали его совет отступить на запад, в Окадзаки, и занять там оборону, но Токугава посчитал бегство от противника на своей земле унижительным и остался в Хамамацу. Он заранее укрепил окружающие его вспомогательные форты и рассчитывал, что с 11 тысячами бойцов сможет отразить нападение.

Через несколько дней после прибытия помощи от Нобунага замок Футамата капитулировал. Он держался больше двух месяцев, но после того, как нападавшим удалось перекрыть систему водоснабжения, защищаться стало невозможно. Пробыв три дня в захваченном замке, Такэда Сингэн переправился через реку Тэнрю и двинулся на юг, к Хамамацу. В штабе Токугава ожидали, что противник будет штурмовать главный замок, и приготовились к обороне, но армия Такэда на полпути изменила направление и двинулась на север, к плато Микатагахара. Этот манёвр всех озадачил, так как противоречил важнейшему правилу — на марше не подставлять противнику спину. После короткого совещания Токугава принял решение выйти из замка и начать преследование, хотя некоторые его соратники возражали, считая это слишком рискованным. Вскоре разведка Такэда доложила, что противник вышел из Хамамацу и движется следом. Это было как раз то, что нужно. В конце плато Такэда остановил свою армию и развернул её в боевой порядок. Опытный полководец тактически переиграл 30-летнего Иэясу: имея более чем двукратный перевес в живой силе, он выманил его из укрепленного замка и заставил принять бой на равнине.

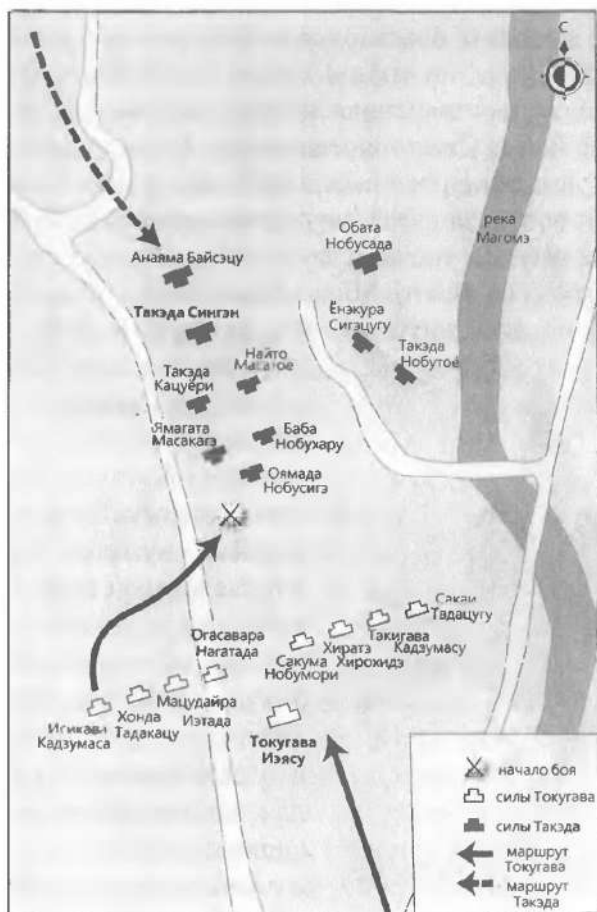
Сражение состоялось на плато, в 12 километрах севернее Хамамацу. Двадцатипятитысячная армия Такэда выстроилась тупым клином (построение *гэрин*, «рыбья чешуя»), а Токугава расположил свои отряды в форме во-

Маршрут армии Такэда

гнутой дуги (построение *какүёку*, «журавлиное крыло»). Некоторое время противники стояли друг против друга, ничего не предпринимая. Затем на правом фланге Такэда вперёд выдвинулись триста прашников из отряда Оямада Нобусигэ и атаковали левый фланг Токугава градом камней (*Синтё коки*). Это нападение, сопровождаемое барабанным боем, началось в четыре часа дня и спровоцировало пехотинцев Исикава Кадзумаса (1533–1593) на ответную атаку. Вслед за ними пошли вперёд остальные семь колонн Токугава, и сражение началось. Поначалу пехотинцы Токугава действовали успешно и начали теснить шеренги Такэда, но спустя некоторое время вперёд выдвинулся отряд под командованием Такэда Кацуёри и создал сильное давление на правом фланге. Одновременно с этим два других соединения Такэда начали энергично продвигаться вперёд на левом фланге, охватывая войско Токугава с двух сторон. Его пехотинцы стали отступать, а затем побежали. Весь бой продолжался около двух часов. Многолетний

опыт сражений на открытом пространстве против Уэсуги помог Такэда одержать полную и безоговорочную победу. В письме Асакура Ёсикагэ он писал, что Токугава потерял больше тысячи человек убитыми, в то время как свои потери он оценил в двести человек. На плато Микатагахара погибли многие командиры Токугава, в том числе Тории Тадахиро, Нарусэ Масаёси, Хонда Тададзанэ, Наканэ Масатэру, Хиратэ Хирохидэ.

Бой на плато Микатагахара (схема)

Сам Иэясу бежал с поля боя верхом. За ним бросились в погоню и в одном месте перехватили; пришлось прорываться с боем, отстреливаясь из лука. Спаситься ему помог опытный командир Нацумэ Ёсинобу (1518–1572), оставленный в Хамамацу за старшего. Узнав о том, что сражение проиграно, он вышел из замка навстречу Иэясу со своим отрядом, встретил его на полпути и вступил в бой с преследователями, прикрыв отход своего командира. Нацумэ и его люди погибли, но Иэясу в забрызганных кровью доспехах благополучно добрался до замка. Съев три чашки риса, он упал и тут же уснул (Ямадзи, 2007). Широко распространённая литературная версия, согласно которой Такэда Сингэн преследовал Иэясу до самого замка, но, увидев широко раскрытые ворота, заподозрил ловушку и повернул назад, не подтверждается источниками и скорее всего не соответствует действительности.

Разгром на плато Микатагахара стал для Токугава уроком на всю жизнь — убедившись, к чему приво-

дят спонтанные решения, он в дальнейшем старался действовать предельно взвешенно и осторожно. Эта выдержка и умение дожидаться нужного момента впоследствии стали его важнейшими чертами. А чтобы не забыть полученный от Такэда урок, он велел художнику нарисовать себя в удивительно неуклюжей для военачальника позе — сидящим на стуле с крайне озадаченным выражением на лице. Говорят, что впоследствии он держал эту картину

*Токугава после поражения
от Такэда*

при себе как напоминание о прощёте, стоившем жизни многим его людям.

Одержав победу, Такэда Сингэн не стал тратить время на осаду главного замка Токугава. Вероятнее всего, полагал, что остальные его союзники теперь и так перейдут на его сторону, что позволит в кратчайшие сроки взять под контроль провинцию Микава и продолжить поход на запад. Всё-таки главная цель заключалась именно в этом. Через несколько дней он отправил главе дома Асакура письмо, которое косвенно подтверждает это предположение. Сообщив своему союзнику о победе над Токугава, Сингэн в то же время упрекнул его в преждевременном возвращении в провинцию Этидзэн, несмотря на благоприятный момент для нанесения удара по Нобунага с двух сторон. Не исключено, что именно поэтому Такэда взял передышку и вернулся в Синано, где и встретил 1573 год. Переждав самое холодное время года в Осакабэ, он в начале февраля возобновил боевые действия захватом форта Нода в провинции Микава. Защищавшие его Суганума Садамицу (1542–1604) и Мацудайра Тадамаса (1543–1577) попали в плен и были переданы Токугава в обмен на заложников из союзного Такэда клана Ямага.

В этот момент у Такэда Сингэн начались проблемы со здоровьем — по некоторым сведениям, у него ещё в декабре время от времени шла горлом кровь, — а теперь болезнь резко обострилась. Главнокомандующего перевезли в замок Нагасино и начали лечить, но улучшения не наступало. В начале апреля, когда его состояние совсем ухудшилось, было решено прекратить поход и возвращаться домой. Такэда Сингэн умер 12 апреля в пути, в форте Комамба (провинция Синано). В разных источниках причиной смерти называется кровоотечение в органах дыхания, вызванное давним ранением, хронической болезнью лёгких или злокачественной опухолью.

Согласно семейной хронике, Сингэн завещал хранить свою смерть в тайне три года и велел заготовить 800 чистых листов бумаги, заверенных его личной печатью. Один из изданных после его смерти указов, датированный июнем 1573 года, до сих пор хранится в семейном архиве. Занявший место отца Такэда Кацуёри (1546–1582) выполнил его завещание — панихида действительно состоялась тремя годами позднее, в апреле 1576 года. Все исходящие документы и распоряжения ещё около двух месяцев заверялись печатью умершего главы дома, но к июню слухи о его смерти широко распространились, и необходимость в маскировке отпала.

Такэда Сингэн возглавлял свою военную организацию 33 года и за это время сделал её одной из сильнейших в стране. На пике активности он кроме домашней провинции Каи контролировал более 120 фортов и прилегающие к ним территории в девяти соседних провинциях, в том числе по сорок с лишним укреплений в Синано и Кодзукэ, десять фортов в Микава, по девять в Тотоми и Суруга, четыре в Идзу, по два в Хида и Эттю и один форт в Мино

(*Коё гункан*). Большое хозяйство отнимало много сил и требовало постоянного внимания. Главе дома помогала группа соратников, известных как «двадцать четыре командира Такэда» (*Такэда нидзю-ёнсё*). Военная организация Такэда долгие годы не знала измен — крайне редкое по тем временам явление. А слухи об авторитете и популярности главы дома ходили далеко за

Такэда Сингэн
(фрагмент гравюры)

將四十二田武

Такэда Сингэн

Двадцать четыре командира Такэда
(гравюра)

пределами его владений. Токугава впоследствии называл его своим учителем и использовал многие его наработки, в первую очередь организацию работы курьеров и службы тайного надзора. В военно-техническом плане он перенял у Такэда использование пращников в начале сражения и подачу сигнала к атаке барабанным боем.

В день триумфа на плато Микатагахара ни сам Такэда Сингэн, ни его полководцы не могли предположить, что всего через десять лет их воинский клан будет разгромлен и прекратит своё существование, а хозяином большей части его владений станет тот самый Токугава Иэясу, который в панике бежал сегодня с поля боя. Однако история сохранила память о талантливом полководце и организаторе военного дела: к 100-летию со дня смерти Такэда Сингэн потомки его вассалов и союзников организовали сбор средств на памятник главе дома. В семейном музее хранится список тех, кто сдал деньги; в нём 592 фамилии, и это кое о чём говорит.

После поражения на плато Микатагахара Токугава пришлось потратить много времени и сил на восстано-

Памятник Такэда Сингэн

ление авторитета среди местных военачальников и контроля над потерянными территориями. Только на возвращение домашней провинции Микава ушло пять лет, и ещё столько же — на его бывшие владения за её пределами. Ода Нобунага за это время завоевал 19 новых провинций и стал главным военачальником страны. Разница в масштабе достижений наглядно демонстрирует различия в темпераменте и манере действий первого и третьего объединителей Японии.

Война с Такэда Кацуюри

Клан Такэда после смерти главы резко снизил боевую активность, и Токугава получил передышку. Союзники Такэда Сингэн по антинобунагской коалиции, наоборот, были деморализованы потерей лидера. Наибольшую выгоду от внезапной смерти восточного полководца извлёк Ода Нобунага. В сжимавшем его со всех сторон кольцо врагов неожиданно появилась крупная брешь, и он перешёл в наступление. Летом 1573 года заставил сёгуна Ёсиаки капитулировать и распустил его правительство, взяв власть в свои руки, а затем добился от императора смены неудачного для себя девиза правления, и в стране началась новая эпоха Тэнсё («небесная справедливость»).

Успех союзника в столице и затишье в лагере Такэда подтолкнули Токугава к действиям. На проходившем через провинцию Микава тракте Токай стоял важный в тактическом отношении замок Нагасино, несколько лет находившийся под контролем Токугава. В конце 1571 года его хозяин Суганума Масасада перешёл на сторону Такэда; теперь Изясу решил воспользоваться моментом и вернуть себе замок. В июле 1573 года он окружил Нагасино и начал осаду. Такэда отправил на помощь союзнику подкре-

пление, но отряд не сумел пробиться к замку и вернулся ни с чем. Через два месяца гарнизон замка капитулировал.

Во время боёв за Нагасино о желании вернуться к Токугава заявил ещё один местный военачальник, Окудайра Садаёси (1537–1599), хозяин форта Цукудэ в провинции Микава. Год назад он тоже перешёл на сторону Такэда и отправил к нему трёх заложников, но теперь, когда Сингэн умер, а Ода и Токугава перешли в наступление, глава дома изъявил желание восстановить прежний вассалитет. Двадцатого августа состоялся обмен клятвами, и Окудайра вновь стал союзником Токугава. Это решение стоило жизни трём его заложникам, в числе которых была и молодая жена его старшего сына Нобумаса (1555–1615). Токугава компенсировал эти потери, расширив вернувшемуся вассалу земельные владения и отдав в жёны его старшему сыну свою 13-летнюю дочь Камэ (1560–1625). Захваченный замок Нагасино также был передан отцу и сыну Окудайра.

В последующие месяцы Токугава вернул себе ещё несколько потерянных ранее фортов — Амагата в Тотоми, Даминэ, Мукаса, Итиномия в Микава и др. Во второй половине 1573 года противники поменялись ролями — инициатива перешла к Токугава, а Такэда Кацуёри лишь реагировал на угрозы, стараясь удержать то, что завоевал отец. Следующим шагом Токугава стали приготовления к возврату ещё одного важного замка, Футамата; рядом с ним был построен осадный форт с постоянным гарнизоном.

В конце 1573 года 27-летний Такэда Кацуёри окончательно утвердился в правах наследника и перешёл к активным действиям. Войдя с 20-тысячной армией в провинцию Тотоми, он сжёг призамковые поселения вокруг Какэгава и Куно, а затем переправился через реку Тэнрю и навязал Токугава бой в окрестностях реки Магомэ восточнее Хамамацу. Он не принёс победы ни одной из сто-

рон, но показал, что организационный период в лагере Такэда закончился и он готов продолжать активную политику своего отца. Часть провинции Тотоми, отвоёванная у Токугава, так и осталась под его контролем. В начале 1574 года Кацуёри захватил форт Ивамуро в принадлежавшей Нобунага провинции Мино, а затем взял в осаду соседний форт Акэти. Нобунага выслал окружённому гарнизону подкрепление, но опоздал — форт пал раньше, чем подошла помощь. Таким образом, к весне 1574 года Такэда Кацуёри восстановил контроль над большей частью территорий, захваченных его отцом полтора года назад.

Высланный на помощь Акэти отряд Нобунага на полпути повернул назад, и Кацуёри продолжил свой рейд по тылам Ода и Токугава. В мае он вошёл в провинцию Тотоми и окружил горный форт Такатэндзин в её юго-восточной части. Форт стоял на горе высотой 150 метров с очень крутыми склонами и считался труднодоступным; два года назад Такэда Сингэн пытался его захватить, но потерпел неудачу. Хозяин форта Огасавара Нобуоки обратился за помощью к Токугава. Борьба за Такатэндзин могла вылиться в генеральное сражение с использованием всех имеющихся ресурсов, но Иэясу не решился с восемью тысячами воинов бросить вызов двадцатитысячной армии Такэда и обратился за помощью к Нобунага.

Осада горного форта продолжалась больше месяца, и всё это время его хозяин, которому неоткуда было ждать помощи, вёл переговоры с Такэда об условиях капитуляции (Хонда, 2010). Ода Нобунага, воевавший в тот момент с повстанцами в дельте Нагасима и провинции Этидзэн, смог собрать войско и выйти на помощь только 14 июня. Токугава ждал его в Хамамацу и был готов немедленно выступить, но 19 июня Огасавара Нобуоки добился от Такэда выгодных условий капитуляции и сдал укрепление. Занятый собственной войной Нобунага вновь опоз-

Поход Такэда Кацуюри в Мино и Тотоми (1574)

дал, а Токугава потерял ещё один важный форт в непосредственной близости от своего главного замка.

В сентябре того же года Такэда Кацуюри подошёл к реке Тэнрю и встал лагерем на её левом берегу, напротив Хамамацу. Угроза главному замку заставила Токугава принять меры — он поставил на правом берегу реки ограждение со стрелковыми вышками и разместил за ним несколько тысяч пехотинцев. Разделённые рекой противники какое-то время стояли друг против друга, после чего Кацуюри отвёл свою армию. Этот эпизод показал, что тактическая инициатива окончательно перешла к нему.

* * *

Весной 1575 года в ближайшем окружении Токугава произошло чрезвычайное происшествие — вассал по имени Кондо сообщил о готовящемся заговоре. По его словам, управляющий наместник Ога Ясиро предложил ему

расширить земельный надел, если он согласится стать его помощником и выполнять кое-какие поручения. Кондо согласился и получил обещанное, но, когда разобрался, в чём дело, рассказал обо всём Иэясу. Ога Ясиро, отвечавший за казну, налоги и поставки риса, контролировал несколько уездов в провинции Микава. Он стал настолько влиятельным, что его расположения искали самые авторитетные старейшины клана. По словам Кондо, Ога Ясиро установил контакты с домом Такэда и обсуждал с ним условия, на которых мог бы оказать содействие в захвате замка Окадзаки, где жили жена и старший сын Иэясу.

Ога был схвачен и под пытками признался в измене, у него были найдены улики, подтверждавшие контакты с соратниками Такэда Кацуёри. Кроме него в группу заговорщиков входили ещё три вассала Токугава — Отани Дзиндзаэмон, Ямада Хатидзо и Курати Хэйдзаэмон. Упоминания о заговоре содержатся в хрониках *Микава моногатари* и *Токугава дзикки*, но в них ничего не говорится о причинах, толкнувших преуспевающего наместника на измену.

Ога Ясиро был приговорён к самому жестокому в то время виду смерти. Сначала у него на глазах казнили жену и четверых детей, а потом закопали по шее в землю и медленно убивали, перерезая шею бамбуковой пилой. Ещё один участник заговора, Курати Хэйдзаэмон, во время захвата оказал сопротивление и погиб, Отани Дзиндзаэмон бежал во владения Такэда, а Ямада Хатидзо, оказавший содействие в разоблачении заговорщиков, был не только помилован, но и награждён. Согласно *Токугава дзикки*, под пытками Ога рассказал, что Нобуясу, 16-летний сын Токугава, тоже знал о готовящемся заговоре, но, судя по тому, что в том же году он принимал участие в сражении против Такэда, его слова посчитали оговором.

Относительно сроков раскрытия заговора есть разные версии. По одной из них, это произошло в 1574 году, по

другой — весной 1575 года. Сторонники второго варианта связывают весенний поход Такэда Кацуёри к замку Нагасино и последующее сражение с Ода Нобунага именно с письмом Ога Ясиро, в котором он предложил Такэда свою помощь. Что вполне могло иметь место, хотя не подтверждается документально.

Победы, одержанные Такэда Кацуёри в 1574 году, придали ему уверенности, и весной 1575 года активные действия возобновились. Захватив по очереди форты Асукэ, Нода и Ёсида в провинции Мино, он с крупными силами подступил к потерянному два года назад к замку Нагасино и взял его в кольцо. Пока рядом строились осадные сооружения, командиры Такэда захватили ближайшие вспомогательные форты и изолировали гарнизон, лишив его надежды на помощь извне. Замок защищали отец и сын Окудайра, два года назад ушедшие от Такэда к Токугава, поэтому обычных в таких случаях предварительных переговоров о капитуляции не было. Нападение на Нагасино было спланировано как карательная операция против предателей, а в таких случаях сдаваться не предлагали. Более чем десятикратное превосходство в живой силе гарантировало армии Такэда успех, поскольку замок защищал небольшой гарнизон в 500 человек.

Попытки взять замок штурмом начались 1 мая, но каждый раз защитники встречали нападавших плотным ружейным огнём и вынуждали отступать. Так продолжалось две недели. Тринадцатого мая зажигательными стрелами был подожжён и полностью сгорел рисовый склад с запасами провианта, и ситуация резко осложнилась. Об этом было решено сообщить Токугава и попросить помощи. Согласно известной литературной версии, сделать это вызвался рядовой пехотинец по имени Торин Сунэмон (1540–1575). Говорят, что он хорошо плавал и сумел выбраться из замка по выведенному в реку водосток. Добравшись до штаба Токугава, он передал всю

информацию и, узнав о скором прибытии подкрепления, попросил разрешения вернуться в замок, чтобы сообщить об этом товарищам. На обратном пути Сунээмон был схвачен и под угрозой смерти согласился обмануть своих товарищей и призвать их к капитуляции. Лазутчика подвели к крепостной стене, но отважный пехотинец пожертвовал собой и прокричал товарищам правду о том, что помощь уже на подходе и нужно продержаться совсем немного, за что был казнён и стал героем.

Этот сюжет появился много лет спустя после описываемых событий и оставляет место для сомнений. Например, непонятно, как Сунээмон планировал вернуться в окружённый замок, из которого с таким трудом выбрался. Или почему защитники должны были поверить словам попавшего в плен товарища и последовать его призыву. Единственное, что не вызывает сомнения, — это сам героический поступок отважного пехотинца и последующее присвоение его потомкам воинского статуса.

Пока замок Нагасино держал оборону, Токугава несколько раз отправлял гонцов к Ода Нобунага с просьбой ускорить отправку подкрепления, однако его со-

Побег Тории из замка Нагасино
(гравюра)

юзник, как всегда, едва успевал разбираться с собственными делами. В начале апреля он начал военную операцию в провинции Кавати против Миёси Ясунага, ближайшего союзника сёгуна Ёсиаки, поэтому до её окончания не мог выступить на помощь. Миёси капитулировал 28 апреля; за это время Нобунага принял от Токугава трёх гонцов с одной и той же просьбой. Вернувшись в Гифу, он тут же объявил следующий поход и 13 мая выступил на помощь союзнику вместе со своим старшим сыном Нобутада.

По сравнению с весной 1573 года положение Ода Нобунага кардинальным образом изменилось. Тогда многие были уверены, что его дни сочтены, но внезапная смерть Такэда Сингэн, изгнание из столицы сёгуна Ёсиаки и победа над Адзай и Асакура позволили Нобунага переломить ситуацию и перейти в наступление. К лету 1575 года из главных его противников в строю оставались лишь храм Исияма в центре и Такэда Кацуёри на востоке.

Нагасино

Восемнадцатого мая Нобунага прибыл в Окадзаки и привычно взял командование на себя. Разместив объединённые силы Ода и Токугава в местечке Арумихара в четырёх километрах от Нагасино, он назначил местом сбора на случай непредвиденного отступления тыловой форт Усикубо. К этому сражению Нобунага готовился очень тщательно. Верный своему правилу иметь превосходство в живой силе, он позаботился об этом и теперь: общая численность сил Ода и Токугава составляла 36–38 тысяч человек — в два с лишним раза больше, чем у Такэда. Они заняли позицию на правом берегу реки Рэнго, расположившись в одну линию, вытянутую с юга на север. Тремя главными соединениями командовали Нобунага,

его старший сын Нобутада и Токугава Иэясу. Построение имело сугубо защитную конфигурацию и не предполагало продвижения вперёд по ходу боя; главным поражающим фактором должен был стать плотный ружейный огонь по наступавшему противнику. Линию стрелков отделяло от реки заграждение длиной два километра — вкопанные в землю деревянные колья, скреплённые между собой горизонтальными брусками. Изнутри они подпирались наклонёнными под углом заточенными кольями, острые концы которых выступали наружу. Между кольями были оставлены просветы для лучников и аркебузирова, а перед заграждением выкопан небольшой ров. Всю эту работу 30 тысяч пехотинцев выполнили за два дня.

Двадцатого мая армия Ода–Токугава заняла намеченную позицию и встала без движения. В штабе Такэда, размещавшемся в осадном лагере Тобигасуяма, два дня обсуждали тактические варианты предстоящего сражения. Судя по переписке Такэда Кацуёри, он был уверен, что

Защитное заграждение

сможет завершить дело, начатое его отцом, и разгромить наконец объединённые силы Ода и Токугава. Об этом он писал накануне сражения одному из своих союзников. Двадцатого мая план боя был утверждён, и на рассвете следующего дня командиры Такэда начали выдвижение к реке. Вскоре вся его армия, за исключением гарнизона, оставленного в лагере Тобигасуяма, заняла позиции на её левом берегу, в 500 метрах от противника.

Через некоторое время барабанщики подали сигнал к атаке, и первым в бой пошло соединение под командованием Ямагата Масакагэ (1529–1575), одного из четырёх главных полководцев Такэда. Ураганный ружейный огонь остановил его пехотинцев и заставил отступить. Вслед за ним в атаку бросился отряд Такэда Нобукадо (1528–1582) — с тем же результатом. Третью волну атакующих возглавил Обата Норисигэ (1517–?), но и ему не удалось дойти до позиций противника. В этом сражении Нобунага использовал тактику, разработанную европейцами за пятьдесят лет до него. Выстроившись в три шеренги, его аркебузиры по очереди выходили на огневую позицию, давали залп и отходили назад. Пока они перезаряжали ружья, вторая и третья шеренги делали ещё два залпа. По данным Ота Гюити, Нобунага подготовил к этому бою тысячу аркебуз, Одзэ Хоан в *Синтёки* называет цифру в три раза больше³⁴. В любом случае в сражении при Нагасино было использовано рекордное для того времени число единиц огнестрельного оружия. До этого дня ни один японский полководец не имел на поле боя столько аркебузирова одновременно.

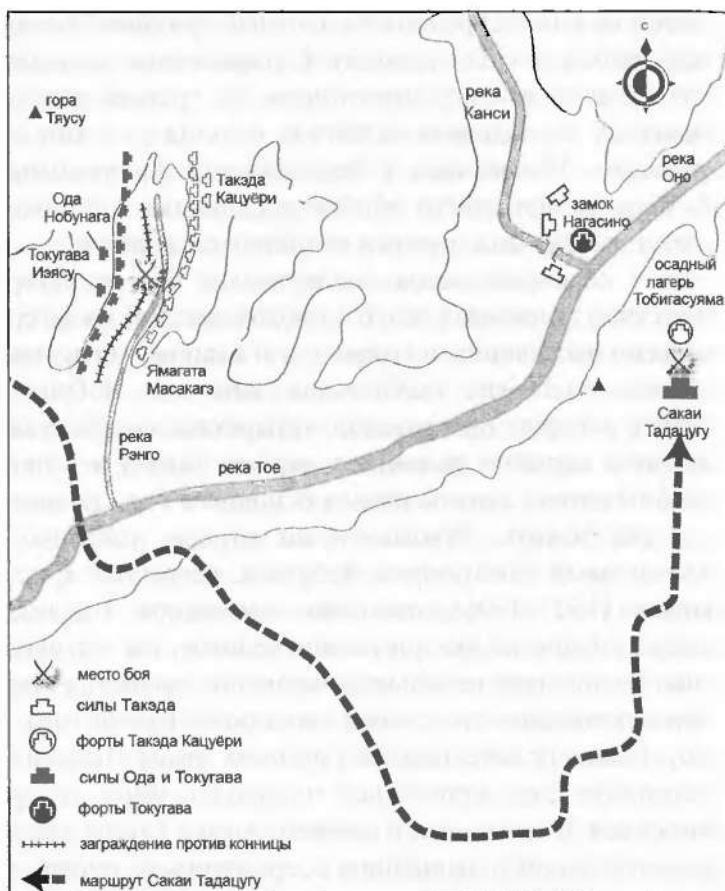
В тот день погода была на стороне Нобунага: 21 мая ярко светило солнце, запальные фитили не гасли, и стрелки быстро перезаряжали оружие. Даже знаменитая конни-

³⁴ Хроника Одзэ Хоан — более поздний, вторичный источник, поэтому все несовпадения принято трактовать в пользу Ота Гюити.

ца Такэда не смогла преодолеть плотный ружейный огонь; грохот залпов накрыл равнину Ситарагахара, заглушая крики шедших в атаку пехотинцев. За третьей волной нападавших последовали четвёртая и пятая — с тем же результатом. Убедившись в бесплодности фронтальных атак, Кацуёри попытался обойти противника с флангов, но и этот манёвр был отражён конницей союзников.

Через несколько часов после начала боя из лагеря Тобигасуяма примчался гонец с плохой вестью: на лагерь совершено нападение; он сожжён, а его гарнизон рассеян. Сработала ещё одна тактическая заготовка Нобунага. Накануне вечером он отправил четырёхтысячный отряд с заданием скрытно подойти к лагерю Такэда и занять боевую позицию, а после начала основного боя атаковать его и уничтожить. Руководителем отряда, усиленного пятью сотнями аркебузирова Нобунага, назначили Сакаи Тадацугу (1527–1596), опытного командира Токугава. Такэда оставил в лагере три тысячи человек, так что нападавшие имели лишь небольшое численное преимущество, но фактор внезапности сыграл свою роль. Кроме того, к отряду Сакаи присоединился гарнизон замка Нагасино. В результате боя, длившегося несколько часов, лагерь Тобигасуяма был захвачен и сожжён. Армия Такэда лишилась единственного защитного сооружения, и теперь ей было некуда отступать.

Основное сражение на равнине Ситарагахара продолжалось до двух часов дня и закончилось поражением Такэда. Сам Кацуёри остался в живых, но 54 его командира были в тот день убиты, в том числе такие известные, как Ямагата Масакагэ, Найто Масатоё, Цутия Масацугу, Санада Нобуцуна, Баба Нобухару, Хара Масатанэ, Саэгуса Масасада. Все они представляли «старую гвардию» Такэда Сингэн 1560-х годов, известную под названием «двадцати четырёх командиров Такэда». К 1575 году из того состава в строю оставались четырнадцать полководцев, и девять

Сражение при Нагасино

из них погибли под Нагасино. Армия Такэда потеряла убитыми и ранеными около 10 тысяч человек (две трети личного состава), в то время как потери Нобунага составили около шести тысяч (одна шестая часть).

В военно-исторических работах сражение при Нагасино часто называют примером победы огнестрельного оружия над конницей, но это и упрощение, и преувеличение одновременно. Даже если допустить, что Одзэ Хоан

прав и у Нобунага была не одна, а три тысячи аркебузистов, то и в этом случае они составляли всего лишь одну двенадцатую часть его войска. Точно так же знаменитая конница Такэда была немногочисленной по сравнению с массой рядовых пехотинцев, хотя точное соотношение неизвестно. Как и в других случаях, судьба сражения была решена усилиями рядовых бойцов, сошедшихся на поле боя. В тактическом плане победу объединённых сил Ода и Токугава обеспечили три фактора: 1) бо-

Сражение при Нагасино (фрагмент гравюры)

*Ода Нобунага
(портрет XIX века)*

лее чем двукратное численное превосходство в живой силе; 2) грамотный план боя с применением защитных заграждений и нападением на тыловой лагерь противника; 3) использование преимуществ огнестрельного оружия. По своей значимости факторы следуют именно в этом порядке.

Строго говоря, и сегодня точно неизвестно, как действовали аркебузиры Нобунага — они либо стреляли по очереди, сменяя друг друга на линии огня, либо каждый стрелок имел одного-двух заряжающих, которые готовили

и подавали ему оружие. Эти два варианта представляются наиболее вероятными. Но никто из участников боя записей не делал, поэтому техника стрельбы до сих пор неизвестна.

В сражении при Нагасино клан Такэда потерпел тяжёлое поражение, от которого уже не сумел оправиться. Гибель опытных полководцев, составлявших ядро его военной организации, и большей части войска подорвала боеспособность именитого воинского дома. Это поражение стало первым шагом к гибели и забвению, которые постигнут клан Такэда через семь лет.

На том месте, где 440 лет назад произошло сражение при Нагасино, сегодня находится небольшой городок Синсиро (префектура Айти) с населением 52 тысячи человек. Его жители помнят о тех событиях и каждый год отмечают даже не один, а несколько праздников, связанных с событиями 21 мая 1575 года.

После этой победы Нобунага восстановил контроль над всеми фортами в провинции Мино, захваченными ранее Такэда Кацуёри, а Токугава — над частью потерянных ранее укреплений в Микава и Тотоми. Во второй половине года он возвратил себе форты Комё, Инуи, Ёкосука, Сувабара³⁵ и Футамата.

* * *

Следующие четыре года прошли для Токугава более или менее спокойно — всё это время он занимался организационно-хозяйственными делами на своих землях. Несколько раз совершал вылазки к фортам союзников Такэда и отразил несколько таких же попыток с его стороны. Например, в сентябре 1575 года он подступил к форту Кояма, но, узнав, что Кацуёри выслал подкрепление, вернулся в Хамамацу. В марте 1576 года уже Кацуёри начал готовиться к захвату форта Ёкосука, и Изясу пришлось идти на выручку своему вассалу. Однако Такэда тоже уклонился от прямого столкновения. Местные рейды с поджогами поселений и сбором риса на чужих полях продолжались и в дальнейшем, но к прямым столкновениям не приводили.

Следующий всплеск военной активности в районе Канто произошёл осенью 1579 года. Его катализатором вновь стало обострение ситуации вокруг Ода Нобунага, в результате которого против него сложилась очередная, уже третья по счёту коалиция. За четыре года до этого Нобунага жестоко расправился с последователями храма Исияма в провинции Этидзэн, а затем вторгся в соседнюю Кага и захватил в ней два уезда из четырёх, вплотную приблизившись к владениям своего союзника Уэсуги Кэнсин. До этого Уэсуги действовал на региональном уровне и не участвовал в борьбе столичных военно-поли-

³⁵ Форт Сувабара после падения был переименован в Макино.

Форты Токугава и Такэда (1576)

тических группировок, но обострение конфликта между Нобунага и храмом Исияма задело его религиозные чувства, — так же как Такэда Сингэн, он был убеждённым буддистом. И когда глава храма Исияма обратился к нему с просьбой помочь в борьбе с узурпатором и врагом буддизма Ода Нобунага, он охотно откликнулся. Тем более что об этом же его просил и изгнанный из столицы сёгун Ёсиаки. Политические интересы и религиозные убеждения Уэсуги отодвинули договорённости с Ода и Токугава на второй план, и он сменил курс. Нобунага попытался удержать союзника, но не преуспел — его письмо к Уэсуги от 13 июня 1576 года стало последним в их переписке.

Примкнув к третьей антинобунагской коалиции, Уэсуги вошёл в контакт с крупным западным военачальником Мори Тэрумото (1553–1625), а через него — с сыном своего многолетнего противника Такэда Кацүёри. До полноценного союза дело у них не дошло, но общее стремление остановить Ода Нобунага способствовало консолидации сил и координации планов участников коалиции.

После того как экспансия Ода Нобунага на северо-восток приблизила его к владениям Уэсуги Кэнсин, появился и повод для прямого столкновения — конфликт в семействе Хатакэяма, владевшего провинциями Ното и Эттю. После преждевременной смерти молодого главы дома власть перешла к группе старейшин, и Уэсуги решил воспользоваться этой ситуацией, чтобы подчинить себе соседа. В ноябре 1576 года он подступил к его домашнему замку Нанао в провинции Ното и начал осаду. Весной следующего года ему пришлось её прервать и срочно вернуться в Этиго, чтобы отразить нападение Ходзё, который тоже воспользовался долгим отсутствием хозяина. Выполнив эту задачу, он в июле 1577 года возвратился к Нанао и возобновил осаду замка.

До этого момента старейшины дома Хатакэяма действовали сообща, но теперь их мнения разделились. Одни предлагали сдаться Уэсуги и заключить с ним союз, а другие считали, что выгоднее ориентироваться на сильного Ода Нобунага и обратиться к нему за помощью. У всех были свои интересы, поэтому преодолеть разногласия не удалось, и сторонники второго варианта тайком отправили к Нобунага гонца с просьбой выслать крупное подкрепление, чтобы противостоять Уэсуги. Он откликнулся и отправил к окружённому замку 35-тысячную армию под командо-

Уэсуги Кэнсин
(фрагмент гравюры)

ванием Сибата Кацуиэ. Она выступила из провинции Этидзэн в августе 1577 года, но опоздала — во время осады в замке вспыхнул мятеж, в результате которого сторонники союза с Уэсуги ликвидировали оппонентов и подписали капитуляцию. О том, что замок пал и Уэсуги Кэнсин вышел ему навстречу, Сибата узнал с опозданием. Не имея союзников на чужой территории, он решил уклониться от боя и повернул назад, но армия Уэсуги, усиленная местными повстанцами, настигла его и атаковала на речной переправе. Двадцать третьего августа 1577 года на реке Тэдори состоялся бой, в котором армия Сибата понесла большие потери и потерпела поражение. Токугава Иэясу в этом походе не участвовал, но превращение Ода и Уэсуги из союзников в противников изменило его положение и расклад сил в регионе.

Победа Уэсуги Кэнсин воодушевила участников антинобунагской коалиции и породила надежды на то, что он разовьёт успех и продолжит движение к столице, но Уэсуги не стал этого делать. Вернувшись в Этиго, Уэсуги

решил переждать зиму и продолжить поход весной следующего года. В начале марта в замке Касугаяма состоялся большой сбор всех вассалов и союзников Уэсуги, своего рода, смотр сил. Согласно семейной хронике, 9 марта после учебных занятий по стратегии и тактике для всех участников был устроен торжественный ужин. Во время трапезы Уэсуги Кэнсин нена-

Уэсуги Кэнсин

Поражение Сибата на реке Тэдори

Долго вышел из зала, а через некоторое время прислуга обнаружила его в коридоре лежащим на полу без сознания. В той же хронике говорится о том, что глава дома, следуя буддийскому запрету, не ел мяса, но любил солёности и острые блюда, щедро добавлял в них пряности. И обожал *сакэ*, качеством которого славилась его провинция. В семейном музее до сих пор хранится позолоченная пиала солидного размера, в которую ему наливали рисовый алкогольный напиток, — 12 см в диаметре и 6,3 см в высоту (около 700 мл). По словам приближённых, Кэнсин пил *сакэ* даже в седле во время конных переходов. Глава дома, имевший по тем временам очень высокий рост (около 180 см), с молодости страдал от гипертонии и лишнего веса. В 40 лет он перенёс первый инсульт, и с тех пор левая половина тела не очень хорошо его слушалась. Второй инсульт, случившийся весной 1577 года, за неделю до начала похода, оказался фатальным — через

четыре дня 48-летний Уэсуги Кэнсин умер, не приходя в сознание. В какой-то степени он повторил судьбу своего соседа Такэда Сингэн, — победив полководцев Нобунага на поле боя, проиграл противнику, против которого был бессилен. Ода Нобунага снова повезло — судьба убрала с его пути ещё одного сильного соперника.

Провинция Этиго

Уэсуги Кэнсин всю жизнь оставался холостяком и даже наложниц не имел, поэтому все его дети были приёмными. Относительно причин женоненавистничества высказываются разные мнения: от физиологических, связанных с состоянием здоровья, до влияния догм буддийской школы Сингон, отрицательно относившейся к женскому началу. Глава крупного воинского дома умер скоропостижно и не успел назначить преемника, что стало причиной конфликта между приёмными сыновьями и втянуло в него соседние кланы. В борьбу за право наследования вступили 22-летний племянник главы дома Кагэкацу (1556–1623) и 26-летний воспитанник Кагэтора (1552–1579), сын Ходзё Удзиясу, присланный в дом Уэсуги восемь лет назад. Конфликт между ними продолжался до марта следующего года и расколол клан на два лагеря. Наибольшую выгоду из этого извлёк Такэда Кацуёри. В конце мая он с 20-тысячной армией вошёл во владения Уэсуги с миротворческой миссией и уже на месте договорился с Кагэкацу о поддержке в обмен на половину провинции Кодзукэ и 10 тысяч *рё* золотом³⁶. Вмешательство

³⁶ Стоимость одного *рё* золотом сегодня определить трудно. В зависимости от товара, по которому рассчитывается покупательная способность, она может составлять от 800 до 2000 долларов США. Для простоты можно считать, что один *рё* равен тысяче долларов.

Такэда помогло снизить накал противостояния — в конце июля претенденты заключили перемирие. Посчитав свою задачу выполненной, Кацуёри вернулся домой.

Пока он отсутствовал, Токугава начал подготовку к захвату принадлежавших союзникам Такэда фортов Танака и Кояма. Его командиры построили рядом с фортами осадные лагеря и принялись наносить противнику материальный ущерб — сжигать защитные ограждения, собирать рис на полях и т. п. Это была подготовка к главной операции, возврату потерянного ранее форта Такатэндзин. Прилегающая к нему территория клином вдавалась во владения Токугава и была наиболее уязвимой для атаки. К тому же форт находился на большом расстоянии от Кофу, домашнего замка Такэда, поэтому быстро прийти на помощь он не мог.

Осенью 1578 года Уэсуги Кагэтора получил подкрепление от своего брата, и боевые действия в провинции Этиго возобновились с новой силой. Они продолжались до марта следующего года и закончились победой Кагэкацу, во многом благодаря поддержке Такэда Кацуёри. В последнем эпизоде борьбы Кагэтора потерял форт Отатэ и 24 марта 1579 года покончил жизнь самоубийством. По названию этого форта война между приёмными сыновьями Уэсуги Кэнсин именуется в японской истории «смутой Отатэ» (*Отатэ но ран*). Она резко ослабила его военную организацию и на семь лет вывела её из региональной политики.

Вернувшись из Этиго, Такэда Кацуёри сразу отправился на выручку фортам Танака, Кояма и Такатэндзин, которым продолжал угрожать Токугава. Изясу уклонился от боя и отвёл свои силы от фортов. До конца 1578 года противники продолжали маневрировать, следя за перемещениями друг друга. Несколько раз они вставали лицом к лицу, но до столкновения дело не доходило. С наступлением холодов манёвры прекратились, но весной следую-

шего года возобновились. В конце мая Такэда Кацуёри уехал в Кофу, и в противостоянии наступила пауза, продолжившаяся до ноября. Этот поход в провинцию Тотоми стал последним, в котором глава дома Такэда участвовал лично.

Его миссия в провинции Этиго и поддержка Уэсуги Кагэкацу в борьбе с Кагэтора обернулись разрывом с домом Ходзё. Потеряв младшего брата, Ходзё Удзимаса посчитал действия Такэда предательством и объявил ему войну, предварительно заключив союз с Токугава. Теперь Кацуёри предстояло воевать против альянса Ода, Токугава и Ходзё, владения которых окружали его на юге и на западе. Получив от Кагэкацу деньги и половину провинции Кодзукэ, Кацуёри увеличил свой материальный ресурс, но проиграл стратегически — к двум прежним противникам (Ода и Токугава) добавился третий, ближайший сосед Ходзё. Этот просчёт стал для него фатальным.

Для Токугава ситуация, наоборот, изменилась к лучшему. Последние четыре года он был вынужден маневрировать и уклоняться от столкновений с более сильным соседом, против которого не смог одержать ни одной сколько-нибудь значимой победы. Теперь же у него появилась реальная возможность это сделать. Ода Нобунага всё это время успешно действовал на западе и продолжал наращивать силы, что позволяло рассчитывать на его участие в окончательном разгроме Такэда.

Своей первоочередной задачей Токугава считал возврат форта Такатэндзин, ближайшего к его владениям. Подготовка к захвату началась летом 1580 года. Вокруг горы, на которой стоял форт, был выкопан ров и сделана насыпь, а на ней поставлена ограда двухметровой высоты со стрелковыми вышками, за которой расположились пехотинцы. Позади основного рва был выкопан ещё один, вспомогательный, с такой же насыпью и бамбуковой изгородью — для защиты от удара в спину. В августе строительство-земляные работы завершились, урожай риса на

окрестных полях был собран, и кольцо вокруг форта сомкнулось. Чтобы блокировать подходы с моря, флот Ходзэ блокировал прилегающее к форту побережье.

До этого каждый раз, когда Токугава пытался вернуть себе Такатэндзин, Такэда отправлял ему подкрепление. Полагая, что так же будет и на этот раз, Иэасу заранее запросил помощь у Нобунага, и он прислал союзнику трёх своих командиров с отрядами. Однако в этот раз дополнительные силы не потребовались — Такэда никак не прореагировал на угрозу, и после четырёх месяцев осады хозяин форта Окабэ Мотонобу согласился его сдать вместе с соседними вспомогательными укреплениями Кояма и Такидзакаи в обмен на сохранение жизни защитникам. Токугава запросил мнение Ода Нобунага и получил ответ, что капитуляцию принимать не следует. Его аргументы: если Кацуёри всё-таки подойдёт с основными силами, то Нобунага отправит большую армию и разгромит его. Если нет, то своей пассивностью подорвёт доверие союзников и вассалов и облегчит их привлечение на свою сторону в будущем. И, таким образом, в любом случае проиграет (Хонда, 2010).

Последовав совету своего партнёра, Токугава отказался амнистировать защитников форта и продолжил осаду. Через семь месяцев, в марте 1581 года, у них подошло к концу продовольствие, и под угрозой голодной смерти гарнизон пошёл в отчаянную атаку. Она закончилась разгромом и массовой гибелью защитников — согласно хронике, командиры Токугава взяли на поле боя 688 голов (Ямадзи, 2007). Среди погибших оказался и хозяин форта Окабэ Мотонобу, несмотря на преклонный возраст, сражавшийся наравне со всеми³⁷. Форт Такатэндзин, потерянный семь лет назад, вернулся под контроль Токугава. Считается, что Такэда Кацуёри сознательно пожертвовал укрепле-

³⁷ По косвенным данным, ему было 68 или 69 лет.

нием, не желая обострять отношения с Нобунага. В декабре 1581 года он вернул ему младшего сына Кацунага, присланного в своё время в качестве заложника, и через него предложил заключить мир, но было поздно. В том же месяце Нобунага организовал издание указа, в котором Кацуёри назывался врагом императора и, следовательно, подлежал ликвидации. Как он и предвидел, сдача форта Такатэндзин подорвала веру вассалов и союзников Кацуёри в его надёжность и усилила центробежные настроения в его лагере. В том же декабре 1581 года один из его вассалов, Кисо Ёсимаса, перешёл на сторону Нобунага и предложил свои услуги в войне против бывшего господина.

Внутренний заговор

В 1579 году, когда приёмные сыновья Уэсуги Кэнсин боролись за власть, в семье Токугава произошёл конфликт, закончившийся гибелью жены и старшего сына. Он упоминается во многих источниках, но подробнее всего описан в хронике *Микава моногатари*. Официальная канва событий такова.

После переезда Иэясу в Хамамацу его жена, старший сын и будущая невестка остались в замке Окадзаки. Через несколько лет изначально плохие отношения между свекровью и невесткой привели к тяжёлому кризису. Летом 1579 года 20-летняя невестка написала письмо своему отцу Ода Нобунага и передала его в Адзуту через Сакаи Тадацугу, советника Иэясу. В письме, состоявшем из 12 пунктов, она сообщала, что муж и свекровь её ненавидят и третируют, Нобуясу вообще ведёт себя буйно, убивает ни в чём не повинных людей. Его мать Цукияма состоит в близких отношениях с корейским лекарем по имени Гэнкё, через него поддерживает контакты со своим

двоюродным братом Такэда Кацуёри и готовит сдачу замка Окадзаки противнику. Старший сын Иэясу знает о готовящемся предательстве и помогает матери.

Прочитав письмо дочери, Нобунага встретился с посланником Сакаи Тадацугу и расспросил его о ситуации. Старейшина ответил, что содержание десяти пунктов из двенадцати ему известно и соответствует действительности. Сочтя это достаточным основанием, Нобунага передал Токугава, что если всё действительно так, то его старший сын должен умереть. Согласно хронике, 3 августа 1579 года Иэясу прибыл в Окадзаки и встретился с сыном. Разговор между ними шёл на повышенных тонах, но его содержание неизвестно. После разговора Нобуясу был помещён под домашний арест и изолирован от остальных обитателей замка. Вернувшись в Хамамацу, Иэясу издал ещё один указ — о полном запрете на поездки в замок Окадзаки и контакты с теми, кто в нём живёт. Контролировать исполнение было поручено группе ближайших соратников (Моримото, 1999).

В конце августа жене Иэясу сообщили, что муж приглашает её в Хамамацу. Полагая, что он хочет обсудить с ней сложившуюся ситуацию и судьбу сына, женщина 25-го числа отправилась в путь. Как положено знатной даме, она путешествовала в паланкине на плечах носильщиков. Через четыре дня пути, когда до Хамамацу оставалось всего несколько километров, она была убита сопровождавшими её вассалами Иэясу.

Через неделю после этого, 5 сентября, старший сын Токугава был под охраной вывезен из Окадзаки в форт Охама, а затем ещё дальше на восток — в Нисно, Хориэ и, наконец, в Футамата. Здесь он никого не знал и был надёжно изолирован от своих вассалов. Обитателям Футамата также было запрещено разговаривать с арестованным.

Весть о том, что Нобуясу приговорён, вызвала волнения в Окадзаки. В городе распространились слухи, что всё

Цукияма, жена Токугава Иэясу

это происки Ода Нобунага; часть вассалов старшего сына потребовали разорвать с ним отношения, а Хираива Тикаёси (1542–1612) предложил Иэясу свою голову, чтобы спасти наследника³⁸. Пятнадцатого сентября в Футамата прибыли посланники Токугава и передали арестованному, что он приговорён и должен покончить жизнь самоубийством. В тот же день Нобуясу выполнил волю отца³⁹.

Долгое время считалось, что сын Токугава был обвинён в измене и казнён

по приказу Ода Нобунага, но в последнее время большинство японских историков считают эту версию несостоятельной. Действительно, в ней много слабых мест, хотя и в остальных вариантах больше вопросов, чем ответов.

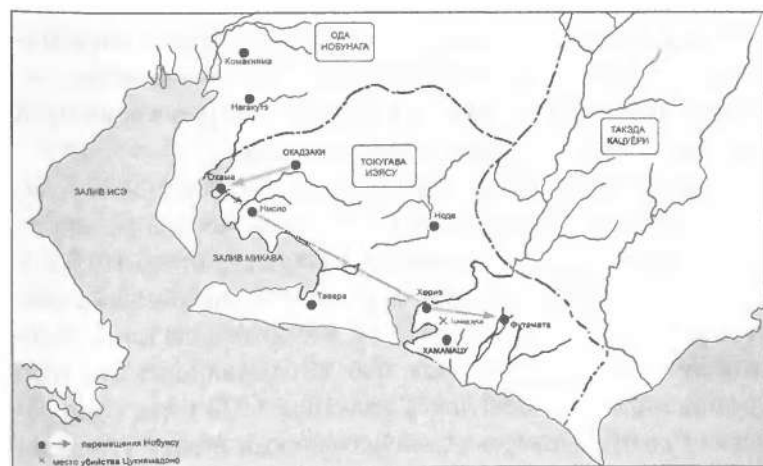
Судя по косвенным упоминаниям, после переноса домашней резиденции из Окадзаки в Хамамацу между двумя центрами возникло напряжение, замешанное отчасти на соперничестве, отчасти на личных отношениях между их хозяевами. Хамамацу находился на востоке, на передней линии борьбы с домом Такэда, а Окадзаки — на западе, в глубоком тылу, где годами ничего не происходило и куда отправляли больных и раненых на восстановление.

³⁸ Был заключён под арест, но впоследствии помилован и вернулся на службу.

³⁹ По другой версии, приговор привёл в исполнение вассал Токугава по имени Хаттори Масанари (1542–1596).

В 1567 году в Окадзаки поселилась Току, восьмилетняя дочь Ода Нобунага и будущая жена Нобуясу. Переехав в Хамамацу, глава дома окончательно забыл о законной жене и окружил себя другими женщинами, которые начали рожать ему детей. Через год после свадьбы с Нобуясу Току родила дочь, а через год ещё одну. Но брак оказался неудачным — отношения между супругами быстро испортились, их жизнь превратилась в бесконечные ссоры. Муж и свекровь обвиняли молодую женщину в неспособности родить наследника и, судя по всему, третировали. Цукияма с помощью подруг начала подыскивать сыну наложниц, и вскоре в замке поселились дочери из семей Хюга и Асахара, в своё время служивших клану Такэда, но затем перешедших на сторону Токугава. В дневнике младшего брата Нобуясу говорится о том, что отцу приходилось ездить в Окадзаки, чтобы улаживать скандалы между супругами (*Иэтада никки*).

На семейный конфликт старшего сына наложились сложные отношения с отцом. В «Большой исто-

Маршрут перемещения Нобуясу

рии Микава» они описаны так: «В детстве воспитанием [Нобуясу] не занимались, а когда он вырос, воспитывать было поздно. Отчуждённость и неуважение к отцу привели к трагедии» (*Даймикаваси*). Под влиянием матери Нобуясу крайне негативно относился к своему тестю Ода Нобунага и нередко шёл наперекор воле отца. Хроника *Микава моногатари* характеризует юношу как хорошего воина и почтительного сына, однако в *Микава гофудоки* и *Мацудайраки* говорится и о других чертах его характера. Не отрицая воинских достоинств юноши, их авторы отмечают его буйный нрав, грубость и жестокость в отношениях с окружающими. Встретив по пути на охоту буддийского монаха, раздосадованный Нобуясу его задушил, так как, по приметам того времени, встреча с монахом сулила неудачную охоту. На празднике *обон* он выстрелом из лука убил горожанку, которая была бедно одета и плохо танцевала. В хронике *Тодайки* говорится о случаях избияния им вассалов и прислуги.

Достоверных сведений о том, как Иэясу относился к старшему сыну, не сохранилось. «Родословная воинских кланов» (*Ханкафу*) сообщает, что, увидев после большого перерыва своего семилетнего сына Тадатэру, он воскликнул: «Ну и страшилище. Прямо как Нобуясу в детстве», — из чего можно заключить, что по крайней мере к внешности старшего сына он относился критически.

Можно предполагать, что трения в отношениях с сыном у Токугава начались задолго до трагической развязки. В уже упоминавшемся дневнике младшего брата Нобуясу есть запись о том, что отец и раньше выражал недовольство его скандалами с женой. И, возможно, дело не только в них. Там же говорится, что за одиннадцать месяцев до описываемых событий, в сентябре 1578 года, отец запретил сыну нанимать на службу новых людей (*Иэтада никки*). Как хозяин крупного замка, Нобуясу имел собственный бюджет, вассалов и личную гвардию, соответ-

ственно, и право найма. Предположение о возможном конфликте Иэясу с женой и сыном подтверждается также тем, что в августе 1579 года по его приказу была казнена вся семья Сэкигути, поддерживавшая тесные отношения с Цукияма. А несколько служивших в Окадзаки ближайших соратников Иэясу

Надгробный камень Нобуясу

получили взыскания, в том числе Исикава Кадзумаса, Хонда Сигэцугу, Мацудайра Тикамаса. Репрессии в отношении обитателей Окадзаки позволяют предположить, что во втором по значению замке образовалась своего рода оппозиционная группа во главе с женой и старшим сыном Иэясу. Мы не знаем, что предпринимали её участники и насколько опасными были их действия или намерения, но, судя по реакции главы дома, он видел в них серьёзную угрозу.

Неизвестны и обстоятельства появления письма неизвестки, о котором сообщают все источники, — сама ли она его написала или кто-то посоветовал обратиться к отцу. Не исключено, что Иэясу через неё мог просто сообщить Нобунага о своих намерениях в отношении сына. Всё-таки Нобуясу был женат на его дочери и приходился ему зятем. Надёжных подтверждений этой версии тоже нет, но большинство японских историков склоняются к тому, что приговор жене и сыну вынес сам Иэясу, а Нобунага лишь согласился с его решением. Это предположение позволяет ответить на ряд важных вопросов. Почему Сакаи Тадацугу не стал защищать Нобуясу в разговоре с Нобунага? Почему невестка Иэясу впоследствии была поощрена? Наконец, почему он приказал убить жену, хотя в разговоре с Нобунага о ней речи вообще не шло?

Разгром Такэда

Весной 1581 года в многолетней войне между Токугава и Такэда наступила пауза, продлившаяся до конца года. Кацуёри перенёс свой главный замок из Кофу в Симпу и занимался строительством, а Иэясу ждал, когда Нобунага проявит инициативу и вспомнит о своём восточном противнике. Повод для выступления представился в декабре 1581 года, когда вышел указ о признании Такэда Кацуёри врагом императорской власти, а Кисо Ёсимаса (1540–1595) из провинции Синано, многолетний вассал и родственник Такэда Сингэн, перешёл на сторону Но-

Стрельба из пушки (гравюра)

бунага и повернул оружие против своего бывшего сюзерена. В феврале 1582 года стороны заключили союз, и Нобунага известил Токугава и Ходзэ о том, что начинает поход против Такэда.

Предательство родственника поставило Кацуёри в трудное положение. Принадлежавший семье Кисо форт Фукусима находился на северо-западной границе провинции Синано и вместе с фортами Такато и Мацуо составлял передовую линию обороны. Трое заложников Кисо Ёсимаса — мать, 16-летняя дочь и 12-летний сын — заплатили за его решение своими жизнями. Кацуёри приказал их казнить и отправил в Фукусима 15-тысячный карательный отряд.

Одиннадцатого февраля армия Нобунага под командованием его старшего сына Нобутада вышла из Гифу и двинулась на восток. Сам он в последнее время на военные операции не выезжал, предпочитая руководить ими на расстоянии. В помощь старшему сыну он дал опытного командира Такигава Кадзумасу. Нобутада должен был наступать с запада, Токугава — с юга, а Ходзэ — с юго-востока. Огромное численное преимущество армии Нобунага лишало небольшие гарнизоны передовых фортов воли к сопротивлению, и они один за другим переходили на его сторону. Капитуляция защитников Мацуо и Такидзава деморализовала и обратила в бегство гарнизон соседнего форта Иида. Ситуация усугубилась мощным извержением вулкана Асама, которое произошло 14 февраля, через три дня после начала наступления. В то время считалось, что стихийные бедствия предвещают местному населению несчастья, поэтому природный катаклизм сыграл на руку наступающим. Известие о том, что дом Такэда официально признан врагом императорской власти, ещё больше деморализовало его сторонников. Информация о падении фортов и массовом дезертирстве быстро распространялась и крушила оборонительные линии.

С первым сопротивлением Нобутада столкнулся лишь на пятый день марша, 16 февраля. На перевале Тории ему дал бой отряд под командованием Имафуку Масакадзу. Командиру Такэда не удалось одержать победу — он сражался до конца и погиб. В тот же день Нобутада вошёл в провинцию Синано и занял оставленный гарнизоном форт Иида, после чего двинулся к соседнему Осима. Такэда Кацуёри выслал ему подкрепление, но защитники форта его не дождались и бежали раньше. Тотальное дезертирство и переход на сторону противника показали, что в 1582 году моральное состояние союзников и вассалов Такэда Кацуёри было совсем не таким, как во времена его отца.

Токугава Иэясу вышел со своим отрядом из Хамамацу 18 февраля и через три дня вошёл в Сумпу, главный город провинции Суруга. В армии Такэда за юго-западное направление отвечал Анаяма Байсэцу (1541–1582), муж старшей сестры Кацуёри и хозяин замка Эдзири. Он сразу

принял предложение Токугава сдаться и перейти на сторону Нобунага в обмен на выполнение двух условий: неприкосновенности земельных владений и признания его главой дома Такэда после ликвидации Кацуёри. Переговоры прошли на удивление быстро, и уже 4 марта Токугава и Анаяма обменялись письменными клятвами. Согласно источникам, Анаяма Байсэцу был недоволен своим положением в организа-

Анаяма Байсэцу

ции Такэда и заранее готовился к уходу от него. В частности, через своих людей организовал побег из Кофу жены и сына, которые находились там в заложниках. Среди причин измены называется также нарушенное обещание Кацуёри выдать свою старшую дочь за сына Байсэцу.

Единственное серьёзное сражение этой кампании произошло у форта Такато, которым командовал Нисина Моринобу (1557–1582), младший брат Кацуёри. На предложение Нобутада сдаться он ответил отказом и принял бой. Вместе с перебежчиками армия Нобутада насчитывала к тому времени более тридцати тысяч человек, а гарнизон Такато — около пятисот. Второго марта нападавшие пошли на штурм, взбираясь по крутым горным склонам. Защитники форта дрались отчаянно. По сохранившимся записям, среди них были и женщины. Ота Гюити сообщает о безымянной молодой девушке, точной стрельбой из лука положившей нескольких нападавших (*Синтё коки*). Упорный бой продолжался весь день и закончился победой Нобутада, но стоил жизни более чем восьмистам его воинам. Из пятисот защитников форта в живых осталось менее ста человек; голову покончившего с собой 25-летнего Нисина Моринобу отправили Нобунага.

После Такато перед Нобутада открылся прямой путь на Кофу, где в тот момент находился Такэда Кацуёри. Глава клана попытался организовать в своей новой столице последний рубеж обороны, но его военная организация распадалась на глазах. Согласно «Хронике гибели Каи» (*Коранки*), из семитысячного отряда главнокомандующего рядом с ним к тому времени оставалось меньше тысячи человек — остальные бежали.

Не имея возможности ничего предпринять, Кацуёри принял решение уходить в замок Ивадоно в восточной части провинции, принадлежавший его старейшине Оямада Нобусигэ (1539–1582), одному из «двадцати четырёх командиров», служивших ещё его отцу. Его укреплённый

замок позволял занять оборону и продержаться какое-то время. Третьего марта Кацуёри с семьёй и ближайшим окружением оставил Кофу и направился на восток. Перед выездом он приказал собрать всех заложников и сжечь вместе с замком; времени на публичные казни уже не оставалось.

Седьмого марта армия Нобутада, преодолев разрозненное сопротивление родственников и потомственных вассалов Такэда, вошла в Кофу. В соответствии с распоряжением Нобунага все сдавшиеся и попавшие в плен были казнены; обширным владениям Такэда в скором времени предстояло сменить хозяев, и на них не должно было оставаться представителей прежнего руководства. В Кофу были убиты Нобуканэ, младший брат Такэда Сингэн, Нобутика, слепой брат Кацуёри, и множество других родственников.

На пути в Ивадоно Кацуёри получил письмо от Оямада Нобусигэ, из которого следовало, что он тоже переходит на сторону Нобунага, поэтому не сможет принять у себя главу дома. Семь лет назад Нобусигэ с тремя тысячами воинов участвовал в сражении при Нагасино, и третья часть

Поход против Такэда Кацуёри

из них тогда погибли. Теперь же его служба дому Такэда закончилась. Получив это известие, Кацуёри остановился на полпути и встал лагерем у подножия горы Тэммоку. Его люди на скорую руку установили защитную изгородь и заняли круговую оборону.

В момент выхода из Кофу главу клана сопровождали около шестисот человек, теперь же их осталось менее ста. Одиннадцатого марта полевой лагерь Такэда был обнаружен и окружён одним из отрядов Такигава. Из-за неравенства сил эту последнюю схватку уже нельзя было назвать боем; личная охрана сопротивлялась сколько могла, но была быстро перебита. За это время Такэда Кацуёри успел покончить с собой; то же самое сделали его 14-летний сын Нобукацу и жена, младшая сестра Ходзё Удзимаса. Попытка в последний момент перейти на сторону победителя не спасла и Оямада Нобусигэ — через несколько дней он был казнён вместе с другими старейшинами.

Одиннадцатого марта 1582 года воинский дом Такэда — боковая ветвь сёгунов Минамото — прекратил своё существование. Это произошло всего через месяц после начала боевых действий. В письме, адресованном Мацуи Юкан, Нобунага выражал удивление по поводу столь быстрой развязки.

На юго-западном направлении боевые действия

*Такэда Кацуёри
с женой и сыном (гравюра)*

закончили уже через неделю, так что Токугава Иэясу практически не пришлось воевать. Но его быстрая договорённость с Анаяма Байсэцу оказала большое влияние на ход событий и ускорила развязку, поэтому Нобунага высоко оценил действия своего союзника. Получив от сына сообщение, что операция близится к концу, он выехал из Адзуты 5 марта и в день гибели Кацуёри ещё находился в пути. Ликвидация одного из главных противников Нобунага прошла без его личного участия; наибольший вклад в победу внесли его старший сын Нобутада, Токугава Иэясу, Такигава Кадзумасу и Кавадзири Хидэтака.

Восемнадцатого марта в Такато состоялось подведение итогов и распределение земель Такэда между победителями. Такигава Кадзумасу стал хозяином провинции Кодзукэ и двух уездов в провинции Синано, Токугава Иэясу получил провинцию Суруга, а Кавадзири Хидэтака (1527–1582) — провинцию Каи. Оставшиеся четыре уезда в провинции Синано достались Мори Нагаёси (1558–1584). Главным представителем Нобунага в районе Канто стал Такигава Кадзумасу.

Кисо Ёсимаса и Анаяма Байсэцу, первыми перешедшие на сторону Нобунага, сохранили все свои владения. Союзник Ходзё Удзимаса поздравил Нобунага с победой и прислал в подарок боевых коней, белых лебедей и несколько бочонков *сакэ*. Сам он активного участия в боевых действиях не принимал, ограничившись отправкой своих людей к нескольким фортам союзников Такэда и поджогом прилегающих к ним поселений.

Следуя своей обычной практике, Нобунага составил для назначенцев административное уложение, которым они должны были руководствоваться на новых землях. Документ состоял из 11 пунктов и в основном повторял содержание такого же предписания, составленного им семь лет назад в провинции Этидзэн: содержать в порядке форты и укрепления, запастись провиант, порох и ору-

жие, вершить праведный суд и заботиться о служилом самураистве; убрать все заставы на дорогах и не облагать население новыми налогами. С вассалами Такэда следовало поступать так же, как с повстанцами в провинции Этидзэн: тех, кто сразу перешёл на сторону Нобунага, взять на службу, а остальных — изгнать или уничтожить.

В обратный путь он отправился в прекрасном настроении — десятилетняя война с домом Такэда закончилась блестящей победой, а подконтрольная ему территория расширилась на четыре провинции. Нобунага не отказал себе в удовольствии совершить путешествие по своим новым землям. Начав с Кофу и Симпу, он за 19 дней объехал обширный регион, посетив 15 городов. Из провинции Каи он повернул назад и, любуясь видами Фудзи, южным маршрутом вернулся домой через владения Токугава. По пути его следования расширялись и чистились дороги, наводились временные речные переправы. Ежедневные ужины с представлением местных раритетов убажали тело и душу Нобунага. Его победа над давним противником была быстрой и убедительной, всё шло замечательно, и никому не могло прийти в голову, что триумфатору оставалось жить меньше двух месяцев.

Гибель Нобунага

В начале мая Токугава вместе со своим новым союзником Анаяма Байсэцу отправился в столицу отдохнуть и развлечься. По пути они нанесли визит вежливости Нобунага и осмотрели его замок Адзути, которым хозяин невероятно гордился. Ответственным за приём гостей Нобунага назначил Акэти Мицухидэ (1528–1582). Отправив своих людей в Киото и Сакаи, Мицухидэ приказал закупить лучшие блюда и морепродукты, и 19 мая

в замке Нобунага состоялся большой званый ужин. Двадцать первого мая гости откланялись и продолжили свой путь с намерением посетить самые интересные города в столичном районе — Киото, Нара и Сакаи.

Ещё до их отъезда Нобунага освободил Акэти Мицухидэ от обязанностей по приёму гостей и отправил готовиться к выступлению на помощь Хасиба Хидэёси, попавшему в трудную ситуацию. Через две недели 13-тысячный отряд Акэти Мицухидэ был готов и 1 июня ближе к вечеру вышел в поход из форта Камэяма, расположенного в 26 километрах северо-западнее Киото. Однако вместо того, чтобы идти на запад, на помощь Хидэёси, он повернул на восток и под покровом ночи скрытно направился к столице, куда недавно прибыл Ода Нобунага со своим старшим сыном Нобутада. Ранним утром 2 июня отряд Акэти атаковал буддийские храмы, в которых остановились отец и сын, и оба они погибли.

Токугава в это время находился в портовом городе Сакаи, в 66 километрах от Киото. Днём 1 июня он присутствовал на чайной церемонии известного мастера Цуда Согю, а вечером ужинал в усадьбе купца Мацуи Юхэй. На следующий день утром он выехал в столицу, чтобы встретиться с Нобунага, но в дороге получил сообщение о его гибели. Это было равносильно объявлению во всеобщий розыск всех сторонников Нобунага. Повальные грабежи, преследования и убийства, сопровождавшие такого рода мятежи, представляли огромную опасность, и развлекательная поездка Токугава по достопримечательностям столичного района мгновенно превратилась в опаснейшее мероприятие, чреватое гибелью. Его группа из 30 человек могла стать лёгкой добычей для любого отряда грабителей, моментально наводнивших столичный район.

Надо было срочно возвращаться домой, и безопаснее всего это можно было сделать морем, через ближайший порт Сирако. Путь к нему пролегал через провинцию Ига,

лишь год назад перешедшую под контроль Ода Нобунага. Из четырёх её уездов два принадлежали его второму сыну Нобукацу и по одному — другим младшим сыновьям. Десять местных командиров, которые управляли провинцией до этого, тут же подняли восстание против родственников Нобунага, и её территория превратилась в сплошное поле боя. Да и в соседней провинции Исэ было не намного спокойнее. Все понимали, что за голову Токугава от Акэти можно получить хорошее вознаграждение, поэтому группа двигалась предельно осторожно. С помощью местного проводника Токугава со спутниками прошли через провинцию Ига тайными тропами и на следующий день поднялись на борт судна в порту Сирако, а ещё через сутки благополучно сошли на берег в Оминато (провинция Микава). Впоследствии Иэясу говорил, что этот переход был одним из самых опасных моментов в его жизни. Анаяма Байсэцу, с которым он вместе путешествовал, не

Возвращение Токугава из Сакаи

удалось добраться до дома — он пошёл другим маршрутом и был убит.

Вернувшись в Хамамацу, Токугава за 10 дней собрал войско и двинулся к столице, чтобы отомстить Акэти Мицухидэ, но дошёл лишь до форта Наруми; здесь он узнал, что Хасиба Хидэеси его опередил и шестью днями раньше разгромил Акэти в южном пригороде Киото. В это было трудно поверить: попавший в тяжелейшую ситуацию Хидэеси ещё месяц назад просил Нобунага о помощи, но каким-то чудом сумел из неё вывернуться и отомстить изменнику. Однако прибывший вскоре от Хидэеси гонец подтвердил информацию о его победе и сообщил, что порядок в столице восстановлен и продолжать поход не имеет смысла.

Токугава Иэясу в то время мало что знал о Хасиба Хидэеси. Невысокого щуплого человечка по имени Киносита Токитиро он впервые увидел в апреле 1570 года, во время похода Нобунага в провинцию Этидзэн. Потом они вместе участвовали ещё в нескольких его походах, но командовали разными отрядами и действовали по отдельности. Во второй половине 1570-х годов Киносита, сменивший фамилию на Хасиба, добился большого успеха, в трудной борьбе завоевав три провинции к западу от Киото, и вошёл в пятерку ведущих полководцев Нобунага. Теперь, после его гибели, он каким-то непонятным образом всех опередил и сделал заявку на то, чтобы стать его преемником. Но для потомственного самурая Токугава он по-прежнему оставался «человеком ниоткуда», случайно попавшим в воинскую элиту. Во всяком случае, рядом с такими полководцами, как Сибата, Нива или Такигава, его имя не очень звучало.

Победив Акэти Мицухидэ, Хидэеси действительно взял столицу под контроль и навёл в ней порядок, но в удалённых провинциях, в том числе и в районе Канто, началась война за земли, которые контролировал Нобунага.

Бывшие вассалы Такэда подняли мятеж против назначенцев Нобунага; в боевые действия не замедлили вмешаться и соседние кланы. Восемнадцатого июня в провинции Каи местные повстанцы убили Кавадзири Хидэтака, назначенного сюда наместником два месяца назад. Ходзё Удзимаса начал в провинции Кодзукэ боевые действия против Такигава Кадзумасу, ещё одного назначенца Нобунага. Девятнадцатого июня в бою у реки Канна он нанёс ему поражение, после чего Такигава покинул район Канто и вернулся в Исэ, а Кодзукэ перешла под контроль Ходзё. С севера на земли Нобунага напал Уэсуги Кагэкацу и отвоевал у Мори Нагаёси уезд Каванакадзима.

Не остался в стороне от этой борьбы и Токугава. В конце июня он отправил в восставшую провинцию Каи крупный отряд и одновременно разослал местным командирам письма, в которых обещал им неприкосновенность земельных владений, если они объявят себя его вассалами. Получив согласие хозяев Кофу и Симпу, двух главных замков в провинции Каи, Изясу сразу увеличил численность своих сил до десяти тысяч человек и направил их против своего недавнего союзника Ходзё Удзимаса, который тоже нацелился на бывшую провинцию Такэда. Армии Ходзё и Токугава встали друг напротив друга и оставались в этом положении следующие 80 дней. Между отдельными отрядами произошло несколько мелких стычек, но основные силы в боевые действия не вступали, если не считать единственного боя у форта Курокома, в котором успешнее действовали командиры Токугава.

Противостояние завершилось в сентябре, когда на сторону Токугава перешёл крупный военачальник Санада Масаюки (1547–1611), хозяин уезда Нумата в западной части Кодзукэ, чем серьёзно ослабил позиции Ходзё. После этого стороны начали переговоры через Ода Нобукацу, второго сына Нобунага. К концу октября было достигнуто соглашение, что Токугава получает Каи и Синано,

а Ходзё — Кодзукэ; теперь у каждого из них было по пять провинций.

Новые земли увеличили доход Токугава почти в два раза: с 650–700 тысяч до 1 миллиона 330 тысяч коку риса, что сделало его одним из богатейших землевладельцев страны (Рэкиси гундзо, 1989). Теперь ему предстояло создать на бывших землях Такэда надёжную систему управления. Последние десять лет дома Такэда и Токугава воевали, поэтому неудивительно, что для местного населения имя нового хозяина прежде всего ассоциировалось со словом «враг». Короткое правление Такигава Кадзумасу по рецептам Нобунага показало, что репрессиями и полным сломом прежней системы управления добиться стабильности невозможно, поэтому Токугава пошёл другим путём. Отменив административные указы Нобунага, он встретился с бывшими вассалами Такэда, взял с них клятву верности и принял на службу. После этого только в провинции Каи на прежние места вернулось около девяти тысяч человек (Футаки, 1998). Управлять этой провинцией он назначил своего вассала Хираива Тикаёси (1542–1612), а в помощники ему дал Нарусэ Кадзумаса и Кусакабэ Садаёси, служивших раньше дому Такэда и хорошо знавших местную специфику. Так же было организовано управление в провинции Синано, где многие административные должности заняли бывшие вассалы Такэда. Понимая, что создававшийся десятилетиями уклад в одночасье не изменишь, Токугава распорядился начать восстановление главного местного храма Эрин и провести в нём поминальную службу по Такэда Сингэн и его сыну Кацуёри. «Управлять провинцией, — говорил он позднее, — надо так же, как варить рыбу: чтобы она оставалась целой, а не разваливалась на куски» (Футаки, 1997). Эта политика не только обеспечила Токугава безболезненную смену власти, но и позволила сохранить эффективный хозяйственный механизм, созданный ещё Такэда Сингэн. Иэясу пробыв

в бывших провинциях Такэда два месяца и издал за это время 124 указа, что говорит о большом внимании к новой проблеме. Всего же за два организационных года за его подписью вышло 399 таких документов (Хонда, 2010).

Санада Масаюки

Часть мирного соглашения между Токугава и Ходзё осталась невыполненной. Провинция Кодзукэ должна была полностью отойти дому Ходзё; Санада Масаюки, хозяин расположенного на её территории уезда Нумата, обязался передать его Ходзё в обмен на равноценную площадь во владениях Токугава. Все стороны с этим согласились, но выполнить решение не смогли, главным образом из-за действий Санада. Проблема уезда Нумата осталась и через восемь лет сыграла роковую роль в судьбе Ходзё.

Тем не менее стремление соседей иметь безопасные границы победило — Токугава и Ходзё заключили мирный договор и военный союз, скрепив его по традиции политическим браком: вторая дочь Токугава стала женой старшего сына главы дома. Обменявшись заложниками, союзники распустили своих командиров по домам и вернулись к мирной жизни.

Против Хидэёси

Пока Токугава рос и расширялся на местном уровне, Хасиба Хидэёси укреплял свои позиции в столице. Двадцать седьмого июня 1582 года в семейном замке Ода

состоялась встреча, известная как «совещание в Киёсу», на которой был определён формальный наследник Ода Нобунага и состоялось перераспределение его земель. Дипломатически переиграв своего главного оппонента Сибата Кацуиэ, Хидэёси добился назначения наследником Ода Нобунага его двухлетнего внука и взял под контроль центральную часть страны вместе со столицей. Затем он сделал ряд примирительных жестов в сторону императорского дома и репрессированного сёгуна Ёсиаки, после чего организовал в октябре того же года символические похороны Ода Нобунага. Стало ясно, что Хасиба Хидэёси претендует на роль преемника Ода Нобунага и намерен продолжить силовое объединение страны под своим началом.

Политическое усиление Хидэёси вызвало противодействие со стороны ближайших конкурентов — Нобутака, третьего сына Нобунага, и его полководцев Сибата Кацуиэ и Такигава Кадзумасу. Борьба между ними длилась десять месяцев и завершилась весной 1583 года победой Хидэёси. Сибата Кацуиэ и Ода Нобутака погибли, а Такигава капитулировал и вышел из игры. Во время этого противостояния обе группировки поддерживали контакты с Токугава и пытались привлечь его на свою сторону, но он воздержался от участия в борьбе. Ода Нобукацу (1558–1630)⁴⁰, второй сын Нобунага, поначалу поддерживал Хидэёси и помог ему справиться с младшим братом Нобутака, за что получил от него три провинции. Однако откровенное честолюбие Хидэёси вошло в противоречие с чувствами потенциального наследника, и когда в мае 1583 года Хидэёси объявил трудовую мобилизацию, Нобукацу её проигнорировал, дав понять, что не считает себя его вассалом. В ноябре того же года ему донесли, что трое его старейшин поддерживают тайные контакты с Хидэёси и собираются перейти к нему на службу. Нобукацу обратился за по-

⁴⁰ В исторической литературе известен также под именем Нобуо.

мощью к Токугава и в феврале 1584 года заключил с ним военный союз. После чего вызвал к себе заподозренных в измене старейшин и казнил их. Что было равносильно объявлению войны Хасиба Хидэёси.

У Токугава были свои резоны вступить в альянс с Ода Нобукацу. После гибели Нобунага он укрепил своё положение в регионе, но остался в стороне от борьбы за власть на главном направлении, между ведущими полководцами Нобунага и его взрослыми сыновьями. Путь в центр событий лежал через союз с кем-то из главных действующих лиц, и обострение отношений между Хидэёси и вторым сыном Нобунага давало Токугава шанс войти в игру. Ода Нобукацу был более слабым партнёром, в союзе с которым Иэясу мог играть главную роль, и к тому же ближайшим соседом, что было выгодно в тактическом плане — их общую территорию можно было свободно использовать для переброски сил. Географический фактор следовало учитывать и в том смысле, что в случае победы Хидэёси он становился хозяином земель Нобукацу и соседом Токугава, что в свете его амбиций было нежелательно. Правда, воинская репутация Ода Нобукацу оставляла желать лучшего — как союзник он был слабоват, — но зато старший из оставшихся сыновей Нобунага и его потенциальный наследник, что позволяло Токугава позиционировать себя борцом за правое дело. В случае победы над Хидэёси никто не смог бы упрекнуть его в личном честолюбии.

Таким образом, к весне 1584 года против Хидэёси сложилась уже вторая по счёту коалиция во главе с Ода Нобукацу и Токугава Иэясу. Последний имел союзный договор с Ходзё Удзимаса, а он в свою очередь был связан такими же отношениями со своим восточным соседом Сатакэ Ёсисигэ (1547–1612).

Быстрое усиление Хидэёси восстановило против него ещё одного бывшего соратника, Сасса Наримаса (1536–1588) из провинции Эттю. На его помощь участ-

ники коалиции тоже могли рассчитывать, хотя в тылу у него находился сблизившийся с Хидэёси Уэсуги Кагэкацу. На юго-западе союзников обещал поддержать Тёсокабэ Мототика (1539–1599), глава крупного воинского клана с острова Сикоку, находившийся с Хидэёси в напряжённых отношениях. К образовавшейся коалиции примкнули также повстанцы храма Нэгоро и административного района Сайка, так что против Хидэёси сгруппировались хотя и разрозненные, но довольно многочисленные силы, и теперь его главной задачей стало не допустить их консолидации.

Это ему вполне удалось. На остров Авадзи против Тёсокабэ был отправлен Сэнгоку Хидэхиса (1552–1614); против Сасса Наримаса на западе выдвинулись Маэда Тосиизэ (1539–1599) и Нива Нагахидэ (1535–1585), а на востоке — Уэсуги Кагэкацу (1556–1623). Зажатый с двух сторон, хозяин провинции Эттю в конце концов так и не двинулся с места. Против храма Нэгоро и повстанцев из Сайка Хидэёси отправил отряды под командованием Хатисука Измаса, Курода Камбэй и Накамура Кадзуудзи, а на границе с владениями Мори Тэрумото привычно активизировался Укита Хидэиэ. В провинции Исэ и Овари выдвинулись отряды Икэда Цунэоки, Мори Нагаёси, Гамо Удзисато, Хори Хидэмаса и других союзников Хидэёси. Икэда Цунэоки окружил форт Инуяма в провинции Овари, охраняемый небольшим гарнизоном, и 13 марта взял его штурмом. В течение следующей недели Гамо Удзисато и Хори Хидэмаса захватили ещё два форта в провинции Исэ, где им противостояли вассалы Ода Нобукацу. Помощи со стороны Ходзё Токугава тоже не дождался — в самом начале кампании Хидэёси переманил на свою сторону его восточного союзника Сатакэ Ёсисигэ, и Ходзё оказался блокирован из-за угрозы нападения с его стороны.

В конечном счёте Токугава пришлось сражаться с Хасиба Хидэёси практически в одиночку. Боевые дей-

ствия проходили в северной части провинции Исэ. Первый крупный бой состоялся 17 марта в районе горы Комаки между трёхтысячным отрядом Хасиба под командованием Мори Нагаёси и пятитысячным отрядом Токугава под командованием Сакаи Тадацугу (1527–1596). Опытный командир Токугава сумел скрытно подойти и на-

Ода Нобукацу

пасть на противника; застигнутые врасплох бойцы Мори в беспорядке отступили к форту Хагуро у подножия горы Комаки, где были атакованы с двух сторон Сакаи Тадацугу и Мацудайра Иэтада (1555–1600). Этот эпизод, известный как бой у форта Хагуро (позднее — как бой в окрестностях Комаки), закончился поражением командира Хидэёси. В письме к одному из своих союзников Токугава писал, что противник потерял у Комаки больше тысячи бойцов, но, по данным командовавшего боем Мацудайра Иэтада, в действительности число погибших не превышало 300 человек. Эта победа Токугава несколько выправила положение, компенсировав потерю фортов Нобукацу на первом этапе боевых действий.

Хидэёси всё это время находился в замке Осака, но после поражения под Хагуро решил, что полагаться на своих командиров становится опасно, и взял командование на себя. Двадцать первого марта он с дополнительными частями вышел из Осака и через провинции Оми и Мино 27 марта прибыл в форт Инуяма. Изучив на месте диспозицию, он распорядился построить вокруг Инуяма четыре вспомогательных форта и выделил на их строи-

Ресурсная база Токугава и Хасиба (1584)

тельство и охрану 20 тысяч человек, а сам отправился к форту Гакудэн и встал лагерем в двух километрах от полевой ставки Токугава. Вместе с подкреплением общая численность армии Хидэёси, задействованной на разных участках этой операции, достигла 100 тысяч человек, в то время как объединённые силы Ода Нобукацу и Токугава Иэясу не превышали 16–17 тысяч.

Через пять дней после ухода Хидэёси из Осака на форты его союзников напали повстанцы из Сайка и Нэгоро. В боях с ними участвовали гарнизоны как минимум двух фортов, Кисивада и Кумэда. Согласно одному из источников, повстанцы сумели дойти до Осака и атаковать строящийся замок, но оставленные на его охране Укита Хидэиэ и Курода Камбэй отразили нападение.

Тем временем крупные силы Иэясу и Хидэёси уже неделю стояли у горы Комаки друг против друга и ничего не предпринимали. Помня о недавнем поражении под Хагуро, Хидэёси осторожничал, но общая инициатива и подавляющее численное превосходство в конечном счёте сыграли свою роль — он первым начал активные действия. И подтвердил общее правило междоусобных войн: тот, кто нарушает позиционное равновесие, обычно проигрывает.

Точнее говоря, инициативу проявил не сам Хидэёси, а его командир Икэда Цунзоки (1536–1584), которому в случае победы были обещаны сразу три провинции — Мино, Овари и Микава. Четвёртого апреля Икэда встретился с главнокомандующим и предложил ему смелый план: с учётом того, что Токугава вывел все силы из домашней провинции Микава, совершить обходной манёвр и атаковать его главные замки. Сначала Хидэёси эту идею забраковал, сказав, что противник достаточно опытен, а риск слишком велик, но на следующий день командир снова пришёл к нему с той же просьбой и на этот раз получил согласие. Опытный Икэда Цунзоки до этого не допускал ошибок — с ходу взял форт Инуяма и вообще действовал в этой кампании очень успешно, поэтому Хидэёси решил, что может на него положиться.

На рассвете 7 апреля отряд численностью в 16 тысяч человек скрытно ушёл со своих позиций и направился на юг. Командовать рейдом Хидэёси назначил своего юного племянника Хидэцугу, а его начальником штаба — Хори Хидэмаса (1553–1590). Им в помощь были приданы отряды Икэда Цунзоки, его сына Мотосукэ и Мори Нагаёси. В штабе Токугава об этом манёвре стало известно на следующий день, 8 апреля. По одной из версий, важную информацию сообщили ему местные крестьяне, для которых хозяин провинции Ода Нобукацу был своим, а Хидэёси — чужим.

В тот же вечер Иэясу под покровом темноты отправил четыре с половиной тысячи человек вдогонку за Хидэцугу,

которому в тот год исполнилось всего лишь 16 лет. Своим командирам он поставил задачу скрытно идти по следам противника, а сам в тот же вечер двинулся с основными силами другим маршрутом, чтобы перехватить его южнее и зажать в клещи. Этот манёвр был завершён у подножия горы Нагакутэ. Хидэцугу не заметил преследования, а разведка Хидээси обнаружила уход Токугава с большим опозданием.

Двойная ошибка обошлась ему очень дорого — утром 9 апреля у горы Нагакутэ 16-тысячный отряд Хидэцугу был атакован с двух сторон и разгромлен. В ходе двухчасового боя погибли три старших командира — Икэда Цунэоки, его сын Мотосукэ и Мори Нагаэси. Сам Хасиба Хидэцугу и начальник штаба Хори Хидэмаса спаслись бегством и вернулись в основной лагерь. Отряд Хидээси потерял в этом бою 2,5 тысячи человек убитыми, а Токугава — около 600 человек. Четырёхкратная разница в потерях не оставляла сомнений в исходе сражения. Впоследствии Иэясу и участвовавший в бою Мацудайра Иэтада писали, что противник потерял более 10 тысяч человек, в том числе самого Хидэцугу и его начальника штаба. Эти записи сохранились — они показывают, как обстояло дело с оценками потерь в то время.

Поражением у горы Нагакутэ боевые действия не закончились. Утром 9 апреля разведка доложила Хидээси об уходе из лагеря части сил Токугава, и он бросился в погоню, но вскоре ему сообщили, что бой у горы Нагакутэ уже закончился. Вернувшись в основной лагерь, Хидээси приказал усилить его защитные сооружения; вокруг вспомогательных фортов были выкопаны двойные рвы, а между ними отсыпан земляной вал высотой до четырёх метров. Пехотинцам пришлось проделать огромный объём работы: общая длина насыпи вокруг форта Ивасакияма, например, составила три километра. Поражение от Токугава встревожило Хидээси и вынудило укрепить оборону.

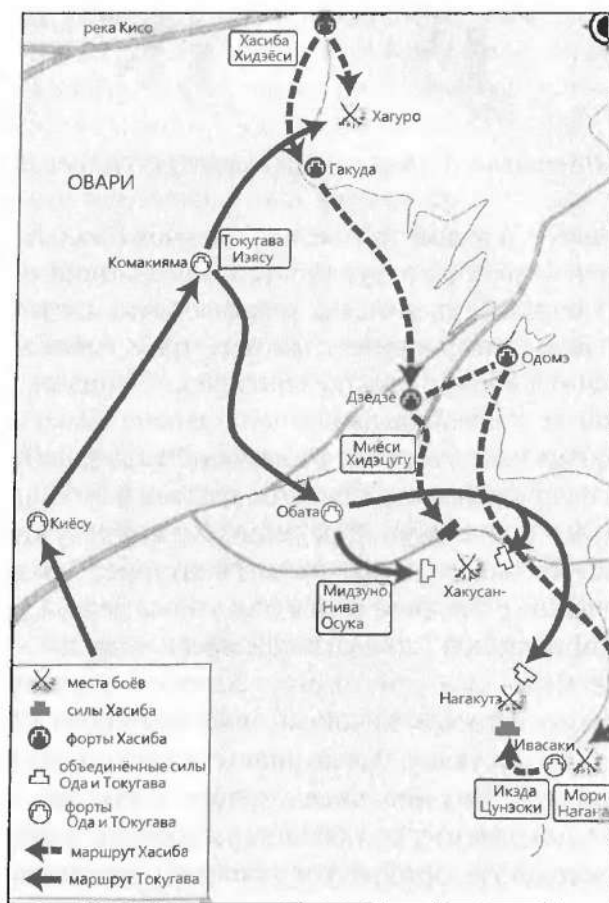
Пехотинец с пикой (слева) и аркебузой (справа)

На всё это ушло три недели. Первого мая Хидэёси, оставив в фортах и вокруг них усиленные гарнизоны, покинул Гакудэн и двинулся в обратный путь на запад. Но это не было отступлением. Потеря трёх тысяч человек не изменила общего соотношения сил, и Хидэёси, связав противника угрозой выдвижения в районе Комаки, большими силами окружил форт Каганой. Его хозяин Каганой Сигэмунэ сразу заявил, что готов сдаться на обычных условиях, но после двух поражений Хидэёси нужна была военная победа, и он отдал приказ о штурме. В результате ожесточённого боя форт был взят в тот же день, 4 мая. Эта победа обошлась в 1200 жизней с обеих сторон.

Ещё через два дня, 6 мая, Хидэёси окружил форт Такэгахана, который защищал Фува Хироцуна (?–1600), вассал Ода Нобукацу. Здесь фронтальный штурм не принёс успеха, и Хидэёси вновь прибег к тактике «водной атаки» (*мидзудзэмэ*), приказав перегородить дамбой протекающую поблизости реку и затопить укрепление. Через месяц после окончания строительства форт Такэгахана капитулировал. Таким образом, Хидэёси компенсировал

поражения в боях при Комаки и Нагакутэ захватом ещё одного укрепления Нобукацу.

Через три дня он отправился в обратный путь и 28 июня был уже в Осака. Узнав об этом, Токугава уехал в Киёсу, оставив вместо себя за старшего Сакаи Тадацугу. После этого произошло ещё несколько боёв местного значения у фортов Оно и Каниэ, которые не принесли побед ни одной из сторон.

Победы Токугава при Комаки и Нагакутэ

Июль и август Хидэёси провёл в Осака, но несколько раз выезжал в провинцию Мино, а 27 августа снова появился в основном лагере. Понимая, что для продолжения боевых действий имеющихся ресурсов недостаточно, Токугава издал указ о дополнительной мобилизации на своих землях. По сохранившимся записям, призыву под-

Гамо Удзисато

лежало всё мужское население пяти его провинций в возрасте от 15 до 60 лет. Точное число мобилизованных крестьян неизвестно, но, судя по дальнейшим событиям, пополнение было достаточно серьёзным для того, чтобы склонить Хидэёси к поискам мирного решения. В конце августа он предложил Токугава обсудить условия перемирия, но получил отказ и после этого сосредоточился на Ода Нобукацу.

План состоял в том, чтобы вынудить его пойти на сепаратный договор и вывести из игры. Усилив соединение Гамо Удзисато, осаждавшего форт Хэки в провинции Исэ, Хидэёси поставил ему задачу взять укрепление в кратчайшие сроки. Штурм состоялся 15 сентября и вылился в ожесточённый бой, унёсший много жизней с обеих сторон. Сегодня на месте форта Хэки располагается город Цу (префектура Миэ). В речи его жителей есть одна фраза, смысл которой приезжие поначалу не понимают: призывая к порядку расшалившегося ребёнка, родители говорят ему *гамодзи га куру дзо* («Смотри, Гамодзи придёт!»)⁴¹. Это отголосок боя 1584 года за форт Хэки, которым командовал Гамо Удзисато.

⁴¹ Гамодзи — сокращение от Гамо Удзисато.

Падение Хэки и окружавших его вспомогательных укреплений вынудило Нобукацу согласиться на отдельные переговоры с Хидэёси и в итоге принять его условия. За полгода боевых действий сын Нобунага не одержал ни одной победы, что, в общем, соответствовало его воинской репутации. Переговоры с Хидэёси продолжались два месяца и завершились 16 ноября 1584 года подписанием соглашения. Нобукацу сохранил за собой половину прежних владений — провинцию Овари и пять небольших уездов в северной Исэ, а её южная часть, провинция Ига, и два захваченных форта в провинции Овари перешли под контроль Хидэёси.

Сепаратный мир союзника лишил Токугава возможности продолжать боевые действия, поскольку они велись на землях Нобукацу. Уже на следующий день после подписания договора Иэясу начал вывод своих сил из провинции Овари. Выход Нобукацу из игры в какой-то степени был выгоден и Токугава — многомесячное противостояние с огромной армией Хидэёси полностью истощило его ресурсы, а подписанное за его спиной перемирие позволяло выйти из ситуации без потери лица. Вскоре Хидэёси и ему тоже предложил оформить прекращение боевых действий, и в середине декабря того же года стороны подписали мирный договор. Заверив документ каплей крови, Токугава отправил к Хидэёси трёх заложников: своего 10-летнего сына Огимару (впоследствии Юки Хидэясу) и двух сыновей своих старейшин.

Результат военной кампании был для него неоднозначным: дважды победив командиров Хидэёси на поле боя, он, тем не менее, не смог остановить его продвижение к власти. Это стало хорошим уроком — Токугава убедился, что побеждать можно не только за счёт силы, но и путём дипломатических манипуляций. Тотальная августовская мобилизация крестьян в его провинциях вылилась в экономическое бедствие — осенью 1584 года большая часть

урожая осталась на полях, и в следующем году на его землях разразился голод.

Таблица

**Хронология конфликта Хидэёси с Ода Нобукацу
и Токугава Иэясу (1584)**

6 марта	Казнь трёх старейшин Нобукацу в замке Нагасино.
8 марта	Приказ Хидэёси о военном походе.
13 марта	Прибытие Токугава в Киёсу. Падение форта Инуяма.
14 марта	Прибытие передовых отрядов Токугава в Кувана (пров. Исэ).
17 марта	Победа Токугава в бою у форта Хагуро.
22 марта	Поражение повстанцев из Сайка и Нэгоро.
28 марта	Перенос ставки Иэясу к подножию горы Комаки.
29 марта	Прибытие Хидэёси в Гакудэн.
6 апреля	Рейд Икэда и Мори в провинцию Микава.
9 апреля	Победа Токугава в бою у горы Нагакутэ.
13 апреля	Весть о поражении Хидэёси, начало беспорядков в столице.
3 мая	Возвращение Нобукацу в Нагасино.
7 мая	Падение форта Каганои.
10 июня	Падение форта Такэгахана.
12 июня	Возвращение Иэясу в Киёсу.
16 июня	Захват силами Хидэёси форта Каниэ.
28 июня	Возвращение Хидэёси в Осака.
3 июля	Захват форта Каниэ силами Токугава.
30 июля	Повторное возвращение Хидэёси в Осака.

11 августа	Выход Хидэёси из Осака с подкреплением.
26 августа	Дополнительная мобилизация во владениях Токугава.
27 августа	Прибытие Хидэёси в Гакудэн.
2–7 сентября	Безрезультатные мирные переговоры с Токугава.
27 сентября	Возвращение Токугава в Киёсу.
6 октября	Возвращение Хидэёси в Осака.
16 октября	Возвращение Токугава в Хамамацу.
9 ноября	Прибытие Токугава в Киёсу.
11 ноября	Договорённость о сепаратном мире между Нобукацу и Хидэёси.
16 ноября	Подписание сепаратного соглашения.
12 декабря	Перемирие между Хидэёси и Токугава, отправка заложников.

Источник: Хонда Такаси, 2010. С. 126.

Что касается Хидэёси, то он убедился, что Токугава трудно победить на поле боя и такого человека лучше иметь в числе своих союзников. За два года, прошедшие после гибели Нобунага, он выстоял в борьбе с двумя коалициями своих противников и доказал обоснованность своих претензий на власть. В первом случае победа была одержана исключительно за счёт воинского мастерства, а во втором он продемонстрировал не только тактическую грамотность, но и дипломатические способности. Ещё до заключения сепаратного мира с Нобукацу Хидэёси обратился к императору с просьбой повысить его придворный статус и 2 октября стал обладателем неполного пятого ранга младшей ступени (*дзюгои но гэ*), а в конце ноября в ускоренном темпе получил неполный третий ранг младшей ступени (*дзюсанъи но гэ*) и должность Старшего советника двора (*гондайнагон*).

Поняв, что придворные ранги возвышают не хуже, чем военные победы, он после этого стал уделять им гораздо больше внимания. В июле следующего 1585 года он был назначен на высокую должность Регента (*кампаку*), которая давала право издавать указы от имени императора. С этого момента Хидэёси вышел на уровень полномочий, которыми обладал в своё время Ода Нобунага. Вместе с этой должностью император Огимати пожаловал ему аристократическую фамилию Тоётоми, под которой Хидэёси и вошёл в историю⁴².

В том же 1585 году в Осака началось возведение грандиозного замка, который должен был затмить Адзутти, прежнюю цитадель власти Ода Нобунага. Строительство замка продолжалось несколько лет, а число его участников временами достигало 60 тысяч человек.

Вассал Хидэёси

Примирение

Закключив мирные договоры с Ода Нобукацу и Токугава Иэясу, Хидэёси продолжил воевать с их союзниками. Весной 1585 года он заставил капитулировать храм Нэгоро и повстанцев из района Сайка, а летом 100-тысячная армия Хидэёси высадилась на острове Сикоку и разгромила Тёсокабэ Мототика, ещё одного участника коалиции. В августе сложил оружие и ушёл в монастырь Сасса Наримаса. Крупный западный клан Мори, до этого соблюдавший нейтралитет, на фоне последних успехов Хидэёси

⁴² Происхождение фамилии точно неизвестно. Есть версия, что она восходит к Тоёто Мими, одному из имён, которыми пользовался принц Сётоку (574–622).

перешёл к политике сотрудничества и принял участие в походе на остров Сикоку.

Усмирив западных участников коалиции, Хидэёси вернулся к отношениям с Токугава и Ходзё, которые хотя и перестали быть противниками, но продолжали держать дистанцию. Зная, что между ними остаётся нерешённой проблема уезда Нумата, он первым делом заключил союз с его хозяином Санада Масаюки (1547–1611), а после назначения на должность Регента взялся за Токугава. К нему была отправлена делегация с предложением прибыть в столицу и встретиться с Хидэёси. С учётом соотношения сил это означало только одно — стать его вассалом.

Восемнадцатого октября в Хамамацу собрался совет для обсуждения этого вопроса. Ещё год назад командиры Токугава успешно воевали с Хидэёси, а теперь им предстояло перейти к нему на службу. Большинство участников встречи были к этому не готовы и высказались против. Среди немногих сторонников союза с Хидэёси оказался старейшина Исикава Кадзумаса (1533–1593), но его мнение не повлияло на общее решение. Через месяц он вместе с семьёй бежал в Осака и перешёл на службу к Хидэёси. Достоверных сведений о мотивах этой крайне болезненной для Токугава измены не сохранилось, но известно, что Исикава по поручению главы дома неоднократно встречался с Хидэёси и вёл с ним переговоры. Вероятнее всего, во время этих встреч общепризнанный «гений искушения», как называли Хидэёси, и склонил Исикава к переходу. На новом месте старейшина Токугава получил земельный удел в столичной провинции Кавати с доходом в 80 тысяч коку риса, сменил имя и построил себе замок. Умер он восемь лет спустя, на 61-м году жизни.

По современным меркам, бегство Исикава можно было бы приравнять к переходу начальника генерального штаба какой-либо армии на сторону противника. Он был на девять лет старше Токугава, служил ему с юных лет.

В последние годы потомственный вассал управлял несколькими уездами, составлявшими половину провинции Микава, и замком Окадзаки. Он принимал участие во всех походах Токугава и знал всё о его военной организации. Такой информатор в лагере Хидэёси представлял большую угрозу, поэтому Токугава пришлось принимать срочные меры. Назначив на место беглеца старейшину Хонда Сигэцугу (1529–1596), он распорядился перевести всех женщин и детей из Окадзаки на восток, укрепить подступы к замку. Измена Исикава стала толчком к реорганизации всего военного дела, и большую роль в ней сыграли бывшие вассалы Такэда, которых Токугава принял на службу.

Между тем Хидэёси твёрдо решил, что воевать с Токугава больше не стоит, а привлечь его на свою сторону надо обязательно. В январе 1586 года Ода Нобукацу приехал к бывшему союзнику с предложением от Хидэёси укрепить отношения и на базе достигнутого перемирия заключить военный союз. Тут было над чем подумать: за последний год Хидэёси существенно усилился, поэтому союз с таким партнёром мог упрочить положение Токугава в регионе. Конечно, в отношениях с ним можно было рассчитывать только на роль вассала, но его прежний союз с Ода Нобунага строился по такой же схеме, поэтому ничего нового в этом не было.

Предложение Хидэёси было принято, и в конце февраля 1586 года бывшие противники стали союзниками. В следующем месяце Токугава нанёс визит своему соседу Ходзё Удзимаса и заверил его, что сближение с Хидэёси никак не отразится на их двусторонних отношениях.

Хидэёси не остановился на достигнутом и продолжал искать пути к ещё большему сближению с Токугава. В то время он готовил военный поход на Кюсю, но в победе не сомневался и уже думал о восточной части страны, которую ещё предстояло подчинить. Там нужен был сильный региональный лидер, на которого он мог бы полностью

положиться. Союзные отношения такой надёжности не гарантировали — доверять можно было только вассалам, и Хидэёси стремился перевести Токугава в этот статус. Однако Иэясу продолжал держать дистанцию и не выказывал ни малейшего желания становиться вассалом.

Следующий ход Хидэёси оказался неожиданным: он предложил Токугава породниться, взяв в жёны его младшую сестру Асахи (1543–1590). Неожиданность заключалась в том, что, во-первых, женщине шёл 43-й год, а во-вторых, она была замужем. Но для Хидэёси ни то, ни другое не стало проблемой. Он распорядился расторгнуть брак и выплатить мужу сестры компенсацию в 50 тысяч коку риса. Формальных причин для отказа не осталось, и Токугава пришлось согласиться на брак; 14 мая 1586 года в Хамамацу состоялась церемония, на которой Асахи была объявлена его женой. Так Хидэёси выиграл ещё один дипломатический раунд. Но его союзник и после этого не собирался сдаваться и принимать вассалитет. За 25 лет, прошедших после гибели его первого покровителя Имагава Ёсимото, Токугава Иэясу не раз вступал в военные союзы и выходил из них, но никому не присягал на верность в качестве вассала.

Хидэёси тоже не сдавался. Летом 1586 года он известил Токугава, что будет ходатайствовать перед императором о повышении его придворного ранга и в ближайшее время отправит к нему мать. Официально — чтобы навестить дочь, фактически — заложницей. Давление достигло высшей точки. Союзный договор с Хидэёси, женитьба на его сестре и приём матери делали дальнейшее уклонение от личной встречи нелогичным и вызывающим. Токугава сдался и начал готовиться в путь.

Восемнадцатого октября 73-летняя мать Хидэёси была встречена в Окадзаки со всеми полагающимися почестями, а ещё через два дня глава дома выехал в столицу. Двадцать шестого октября он прибыл в Осака и остано-

вился в усадьбе младшего брата Хидэеси. Здесь состоялась их первая, неофициальная встреча. На следующий день в замке Осака в честь гостя был устроен большой приём. Хидэеси произнёс речь, и при словах *дзёраку тайги*⁴³ Токугава Иэясу почтительно поклонился.

Асахи, младшая сестра Хидэеси

Всем присутствующим на церемонии стало ясно: в лагере Тоётоми Хидэеси стало на одного крупного военачальника больше. Уровень приёма выгодно выделял Токугава среди других представителей воинской элиты; кроме того, он был на три года освобождён от несения воинской повинности, что означало: акт принятия вассалитета состоялся, но начало службы откладывается на будущее. Эти привилегии ясно говорили о его особом статусе.

Пробыв в столице 10 дней, Токугава получил очередное повышение в придворной табели о рангах, после чего вернулся в Хамамацу и сразу отправил обратно мать Хидэеси — она выполнила свою задачу, и держать женщину на чужбине не имело смысла. Сестра Хидэеси прожила во владениях мужа до осени 1589 года, после чего выехала в Киото навестить мать, но в столице заболела и в январе следующего года умерла.

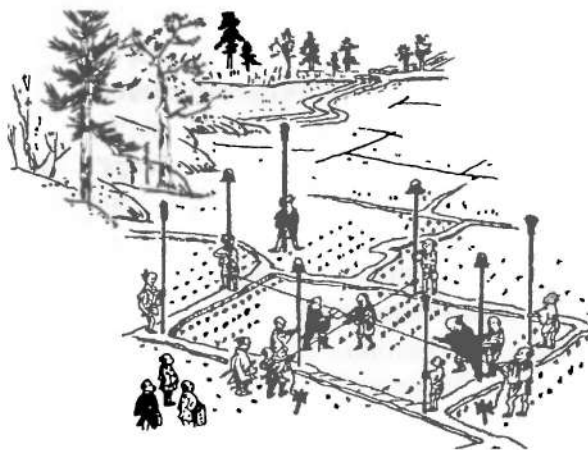
Через месяц после возвращения из Киото Иэясу снова перенёс свою резиденцию — на этот раз на 70 километров восточнее, из Хамамацу в Сумпу. В отличие от Нобунага и Хидэеси, двигавшихся в процессе экспансии с востока

⁴³ Здесь: подчинение центральной власти.

на запад, он уже во второй раз перемещался в противоположном направлении. Сегодня от Хамамацу до Сидзуока (бывший Сумпу) можно доехать на электричке за час с небольшим, а в XVI веке на такое путешествие уходило три дня.

После принятия вассалитета у Токугава появились новые статьи расходов. Во-первых, он должен был выезжать в столицу по разным формальным поводам: например, в августе 1587 года — чтобы поздравить Хидэёси с победой на острове Кюсю; в апреле 1588 года — по случаю открытия нового столичного замка; в июне того же года — чтобы навестить заболевшую мать Хидэёси. В следующем 1589 году он ещё дважды выезжал в Киото в связи с конфликтом вокруг дома Ходзё.

Во-вторых, ему пришлось участвовать во всех строительных проектах Хидэёси. От воинской повинности он был освобождён, но трудовую нёс наравне со всеми. Например, в 1589 году ему было поручено обеспечить поставку в столицу древесины для строительства большой статуи Будды. С учётом расстояния доставка обходилась

Перепись земель

недешево; кроме того, в Сумпу более двух лет продолжалось строительство его собственного замка, тоже требовавшее немалых средств.

Взросшие расходы потребовали совершенствования хозяйственного механизма, в первую очередь уточнения посевных площадей и увеличения налоговых поступлений. С февраля 1589 года по январь 1590 года на землях Токугава была проведена самая масштабная кадастровая перепись, после которой изменились все главные хозяйственные показатели. В ходе этой реформы Иэясу впервые снизил нормы содержания волостных и уездных управляющих, а также лишил налоговых привилегий буддийские и синтоистские храмы. Его управленцы потеряли по два процента от своих доходов (*годзюбун хитояку*, буквально «одна пятидесятая с чиновника»), которые были перенаправлены в казну клана. Реформа продемонстрировала внимание Токугава к вопросам хозяйственной жизни и готовность серьезно ими заниматься.

Гибель Ходзё

Заняв должность Регента, Хидзёси получил право издавать от имени императора указы и объявлять войну тем, кто их нарушал. Так же действовал в своё время Ода Нобунага, с той лишь разницей, что ему для этого не нужны были придворные ранги и должности. За десятилетия междоусобиц провинциальные кланы глубоко прониклись идеей независимости от центральной власти и обращали мало внимания на исходящие из столицы предписания, если они противоречили их интересам. Хидзёси об этом знал и не замедлил воспользоваться новыми возможностями. Первой жертвой его тактики стал клан Симадзу с острова Кюсю, который за несколько лет сильно потес-

нил своих соседей и взял под контроль большую часть острова. Уже в октябре 1585 года, через три месяца после назначения на должность *кампаку*, Хидэёси отправил на Кюсю указ о запрете любых боевых действий. Мощный клан Симадзу, возглавляемый тремя взрослыми братьями, приказ проигнорировал и продолжил экспансию. Объявив ему войну, Хидэёси в июле 1587 года высадился на Кюсю с огромной армией и за месяц разгромил противника. За год до этого аналогичный указ о запрете междоусобиц был отправлен в район Канто. Отношения Хидэёси с Ходзё и Токугава в тот момент ещё оставались неоформленными, поэтому он разослал документ только своим вассалам и не самым крупным военачальникам региона. Вскоре после этого Уэсути Кагэкацу тоже принял вассалитет и стал полномочным представителем Хидэёси в удалённом восточном районе Осю⁴⁴. На западе Хонсю таким представителем был Мори Тэрумото, а в районе Канто — Токугава Иэясу.

На северо-востоке Хонсю главную силу представляли семьи Токугава, Ходзё и Датэ, тесно связанные между собой союзными договорами и политическими браками. Переход Токугава в лагерь Хидэёси разобщиł союзников и встревожил руководителей дома Ходзё, а быстрая победа Хидэёси над кланом Симадзу показала его возможности. Почувствовав угрозу, руководство дома Ходзё активизировало военные приготовления: его оружейные мастера получили новые заказы, форты начали укрепляться и пополнять запасы, а в деревнях прошла мобилизация. В апреле 1588 года в столице состоялось важное для воинской элиты мероприятие — открытие нового замка Хидэёси, на котором крупнейшие военачальники страны в присутствии императора присягнули на верность ново-

⁴⁴ Провинции Дэва и Муцу (современные префектуры Аомори, Иватэ, Мияги, Акига, Ямагата, Фукусима).

му правителю. Руководители дома Ходзэ тоже получили приглашение на церемонию, но не поехали.

Через месяц Токугава по поручению Хидзэси написал отцу и сыну Ходзэ письмо с требованием выехать в столицу. Пояснив, что не преследует никаких личных интересов и ни на что не претендует, он пообещал своё содействие в организации встречи с Хидзэси и предупредил, что в случае отказа будет вынужден разорвать союзный договор и отозвать свою дочь, выданную замуж за Ходзэ Удзинао (1562–1591). Двадцатипятилетний зять Токугава формально занимал пост главы дома, но его 49-летний отец Удзимаса (1538–1590) был ещё полон сил и имел право решающего голоса. На семейном совете мнения в отношении Хидзэси разделились: старший Ходзэ и его брат Удзитэру заняли жёсткую позицию, ориентированную на противостояние, а молодой глава дома и его дядя Удзинори выступили за компромисс.

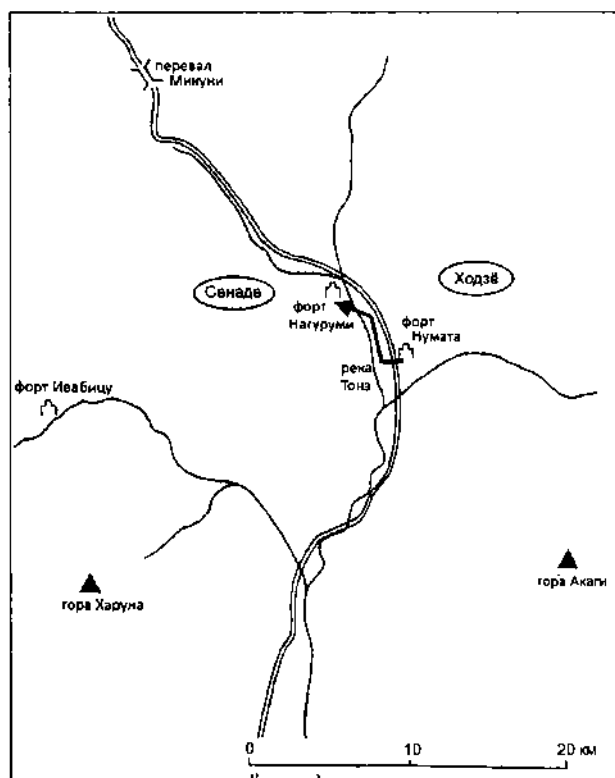
В конечном счёте умеренный подход возобладал, и на совете было решено отправить представителей на переговоры в столицу, но без первых лиц, чтобы визит не выглядел как капитуляция. В июле 1588 года Токугава прислал Ходзэ ещё одно письмо с требованием ускорить выезд, и в августе он наконец состоялся. Ходзэ Удзинори (1545–1600), дядя главы дома и сторонник мирного урегулирования, выехал в Киото. Выбор был сделан с учётом того, что Удзинори с детства знал Токугава — они вместе жили и воспитывались у Имагава Ёсимото.

Встреча с Хидзэси состоялась 22 августа в его столичном замке Дзюракутэй. Она была организована по правилам придворного церемониала, который пришёл на смену воинскому после того, как Хидзэси занял должность *кампаку*. Он сидел на возвышении в центре зала, а слева от него и чуть ниже располагались военачальники с придворным рангом выше четвёртого: Ода Нобукацу, Токугава Иэясу, Тоётоми Хидэнага (брат Хидзэси), Укита Хидээнэ,

Уэсуги Кагэкацу и Мори Тэрумото. Справа от правителя сидели пять главных министров двора. Ещё ниже, на третьем по счёту уровне, располагались десять военачальников с придворными рангами ниже четвёртого: Хосокава Тадаоки, Симадзу Ёсихиро и др. В соответствии с придворным регламентом парадные мантии присутствовавших различались по цвету, а головные уборы — по форме. Посланнику дома Ходзё, не имевшему даже пятого ранга, было отведено место поодаль в глубине зала, рядом с верандой. Увидев новый дворец Хидзёси и его ближайшее окружение, Удзинори должен был глубоко прочувствовать, как всё изменилось в столице и кто в ней правит бал.

На аудиенции он сообщил высокому собранию решение семейного совета: «Визит в столицу первых лиц клана может состояться только после того, как будет решён вопрос с уездом Нумата». Хидзёси пообещал разобраться и вынести справедливое решение, для чего пригласил старейшин Ходзё принять участие в слушаниях.

Они состоялись весной следующего 1589 года. Дом Ходзё на них представлял старейшина Итабэока Косэссай (1537–1609). Сочтя его доводы убедительными, Хидзёси вынес вердикт: во изменение текста договора между Ходзё и Токугава от 1582 года две трети уезда Нумата вместе с одноимённым замком должны быть переданы Ходзё, а оставшаяся треть остаётся под контролем нынешнего хозяина уезда Санада Масаюки. Отличие от договора 1582 года заключалось в том, что он предполагал передачу Ходзё всего уезда. Компенсировать Санада потерянные две трети должен был Токугава Иэясу — этот пункт остался без изменений. Руководители Ходзё встретили решение о том, что теряют права на треть уезда, без энтузиазма, но после того, как Хидзёси пообещал компенсировать им эту потерю из своих ресурсов, согласились. Таким образом, справедливые требования Ходзё были удовлетворены, и в конце июня Удзинао сообщил Хидзёси, что

Мелкий инцидент с большими последствиями

в декабре его отец приедет в столицу. Всё шло к тому, что дом Ходзё вслед за Токугава примет вассалитет и перейдёт на службу к Хидэёси.

До этого момента указ о запрете междоусобиц в районе Канто соблюдался, а вопрос с уездом Нумата хотя и медленно, но решался путём согласований. Но тут в дело вмешался случай. Две трети спорного уезда вместе с замком Нумата перешли под контроль Ходзё Удзинао, а замок был передан его вассалу Иномата Кунинори (?–1590). Он-то и стал причиной нового конфликта. Буквально в нескольких сотнях метров от Нумата, на противоположном

берегу реки Тонэ, стоял вспомогательный форт Нагуруми. Граница между отошедшей к Ходзё частью уезда и территорией Санада Масаюки прошла по реке, и два укрепления оказались на её разных берегах. Двадцать третьего октября 1589 года даже не сам хозяин замка, а один из его подчинённых по неизвестным причинам вышел со своими людьми из Нумата, переправился через реку Тонэ и атаковал форт Нагуруми. По одной версии, причиной нападения стало несогласие с решением Хидзёси и раздражающая близость противника, по другой — раздор в семье Иномата. Вспомогательный форт был взят без сопротивления, а его комендант бежал к Санада и доложил о нападении со стороны Ходзё.

Санада Масаюки сообщил Хидзёси об инциденте и в конце ноября получил ответ. В нём говорилось, что, несмотря на длительные усилия по мирному привлечению дома Ходзё на службу императору, поставленной цели добиться не удалось и ситуация не оставляет иного выхода, кроме применения силы. Двадцать четвёртого ноября Хидзёси отправил Иэясу указ из пяти пунктов, в котором сообщал, что дом Ходзё нарушил запрет на боевые действия в районе Канто, в связи с чем ему объявляется война. В первом пункте документа говорилось о том, что только уважение к союзным и родственным связям между Токугава и Ходзё заставило Хидзёси вести столь долгое разбирательство. А заканчивался он выводом о том, что захват форта Нагуруми свидетельствует о нежелании дома Ходзё следовать воле императора и его стремлению к мирной жизни. Указ был адресован главе дома Ходзё Удзинао, а Иэясу должен был передать его по назначению. Всем верным Хидзёси военачальникам был разослан приказ начать подготовку к военному походу против Ходзё. Глава крупного клана Датэ Масамунэ (1567–1636), сосед и многолетний союзник Ходзё, тоже его получил и теперь должен был решать, на чьей стороне ему воевать.

Ходзё Удзинао попытался предотвратить столкновение и написал Хидзёси длинное письмо, в котором объяснил причины, по которым произошли задержка с выездом его отца в Киото и инцидент с захватом форта Нагуруми. Похоже, что руководители Ходзё были сильно задеты разницей в отношении Хидзёси к ним и к их соседу Токугава. В своём письме Ходзё Удзинао упрекал Хидзёси в том, что ради союза с Токугава он отдал ему в жёны свою младшую сестру и отправил к нему мать, в то время как по отношению к более родовитому семейству Ходзё не было проявлено и малой части такого уважения (Овада, 2006).

Поход против Ходзё был намечен на весну 1590 года, а план боевых действий Хидзёси поручил разработать штабу Токугава. С учётом того, что он был освобождён от воинской повинности и не участвовал в войне на Кюсю, на этот раз ему досталась большая нагрузка — выставить по пять полностью экипированных бойцов с каждых 100 коку риса, в общей сложности около 30 тысяч человек.

Следуя обычному правилу, Токугава перед началом боевых действий отправил к Хидзёси ещё одного заложника, своего 10-летнего сына Такэтиё (будущий сёгун Хидэтада). Его старший на тот момент сын Хидэясу уже пять лет жил у Хидзёси. Приняв Такэтиё, Хидзёси провёл для него обряд совершеннолетия и дал взрослое имя Хидэтада с первым иероглифом из своего имени, после чего отправил обратно к отцу, показав тем самым, что доверяет Токугава и не нуждается в дополнительных заложниках.

Общий план операции против Ходзё был утверждён на военном совете 21 января 1590 года. В конце февраля Иэясу с 30-тысячной армией прибыл в форт Нагакубо и начал строить мост через реку Фудзи для переправы основных сил. В походе участвовали все его главные командиры — Сакаи, Хонда, Сакакибара, Хиравива, Ии, Окубо, Торин, а также родственники по линии Мацудайра.

Хидэёси с 32-тысячной армией вышел из Киото 1 марта. Командовать наступавшим с западного направления 67-тысячным соединением он поручил своему племяннику Хидэцуту. Общая численность всех сухопутных и морских сил Хидэёси в этой операции неизвестна, но большинство историков склоняются к цифре в 210–220 тысяч человек. Таких армий в районе Канто никогда не видели.

Главное место в оборонной стратегии Ходзё занимал считавшийся неприступным замок Одавара. Здесь были собраны их основные силы. В 1560 году его пытался захватить Уэсуги Кэнсин, в 1569 году — Такэда Сингэн, но оба нападения были уверенно отражены. Отец главы клана Ходзё Удзимаса участвовал в обоих сражениях, и двойной успех вселял надежду, что и на этот раз замок устоит. Определённые ожидания Ходзё связывали также с домом Датэ, своим соседом и многолетним союзником.

В пяти провинциях Ходзё была объявлена дополнительная мобилизация, позволившая собрать армию в 56 тысяч человек. Но и её оказалось недостаточно, чтобы противостоять Хидэёси. И дело было не только в количестве, но и в качестве войска. У Ходзё оно было смешанное, крестьянско-самурайское, в то время как армия Хидэёси состояла из тех, кто воевал постоянно. У него были боевые корабли с экипажами, имевшими опыт морских сражений, в то время как Ходзё выставили небольшую флотилию из рыбацких лодок и вооружённых аркебузами рыбаков. Удалённый на 400 километров от центра страны, клан Ходзё в последние десятилетия строил свою военную организацию на основе давних семейных традиций, не уделяя достаточно внимания новшествам, которые обеспечивали победы Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси.

Ещё одна ошибка состояла в недооценке военно-политических ресурсов и возможностей Хидэёси. Гарнизон форта Яманака, одного из передовых укреплений Ходзё, был увеличен до четырёх тысяч человек, но армия Хидэёси

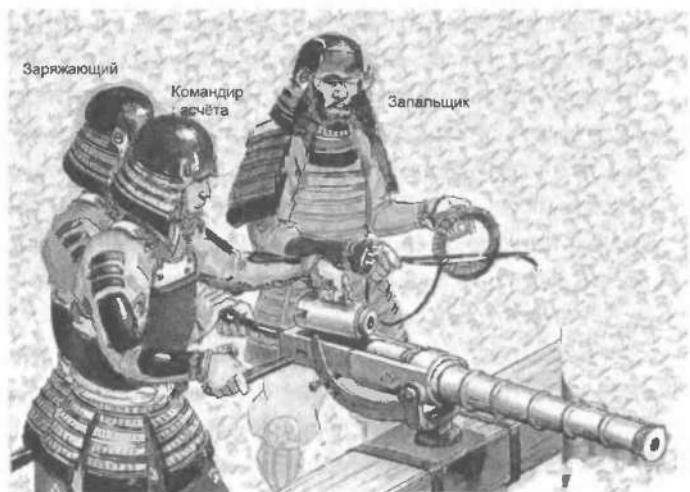
взяла его штурмом за один день, 29 марта. На следующий день Токугава захватил форт Асигара. На юго-западном направлении долго держался лишь форт Нираяма, который с гарнизоном в 3600 человек защищал Ходзё Удзинори; Ода Нобукацу держал его в осаде три месяца.

После падения фортов Яманака и Асигара основные силы Хидзёси встали лагерем у горы Хаконэ, и уже 3 апреля его передовой отряд вышел к внешним укреплениям замка Одавара. Задержать противника на дальних подступах клану Ходзё не удалось. Верный своей излюбленной тактике — добиваться цели минимальными средствами — Хидзёси не стал штурмовать хорошо укреплённый замок, а приказал построить рядом с ним, на склоне горы Исигаки, крупный бивуак. Расположение выбрал такое, чтобы он был хорошо виден из осаждённого Одавара, но поначалу строительная площадка была скрыта за деревьями. Когда в лагере появились первые постройки, Хидзёси приказал за ночь вырубить прикрывавшие их деревья, и наутро защитники Одавара увидели выросший как по волшебству за одну ночь осадный лагерь. А чтобы ещё больше ввести противника в заблуждение, Хидзёси распорядился обложить ограду и каркасы строящихся вышек соломенными циновками. Издалека они выглядели как деревянная ограда и создавали иллюзию невероятно быстрого возведения лагеря на пустом месте. Такая скорость наводила на мысль об огромных людских ресурсах Хидзёси и подрывала волю защитников к сопротивлению.

Впоследствии осадный лагерь Исигакияма получил широкую известность как «форт, построенный за одну ночь» (*итиядзё*). Этим обманным приёмом Хидзёси ввёл в заблуждение не только противника, но и своих современников, с удовольствием пересказывавших красивую выдумку о сооружении, возведённом за одну ночь. В действительности строительство Исигакияма продолжалось около трёх месяцев и завершилось лишь к концу июня.

Готовясь к обороне, пехотинцы Ходзё отсыпали вокруг замка Одавара дополнительный земляной вал длиной девять километров и поставили на нём ограду со стрелковыми вышками. Позади него возвышалась каменная крепостная стена с башнями, бойницами и девятью воротами, через которые только и можно было попасть в замок. Армия Хидзёси взяла замок в плотное кольцо, а напротив ворот встали усиленные наряды. Многотысячный гарнизон Одавара требовал усиленного снабжения, поэтому Хидзёси позаботился о том, чтобы исключить подвоз всего необходимого с моря; побережье было блокировано флотилиями Мори, Тёсокабэ и Куки общей численностью около 14 тысяч человек.

Завершив окружение противника на суше и на море, Хидзёси вызвал из Киото свою наложницу Ёдо, гейш, актёров театра Но и прислугу. Поселился вместе с ними в Исигакияма, из которого открывался панорамный вид на город и замок, и начал демонстративно отдыхать, действуя на нервы окружённому гарнизону. В осадном лагере чере-

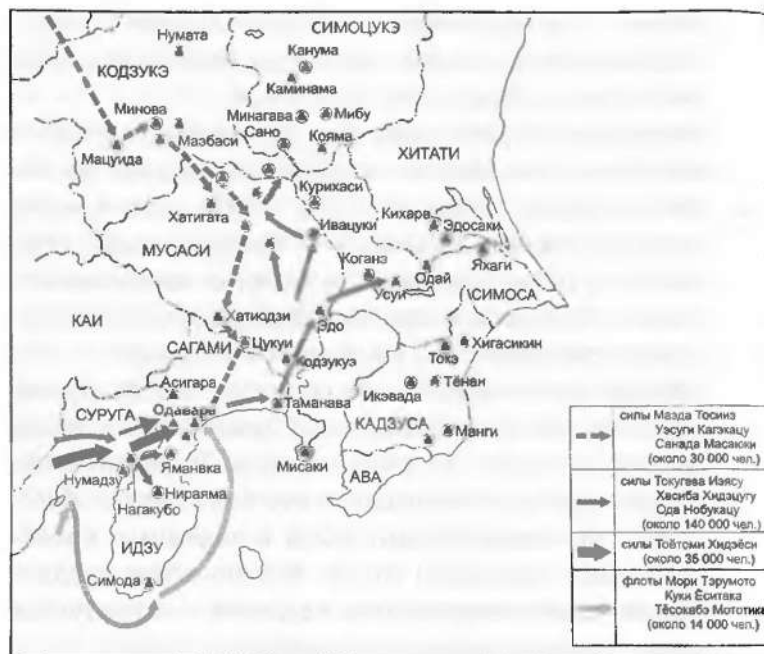
Стрельба из корабельной пушки

дой пошли театральные представления и ужины с танцами. Осада предстояла долгая, поэтому старшим командирам тоже было разрешено вызывать семьи.

Тем временем боевые действия шли во всех пяти провинциях Ходзё. Ожесточённое сопротивление оказал его союзник Дайдодзи Масасигэ (1533–1590), хозяин замка Мацуида в провинции Кодзукэ. Его гарнизон стойко оборонялся три недели, однако после падения вспомогательных фортов Куниминэ и Маябаси Дайдодзи капитулировал и сдал укрепление. Это произошло 20 апреля.

В целом ожесточённых боёв во время этой кампании было немного. За три месяца, пока продолжалась осада Одавара, под контроль Хидзёси перешли 29 укреплений, причём две трети из них сдались без боя (Овада, 2006). Среди тех, кто капитулировал, были и надёжные, проверенные в боях командиры Ходзё. Все попытки выслатить им подкрепление заканчивались неудачей — сухопутная и морская блокада действовала надёжно. К концу июня во владениях Ходзё осталось всего два объекта, продолжавших сопротивление, собственно Одавара и замок Оси, который защищал Нарита Удзинага (1542–1596). Осадой Оси руководил Исида Мицунари (1560–1600), использовавший тактику «водного штурма». На протекавшей рядом реке Тонэ была построена дамба, и вода устремилась в низину, затапливая защитников. Замок продержался ещё несколько недель и сдался последним в середине июля, уже после падения Одавара.

Не оправдал ожиданий Ходзё и его союзник Датэ Масамунэ. Ещё зимой его навестили посланники Хидзёси и предложили перейти на его сторону под гарантии неприкосновенности земельных владений. Датэ согласился и 25 марта на военном совете объявил, что намерен разорвать договор с Ходзё и принять участие в боевых действиях на стороне Хидзёси. Часть его вассалов с этим решением согласилась, другая выступила против, в ор-

Боевые действия против Ходзё

ганизации произошёл раскол. На его преодоление ушло полтора месяца, поэтому Датэ смог выступить на помощь Хидэёси лишь в начале мая, а к осаждённому Одавара прибыл 5 июня, через два месяца после начала кампании, когда её исход был уже ясен. Тем не менее неучастие Датэ на стороне Ходзё уже само по себе облегчило задачу Хидэёси.

Вскоре после того, как замок Одавара был окружён, Хидэёси отправил к руководителям Ходзё своего переговорщика Курода Камбэй (1546–1604) с предложением договориться и прекратить сопротивление. В этом случае им было обещано оставить две провинции из пяти (Мусаси и Сагами). Предложение было отвергнуто, но посланник Хидэёси не сдавался: продолжал ходить на переговоры

Ходзё Удзинао явился в ставку Токугава и объявил, что готов сдать замок и покончить с собой в обмен на сохранение жизни всем остальным. Хидзёси добился своей цели — победил без генерального сражения. Капитуляция была принята, и на следующий день его представители вошли в замок Одавара. Всем его обитателям было дано три дня на эвакуацию.

Зная, что в руководстве клана шла борьба мнений, Хидзёси потребовал, чтобы с собой покончили только представители жёсткой линии, 52-летний Ходзё Удзимаса, его младший брат Удзитэру (1540–1590) и два крупных военачальника, Дайдодзи Масасигэ (1533–1590) и Мацуда Норихидэ (?–1590). Эти четыре командира совершили *сэппуку*.

Одиннадцатого июля 1590 года завершилась 100-летняя история крупного воинского клана Ходзё. Братья Удзимаса и Удзитэру стали последними представителями группы военачальников уровня *сэнгоку даймё*, потерпевших поражение и исчезнувших с окончанием эпохи междоусобиц. Молодому главе дома Ходзё Удзинао Хидзёси

сохранил жизнь и отправил его вместе с остальными родственниками в монастырь на горе Коя. Его брак с дочерью Токугава был расторгнут, и женщина вернулась к отцу. Через год Удзинао был помилован и получил землю с небольшим доходом в 10 тысяч *коку* риса, но в декабре 1591 года в 29-летнем возрасте умер от оспы. Благодаря сыну род Ходзё сохранился и продолжил

Ходзё Удзимаса

свою историю, благополучно просуществовав до конца эпохи Токугава.

Поражение Ходзэ стало последней страницей в истории междоусобных войн и ознаменовало окончательную победу Тоётоми Хидзэси. Ещё в течение года после этого продолжалось подавление мятежа в северо-восточном районе Осю, но это была уже операция местного значения, которой руководил его племянник Хидэцугу.

Тринадцатого июля в Одавара состоялась церемония *ронко косэ* с подведением итогов и распределением земель Ходзэ. Большая их часть досталась Токугава — провинции Идзу, Сагами, Мусаси, Симоса, Кадзуса, а также половина Кодзукэ и часть Симоцукэ. Кроме того, за ним были сохранены прежние владения в провинциях Оми, Исэ, Тотоми и Суруга. За счёт этого годовой доход Токугава увеличился почти в два раза и достиг 2 млн 530 тысяч *коку* риса. Земли, принадлежавшие ему лично, давали миллион *коку*, что делало его вторым после Хидзэси землевладельцем страны.

Переназначения военачальников на новые земли к тому времени стали обычным делом, но назначенцев они чаще огорчали, чем радовали. Кроме хозяйственно-бытовых неудобств и проблем, связанных с переездом на новое место, они содержали большие управленческие риски. И чем обширнее была новая территория, тем выше риск. Ещё во время осады Одавара Хидзэси сообщил Токугава, что намерен передать ему бывшие владения Ходзэ. Иэясу не скрывал, что не хочет переезжать и его вполне устроило бы добавление к прежним территориям провинции Идзу, но Хидзэси распорядился по-своему. Токугава пришлось оставить свои земли, в которые он вложил столько сил, и переехать на восток. Вероятнее всего, Хидзэси сделал это специально, понимая, что на новом месте Иэясу придётся начинать всё сначала и на чужих землях ему будет нелегко — за сто лет правления Ходзэ здесь установи-

Ходзё Удзинао

лись свои порядки и на адаптацию населения к новой власти уйдёт много времени и сил. В семейной хронике Токугава говорится о том, что цель Хидэёси именно в этом и состояла (*Токугава дзикки*). Для такого утверждения были основания: за год до этого Сасса Наримаса был точно так

же назначен в провинцию Хиго, допустил на новом месте крупный мятеж, не справился с ним и был вынужден покончить жизнь самоубийством. Совсем не обязательно, что Хидэёси держал в голове такой же план для Токугава, но в том, что на землях Ходзё ему придётся много потрудиться, сомневаться не приходилось. А это было хорошим средством против честолюбивых планов и замыслов.

Для вассалов Токугава приказ о переезде на новое место стал такой же неприятной новостью, как и для него самого. Однако, в отличие от того же Ода Нобукацу, он подчинился и сразу приступил к устранению факторов, которые могли создать проблемы на новом месте. Уже 14 июля, то есть на следующий день после приказа Хидэёси, он отправил письмо в Ивацуки, где под домашним арестом содержался Ходзё Удзифуса, младший брат главы клана. На правах нового хозяина он распорядился освободить узника и отправить его к брату в монастырь на горе Коя. Все понимали, что ссылка Удзинао будет недолгой, и освобождение его младшего брата из-под ареста было позитивно воспринято бывшими вассалами Ходзё, с которыми Иэясу теперь предстояло налаживать отношения.

Пять бывших провинций Токугава Хидзёси передал Ода Нобукацу. По площади они намного превосходили его прежние владения в Исэ и Овари, однако сын Нобунага заявил, что не намерен выполнять приказ и покидать родину своих предков, за что был наказан конфискацией всех владений и сослан в провинцию Симоцукэ. В дальнейшем он продолжал поддерживать хорошие отношения с Токугава и через несколько лет по его ходатайству получил помилование и небольшой удел с доходом в 18 тысяч коку риса. Согласно семейной хронике, он с небольшим отрядом даже принимал участие в боевых действиях в Корее (*Тайкоки*).

Эдо

На новом месте Токугава решил поселиться в ничем не примечательном прибрежном форте Эдо в 70 километрах к востоку от Одавара. Во время боевых действий против Ходзё он отправил на захват форта одного из своих командиров, но воевать там не пришлось — хозяин Эдо сдался без боя. К новому месту назначения Иэясу выехал через неделю после окончания боевых действий прямо из Одавара.

Форт Эдо был построен в 1457 году на берегу одноимённого залива местным предводителем Ота Докан (1432–1486). Его главным преимуществом было транспортное удобство — близость к тракту Токай, выход к морю и несколько небольших рек, впадавших в залив рядом с фортом. Правда, в радиусе 200 километров его окружали 15 действующих вулканов, но в то время никто не думал, что на месте маленькой деревушки вырастет мегаполис, жителям которого придётся страдать от стихийных бедствий.

Во второй половине XVI века форт Эдо благодаря удобному расположению часто использовался как временное жильё для военачальников, выезжавших в район Канто по разным делам. Иногда они приезжали с семьями, поэтому со временем на территории форта появились Вторая и Третья усадьбы, где размещались ближайшие родственники главы дома. При первом хозяине Эдо содержался не хуже других фортов, но в последнее время использовался редко и пришёл в запустение. От замечания Хонда Масанобу, что принимать высоких гостей в таком месте будет неловко и надо бы сделать ремонт, Иэясу отмахнулся, сказав, что сейчас не до этого. В отличие от Нобунага и Хидэёси, он не питал слабости к внешнему блеску. Единственное, что он распорядился сделать, — это засыпать ров между Первой и Второй усадьбами. Примыкавший к форту городок имел около километра в длину (12 квартал-бараков) и 200–300 метров в ширину (три-четыре квартала). Рядом располагались небольшие рыбацкие деревушки Тиёда, Такарада и Иваида, снабжавшие местных жителей рыбой.

Датой въезда Токугава в Эдо считается 1 августа — День первого урожая (*хассаку*), важное и радостное для крестьян событие. Приурочив к нему свой переезд, Иэясу рассчитывал с самого начала создать позитивный фон в отношениях с местным населением. Через четыре дня, 5 августа 1590 года, жителям Эдо было официально объявлено о том, что новый хозяин вступил в свои права и по этому случаю раздаёт всем жителям по мере риса. Позднее 1 августа станет в Эдо официальным праздником и войдёт в число ежегодно отмечаемых дат.

Первое, что нужно было сделать сразу после переезда, — это распределить земли между ближайшими вассалами. Самые большие владения в соседних провинциях получили старейшины Ии Наомаса (120 тысяч *коку* риса), Хонда Тадакацу и Сакакибара Ясумаса (по 100 тысяч

коку каждый). Вассалам второго уровня (около 40 человек с доходом от 10 до 40 тысяч коку) были выделены участки в радиусе от 40 до 80 километров вокруг Эдо. Они должны были построить здесь усадьбы и перевезти в них ближайших родственников. Предполагалось, что со временем эти земли образуют пояс безопасности вокруг резиденции Токугава.

Сакакибара Ясумаса

Вассалов второго уровня в то время именовали *досин* или *ёрики* (буквально «единомышленник», «помощник»). Они были главными кандидатами на занятие административных должностей и после назначения несли службу по-сменному — месяц или два жили дома, потом столько же в Эдо. Из этой группы впоследствии выделилась категория служилых самураев *хатамото* (буквально «подзнамённые»). Эта система, при которой глава семьи выезжает на службу без семьи, стала продолжением введённой ещё Ода Нобунага воинской практики, впоследствии получившей название *тансин фуни*⁴⁵ и сохранившейся в современном японском менеджменте.

В то время значимость любого замка определялась размерами и обустроенностью окружавшего его поселения, поэтому сразу после переезда Токугава приказал старей-

⁴⁵ Буквально «самостоятельное прибытие на службу». В современной административной практике Японии — принудительный перевод служащего в другой город или район без семьи с предоставлением временного жилья или средств на его наём.

шинам объявить трудовую мобилизацию и привести в порядок дома и улицы Эдо, а также ведущие к нему дороги. Уже через месяц, 1 сентября 1590 года, в городе начались работы по прокладке улиц со стандартной шириной 6 *дзё*⁴⁶ и строительству новых квартал-бараков размером 40 на 40 *кэн*⁴⁷. Между ними выкапывались продольные и поперечные рвы, а выбранная из них земля использовалась для создания защитных насыпей вокруг домов *хатамото*.

Как любое военное укрепление, замок Эдо должен был иметь резервный маршрут для снабжения оружием и продовольствием на случай осады. С учётом расположения самым удобным был морской путь, поэтому от замка к устью реки Хира было решено прокопать ров и заполнить его водой. Ввиду срочности на земляные работы были мобилизованы вассалы Токугава всех рангов — от *даймё* до *хатамото*. Их землекопы работали при любой погоде и начинали её затемно, в четыре часа утра, при свете факелов, которые держали их начальники или члены семей. Такими же ударными темпами прокладывался водопровод. В колодцах Эдо пресная вода смешивалась с морской и изначально была непригодной для питья, поэтому первоочередной задачей стало строительство водопровода.

За август и сентябрь 1590 года население Эдо выросло сразу в несколько раз и в дальнейшем продолжало увеличиваться быстрыми темпами — через 10 лет в городе насчитывалось уже 16 тысяч жителей. Конечно, по сравнению с Киото (300–400 тысяч человек) или Осака (около 200 тысяч) это был всё ещё небольшой провинциальный городок, но его облик стремительно менялся.

Переехав в очередной раз на новое место, Токугава занялся инвентаризацией доставшегося ему имущества. Главную ценность составляла земля, и её необходимо

⁴⁶ Шесть *дзё* = 18 метров.

⁴⁷ Один *кэн* равен 1,81 м; размер квартала — 72 × 72 м.

было измерить, определить урожайность полей и норму налоговых сборов. Во второй половине XVI века усилилась тенденция к определению стоимости товаров и услуг не в денежном, а в рисовом эквиваленте, и на то были свои причины. В течение многих десятилетий деньгами служили медные монеты крупной формы с отверстием посередине (*сэнка*). Большая часть их завозилась торговцами из Китая, поэтому их называли «деньгами [страны] Мин» (*минсэн*). Бумага в то время стоила дорого, поэтому деньги на ней не печатали. Центральное правительство чеканкой не занималось, но держало монополию на внешнюю торговлю, поэтому медные монеты обращались преимущественно в этой сфере, а на внутреннем рынке их сильно не хватало. Китайские деньги считались подлинными и высоко ценились, их использовали до полного истирания. Средневековые фальшивомонетчики, конечно, выплавляли собственные медяки по образцу китайских, но они были сделаны грубо и отличались внешним видом; их называли *битадзэни* или *акудзэни* («плохие деньги»). Из-за боязни подделок продавцы отказывались брать монеты, на этой почве часто возникали конфликты. *Бакуфу* и управители провинций регулярно издавали распоряжения о запрете «плохих денег» и указывали, какими монетами следует пользоваться при расчётах, но во многих провинциях власть часто менялась, и об этих указах быстро забывали, поэтому со временем торговля почти повсеместно перешла на оплату услуг и товаров рисом. При расчёте воинской и трудовой повинностей также использовались оба эквивалента, но в конечном счёте всё так или иначе сводилось к рисовому доходу, поэтому роль натурального продукта во всевозможных расчётах неуклонно возрастала.

Перепись своих новых земель Токугава начал с небольшой прибрежной провинции Идзу, а затем это было сделано и в остальных его владениях. Для проверки полученных от наместников данных он отправил на места кон-

тролёров, и они привычно обнаружили занижение норм. В деревнях был хорошо отработан механизм работы с чиновниками, готовыми за взятку пойти навстречу селянам. По результатам ревизорской проверки нормы рисовых поставок были увеличены на 40–60%.

Повышение рисового налога Токугава компенсировал отменой некоторых других повинностей. В целом в первые два года нагрузка на его крестьян немного снизилась по сравнению со временами правления Ходзё. Понимая, что перегибы с налогами ведут к мятежам, Иэясу и в дальнейшем следил за тем, чтобы его крестьянам жилось чуть-чуть лучше, чем соседям. Своим наместникам он говорил, что «с крестьянами следует держаться строго, ибо своеволие их ведёт к бунтам. Но и в строгости надобно знать меру и не допускать притеснений» (Китадзима, 1963). Ради предотвращения бунтов он даже ввёл небывалое по тем временам новшество, разрешив крестьянам подавать жалобы на действия наместников. Оно продержалось 23 года и было отменено после того, как выяснилось, что жалобщики тоже не безгрешны и часто обманывают.

Первый год после переезда Токугава занимался исключительно хозяйственными делами — возвращал на землю беглых крестьян, наводил речные переправы, следил за подвозом в замок продовольствия и т. д. Командиры Хидзёси в это время подавляли последний мятеж в провинции Муцу, и Токугава тоже отправил туда отряд. К осени 1591 года эта задача была решена. Ликвидировав последний очаг сопротивления, Хидзёси стал полновластным хозяином страны и приступил к реализации своего давнего плана — военного похода против Китая.

Война в Корее

Первоначально отправка армии на материк планировалась на весну 1591 года, но из-за мятежа в Муцу была отложена. Пока его племянник боролся с бунтовщиками, Хидэеси уже готовился к самой масштабной в его жизни войне. Чтобы обезопасить императорский дворец на случай мятежей или боевых действий, в центре столицы был отсыпан земляной вал протяжённостью 22 километра. После победы над Китаем Хидэеси планировал перевести японского императора и высшую аристократию в Пекин и сделать их хозяевами обширных территорий — императору передать 100 китайских провинций, а аристократам увеличить владения в 10 раз по сравнению с тем, что они имели в Японии. Ведение государственных дел он планировал поручить кому-то из наследных принцев, правителем Кореи сделать племянника Хидэцугу, а наместником острова Кюсю — своего 14-летнего приёмного

Масштабные планы Хидэеси

сына Хидэтоси, более известного под именем Кобаякава Хидэаки (1577–1602). Крупных военачальников также планировалось наделить обширными владениями в Корее и Китае. По плану Хидэеси Корея в силу военной слабости должна была признать себя вассалом Японии, пропустить её армию к китайской границе и в дальнейшем содействовать победе над династией Мин. О том, что по численности населения тогдашний Китай почти в десять раз превосходил Японию, Хидэеси не знал. В декабре 1591 года он сделал важный символический жест — уступил свой пост *кампаку* племяннику Хидэцугу, а сам принял титул *тайко* (Великий регент) и сосредоточился на подготовке к войне.

Токугава Иэясу встречал 1592 год в замке Эдо, где 4 января у него родился шестой сын Тадатэру. На следующий день Хидэеси издал указ о военном походе в Корею, и 2 февраля Иэясу с 15-тысячным отрядом выступил из Эдо; ему предстояло совершить тысячекilометровый переход на западное побережье острова Кюсю. Дорога заняла почти месяц. Заехав по пути в столицу, Иэясу в последних числах февраля вместе с Датэ Масамунэ и Уэсути Кагэкацу прибыл в порт Нагоя⁴⁸. Известие о предстоящей войне его не обрадовало: отправка людей и продовольствия на огромное расстояние, новые заботы и расходы — всё это срывало едва начавшееся обустройство на новом месте. Однако противиться воле правителя не посмел и в феврале 1591 года на главном совещании по вопросу о войне безоговорочно поддержал Хидэеси.

С учётом удалённости от театра военных действий военачальники из восточных провинций были освобождены от отправки своих людей на материк, но в тыловой работе активно участвовали. Оставив Эдо на своего 13-лет-

⁴⁸ Современный городок Карацу на острове Кюсю с населением 120 тысяч человек.

него сына Хидэтада, Иэясу следующие 20 месяцев жил и работал в Нагоя. На этой службе у него было больше свободного времени, чем дома, поэтому вместе с Хидэёси и другими *даймё* он посещал театральные представления, чайные церемонии, участвовал в праздниках *сэку*.

Во время боевых действий в Корее Токугава начал интересоваться военно-историческим эпосом. Особенно полезным показался ему китайский трактат *Дзёган сэйё* («Великое уложение о государственном управлении»), по которому в Китае и Корее обучали наследных принцев. Большой интерес у него вызвали также китайские военные хроники. В них он нашёл новые для себя сведения об использовании артиллерии, организации конных речных переправ и некоторых других аспектах, в которых китайцы опережали японцев. Интерес к конфуцианскому учению и практически полезным знаниям Токугава сохранил до конца жизни и впоследствии много сделал для их распространения в Японии. В отличие от Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси он считал просвещение воинского сословия одной из главных задач правителя и постоянно им занимался.

Трапеза аристократа

*Трактат Гунси тиё,
отпечатанный наборным шрифтом*

Летом 1593 года в Корейской войне наступил перерыв, и большая часть японской армии покинула полуостров. В конце года Токугава вернулся в Эдо, где его встретил повзрослевший сын Хидэтада. Пробыв дома полтора месяца, он в феврале 1594 года вернулся в Осака.

За четыре года правления Хидзэси в его окружении сформировалась группа ближайших соратников, пользовавшихся у него наибольшим доверием. Среди них особенно выделялись Токугава Иэясу и Мазда Тосииэ. Когда один из вассалов Хидзэси позволил себе высмеять неискушённость Иэясу в некоторых тонкостях обхождения, правитель резко его отчитал: «Ты над кем смеешься? В военном деле ему равных нет, восемь провинций держит, и золота-сере-

бра у него больше, чем у меня самого. То, что тебе кажется смешным, это как раз его достоинство» (Китадзима, 1963).

Относительно богатства Иэясу Хидэёси был прав: один только рудник Курокава в провинции Каи к моменту переезда в Эдо добавил в казну Токугава 30 тысяч *рё* золотом, огромную по тем временам сумму. Имея доступ к драгоценным металлам, он в 1595 году уговорил главного чеканщика Монетного двора Гото Сёсабуро переехать в Эдо, что стало важным шагом на пути превращения города в один из экономических центров страны.

В том же 1595 году в системе власти Хидэёси произошла смена курса в вопросе наследования. За два года до этого у правителя родился долгожданный сын, и какое-то время он раздумывал, как быть с наследником. В конце 1591 года бездетный в тот момент Хидэёси объявил им 23-летнего племянника Хидэцугу, но появление сына изменило ситуацию. В июне 1595 года он принял окончательное решение: обвинив племянника в подготовке заговора, сначала отправил его в ссылку, а затем приказал покончить жизнь самоубийством. Расчистив таким образом путь своему двухлетнему сыну, Хидэёси начал создавать административную систему, которая на переходный период защитила бы его от соратников и в дальнейшем удержала его у власти. Опеку малолетнего наследника он решил поручить не кому-то одному, а группе ближайших соратников и обязать их присматривать друг за другом.

Получив сообщение о ситуации с племянником Хидэёси, Иэясу немедленно выехал в столицу и прибыл в Фусими 24 июля, когда Хидэцугу был уже мёртв. Третьего августа Хидэёси издал указ о создании правительства, состоявшего из двух руководящих органов — Совета «великих старейшин» (*тайро*) и Совета управляющих (*бугё*). В Совет старейшин вошли Токугава Иэясу, Маэда Тосиизэ, Кобаякава Такакагэ, Мори Тэрумото и Укита Хидэиэ. Самым старшим среди них был 62-лет-

ний Кобаякава, а младшим — 23-летний Укита Хидэиэ. Через два года Кобаякава умер, и его место занял 40-летний Уэсуги Кагэацу.

В Совет управляющих вошли Асано Нагамаса, Масита Нагамори, Исида Мицунари, Нагацука Масаиэ и Маэда Гэньи. Ещё трое — Икома Тикамаса, Накамура Кадзуудзи и Хорио Ёсихару — заняли должности старейшин среднего ранга (*тюро*)⁴⁹. Они руководили службой тайного надзора и обеспечивали рабочие контакты между *тайро* и *бугё*.

Таблица

**Состав и годовой доход
членов первого правительства Хидэёси**

<i>Тайро</i>		<i>Бугё</i>		<i>Тюро</i>	
Имя	Доход (<i>коку</i> <i>риса</i>)	Имя	Доход (<i>коку</i> <i>риса</i>)	Имя	Доход (<i>коку</i> <i>риса</i>)
Токугава Иэясу	2 530 000	Асано Нагамаса	220 000	Икома Тикамаса	170 000
Мори Тэрумото	1 200 000	Масита Нагамори	220 000	Накамура Кадзуудзи	140 000
Уэсуги Кагэацу	1 200 000	Исида Мицунари	190 000	Хорио Ёсихару	120 000
Маэда Тосиэ	830 000	Нагацука Масаиэ	50 000		
Укита Хидэиэ	570 000	Маэда Гэньи	50 000		
Кобаякава Такакагэ	520 000				

⁴⁹ Эту должность называли также *котосиёри* или *сюкуро*.

Указ Хидэеси о создании правительства известен под названием *Осакадзётю кабэгаки* (буквально «Надписи на стенах замка Осака»). Все перечисленные в нём *даймё* дали письменную клятву верно служить Хидэеси и его наследнику; в случае измены вместе с ним должны были быть казнены все их родственники, приближённые и вассалы.

Указ содержал ряд важных правил, регламентирующих жизнь воинского сословия. В частности, он запрещал межклановые политические браки, ведущие к созданию союзов, и вооружённые конфликты с соседями. «Малые имена» (*сёмё*, мелкие и средние феодалы) должны были во всём подчиняться «большим именам» (*даймё*) и выполнять их волю. Использованное в тексте указа слово *даймё* после этого вошло в широкий обиход и стало общепринятым названием для всех военачальников с годовым доходом более 10 тысяч *коку* риса. В документе также регламентировались некоторые вопросы бытового этикета, внешнего вида, средств передвижения и личных удовольствий воинской элиты. В области налогов Хидэеси ввёл единую для всей страны норму: две трети урожая крестьяне должны были отдавать своему феодалу, а треть оставлять себе (принцип *нико итимин*, буквально «две части хозяину, одну — работнику»).

Указом Хидэеси была введена система управления страной, разделившая её на две части: за её восточную половину отвечал Токугава Изясу, за западную — Мори Тэрумото; один из них должен был всегда присутствовать в столице. Указ Хидэеси оставался в силе следующие пять лет. Он утвердил сменный характер государственной службы и закрепил деление страны на западную и восточную части, противостояние между которыми стало одной из характерных черт последующей эпохи. Созданный впоследствии сёгунат Токугава во многом сохранил эти черты.

Кобаякава Такакагэ

После указа 1595 года Токугава Иэясу по совокупности формальных регалий и благосостояния стал вторым человеком в стране. Неполный второй ранг и придворная должность Внутреннего министра в сочетании со вторым после Хидэёси богатством и его личным расположением сделали Иэясу самой влиятельной фигурой в его окружении. Сам Хидэёси в тот момент имел первый придворный ранг и должность Великого министра.

Судя по всему, Хидэёси считал возвышение Токугава

и укрепление связей с его семейством залогом благополучия своего рода. Через месяц после выхода указа он породнился с Токугава, выдав свою приёмную дочь Го⁵⁰ замуж за его третьего сына Хидэтада. Несмотря на редкую по тем временам разницу в возрасте (жениху было 16 лет, а невесте — 22), этот брак оказался очень прочным и дал жизнь пяти дочерям и двум сыновьям, старший из которых впоследствии стал сёгуном. Обсуждая с Иэясу предстоящий брак Го и Хидэтада, Хидэёси объявил, что, когда у них родится дочь, она будет помолвлена с его двухлетним сыном Хидэёри. Таким образом, семьи Тоётоми и Токугава должны были породниться за счёт политических браков не в одном, а в двух поколениях.

Создав вокруг малолетнего наследника новую административную систему, Хидэёси взялся за внешний антураж, необходимый будущему правителю. В августе 1596 года

⁵⁰ Родная племянница Ода Нобунага, известна также под именами Ого, Кого, Эё.

для него была выстроена в столице отдельная усадьба, а в следующем месяце император издал указ о проведении обряда совершеннолетия для мальчика, которому едва исполнилось три года. Эта церемония обычно проводилась в 12–13 лет, но 59-летний Хидэёси не знал, сколько времени ему отпущено судьбой, и потому спешил.

Двадцать пятого декабря того же года малолетний наследник и его мать Ёдодоно переехали из замка Фусими в столичную усадьбу. Их сопровождала пышная процессия. Самые богатые и влиятельные *даймё* страны, почтительно следовавшие за паланкином мальчика, наглядно демонстрировали расклад сил во власти. А через три дня после переезда в императорском дворце состоялась и сама церемония совершеннолетия, на которой мальчику присвоили взрослое имя Хидэёри и первый в жизни придворный ранг (неполный четвёртый младшей ступени). Участие в этом мероприятии стало вторым в его короткой жизни посещением императорского дворца, что также было беспрецедентным событием — далеко не каждый крупный военачальник хотя бы раз в жизни удостоивался чести «подняться в императорскую обитель». Третий визит мальчика во дворец состоялся через 17 месяцев, в мае 1598 года, когда четырёхлетнему Хидэёри был присвоен третий придворный ранг и должность Среднего советника (*тюнагон*).

Все эти события происходили во время перемирия на Корейском полуострове. Вручив китай-

Тоётому Хидэёси

скому посольству свой проект мирного договора в июне 1593 года, Хидэёси ждал ответа. Чтобы добраться до Пекина, его посланнику потребовалось 18 месяцев. Узнав, что он приехал без признания капитуляции, китайские чиновники отказались допустить его к императору и потребовали предъявить документ, в котором японский правитель признаёт своё поражение. А в послании Хидэёси было написано совершенно другое. Исходя из докладов японских командиров, не вполне соответствовавших действительности, он считал себя победителем, поэтому выдвинул Китаю ряд заведомо неприемлемых требований: признать победу Японии, отправить в Киото заложницей жену китайского императора, заключить договор о равноправной торговле и т. д. Японский и китайский правители получали от своих подданных разную информацию о ходе войны, что и стало главной причиной разночтений.

В сентябре 1596 года второе китайское посольство доставило в Японию послание Ваньли, чрезвычайно раз-

Вельможа в паланкине

гневавшее Хидзэси, который не обнаружил в нём ответов ни на одно из своих предложений. Собственно говоря, китайский правитель и не мог на них ответить, поскольку ничего о них не знал. Его чиновники разрешили посланнику Хидзэси аудиенцию лишь после того, как он вместе с сопровождавшими его представителями обеих стран переписал письмо Хидзэси и добавил признание своего поражения. Вот на эту подделку и ответил китайский император, великодушно похвалив японского правителя за мудрость, благоразумие и желание стать вассалом великого Китая. Ответом на это послание стал приказ Хидзэси о возобновлении войны.

Второй этап боевых действий начался весной 1597 года, когда задули попутные ветры, помогавшие японским кораблям добраться до Пусана. Армия Хидзэси численностью 142 тысячи человек под командованием Кониси Юкинага (1558–1600) и Като Киёмаса (1562–1611) повторно высадилась в Пусане и начала боевые действия, на этот раз с более скромной целью — обеспечить контроль над четырьмя южными провинциями Кореи. Как и пять лет назад, поначалу ей сопутствовал успех, но к концу года, когда на помощь корейскому ополчению подошло 140-тысячное китайское войско, дела пошли хуже. Бои шли с переменным успехом и отнимали много сил у обеих сторон. Тяготы затянувшейся войны, непривычные для японцев холодные зимы и туманность перспектив начали подрывать боевой дух японской армии — многие её бойцы и командиры мечтали лишь о возвращении домой.

Токугава Иэясу снова прибыл в порт Нагоя на острове Кюсю и приступил к несению службы. Хидзэси планировал вести войну до победного конца. В августе 1597 года в письме одному из находившихся в Корее командиров он писал, что собирается прибыть на полуостров и взять командование на себя, однако и на этот раз выезд не состоялся. В декабре у него появился кашель непонятного

происхождения и невралгические боли. Правитель чувствовал себя плохо и почти никого не принимал. Его встреча с Мори Тэрумото в последних числах 1597 года стала одним из редких исключений (Фукуда, 2014). Весной 1598 года Хидэёси планировал отправить в Корею свежие силы и расширить масштаб боевых действий, но болезнь помешала этим планам.

Пятнадцатого марта 1598 года он организовал большой выезд всей столичной знати на природу, чтобы высадить присланные ему в подарок 700 саженцев сакуры и полюбоваться уже распустившимися цветами в окрестностях храма Дайдо. К пикнику была приурочена грандиозная чайная церемония, по масштабу вторая после знаменитой *Китано тяноу* 1587 года. На неё были приглашены жёны всех крупных *даймё* с семьями и прислугой; общее число участников выезда превысило 1300 человек. Погода выдалась прекрасная; дожди прекратились, небо расчистилось. Многочисленные гости высаживались из паланкинов и занимали места в восьми специально выстроенных по этому случаю просторных чайных домиках.

Этот выезд на природу стал последним публичным мероприятием, в котором Хидэёси принял участие. В начале мая его состояние резко ухудшилось, и больше он из Фусими не выезжал. В конце месяца он уже почти не вставал и быстро терял аппетит. Для лечения правителя с горы Коя были доставлены священные реликвии, но и они не помогли — болезнь быстро прогрессировала. Больной почти перестал есть, невероятно исхудал и ослаб. Император прислал к нему своих лучших лекарей и синтоистских священников для совершения оздоровительных обрядов, но улучшения по-прежнему не наступало. В июле стало понятно, что болезнь уже не отступит, и Хидэёси приступил к последним приготовлениям. Токугава и другие члены правительства выехали в столицу и 15 июля в усадьбе

Мазда Тосиэз подписали ещё одну групповую клятву верности. Португальский священник, навестивший правителя в начале августа, «нашёл его лежащим среди фиолетовых подушек, столь слабым, что он почти утратил всякое сходство с человеком»⁵¹. В эти же дни он составил завещание, в котором официально назначил членов правительства опекунами наследника.

Текст завещания

1. Карта земельных владений должна оставаться неизменной до совершеннолетия Хидзэри.
2. Семьи *тайро* Токугава, Мазда, Мори, Уэсуги, Укита могут заключать политические браки только с общего согласия.
3. В течение трёх лет государственными делами надлежит заниматься Токугава Изэсу; управление его землями поручить сыну Хидэтада.
4. Среди *бугё* главными назначаются Мазда Гэнъи и Нагацука Масаиэ. Остальные трое должны по очереди выполнять обязанности комендантов Фусими.
5. Управление замком Осака поручить членам правительства в ранге *бугё*; работу комендантов выполнять по двое.
6. После переезда Хидзэри в замок Осака его вассалам надлежит вместе с семьями поселиться рядом.

Пятого августа на завещании поставили свои подписи вызванные в замок *тайро*, а через несколько дней то же самое сделали пятеро *бугё*. Таким образом, за двадцать дней ближайшие соратники Хидзэси дважды поклялись в верности умирающему правителю и его наследнику.

⁵¹ James Murdoch, A History of Japan During the Century of Early Foreign Intercourse, цит. по: Елисеев, 2008.

В последующие дни Хидэёси стал впадать в забытие и заговариваться; 18 августа в 10 часов утра он скончался. Считается, что причиной смерти могли быть онкологическое заболевание органов пищеварения, дизентерия или полиневрит (болезнь бери-бери, нехватка витамина В₁). В соответствии с завещанием Хидэёси он был похоронен на территории храма Амидагаминэ в Киото (современный район Хигасияма).

Правитель

Внутренние противоречия

В том, что при малолетнем наследнике развернётся борьба за власть, никто не сомневался. И главным претендентом здесь, безусловно, был Токугава Иэясу. В целом Хидэёси не ошибся, рассчитывая на его уравновешенный характер и управленческий опыт — в той ситуации он больше, чем кто-либо из членов правительства, подходил на роль «временно исполняющего обязанности». Однако и в том, что у фаворита сразу же найдутся противники, тоже можно было не сомневаться. Так и произошло. Самое активное неприятие продемонстрировали чиновники Хидэёси в ранге бугё во главе с Исида Мицунари. В этом не было ничего удивительного: на месте правителя, которому они служили всю жизнь, вдруг оказался его вассал, совершенно чужой для них человек из другого лагеря.

Что касается самого Токугава, то смерть Хидэёси резко изменила его жизнь и положение в обществе — он перестал быть «вечно вторым» и зависеть от более сильных партнёров. Двадцать два года он состоял в этом статусе при Ода Нобунага, а после его гибели попал в сферу влияния Тоётоми Хидэёси. Теперь он впервые стал лидером.

Таблица

Возраст, срок службы и доход *тайро*

Имя	Возраст	Доход (<i>коку</i> риса)	Срок службы у Хидэеси
Токугава Иэясу	56 лет	2 530 000	12 лет
Мазда Тосииз	61 год	830 000	15 лет
Мори Тэрумото	45 лет	1 200 000	12 лет
Уэсуги Кагэацу	42 года	1 200 000	12 лет
Укита Хидэиз	26 лет	570 000	16 лет

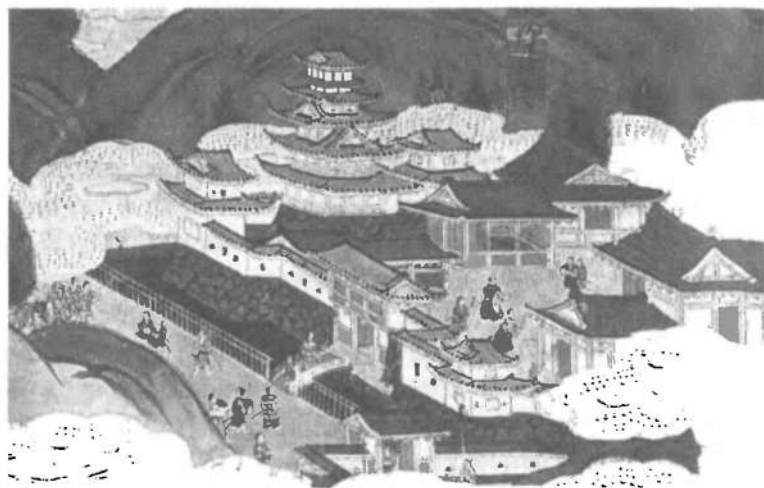
Смерть Хидэеси изменила расклад сил в его лагере и обнажила скрытые противоречия между группировками. Уже в конце августа четверо распорядителей *бугё* во главе с Исида Мицунари заключили тайный союз и поклялись вместе выступить против любого, кто нарушит клятву верности наследнику. Согласно хронике дома Мори (*Морикэ мондзё*), на одной из встреч они обсуждали возможность физического устранения Токугава, из чего ясно, против кого был направлен этот союз.

В день смерти Хидэеси Иэясу находился в своих владениях в провинции Оми, где в это время шла перепись земель. Получив сообщение о кончине, он в тот же день отправил сына Хидэтада в Эдо, а сам выехал в Фусими, где ему предстояло теперь заниматься государственными делами.

Сведений о последних распоряжениях Хидэеси относительно войны в Корее не сохранилось, но, судя по завещанию хранить свою смерть в тайне, он рассчитывал на продолжение боевых действий. Вопросы такой значимости должны были решаться на совете *тайро*, но в столице в тот момент находились лишь двое из них,

Токугава и Маэда. Двадцать пятого августа они вместе приняли решение закончить войну и вернуть армию на родину. В Пусан с этим известием был отправлен Токунага Нагамаса, а в Хаката выехали Исида Мицунари и Асано Нагамаса, чтобы передать расквартированным там частям, что они могут возвращаться домой.

Тоётоми Хидэёси похоронили там, где он завещал, но без официальной церемонии, поскольку возникли трудности с выбором распорядителя. На символических похоронах Ода Нобунага в октябре 1582 года эту роль взял на себя Хидэёси, и это означало, что он — главный претендент на звание преемника. Любой член правительства, который возглавил бы церемонию прощания с Хидэёси, автоматически получал бы такой же статус. Формально можно было назначить распорядителем похорон пятилетнего Хидэёри, но это выводило на первый план его мать Ёдодоно, наложницу Хидэёси, в то время как рядом с ней в замке Фусими жила законная жена правителя, официально считавшаяся хозяйкой всей женской половины. Не

Замок Фусими (гравюра)

найдя приемлемого решения, члены правительства решили отложить официальную церемонию на будущее. Она состоялась через шесть месяцев, 18 февраля 1599 года, в столичном храме Хоко, но не в таком масштабе, как изначально планировалось.

В конце 1598 года японская армия начала возвращаться из Кореи. Токугава провёл серию встреч с ведущими командирами и заключил с ними соглашения о взаимной помощи и партнёрстве. Самым заметным результатом этих договорённостей стали пять политических браков. Шестой сын Иэясу женился на дочери Датэ Масамунэ, две приёмные дочери стали жёнами Като Киёмаса и Курода Нагамаса, а ещё две вышли замуж за сыновей Фукусима Масанори и Хатисука Измаса. Другим военачальникам были расширены земельные владения. Например, Хорио Ёсихару увеличил свой доход на 50 тысяч *коку*, Хосокава Тадаоки — на 60 тысяч, Мори Тадамаса — на 137 тысяч, Со Ёситоси — на 10 тысяч. Все эти действия Токугава шли вразрез с последними распоряжениями Хидэёси (не менять конфигурацию земельных владений, не заключать политических браков, не создавать военных союзов). Нарушив данные правителю обещания, Токугава усилил подозрения в свой адрес и оппозиционные настроения среди остальных членов правительства.

Политическое напряжение в правящей группировке наложилось на усилившееся в последние месяцы войны противостояние между частью воевавших в Корее командиров (Като Киёмаса, Фукусима Масанори, Асано Юкинага, Курода Нагамаса и др.) и гражданскими чиновниками во главе с Исида Мицунари. Первые, устав от войны, снизили боевую активность и мечтали о возвращении домой, а вторые, выполняя волю Хидэёси, требовали воевать до победного конца. Группу Исида поддерживали и некоторые крупные военачальники, в частности Кониси Юкинага, Мори Тэрумото, Укита Хидэиэ. Расхождения

в позициях и взглядах проявлялись в разных эпизодах, но самым ярким стал отчёт о сражении за Ульсан в декабре 1597 года, подготовленный для Хидэёси службой тайного надзора. Японская армия тогда с большим трудом удержала город, отразив многодневный штурм превосходящих сил противника. Автором доклада был начальник надзорной службы Фукухара Нагатака (?–1600), близкий соратник и вассал Исида Мицунари. В докладе отмечалось, что японские командиры хотя и сумели отстоять город, но допустили грубую ошибку, не став преследовать отступавшего противника. За это упущение несколько военачальников, в том числе Курода Нагамаса, Тодо Такатора, Като Киёмаса, Хатисука Измаса, получили строгие взыскания, а их подчинённых Хаякава Сигэмаса и Такэнака Сигэтака Хидэёси наказал сокращением дохода на 60 тысяч коку риса. Автор доклада Фукухара Нагатака, наоборот, был поощрён. Вернувшиеся из Кореи командиры горели желанием отменить несправедливые взыскания и отомстить авторам доклада.

Вторая линия разлома была связана с разделением обязанностей в системе власти Хидэёси. В начавшейся после объединения страны мирной жизни большой вес и влияние приобрели гражданские чиновники, выполнявшие административные указы Хидэёси. Они отвечали за перепись земель, разграничение участков, расчёт налоговых отчислений и другие важные вопросы. Все владения Хидэёси были поделены на примерно равные по урожайности участки (*кураити*), которые должны были давать по 10 тысяч коку риса. Борясь с занижением норм со стороны провинциальных *даймё*, чиновники перепроверяли их замеры и делили их земли на такие же участки, что приводило к конфликтам. Например, проверив кадастр владений клана Гамо, чиновники Хидэёси обнаружили недоимку со стороны одного из его вассалов. Норму поставок увеличили, а клан Гамо был наказан за недосмотр сокращением зе-

мель. Кроме того, Хидэёси и сам часто вмешивался в распределение владений среди вассалов второго-третьего уровней, ущемляя тем самым права вышестоящих *даймё*. Например, он сам определил размер надела для Идзюин Тадамунэ (1541–1599), служившего дому Симадзу, для Набэсима Наосигэ (1538–1618), вассала клана Рюдзодзи, и т. д. Указы Хидэёси выполняли чиновники, в личном отношении гораздо менее богатые и влиятельные, чем провинциальные военачальники, с которыми они имели дело, и это тоже порождало разного рода трения.

Свой след в отношениях между соратниками Хидэёси оставила также казнь его бывшего наследника Хидэцуту. Многие крупные *даймё* (например, Датэ Масамунэ, Хосокава Тадаоки, Асано Юкинага, Могамы Ёсиаки и др.) поддерживали с опальным племянником хорошие отношения и тоже попали под подозрение, что ещё больше осложнило их отношения с группой Исида Мицунари.

Обмер полей и оценка урожая

Непростая ситуация сложилась и на женской половине замка Фусими. После рождения наследника там началась борьба за лидерство между его матерью и фавориткой правителя Ёдодоно и его законной, но бездетной женой Онэ. Ёдодоно пользовалась поддержкой гражданских чиновников Хидзёси, в то время как Онэ поддерживала хорошие отношения с военачальниками старшего поколения, которых знала многие годы. Борьба между ними закончилась победой матери наследника в сентябре 1599 года, когда вдова Хидзёси переехала из замка Осака в городскую усадьбу и постриглась в монахини, взяв себе буддийское имя Кодайин.

Вслед за женской частью замка на два лагеря разделилась и воинская элита. К группе воевавших в Корее командиров примкнули отец и сын Асано (Нагамаса и Ёсинага), Мазда Тосииз, отец и сын Курода (Камбэй и Нагамаса), Като Киёмаса, Фукусима Масанори, Като Ёсиаки, Икэда Тэрумаса. В противоположном лагере оказались *бугё* Масита Нагамори, Нагацука Масаиз и боевые командиры Кониси Юкинага, Укита Хидэиз, Мори Тэрумото, Уэсуги Кагэкацу, Симадзу Ёсихиро. Это деление во многом определило состав западной и восточной армий, которые полтора года спустя сошлись в бою на равнине Сэкигахара.

Тот факт, что в одном лагере с гражданскими чиновниками оказались и некоторые воевавшие в Корее командиры, объяснялся ситуацией, сложившейся в самом конце войны. Некоторые военачальники, недовольные общей ситуацией и оценкой их действий, возвращались в Японию хаотично, без согласования с другими частями. Например, так поступил Като Киёмаса, вернувшийся раньше других и не позаботившийся об охране японских укреплений в Пусане. Когда Кониси Юкинага и Симадзу Ёсихиро вошли в город, оставленные форты были сожжены китайской армией, и их частям негде было разместиться в ожидании подхода судов. После возвращения Кониси

обвинил Като в трусости и предательстве, многие командиры его поддержали. Оставшись в изоляции, Като примкнул к лагерю Токугава.

Война в Корее сильно повлияла на последующий расклад сил в воинской элите. Военачальники из западных провинций, вынесшие на своих плечах основные тяготы военного времени, считали несправедливым, что после смерти Хидэёси ближе всех к власти оказались отсидевшиеся в тылу восточные *даймё* Токугава и Мазда. Гражданские чиновники во главе с Исида Мицунари эти настроения всячески поддерживали.

Однако главная пружина интриги всё же состояла в том, что после смерти Хидэёси освободилось место на вершине власти. И должно было оставаться вакантным ещё лет десять, пока не подрастёт наследник. В такой ситуации обострение борьбы за власть в правящей группировке было неизбежным.

В конце декабря 1598 года Хидэёри в соответствии с завещанием отца переехал вместе с матерью из Фусими в Осака, на 40 километров южнее; вслед за ним туда перенесли свои усадьбы и крупнейшие *даймё*. Мазда Тосиэ оставил свои владения на

Онэ, жена Хидэёси

Като Киёмаса

старшего сына Тосинага и тоже поселился в замке Осака, став фактически телохранителем пятилетнего наследника. Именно он руководил первой новогодней церемонией без Хидэёси и сидел на главном возвышении в центре зала с мальчиком на руках. После переезда наследника замки Фусими и Осака образовали два центра власти, вокруг которых сгруппировались сторонники Токугава Иэясу и Исида Мицунари соответственно.

Девятнадцатого января 1599 года Токугава получил донесение, что его противники готовят какую-то акцию, и призвал своих сторонников собраться в Фусими. В течение двух дней к замку прибыли со своими отрядами Фукусима Масанори, Като Киёмаса, Асано Юкинага, отец и сын Курода, Хосокава Тадаоки, Икэда Тэрумаса, Като Ёсиаки, Мори Тадамаса, Тодо Такатора, Кёгоку Такацугу, Отани Ёсицугу и некоторые другие командиры.

Двадцать первого января в резиденцию Токугава приехали помощники *бугё* Накамура Кадзуудзи, Икома Тикамаса, Хорио Ёсихару и предъявили ему обвинение в нарушении данной Хидэёси клятвы. От него потребовали прибыть в Осака и объясниться по поводу заключения политических браков и расширения земельных владений своим сторонникам. В случае отказа ему грозило исключение из числа *тайро* и лишение всех управленческих полномочий.

Для объяснений в Осака выехал Хосокава Тадаоки, состоявший в родственных отношениях с обоими лидерами, Токугава и Маэда. Ему было поручено ответить на все обвинения и снизить напряжённость. Выслушав его, Маэда Тосиэ, к тому времени уже серьёзно больной, взял курс на примирение. Двадцать девятого января он сам приехал в Фусими и встретился с Токугава. Иэясу заверил его, что в своих действиях руководствуется только интересами наследника и не имеет никаких иных целей. Своих недругов он обвинил в стремлении лишить его полномочий,

которыми наделил его Хидзэси, и тем самым нарушить его последнюю волю. Не желая углублять конфликт, Маэда призвал Токугава к сдержанности и сохранению единства в правительстве. Через несколько дней Иэясу нанёс ему ответный визит, и внешне конфликт был улажен. В некоторых источниках говорится о том,

Като Ёсиаки

что 9 февраля в усадьбе Маэда состоялась примирительная встреча, на которой члены правительства ещё раз подписали групповую клятву верности сыну Хидзэси.

Благодаря посредническим усилиям Маэда конфликт удалось предотвратить, но его давняя болезнь продолжала прогрессировать, и 3 марта он умер. Эта смерть нарушила отягощённый неприязнью и подозрениями баланс сил в правительстве и привела к первому столкновению.

Воспользовавшись уходом лидера противостоящей группировки, воевавшие в Корее командиры из лагеря Токугава совершили нападение на Исида Мицунари. Оно подробно описано в дневнике пленного корейского конфуцианца по имени Канхан, жившего в то время в Фусими (Кан, 1984). Семь участвовавших в сражении за Ульсан командиров (Като Киёмаса, Асано Юкинага, Фукусима Масанори, Тодо Такатора, Хатисука Измаса, Курода Нагамаса, Хосокава Тадаоки) на следующий день после смерти Маэда напали на городскую усадьбу Исида. Предупреждённый заранее, он успел бежать в Фусими. Преследователи пошли за ним, но здесь в конфликт вмешался Токугава, к которому обратились члены правительства с требованием не допустить убийства чиновника.

Маэда Тосииэ

В результате трёхсторонних переговоров было достигнуто соглашение: Исида получает гарантии безопасности, если извинится перед Токугава за недавние обвинения, уйдёт с должности *бугё* и отправится под домашний арест в провинцию Оми. Преследовавшим его командирам Токугава пообещал пересмотреть отчёт о сражении за Ульсан,

отменить связанные с ним взыскания и наказать начальника тайной службы. Через неделю, 10 марта, конфликт был улажен; Исида принёс извинения, был снят с должности и отправлен под домашний арест в Саваяма. Через девять дней совет *тайро* пересмотрел отчёт о сражении за Ульсан, подтвердил отсутствие упущений со стороны японских командиров и снял с них все взыскания, вернув конфискованные ранее земли.

«Старейшина-правитель»

Этот конфликт ещё больше укрепил позиции Токугава: его главный противник был удалён из столицы, а группа влиятельных боевых командиров с его помощью восстановила свою репутацию. Место Маэда Тосииэ в составе *тайро* занял его 36-летний сын Тосинага (1562–1614). Токугава по-прежнему оставался самым богатым и влиятельным членом правительства; на второе место вышел Мори Тэрумото, третьим стал Уэсуги Кагэацу,

четвёртым — Маэда Тосинага, пятым — Укита Хидэиэ. В июле после окончания столичной службы все *даймё* разъехались по домам, и Токугава остался в столице один. Отныне все вопросы государственного управления он решал единолично. С этого времени его стали называть *тэн-ка но тайро* («старейшина-правитель»).

Четырнадцатого августа императорский двор устроил в его честь торжественную церемонию. Почести, которых удостоился Токугава Иэясу, раньше оказывались лишь сёгунам Асикага, Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Фактически это означало, что император и аристократия признали его носителем высшей власти. Словно подтверждая этот статус, Иэясу в том же году нарушил вековую монополию императорского дома на издание классических трактатов и распорядился начать новую издательскую серию под названием «Труды Фусими» (*Фусимибан*). Она выходила с 1599 по 1607 год.

Политическое возвышение Токугава не осталось без внимания опекунов наследника, ревниво следивших за его действиями. На 9 сентября в замке Осака была назначена церемония по случаю одного из праздников годового цикла *сэку*, на которой должен был присутствовать и Токугава. За два дня до этого к нему приехал *бугё* Масита Нагамори и предупредил, что в замке на него готовится покушение. По его словам, во главе заговора стояли *бугё* Асано Нагамаса и его зять Маэда Тосинага, задумавшие убить Токугава руками своих вассалов. На следующий день Иэясу провёл совещание со своими соратниками и отправил в Осака дополнительные силы. Они взяли его городскую резиденцию под усиленную охрану, а в день церемонии установили на входе в замок жёсткий пропускной режим. Эти меры нарушили планы заговорщиков, и праздничное мероприятие прошло без происшествий.

В том же месяце вдова Хидэёси объявила о своём решении покинуть замок Осака и провести остаток жиз-

Трактат Конфуция «Беседы и суждения» (яп. ронго),
изданный в серии Фусумибан

ни в уединении и скорби по умершему мужу. Она знала Токугава с 1586 года и поддерживала с ним хорошие отношения, поэтому предложила ему занять свою резиденцию в Западной усадьбе замка (*Нисиномару*). Переезд состоялся в кратчайшие сроки — менее чем через месяц после несостоявшегося покушения Иэясу уже собирал своих командиров на территории замка Осака. Теперь никакие движения сторонников Хидэёри не могли ускользнуть от его внимания. Формально он по-прежнему оставался вассалом Хидэёри и действовал в его интересах; свой переезд в замок он объяснил стремлением быть ближе к мальчику и гарантировать его личную безопасность, за которую раньше отвечал Маэда Тосииз. После этого в частной переписке *даймё* всё чаще стали встречаться утверждения, что «после смерти правителя Токугава Иэясу стал главным помощником Хидэёри в отправлении государственных дел» (Фукуда, 2014).

Следующим шагом он распорядился провести расследование заговора, о котором ему сообщил Масита Нагамори. Предполагаемые исполнители покушения Оно Харунага (1569–1615) и Хидзиката Кацухиса (1553–1608) были отправлены в ссылку в удалённые восточные провинции, а его организатор и заказчик Асано Нагамаса

(1547–1611) лишён ранга *бугё* и помещён под домашний арест. В числе заговорщиков фигурировало также имя Мазда Тосинага; 3 октября Токугава издал указ о военном походе против него. Ему доложили, что о заговоре, вероятнее всего, знал и Хосокава Тадаоки, близкий друг Мазда. Этому военачальнику было предложено явиться в столицу для объяснений, и он немедленно прибыл и дал письменную клятву верности Токугава. Мазда Тосинага также выразил удивление по поводу слухов о своей причастности к заговору и прислал в столицу своего старейшину Ёкояма Нагатомо с заверениями «в отсутствии двоедушия». Удовлетворившись полученными доказательствами, Токугава отменил приказ о военном походе, но потребовал от Хосокава и Мазда отправить в Эдо заложников.

Одно из противоречий завещания Хидэёси состояло в том, что, поручив Токугава исполнительную власть, он запретил ему перераспределять земельные владения, а именно это составляло в то время основу государственного управления. В этой части новоявленный правитель

Замок Осака

Маэда Тосинага

не мог обойтись без нарушения завещания и собственной клятвы. И он их нарушал. Большой резонанс среди *даймё* вызвала отмена решения Хидэёси о переназначении Кобаякава Хидэаки. В 1597 году 16-летний племянник Хидэёси был отправлен воевать в Корею и пробыл там 11 месяцев. Служба тайного надзора оценила его действия не-

гативно, и Хидэёси на основании отчёта объявил юноше выговор и перевёл его с острова Кюсю в провинцию Этидзэн с понижением дохода в два с половиной раза — с 370 до 150 тысяч *коку* риса. Прежние земли Кобаякава были переданы Исида Мицунари; многие его вассалы предпочли остаться на старом месте и перейти на службу к новому хозяину. Получилось, что курировавший службу тайного надзора Исида не только стал причиной опалы молодого командира, но и отнял у него вассалов. Зная всю эту историю, Токугава решил привлечь племянника Хидэёси на свою сторону и отменил его указ о переназначении. Молодой *даймё* получил назад все свои владения на острове Кюсю и восстановил прежний доход.

Западная коалиция

Таким образом, через год после смерти Хидэёси в системе высшей власти сложилась конфигурация, при которой страной управлял Токугава Иэясу, а коллективное руководство, на которое надеялся Хидэёси, по большей

части осталось на бумаге. Воинская элита раскололась на сторонников и противников такого положения дел, и столкновение между ними стало лишь вопросом времени. Процесс размежевания ускорила ситуация, сложившаяся на востоке страны, в бывших владениях 43-летнего *тайро* Уэсуги Кагэкацу.

В январе 1598 года Хидэёси произвёл в этом регионе перестановку, назначив Уэсуги своего рода кризисным управляющим провинции Муцу вместо Гамо Хидэюки, который не справился с местными мятежниками. Наказав прежнего хозяина сокращением земель, он приказал Уэсуги занять его домашний замок в Аидзу и навести в провинции порядок. При этом часть прежних владений Уэсуги за ним сохранилась, но домашний замок Касугаяма и провинция Этиго перешли к 22-летнему Хори Хидэхару (1576–1606). Как это часто бывало, смена власти привела к волнениям.

Уэсуги переехал в Муцу в марте 1598 года и начал обустраиваться на новом месте, но после кончины Хидэёси выехал в столицу, отстоявшую от Аидзу на 500 с лишним километров. Пробыв там 11 месяцев, он в августе 1599 года вернулся домой с ощущением, что стабильные времена закончились и в ближайшее время борьба за власть будет только обостряться. К возвышению Токугава он относился так же, как и другие члены правительства, негативно. В новых владениях Уэсуги началась работа по укреплению фортов, пополнению запасов оружия и продовольствия. Эти приготовления насторожили его соседа Хори Хидэхару, подозревавшего бывшего хозяина провинции Этиго в тайной поддержке местных мятежников.

В конце 1599 года, когда в замок Осака на новогоднюю церемонию съехались представители крупнейших кланов, Токугава встретился со старейшиной Уэсуги и через него передал, что хочет видеть главу дома в столице и получить

от него разъяснения по поводу военных приготовлений. Запрос был передан по назначению, но остался без ответа.

В январе 1600 года опасения Хори Хидэхару подтвердились — в приграничных с новыми владениями Уэсути районах провинции Этиго вспыхнул вооружённый мятеж. Усмотрев в этом руку прежнего хозяина, Хори в феврале отправил Токугава донесение о том, что Уэсути продолжает военное строительство и готовится к агрессии. Нельзя исключать, что в условиях общей нестабильности в стране, наступившей после смерти Хидэёси, Уэсути мог планировать возврат принадлежавшей ему ранее провинции Этиго или её части. И даже если у него не было такого намерения, на это могли рассчитывать местные мятежники. Об этом и написал Хори Хидэхару.

Военные приготовления одного из пяти членов правительства нельзя было оставлять без внимания. Первого апреля Токугава отправил к Уэсути своего представителя с повторным требованием прибыть в столицу и объясниться. Кагэкацу встретился с посланником и заявил, что тайных замыслов и военных планов у него нет, но ехать в столицу отказался и посоветовал Токугава разобраться с клеветниками, которые вводят его в заблуждение. Военные приготовления Уэсути и в самом деле могли иметь сугубо оборонительную направленность, поскольку смена хозяина в провинциях часто приводила к мятежам и к ним нужно было готовиться заранее. Так что в этом плане действия Уэсути вполне вписывались в обычную практику.

А вот ответ, который Токугава получил от его старейшины по имени Наоэ Канэцугу (1560–1619), в эту практику никак не вписывался. Для обычного письма он был довольно длинным и состоял из 13 пунктов. Соблюдая правило, что напрямую к вышестоящему обращаться не положено, Наоэ Канэцугу адресовал его одному из старейшин Токугава, но оно было сразу передано по назначению. В письме, известном как «послание Наоэ» (*Наоэдзэ*),

старейшина Уэсуги в категоричной форме отвергал все обвинения в подготовке мятежа и позволял себе дерзкие выпады в адрес Токугава. Он писал, что забота о безопасности и надёжности укреплений всегда была главной обязанностью любого военачальника, поэтому сама по себе не может быть основанием для подозрений. До провинции Муцу доходят слухи об аналогичных действиях Токугава в своих владениях — значит ли это, что он готовит мятеж? Что касается лояльности дома Уэсуги, то во время прошлогоднего пребывания в столице его глава дал достаточно письменных клятв и устных обещаний, чтобы повторять их ещё раз. И так далее.

Уэсуги Кагэкацу (гравюра)

Характер письма не оставлял никаких сомнений в том, что за ним следует. Изясу прочитал послание 3 мая и сразу объявил военный поход против Уэсуги. Члены правительства попытались предотвратить конфликт между двумя *тайро* и попросили Токугава не обращать внимания на бестактности провинциального старейшины и подумать о главном — о судьбе наследника Хидэеси, остающегося в случае его ухода без надёжной защиты. Письмо с таким обращением подписали два члена правительства в ранге *бугё* (Масита и Нагацука) и три *тюро* (Накамура, Икоми, Хорио). Однако их призыв не был услышан — Токугава

твёрдо решил идти на восток. Объявив целью похода восстановление порядка в интересах династии Тоётоми, он заручился поддержкой наследника: замок Осака выделил из казны Хидэёри 20 тысяч *рё* золотом и 20 тысяч коку риса на обеспечение операции. Эта поддержка имела важное политическое значение; благодаря ей вместе с Токугава на восток отправились многие *даймё*, лично преданные Хидэёси и его сыну. Не будь этой поддержки, многие из них ещё подумали бы, на чьей стороне воевать.

Относительно причин похода на восток есть две версии. Согласно первой, противники Токугава во главе с Исида и Уэсуги специально спровоцировали его на уход из столицы вызывающим письмом, чтобы обеспечить себе свободу рук и получить плацдарм для консолидации своих сторонников. По второй версии, инициатором размежевания с противниками был сам Токугава. Воспользовавшись обострением отношений с Уэсуги, он объявил мобилизацию и ушёл с основными силами в восточную часть страны, где находились его основные владения и которую он считал своей. Ожидать там дальнейшего развития событий и готовиться к ним было стратегически выгоднее и безопаснее, чем в ненадёжном окружении западных *даймё*, хранивших верность Хидэёси.

В поход против Уэсуги были мобилизованы все военачальники из центральных и восточных провинций. Вместе со своими отрядами они начали выдвигаться разными маршрутами к месту назначения. Иэясу заехал сначала в Фусими и сделал необходимые распоряжения по охране замка в своё отсутствие, после чего 16 июня вышел в поход и направился в Эдо. Двигался он осмотрительно, с повышенными мерами предосторожности, особенно во владениях недружественных ему *тодзама даймё*. Так, остановившись на ночлег в замке Исибэ, он получил приглашение на ужин от *бугё* Нагацука Масаиэ, близкого соратника Исида Мицунари, и той же ночью спешно покинул

замок, чтобы не искушать судьбу. А перед выходом приказал своим аркебузирам просушить запальные фитили и держать их наготове — на случай внезапного нападения.

Через две недели он прибыл в Эдо, и вскоре туда начали подходить другие отряды. Военачальники из ближайших к Аидзу провинций — Датэ Масамунэ, Могами Ёсиаки, Сатакэ Ёсинобу, Маэда Тосинага —

Наоэ Канэцугу

выдвинулись к границам владений Уэсуги и к середине июля окружили их с трёх сторон. Самую надёжную часть сил Токугава составляли отряды под командованием его родственников, личных вассалов и союзников общей численностью в 69 тысяч человек. Это Ии Наомаса, Хонда Тадакацу, Сакаи Иэцугу, Окубо Тадацунэ, Сакакибара Ясумаса, Хираиwa Тикаёси, Сакаи Тадаё, Мацудайра Тадамаса, Окудайра Нобумаса, Хонда Ясусигэ, Исикава Ясумити, Огасавара Хидэмаса, Корики Тадафуса, Суганума Тадамаса, Найто Нобунари, Мацудайра Иэнори, Мацудайра Иэкиё, Хонда Масанобу, Абэ Масацугу, Аояма Таданари, Хонда Ясутоси, Аmano Ясукагэ, Тода Кадзуаки. Особое место занимала личная гвардия Токугава численностью в три тысячи человек, которую он держал при себе и использовал на самых ответственных участках.

Во вторую часть его войска входили отряды так называемых «командиров Хидэёси», которые выросли под его руководством и вышли в поход вместе с Токугава лишь потому, что он действовал от имени и в интересах Тоётоми Хидэёри. К ним относились Асано Ёсинага, Фукусима

Масанори, Курода Нагамаса, Хатисука Ёсисигэ, Икэда Тэрумаса, Хосокава Тадаоки, Икома Кадзумаса, Накамура Кадзутада, Хорио Тадаудзи, Като Ёсиаки, Танака Ёсимаса, Цуцуи Садацугу, Тодо Такатора, Тэрадзава Хиротака, Яmanoути Кадзутё, Коидэ Хидэиэ, Томита Нобутака, Канамори Нагатика, Хитоцуянаги Наомори. Эти командиры имели в подчинении около 55 тысяч человек. Их владения располагались преимущественно в центре и на востоке страны; выходцев из западных провинций среди них было всего пятеро — Курода, Хатисука, Икома, Като и Тодо.

Таким образом, из пяти *тайро* в лагере Токугава оказались двое — он сам и Маэда Тосинага. Активнее всего ему противодействовали члены правительства в ранге *бугё* и *тюро* во главе с Исида Мицунари; с большой долей вероятности их могли поддержать *тайро* Мори Тэрумото и Укита Хидэиэ. Пятый *тайро*, Уэсуги Кагэацу, был его противником изначально.

Если Токугава предвидел консолидацию всех своих оппонентов, то он оказался прав — его уход из столицы стал для них сигналом к действию. Уже через четыре дня Исида Мицунари отправил Уэсуги письмо, в котором сообщал, что восточный поход Токугава полностью соответствует его планам и позволяет напасть на него с двух сторон. Далее он писал, что в начале июля намерен встретиться с Мори Тэрумото и Укита Хидэиэ и вместе с ними разработать план военной операции. Имея на своей стороне второй, третий и пятый по уровню доходов воинские кланы, Исида был уверен в победе над Токугава и призывал Уэсуги не медлить с выступлением против него (Касая, 2008). На основании этого письма некоторые историки выдвигают версию о том, что все действия Уэсуги Кагэацу, включая отправку провокационного письма, имели своей целью подтолкнуть Токугава к походу на восток и освободить столицу для консолидации всех противостоявших ему сил.

Однако если Токугава к тому времени уже имел в своём распоряжении войско, то Исида ещё только предстояло его собрать. И он начал действовать. Узнав, что его давний друг Отани Ёсицугу (1559–1600) вышел из замка Цуруга и движется со своим отрядом на восток, он пригласил его в Саваяма на разговор. Исида и Отани дружили 20 лет и прекрасно знали друг друга, поэтому хозяин сразу предложил Отани отказаться от первоначального плана и поддержать его в борьбе с честолюбивым Токугава, чтобы защитить от него наследника Хидэёси. Отани сначала категорически отказался — раскол воинской элиты на два лагеря не сулил стране ничего хорошего, да и шансов победить Токугава было не так много. Встречи и переговоры продолжались три дня, и всё это время Отани отказывался и призывал старого друга не торопиться и хорошенько всё взвесить, прежде чем действовать. Напоминал о прошлогоднем конфликте с семьёй командирами, едва не стоившем ему жизни. Но Исида был непреклонен: раскол на два лагеря уже и так произошёл, ситуация складывается благоприятная, поэтому надо идти до конца в защите интересов Хидэёри.

Отани несколько лет болел проказой и быстро терял зрение. Он уехал из Саваяма, так и не дав Исида своего согласия, но по дороге заехал к другому своему другу, Хирацука Тамэхиро, недавно получившему от Хидэёри владения в провинции Мино. Хирацука много лет служил Хидэёси и в 1584 году воевал против Токугава. Как и Исида, он тоже был настроен на конфронтацию и склонил друга на свою сторону. Одиннадцатого июня Отани сообщил Исида, что готов его поддержать.

Отани, имевший в воинских кругах репутацию человека чести, в какой-то степени оказался заложником ситуации: узнав о намерении двух друзей выступить против Токугава, он встал перед выбором — присоединиться к ним или предать. Последнее оказалось сделать труднее, и хотя перспективы Исида в тот момент выглядели весь-

ма туманно, он согласился его поддержать. Но, выполнив долг чести по отношению к друзьям, он нарушил клятву верности, данную Токугава.

Воодушевлённый первым успехом, Исида отправил в Осака гонца и без особого труда заручился поддержкой ещё троих *бугё* — Маэда Гэнъи, Масита Нагамори и Нагацука Масаиэ. Сложилось ядро антитокугавской коалиции, участники которого обратились к Анкокудзи Экэй, Мори Тэрумото и другим западным *даймё* с призывом присоединиться. Шестнадцатого июля в Осака с 10-тысячной армией прибыл авторитетный Мори Тэрумото. Его участие убедило всех колеблющихся и дало мощный толчок консолидации противников Токугава. Командиры всех рангов, находившиеся в тот момент в городе, письменно поклялись присоединиться к западной группировке.

Её главнокомандующим стал Мори Тэрумото. Было решено, что он должен поселиться в Западной усадьбе замка Осака, которую до этого занимал Токугава. Отправляясь на восток, Иэясу поручил её охрану своему командиру Сано Цунамаса (1554–1600). Усадьба имела собственную крепостную стену и ров, но находилась внутри замка, поэтому защитить её было невозможно. Отправив в безопасное место трёх живших в Нисиномару наложниц Иэясу, комендант сдал её без боя. Мори Тэрумото въехал в замок Осака и объявил, что берёт сына Хидэёси под свою защиту.

На следующий день Исида Мицунари разослал в западные провинции правительственный указ с объявлением войны Токугава Иэясу и перечислением всех его неблагоприятных поступков. Документ из 13 пунктов, известный как *Найфу тигаи но дзёдзё* («Перечень нарушений Внутреннего министра»)⁵², гласил:

⁵² *Найфу* — одно из названий должности, которую Токугава Иэясу занимал в 1598–1600 годах.

1. Нарушив данную Хидэёси клятву, Токугава разжаловал и выслал из столицы двух *бугё* (Асано Нагамаса и Исида Мицунари).
2. Обвинив *тайро* Маэда Тосинага в заговоре, отправил его под домашний арест и вынудил прислать заложников.
3. Организовал карательный поход против *тайро* Уэсуги Кагэкацу, не совершившего ничего предосудительного.
4. Нарушив приказ Хидэёси и собственную клятву, единолично перераспределял земельные владения.
5. В нарушение установленного Хидэёси порядка заменил верную ему охрану замка Фусими своими людьми.
6. В нарушение запрета Хидэёси начал собирать с военачальников клятвы верности.
7. Занял резиденцию вдовы Хидэёси в замке Осака.
8. Построил в этой резиденции Центральную пагоду.
9. Вернул домой заложников из семей командиров, верных Хидэёри.
10. Нарушил запрет Хидэёси на заключение политических браков и создание военных союзов.
11. Проводя провокационную и подстрекательскую политику, создал в правительстве группу своих сторонников.
12. Подменил коллективное руководство личной властью.
13. По ходатайству одной из наложниц освободил храм Ивами-симидзу от земельной переписи.

К обвинительному манифесту прилагалось сопроводительное письмо за подписями *бугё* Маэда Гэнъи, Масита Нагамори и Нагацука Масаиэ, подтверждавшее коллективный характер волеизъявления и намерение авторов документа защитить интересы Тоётоми Хидэёри. Вслед за указом в западные провинции было отправлено ещё одно письмо, подписанное Великими старейшинами Мори Тэрумото и Укита Хидэиэ. В нём говорилось, что Токугава Изёсу поочерёдно устраняет членов правительства, и если

его не остановить, то вскоре малолетний наследник останется беззащитным перед лицом коварного узурпатора.

В ответ на эти призывы из западных районов страны в Осака начали прибывать новые отряды, численность которых вскоре достигла нескольких десятков тысяч человек. Главной силой западной коалиции стали крупные воинские дома с годовым доходом более 100 тысяч коку риса.

Таблица

Главные участники западной коалиции

<i>Даймё</i>	Годовой доход (коку риса)	<i>Даймё</i>	Годовой доход (коку риса)
Мори Тэрумото	1 200 000	Мори Хидэмоторо	200 000
Симадзу Ёсихиро	600 000	Исида Мишунари	194 000
Укита Хидэиэ	570 000	Икома Тикамаса	150 000
Кобаякава Хидэаки	357 000	Ода Хидэнобу (внук Нобунага)	133 000
Набэсима Кацусигэ	310 000	Тагибана Мунэсигэ	132 000
Тёсокабэ Мототика	222 000	Мори Хидэканэ	130 000
Мазда Тосимаса	215 000	Нива Нагасигэ	125 000
Кониси Юкинага	200 000	Киккава Хироиэ	110 000

Источник: Касая Кадзухико. Сэкигахара гассэн. Иэясу но сэньяку то бакухан тайсэй = Сражение при Сэкигахара. Стратегия Иэясу и система бакухан. Коданся, 2008. С. 80.

К 20 июля вокруг Исида сложилась группа единомышленников, в которую вошли шесть из десяти членов правительства Хидэёси. К ней присоединились и два внука Ода Нобунага: 20-летний Ода Хидэнобу (1580–1605) и 17-летний Ода Хидэкацу (1583–1610).

На военном совете западной коалиции было решено, что один *тайро* (Мори Тэрумото) и один *бугё* (Масита Нагамори) останутся в замке Осака охранять Хидэёри, а остальные трое членов правительства (Укита, Исида и Нагацука) организуют выдвижение отрядов на восток и их размещение в провинциях Мино и Исэ. В случае если Токугава сразу пойдёт навстречу, Мори Тэрумото присоединится к основным силам и возьмёт командование на себя.

Большим успехом лидеров западной коалиции стало привлечение на свою сторону клана Симадзу. Его глава хотя и не входил в состав правительства, но имел второй после Мори годовой доход и крепкую армию. На участие в коалиции он согласился не сразу, поскольку за 15 месяцев до этого заключил с Токугава военный союз и обменялся с ним клятвами верности. В апреле 1599 года Иэясу в знак доверия поручил Симадзу внешнюю охрану замка Фусими. Руководству клана очень не хотелось нарушать недавнюю клятву, но ситуация складывалась так, что пойти против течения оказалось ещё труднее.

Лидеры западной коалиции понимали, что вместе с Токугава в поход ушли многие командиры, хранившие вер-

Исида Мицунари

ность Хидэёси, которые без колебаний встали бы на их сторону, если бы находились здесь. Чтобы облегчить им переход, было решено пойти традиционным путём, а именно взять в заложники их семьи, оставленные перед походом в Осака. С военной точки зрения захват женщин и детей, живущих в городских усадьбах, не представлял большого труда.

Сначала всё шло по плану, но в доме Хосокава Тадаоки произошёл инцидент, попавший во все хроники. Жена Хосокава, 37-летняя дочь Акэти Мицухидэ по имени Тама (1563–1600), в 1587 году приняла крещение и получила христианское имя (в японском варианте Гарася). Узнав о предстоящем аресте, она заявила, что скорее умрёт, чем покорится врагам мужа. На следующий день, 18 июля, когда усадьбу Хосокава окружили со всех сторон, она собрала прислугу и объявила, что намерена выполнить наказ мужа — в безвыходной ситуации достойно уйти из жизни. Она считает это своим долгом, но все остальные не обязаны следовать её примеру. Зная, что христианство запрещает самоубийство, Гарася обратилась за помощью к коменданту усадьбы Огасавара Хидэкиё. Убив жену своего начальника, он поджёг дом изнутри, а затем с помощью ассистента покончил с собой.

Инцидент получил большой резонанс, и после него семьи военачальников было решено не вывозить, а оставлять под домашним арестом; усадьбу окружали высокой бамбуковой оградой и ставили охрану, следившую за тем, чтобы никто не входил и не выходил из дома.

Главный организатор и вдохновитель западной коалиции Исида Мицунари всё это время оставался в замке Саваема, рассылая письма потенциальным союзникам. В конце июля он покинул свою резиденцию, где провёл последние полтора года, и подошёл со своим отрядом к замку Фусими, который всё ещё контролировали люди Токугава. Девятнадцатого июля 40-тысячная западная армия окружила замок.

Перед уходом на восток Токугава назначил комендантом Фусими своего земляка и потомственного вассала Тории Мототада (1539–1600). Он провёл с ним весь вечер, обсуждая организационные вопросы и численность гарнизона, который может понадобиться в случае нападения. Согласно сохранившимся записям, Иэясу предлагал оставить в замке три тысячи человек, но Тории возразил, что при массированном штурме этого всё равно будет мало, поэтому не стоит придавать численности слишком большое значение. А в походе против Уэсуги люди будут очень нужны, поэтому в итоге было решено оставить 1800 человек.

В боях за Фусими участвовали все командиры западной коалиции. Окружив замок, они предложили коменданту сдаться в обмен на сохранение жизни защитникам, но 60-летний Тории ответил отказом и отправил к Токугава гонца с сообщением о нападении. Началась осада и обстрелы замка из всех видов оружия. Она не принесла успеха — Фусими был хорошо укреплён, а большинство западных командиров не проявляли особого рвения в борьбе со вчерашними союзниками. К защитникам замка примкнул и Сано Цунамаса, комендант Западной усадьбы замка Осака, несколько дней назад сдавший её без боя.

Осада затягивалась и могла продолжаться ещё долго, а между тем западным командирам пора было выдвигаться на восток. И тогда опять вспомнили про заложников — в городских домах за пределами замка оставались семьи многих его защитников. Их арестовали, после чего бугё Нагацука Масаиэ пообещал казнить всех женщин и детей, если главы семей не окажут содействия нападавшим. Те, кто и раньше подумывал о капитуляции, тайно согласились и 1 августа во время очередной атаки подожгли замок изнутри и впустили противника внутрь. Старшие командиры Тории Мототада, Сано Цунамаса и их окружение

дрались до последнего и погибли, но отстоять укрепление не смогли. Вернувшись через полтора месяца в наполовину выгоревший замок, Токугава Иэясу нашёл и отправил в Эдо соломенные циновки, пропитанные кровью Тории Мототада. Впоследствии он их долго хранил и демонстрировал своим вассалам как свидетельство воинской доблести.

После захвата Фусими западная армия ушла из Осака и двинулась на восток. Отани Ёсицугу с крупным соединением двинулся по Северному тракту в провинцию Этидзэн, а части под командованием Мори Хидэмото, Киккава Хироиз, Нагацука Масаиз, Анкокудзи Экэй вошли в провинции Исэ и Кага, где захватили несколько фортгов, принадлежавших сторонникам Токугава. Исида Мицунари со своим шеститысячным отрядом 11 августа занял замок Огаки в провинции Мино. К 20 августа все более или менее крупные укрепления в центральной части страны перешли под контроль западных командиров.

Восточная армия

О том, что происходило в Киото и Осака, Токугава узнавал с задержкой в шесть-восемь дней, которые требовались гонцу, чтобы преодолеть расстояние в 500 километров. Девятнадцатого июля он получил первый сигнал, письмо от Масита Нагамори, датированное двенадцатым числом. В нём говорилось, что Отани Ёсицугу, который по времени уже должен был подходить к Эдо, задерживается в связи с обострением болезни и, по слухам, обдумывает возможность перехода на сторону Исида Мицунари. Масита Нагамори, один из лидеров западной коалиции, уже не в первый раз сообщал Токугава достоверную информацию о действиях своих соратников.

В последующие дни Иэясу получил ещё несколько сообщений о том, что, судя по всему, его противники начали консолидироваться, но сведения были основаны больше на слухах, поэтому ничего не предпринимал. Полная ясность наступила 24 июля. Токугава находился в своём штабе в Ояма (провинция Симоцукэ), когда к нему прибыл гонец от Тории Мототада с сообщением, что западная армия окружила замок Фусими и ему предложили сдаться. Комендант замка писал, что ответил отказом и будет стоять до конца. После этого сообщения стало ясно, что размежевание состоялось и теперь нужно готовиться к большому сражению.

На следующий день Токугава собрал всех своих командиров и сообщил о событиях в столице. Ему предстояло выяснить их настроения и выработать план действий. В своих личных вассалах он не сомневался, но за «командиров Хидэёси» поручиться было нельзя. Иэясу сообщил им, что сторонники Исида Мицунари арестовали их семьи и он понимает их положение, поэтому вопрос о том, на чьей стороне воевать, оставляет на их усмотрение. В годы междоусобных войн недавние союзники нередко оказывались на поле боя друг против друга, поэтому Токугава не видел в сложившейся ситуации ничего экстраординарного и сказал, что не будет препятствовать тем, кто решит уйти. Главной причиной мятежа он назвал личную обиду Исида Мицунари, который не смог забыть прошлогоднего унижения, и добавил, что личные обстоятельства одного из членов правительства не могут быть важнее вопросов государственного управления.

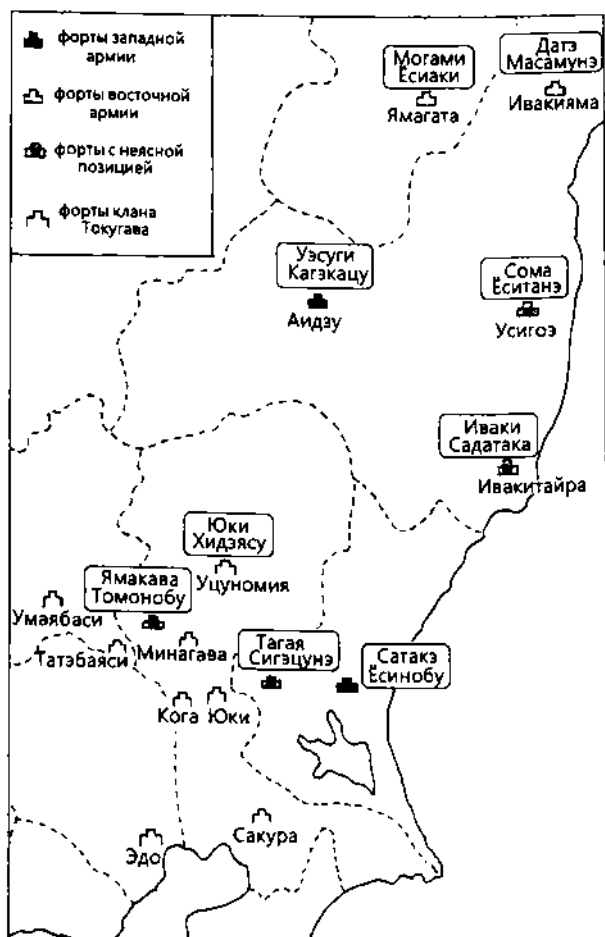
Первыми после него выступили Курода Нагамаса, Фукусима Масанори и Токунага Нагамаса (1549–1612). Они заявили, что остаются и будут воевать против Исида Мицунари. От Курода и Фукусима никто ничего другого не ожидал, поскольку они хотели убить Исида ещё в прошлом году. При этом Курода был настроен очень реши-

тельно и не допускал никаких сомнений, а Фукусима согласился поддержать Токугава при условии, что он будет действовать исключительно в интересах Тоётоми Хидэёри, и это было ему обещано (Фудзимото, 1999).

Выступления Курода, Фукусима и Токунага задали обсуждению благоприятный для Токугава тон, и оно закончилось общим решением всех командиров остаться в составе восточной армии. Один из участников обсуждения, Ямаути Кацутаё (1545–1605), предложил использовать свой замок Какэгава в качестве базы для размещения сил восточной армии. Он находился в провинции Тотоми, вблизи от предполагаемой линии размежевания, и замыкал цепь укреплений, располагавшихся вдоль тракта Токай, контролируемых сторонниками Токугава. Вслед за Ямаути с такой же инициативой выступили ещё несколько командиров, владевших удобно расположенными фортами в провинциях Суруга и Овари.

На военном совете обсудили два варианта дальнейших действий. Первый состоял в том, чтобы сначала всеми имеющимися силами завершить операцию против Уэсути, а затем выдвигаться на запад, уже не опасаясь за тылы. Второй вариант предлагал заморозить нынешнюю ситуацию на востоке и сразу начать подготовку к главному сражению. Первый план поддержал 26-летний Юки Хидэясу (1574–1607), рождённый вторым, но на тот момент старший из сыновей Токугава, однако большинство командиров высказались в пользу второго; в итоге он и был принят. Юки Хидэясу отец поручил остаться в тылу и возглавить операцию по сдерживанию Уэсути, но сын возразил, что хочет участвовать в главном сражении. Иэясу пришлось употребить всё своё влияние, чтобы заставить его подчиниться. Недовольный Хидэясу в конце концов отправился в Уцуномия, но слух о его ссоре с отцом стал известен подчинённым, и некоторые из них впоследствии дезертировали.

Первыми на запад двинулись Фукусима Масанори и Икэда Тэрумаса, чьи владения находились ближе всего к месту предстоявшего сражения. Им было поручено очистить район от сторонников западной коалиции и занять укрепления в непосредственной близости от линии размежевания.

Дислопозиция сил на северо-востоке
(июнь 1600 года)

Весь август Токугава провёл в Эдо. Идти навстречу противнику он не спешил. Во-первых, оставалась угроза выступления со стороны Уэсуги. У него в тылу стояли отряды Датэ Масамунэ и Могами Ёсиаки, но полной уверенности в них не было, поскольку оба в прошлом имели с Уэсуги союзные отношения. Могами вообще его откровенно опасался и некоторое время вёл переговоры, давая понять, что колеблется и раздумывает, не перейти ли ему на его сторону. Впоследствии отправка отрядов Датэ и Могами в тыл Уэсуги преподносилась летописцами как гениальная прозорливость Токугава, но на самом деле летом 1600 года ситуация была далеко не столь однозначной.

Во-вторых, непонятной и потому потенциально опасной оставалась позиция клана Сатакэ из провинции Муцу, в котором отец Ёсисигэ ориентировался на союз с Токугава, а его сын Ёсинобу был давним и убеждённым сторонником Исида. Сначала Ёсинобу присоединился к походу против Уэсуги, но после того, как на западе сложилась антитокугавская коалиция, объявил, что не будет воевать против Исида, ушёл в свой замок и занял там оборону.

Однако главная причина, по которой опытный полководец не форсировал события, заключалась в подготовке к решающему сражению. А её определяющий фактор — человеческий — требовал времени и личных контактов. Впоследствии Токугава говорил, что полководец не может побеждать, видя перед собой лишь затылки соратников, он должен представлять себе также лбы противников и понимать, что у них в головах. Сложное переплетение человеческих отношений, родственных связей и политических предпочтений давало много возможностей для тайных договорённостей и манипуляций. И Токугава ими в полной мере воспользовался. Он и раньше переписывался с главами крупных воинских домов, но ещё никогда в жизни ему не приходилось писать такого количества писем,

как в августе и сентябре 1600 года. По данным японского историка Накамура Коя, эпистолярный график Токугава выглядел следующим образом.

Период	Число отправленных писем
До июня 1600 года	В среднем по два в месяц
Июль 1600 года	34
Август	87
Сентябрь (первая половина)	36
Сентябрь (вторая половина)	18
Октябрь	8
Ноябрь	4
Декабрь	1

Источник: Накамура Коя. Токугава Изэсу бунсё кэнкю (тюкан) = Изучая документы Токугава Изэсу. Т. 2. Нихон гакудзюцу синкокай, 1980. С. 796.

Абсолютное большинство писем, написанных в период с 1 июля по 15 сентября, были адресованы «командирам Хидзёси» в составе восточной армии и тем участникам западной коалиции, на содействие которых Токугава мог рассчитывать. Во всех говорилось об одном и том же — какие земельные владения получают их адресаты, если помогут восточной армии одержать победу. Като Киёмаса, например, были обещаны две новые провинции (Хиго и Тикуго), а Хосокава Тадаоки — одна (Тадзима). Своему союзнику Датэ Масамунэ Изэсу пообещал добавить семь уездов с доходом в 490 тысяч коку риса. Военачальники более низких рангов получили обещания в соответствии со своим статусом.

В работе с теми, кого Токугава не знал лично, главную роль сыграл Курода Нагамаса. Среди всех «командиров Хидэёси» он пользовался наибольшим доверием Токугава, поскольку именно ему было поручено присматривать за Фукусима Масанори и его вассалами. Благодаря личным контактам Курода Токугава смог списаться с Киккава Хироиз и Кобаякава Хидэаки, которые командовали крупными соединениями в западной армии. Как выяснилось впоследствии, их действия оказали решающее влияние на исход сражения.

Провинции в центре страны стремительно разделились на территории, подконтрольные восточной и западной армиям, и в обеих частях появились связанные с противником враждебные анклавы, которые перед решающим сражением нужно было ликвидировать. Оба штаба бросили на эти операции крупные силы. В западной армии чужим среди своих стал Хосокава Фудзитака из провинции Тамба, сын которого ушёл на восток вместе с Токугава. Получив упомянутый указ Исида из 13 пунктов, Хосокава отказался его выполнять и занял со своими людьми оборону в замке Танабэ. Восемнадцатого июля на его ликвидацию был отправлен 15-тысячный отряд во главе с Оноги Кимисато. Большинство вассалов Хосокава ушли на восток, и в распоряжении 66-летнего Фудзитака осталось не более 500 человек. Двадцатого июля Оноги подошёл к замку Танабэ и сразу бросил своих людей на штурм, надеясь взять укрепление с ходу. Однако первая атака была отбита ружейным огнём, после чего нападавшие перешли к осаде, регулярно обстреливая крепость из лёгких пехотных пушек. Несмотря на малочисленность гарнизона и отсутствие поддержки извне, Танабэ держался в течение двух месяцев, до середины сентября; из-за этого отряд Оноги не смог принять участие в сражении на равнине Сэкигахара. В конце концов императорский двор, где у семьи Хосокава были влиятельные покровители, 13 сентября

отправил в Танабэ курьера с указом императора о прекращении боевых действий. Благодаря этому Хосокава Фудзитака выстоял и тем самым внёс свой вклад в победу восточной армии.

Ещё больше проблем для западной коалиции создал 37-летний командир Кёгоку Такацугу (1563–1609) из провинции

Оми. Получив мобилизационное предписание Исида, он подчинился и с двумя тысячами бойцов прибыл в замок Осака. Здесь он был включён в состав соединения под командованием Отани Ёсицугу и вместе с ним отправился по Северному тракту в провинцию Этидзэн. Однако 3 сентября вместе со своими людьми ушёл с маршрута в замок Оцу и занял там оборону. Этот командир после смерти Хидэёси сблизился с Токугава и получил от него новые владения, но в силу обстоятельств оказался в составе западной коалиции. Его младший брат Такатомо (1572–1622) ушёл вместе с Токугава на восток, и теперь старшему предстояло сделать выбор: идти воевать против брата или нарушить приказ Исида. Он выбрал второе.

Замок Оцу располагался на южном берегу озера Бива, на главном тракте,

Курода Нагамаса

Хосокава Фудзитака

связывавшем провинции Оми и Этидзэн со столицей. Оставлять в тылу очаг сопротивления было невозможно, и командование западной коалиции взялось за решение вопроса. Сначала беглеца пытались вернуть мирным способом: в Осака в качестве заложницы осталась жена Такацугу, приходившаяся старшей сестрой матери Хидзэри. Её послали к мужу на переговоры, чтобы уговорить вернуться, но миссия окончилась неудачей. Тогда на ликвидацию изменника был отправлен 15-тысячный отряд во главе с Татибана Мунэсигэ, одним из самых мотивированных и боеспособных командиров западной коалиции.

Бои в Оцу начались 12 сентября и продолжались четыре дня. В результате интенсивного обстрела крепостные стены замка были разрушены пушечными ядрами, и утром 15 сентября Кёгоку Такацугу, не зная, что в это же время в 40 километрах от него началось сражение между восточной и западной армиями, сдал замок и объявил, что уходит в монастырь. Продержись он ещё один день — и его судьба сложилась бы иначе. Тем не менее из-за действий Хосокава и Кёгоку численность западной армии на равнине Сэкигахара уменьшилась на 30 тысяч человек.

Сходная ситуация сложилась и в зоне действия восточной армии — здесь чужими среди своих стали кланы Сатакэ и Санада. Как уже говорилось, 30-летний Сатакэ Ёсинобу (1570–1633) сначала подчинился приказу Токугава и начал готовиться к походу против Уэсуги. Но, узнав, что Исида Мицунари, с которым его связывали дружеские отношения, собирает силы против Токугава, решил к нему присоединиться. В марте 1599 года, когда семь командиров Хидзэси готовили покушение на Исида, именно Сатакэ Ёсинобу предупредил его об опасности и помог бежать. Если бы летом 1600 года он находился в Осака, то без колебаний вошёл бы в состав западной коалиции, но владения Сатакэ находились далеко на се-

веро-востоке, в провинции Муцу. В течение двух месяцев Ёсинобу переписывался с обеими сторонами, но в конце концов не поддержал ни одну из них. К западным единомышленникам он присоединиться хотел, но не смог, а воевать за Токугава не стремился и объяснил ему своё отсутствие на равнине Сэкигахара необходимостью сдерживать Уэсуги на востоке.

В замке Уэда в провинции Синано занял оборону ещё один бывший вассал Токугава, Санада Масаюки (1547–1611). В июне они вместе вышли из столицы в поход, но в середине августа Санада принял решение перейти на сторону западной коалиции. Его семья тоже разделилась на две части: отец Масаюки и второй сын Юкимура поддерживали Исида Мицунари, а старший сын Нобуюки остался с Токугава. Уже находясь в походе, Санада Масаюки получил от Исида письмо, в котором тот сообщал, что в состав западной коалиции вошла вся воинская элита, а на стороне Токугава остались лишь 30–40 тысяч человек и дни его сочтены. В связи с этим Исида предлагал Санада присоединиться к нему и нанести Токугава удар с востока (Китадзима, 1963). Это письмо в сочетании с политическими браками, связывавшими Масаюки и его второго сына с командирами западной армии, сыграло важную роль в принятии решения.

В конце августа Токугава отправил против Санада своего сына Хидэтада с 38-тысячной армией и дал ему в помощь несколько опытных командиров. Имея подавляющее превосходство в живой силе, Хидэтада должен был быстро взять замок Уэда, нейтрализовать отца и сына Санада, после чего идти на запад к месту основного сражения.

Сэкигахара

Первые отряды восточной армии начали прибывать и размещаться в провинциях Мино и Овари после 10 августа. Четырнадцатого числа их командиры Курода, Фукусима, Икэда, Като и Хосокава собрались в Киёсу и обсудили план действий. Первым делом было решено атаковать стратегически важный замок Гифу, которым владел 20-летний Ода Хидэнобу (1580–1605), старший внук Нобунага. Несмотря на молодость, третий придворный ранг и должность советника (*тюнагон*) делали его заметной фигурой среди командиров западной армии.

Замок Гифу стоял на горе высотой 330 метров с очень крутыми склонами, поэтому на его штурм были брошены крупные силы, 48 тысяч человек. Бой начался утром 23 августа и продолжался несколько часов. Когда стало ясно, что замок не удержать, внук Нобунага передал командовавшим операцией Фукусима Масанори и Икэда Тэрумаса, что готов прекратить сопротивление и покончить жизнь самоубийством в обмен на сохранение жизни остальным защитникам. С учётом истории отношений между семьями Ода и Токугава смертный приговор молодому командиру заменили ссылкой в монастырь на горе Коя.

Захватив Гифу, восточная армия продвинулась в глубь провинции Мино и остановилась в 20 километрах от противника. Её передовые отряды выставили на возвышенностях наблюдательные посты и установили визуальный контроль за позициями западной армии.

После отправки отряда в Оцу против Кёгоку Такацугу и падения Гифу руководство западной коалиции изменило первоначальный план, предусматривавший выдвижение основных сил дальше на восток, в провинции Овари и Микава. Главный штаб теперь было решено разместить в крупном замке Огаки в провинции Мино. В штабе Исида считали, что наилучшим тактическим вариантом было бы

занять в нём оборону в расчёте на наступление восточной армии, чтобы в нужный момент нанести противнику удар в тыл силами Мори Тэрумото. Однако все понимали, что опытный Токугава никогда на это не пойдёт. Примерное равенство сил исключало использование укреплений — в этом случае защищающаяся сторона получила бы огромное преимущество.

Первого сентября Иэясу с 32-тысячной армией вышел из Эдо и отправился пешим маршем на запад по тракту Токай. Через 10 дней он вошёл в Киёсу, пройдя за это время около 300 километров. Командиры передовых отрядов доложили ему диспозицию и получили приказ готовиться к сражению на открытом пространстве.

Токугава Хидэтада подошёл к замку Уэда 2 сентября и вступил с Санада Масаюки в переговоры, потребовав выполнить данную отцу клятву и присоединиться к восточной армии. Масаюки согласился, но попросил время на подготовку к походу и одновременно с этим начал укреплять подступы к замку. В штабе Хидэтада завязалась дискуссия: сын Токугава предлагал начать штурм немедленно, а один из его старейшин, состоявший в родстве с Санада, убеждал не торопиться и продолжать переговоры. В спорах и сомнениях прошло два дня. Четвёртого сентября хозяин замка предпринял боевую вылазку, и Хидэтада приказал начать подготовку к штурму. Он состоялся 7 сентября, но спонтанно, после столкновения двух отрядов в окрестностях замка. Начатый без приказа штурм закончился неудачей и вызвал гнев опытного Хонда Масанобу

*Хидэнобу,
внук Ода Нобунага*

322

в 1600 году

(1538–1616), начальника штаба Хидэтада. Взяв командование на себя, он наказал виновных в несогласованных действиях и продолжил подготовку к штурму, но в этот момент в лагерь примчался гонец от Иэясу с приказом прекратить операцию и немедленно выступить на запад.

Гонец прибыл с большим опозданием. Иэясу отправил его ещё до выхода из Эдо, когда узнал, что основное сражение может начаться раньше, чем планировалось, и сын не успеет выполнить порученное ему дело. Ещё на несколько дней гонца задержала разлившаяся из-за дождей река, поэтому он добрался до Уэда только 9 сентября. Оставив у замка небольшой отряд, Хидэтада на следующий день спешно выступил на запад. За четыре дня он дошёл до форта Сиодзири, но впереди была ещё половина пути, а до сражения оставалось всего 48 часов. В этот день посыльный доставил ему письмо от одного из командиров Токугава, уже находившихся на позициях в провинции Мино. Он писал, что сражение с западной армией вот-вот начнётся и ему следует спешить. Через два дня, когда это произошло, сын Токугава находился у форта Магомэ, в 100 километрах от Сэкигахара.

Весть о том, что Хидэтада не успевает к началу сражения, стала для Токугава неприятным сюрпризом — он узнал об этом только в Киёсу 11 сентября. Нехватка 38 тысяч человек, к тому же самых надёжных, создавала большую проблему. Эта информация сама по себе могла подорвать боевой дух войска и подтолкнуть сомневающихся к измене. Возможно, по этой причине Токугава не пригласил на обсуждение тактического плана никого из «командиров Хидэеси». О самом важном он говорил со своими ближайшими соратниками Ии Наомаса и Хонда Масакацу. Главный вопрос касался опоздания Хидэтада — начинать сражение без него или подождать? Ии Наомаса выступил за первый вариант, Хонда Масакацу — за второй. У каждого были свои резоны. Хонда делал упор на то, что в отсутствие Хидэтада удельный вес «командиров Хидэеси»

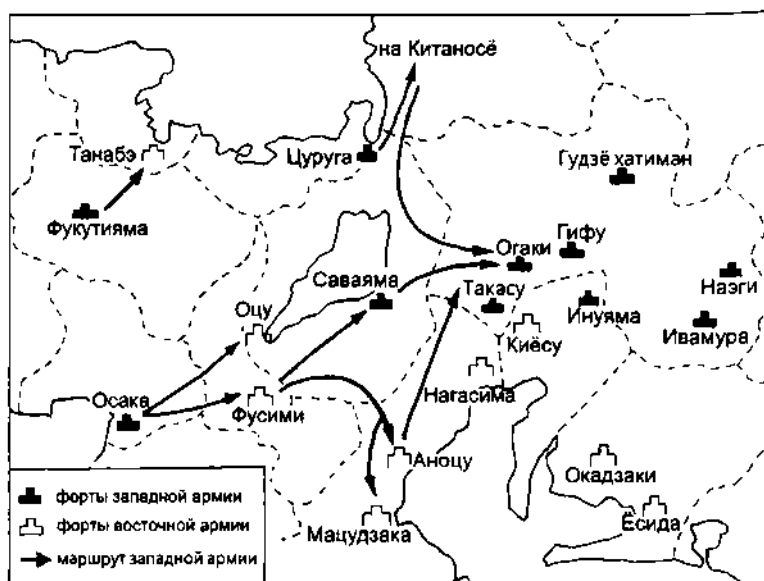
Маршрут выдвижения восточной армии

в восточной армии угрожающе возрастёт, поскольку общая численность преданных Токугава частей составляла чуть более шести тысяч и в случае измены кого-то из «командиров Хидэёси» закрыть брешь будет нечем. Ии Наомаса более важным казалось другое: передовые отряды уже три недели стоят без дела. Они рвутся в бой, и любое промедление может обернуться случайностями, которые всё погубят. Кроме того, сражение лучше начать сейчас, пока главнокомандующий западной армией Мори Тэрумото не прибыл на позиции вместе с сыном Хидэёси. Если это произойдёт, то мысль о том, что они воюют против законного наследника, может серьёзно подорвать моральный дух и без того не вполне надёжных «командиров Хидэёси», и за них уже никак нельзя будет поручиться.

Выслушав аргументы подчинённых, Иэясу сослался на простуду и взял себе ещё один день на размышления. Возможно, надеялся — вдруг Хидэтада всё-таки успеет.

В тактическом плане бой на открытом пространстве давал Токугава некоторое преимущество. В его воинской карьере не было ярких эпизодов, связанных со штурмом фортификационных сооружений, а вот побед на открытой местности хватало. Поражение от Такэда Сингэн в декабре 1572 года стало для него хорошим уроком, и впоследствии он действовал в полевых условиях очень эффективно. Удачные действия на реке Анэ в 1575 году, победы в боях при Комаки и Нагакутэ в 1584 году обогатили его новым опытом и сделали одним из лучших в этой области.

Обсудив сложившуюся диспозицию, командование западной коалиции решило дать бой Токугава на равнине Сэкигахара, которая и в предыдущие столетия не раз становилась местом крупных сражений. Вечером 14 сентября отряды западной армии один за другим начали покидать Огаки и под покровом темноты выдвигаться на восток.

Маршрут выдвижения западной армии

На лошадей надели намордники и накопытники, чтобы животные двигались бесшумно; пехотинцы переобулись в мягкие соломенные сандалии. Шли в следующем порядке: Исида Мицунари, Симадзу Ёсихиро, Кониси Юкинага, Укита Хидэиз.

Глубокой ночью Токугава разбудил прибывший из форта Сонэ гонец с докладом, что в лагере противника началось движение. Чуть позже об этом же сообщил посыльный от Фукусима Масанори. Командирам восточной армии было приказано занять позиции и готовиться к бою. Сын Токугава Иэясу с 38-тысячной армией к его началу не успевал.

Сражение состоялось на территории уезда Фува в провинции Мино на просторной равнине, окружённой невысокими холмами. Первым около часа ночи на место прибыл Исида Мицунари и встал со своим соединением на северном фланге, у подножия горы Сасао. Подошедшие вслед за ним Симадзу, Кониси, Укита и Отани в том же порядке расположились южнее. На противоположном фланге построение замыкал восьмитысячный отряд Кобаякава Хидэаки. По плану западной армии он должен был оставаться в резерве вплоть до особого распоряжения. Чуть впереди него встали отряды Акадза, Огава, Куцуки, Вакидзака. На южном фланге Токугава и глубоко восточнее основных сил заняли позиции Мори Хидэмоторо, Анкокудзи Экэй, Нагацука Масаиз, Тёсокабэ Моритика. От основных сил их отделяли невысокие горы Нагу и Момокудари. Считается, что общая численность западной армии составляла 82 тысячи человек, боевое построение — «журавлиное крыло» (*какүёку но дзин*), которое полукольцом охватывало позиции Токугава на юге и на западе.

Восточная армия начала выдвижение 15 сентября в три часа ночи. Отряды шли по тракту Накасэн под мелким дождём, начавшимся накануне вечером. Токугава со своим штабом расположился глубоко в тылу, у северного

подножия горы Момокудари. Передовую линию занимали отряды Фукусима Масанори, Ии Наомаса, Тодо Такатора, Курода Нагамаса, Хосокава Тадаоки, Кёгоку Такатоми, Хатисука Ёсисигэ, Мацудайра Тадаёси (четвёртый сын Токугава), Танака Ёсимаса, Като Ёсиаки, Икома Кадзумаса, Хотта Кадзугугу, Канамори Нагатики, Такэнака Сигэкадо, Цуцуи Садацугу. Ещё 30 тысяч человек под командованием Икэда Тэрумаса, Асано Юкинага, Ямаути Кацутё и Арима Нориёри заняли позиции восточнее, позади ставки Токугава. Они должны были следить за южным флангом западной армии и быть готовыми к отражению атаки с этого направления. Всего под командованием Токугава в тот день было 74 тысячи человек.

На рассвете 15 сентября равнина Сэкигахара утонула в густом тумане. Армии стояли друг против друга, ожидая, когда он рассеется. Перед началом боя на участке Фукусима Масанори произошёл небольшой эксцесс. Едва рассвело, в его расположении появилась группа из 30 всадников и направилась к передовой линии. Командир наблюдательного поста Кани Сайдзо⁵³ их остановил и обратился к старшему группы Ии Наомаса с вопросом, куда и зачем они едут.

В то время многие командиры в погоне за славой и наградами часто нарушали дисциплину и бросались в атаку на противника раньше времени, до того как подавалась общая команда. На этот счёт существовали строгие запреты, поэтому наблюдательным постам вменялось в обязанность следить за передовой и пресекать самовольные вылазки соратников (они назывались *нукэгакэ*). Командир всадников Ии Наомаса объяснил дозорному, что его группа не намерена нарушать дисциплину — выход на передовую связан с тем, что сегодня день боевого крещения

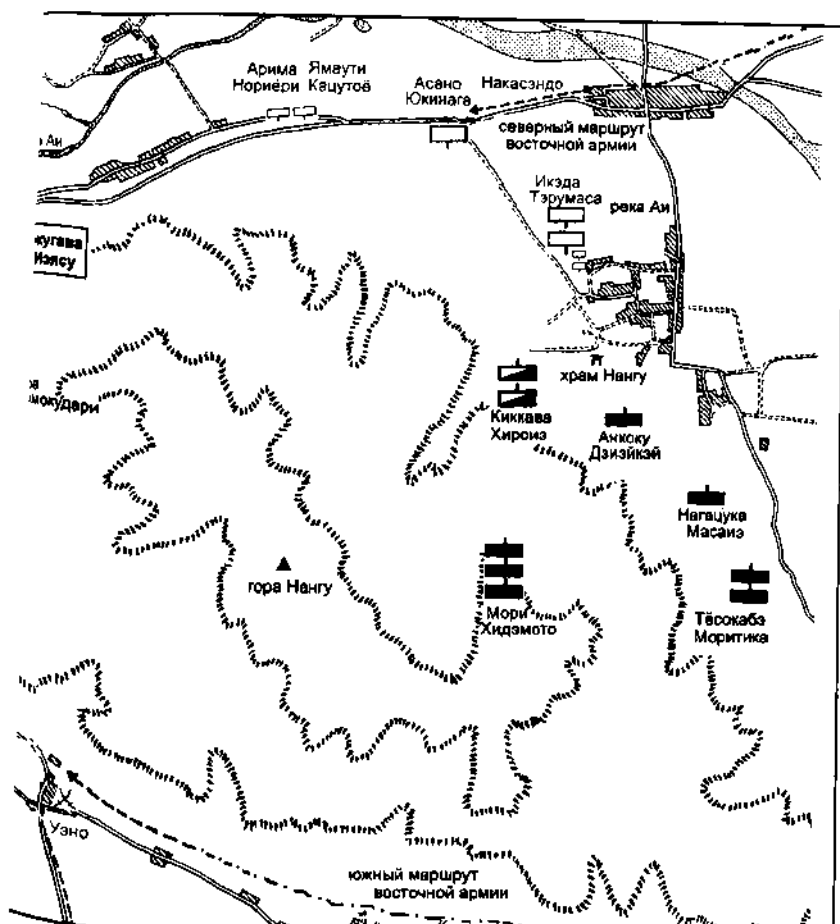
⁵³ Известный командир среднего звена, о котором говорилось в первой части книги.

для его зятя и сына Токугава Иэясу, 20-летнего Мацудайра Тадаёси. Несмотря на то что молодой самурай уже имел доход в 100 тысяч коку и был одним из самых богатых командиров восточной армии, он ещё ни разу не выходил на поле боя. Отряды Тадаёси и его тестя стояли рядом, поэтому Ии Наомаса вызвался сопроводить зятя, чтобы показать ему, как выглядит передовая линия перед боем. Имея приказ никого не пропускать, командир дозорного отряда, тем не менее, не решился остановить старшего по званию, да ещё в компании с сыном главнокомандующего, и они вышли на линию атаки.

Позиции противника по-прежнему скрывал густой туман, но Ии Наомаса это не остановило — обнажив меч, он вместе со свитой бросился на позиции стоявшего напротив Укита Хидэиз. Всё-таки это была *нукэгахэ*, преждевременная самовольная атака. В источниках говорится о том, что потомственный вассал Токугава пошёл на дисциплинарное нарушение сознательно, не желая уступать право начать бой «стороннему командиру» Фукусима Масанори, воспитаннику Хидэёси.

Времени на то, чтобы разбираться с нарушителями, уже не было. Бой начался внезапно, и Фукусима не оставалось ничего другого, кроме как отдать приказ своим 800 аркебузирам прикрыть атаку ружейным огнём. Первые залпы прогремели около восьми часов утра. Услышав стрельбу, пошли в атаку и соседние части. Шум начавшегося сражения долетел до ставки Токугава, но густой туман не позволял ничего рассмотреть, и вскоре оттуда на передовую помчались курьеры за докладами.

Курода Нагамаса с небольшим отрядом из 15 опытных стрелков обошёл с северного фланга позиции Исида Мицунари и начал их обстреливать с небольшой высоты. От фронтального обстрела пехотинцев Исида защищала ограда, но на фланге её не было, поэтому его передовой отряд понёс потери и отступил. Воспользовавшись

Начало сражения

какое-то время бой на северном фланге шёл с переменным успехом.

К 10 часам утра туман рассеялся, и обе стороны получили возможность оценить ход сражения. Главнокомандующий западной армией Мори Тэрумото, появления которого вместе с наследником так опасались в штабе Токугава, так и не прибыл. По одной версии, причиной стали ходившие по городу слухи, что как только Мори покинет замок Осака,

его сразу захватит бугё Масита Нагамори, поддерживавший контакты с Токугава, по другой — его собственный сговор с Иэясу. Известно, что Мори Тэрумото тоже получал от него письма с обещаниями полной амнистии и неприкосновенности земельных владений, если его племянник Киккава Хироиз воздержится от участия в сражении.

В отсутствие Мори Тэрумото общее командование взял на себя Исида Мицунари и в условленное время приказал зажечь на холмах сигнальные костры, сигнал к атаке для стоявших в резерве Мори Хидэмото и Кобаякава Хидэаки. Однако из его ставки было видно, что ни тот, ни другой с места не двинулись. К ним выехали курьеры и повторили приказ устно, однако старейшины Инаба Масанари и Хираока Ёрикацу, командовавшие силами Кобаякава, снова его проигнорировали.

Токугава тоже внимательно следил за действиями этих двух командиров. В ходе августовской переписки Киккава Хироиз пообещал, что вместе со своим родственником

Фукусима Масанори против Укита Хидэиз (гравюра)

Мори Хидэмото поможет восточной армии, но полной уверенности в том, что он выполнит обещание, у Токугава не было. С учётом диспозиции удар частей Мори и Тёсокабэ с южного направления мог бы сильно осложнить положение восточной армии. Понимая это, Иэясу держал против них 30 тысяч человек и следил за Мори

Мори Хидэмото

Хидэмото. Бой шёл уже два часа, и пока западный командир выполнял обещание. Он явно выжидал, в каком направлении будут развиваться события.

В первые три часа боя Токугава вместе со штабом дважды перемещался ближе к передовой и теперь мог визуально наблюдать за ходом сражения. В этот момент в события вмешался его старейшина Хонда Масакацу. Первоначально он занимал позицию у подножия горы Нангу против Мори Хидэмото, но затем переместился западнее, к месту основного боя. С ходу вклинившись со своим отрядом в ряды противника и потеснив его, Хонда вдохнул уверенность в соратников, о чём впоследствии писал Фукусима Масанори. Этот локальный успех, однако, не изменил общей картины сражения — к полудню ситуация по-прежнему оставалась неясной.

Всё это время стоявший в резерве у горы Мацуо с восьмитысячным отрядом⁵⁴ молодой командир западной армии Кобаякава Хидэаки делал для себя трудный выбор.

⁵⁴ По другой версии, Кобаякава подчинялись и соседние четыре отряда; таким образом, численность его сил составляла 15 тысяч человек.

Племянник Хидэёси и кандидат номер два в наследники (после Хидэцугу), он входил в число главных фигур западной коалиции. Однако в силу сложных отношений с Исида Мицунари не пользовался у соратников особым доверием, хотя и участвовал в штурме замка Фусими. Его старейшина Хираока Ёрикацу состоял в родстве с Курода Нагамаса, и в ходе шедшей через него переписки Кобаякава тоже пообещал Токугава своё содействие. За день до сражения молодой командир получил письмо от Ии Наомаса и Хонда Масакацу. В нём говорилось, что Токугава готов забыть его участие в западной коалиции и после победы не будет его преследовать. Он высоко ценит преданность Инаба и Хираока, двух главных старейшин Кобаякава, и надеется, что молодой *даймё* проявит такую же лояльность по отношению к нему. За это ему были обещаны две новые

Маршруты Токугава в июне — сентябре 1615 года

провинции в столичном районе. Командование западной коалиции со своей стороны пообещало Кобаякава назначение на высокую должность Регента сроком на восемь лет, пока Тоётоми Хидэёри не достигнет 15-летнего возраста (Фу-таки, 2008).

Кобаякава Хидэаки

Стоя на возвышении, 18-летний Кобаякава Хидэаки смотрел на поле боя и думал, как ему поступить. Курода уже дважды отправлял к нему курьеров с напоминаниями, что пора действовать, но его главный советник Хираока каждый раз отвечал, что они примут решение в нужный момент. Около полудня сильно нервничавший и по давней привычке кусавший ногти Токугава отправил в распоряжение своего тайного союзника ещё одного гонца с запросом, намерен ли он выполнять своё обещание.

Долгая пауза разрешилась наконец приказом, и отряд Кобаякава, спустившись со склона горы, ударил во фланг своим. Согласно распространённой литературной версии, после полудня Токугава, потеряв терпение, приказал дать ружейный залп по позициям Кобаякава, и это якобы подтолкнуло его к действию. На что скептики резонно возражают, что разделявшие их расстояние и шум сражения ни при каких обстоятельствах не позволили бы старейшинам Кобаякава заметить этот залп и тем более определить, в каком направлении он был сделан. Более серьёзным аргументом, определившим решение молодого командира, выглядит несопоставимость масштабов личности двух полководцев, между которыми ему пришлось делать выбор: Токугава Иэясу

и Исида Мицунари находились в разных весовых категориях.

Неожиданный удар со стороны союзника принял на себя Отани Ёсицугу. Зная историю отношений племянника Хидэёси и Исида Мицунари, командование западной армии не исключало, что молодой командир может преподнести сюрприз — ходили слухи о том, что он через своих старейшин контактирует с Токугава. Накануне сражения Отани приезжал в ставку Кобаякава, чтобы ещё раз поговорить с соседом по диспозиции и убедиться в его надёжности. На призыв старшего товарища отбросить тайные помыслы и выполнить свой долг по отношению к наследнику молодой командир резко ответил, что если Отани сомневается в своих соратниках, то ему лучше вообще не выходить на поле боя, а сразу вернуться домой (*Микава гофудоки*).

Первыми под удар Кобаякава попали 600 стрелков-пехотинцев Отани, стоявших на его правом фланге. На помощь им пришли соседи — Тода Кацунари и Хирацука Тамэхиро, и у подножия Мацуо завязался ожесточённый бой. Решение Кобаякава ударить по своим оказалось неожиданностью для его подчинённых; один из его командиров, Мацуно Сигэмото, отказался выполнять приказ и ушёл со своими людьми с поля боя.

Атака Кобаякава смешала карты командирам среднего звена западной армии, стоявшим рядом с ним. Увидев, что крупный *даймё* ударил во фланг своим, его примеру последовали командовавшие соседними отрядами Вакидзака Ясухару, Куцуки Мотоцуна, Огава Сукэтада и Акадза Наоясу. Все они входили в состав соединения, которым командовал Отани Ёсицугу. Массовое предательство подчинённых решило судьбу этого военачальника — он покончил с собой на поле боя. Согласно легенде, перед смертью Отани назвал Кобаякава существом «с лицом человека и душой монстра» и проклял его, предсказав, что

*Предательство Кобаякава
и гибель Отани Ёсицугу (гравюра)*

земля не сможет носить его дольше трёх лет. Молодой командир действительно умер через два года после Сэкигахара, в 20-летнем возрасте, — видимо, это и стало поводом для красивой легенды⁵⁵. Вместе с Отани погибли и пришедшие ему на помощь Тода Кацунари и Хирацука Тамэхиро.

Увидев, что Кобаякава наконец решился и ударил по своим, Токугава издал победный клич и бросил в бой

⁵⁵ Причины ранней смерти Кобаякава точно неизвестны, что дало основания для появления множества версий, связанных с его предательством. Среди них исполнение проклятия Отани, депрессивное расстройство на почве угрызений совести, отравление и другие версии. По некоторым сведениям, Кобаякава с юных лет злоупотреблял алкоголем и устраивал драки с применением оружия. Японский историк Накамура Акихико ссылается на четыре не совпадающие по содержанию записи из местной хроники провинции Бидзэн, где умер Кобаякава. Все они описывают драку молодого *даймё* то ли с крестьянином, то ли с отшельником-монахом, то ли с одним из своих адъютантов, после которой он скончался от полученных травм (Накамура, 2000). По другим версиям, смерть наступила от болезни или алкогольного отравления.

30-тысячный резерв. Только в этот момент в сражение вступили лично преданные ему отряды «подзнамённых» (*хатамото*), остававшиеся до этого в резерве на случай измены кого-то из «командиров Хидэёси» или атаки с южного фланга. Таким образом, большая часть собственных сил Токугава вступила в бой на последнем его этапе. Из личных вассалов Токугава от начала до конца сражался лишь шеститысячный отряд под командованием Ии Наомаса и Мацудайра Тадаёси.

Атака свежих сил восточной армии смешала боевые порядки противника и превратила поле боя в кипящий котёл, в котором одни отчаянно дрались, ничего не видя вокруг, а другие искали пути к отступлению. Вслед за соединением Отани начали распадаться соседние части Укита и Кониси. Окружённый личной гвардией Укита Хидэиэ попробовал пробиться к Кобаякава с намерением его убить, но не сумел — его старейшина Акаси Такэнори бежал с поля боя, подорвав боевой дух соратников, и атака захлебнулась.

На участке Исида Мицунари равный бой продолжался уже несколько часов, но и здесь чаша весов начала скло-

Курода Нагамаса против Исида Мицунари (гравюра)

няться в пользу восточной армии. Увидев, что соседние отряды покидают поле боя, Исида последовал их примеру и укрылся в своём замке Саваяма, расположенном в двух километрах.

Необычную тактику в этом сражении избрал клан Симадзу с острова Кюсю. Как уже говорилось, глава клана весной 1599 года заключил союзный договор с Токугава и оказался в составе западной коалиции скорее в силу обстоятельств. Перед сражением на военном совете Симадзу было принято решение отказаться от координации действий с другими отрядами западной армии и вообще от продвижения вперёд. Люди Симадзу просто вступали в бой со всеми, кто оказывался на их участке, в том числе и с соседями по диспозиции. Руководство клана не ставило своей целью победу и разгром противника, ему было важно выполнить тактическую установку, принятую на военном совете. Поэтому даже измена Кобаякава и начавшаяся в западной армии сумятица не повлияли на его тактику — пехотинцы Симадзу продолжали методично рубиться со всеми подряд, своими и чужими. Когда в сражении наметился перелом и соседние отряды Кониси и Укита стали покидать поле боя, часть их бойцов оказалась на позициях Симадзу и была уничтожена. А многие из тех, кому удалось прорваться, утонули, переплывая в доспехах озеро Икэдзи. Верные воинской дисциплине, бойцы Симадзу продолжали биться даже после того, как на южном и северном флангах западной армии началось повальное бегство. На центральном же участке бой продолжался, и восточная армия начала окружать очаг сопротивления, отрезая пути к отступлению. Эпизод с прорывом Симадзу через это кольцо стал последним украшением битвы.

Командование Симадзу выбрало для отхода юго-восточный маршрут вдоль реки Фудзико, по направлению к Уэно. Собрав силы в кулак, его командиры начали пробиваться через ряды восточной армии. К ним присоеди-

лись соседние отряды, и вскоре путь к отступлению был расчищен.

В погоню за противником бросились Фукусима, Кобаякава, Ии, Мацудайра и Хонда. Своих от чужих отличали по сигнальным выпелам. Командовавший арьергардом племянник главы клана Симадзу Тоёхиса получил приказ развернуться и встречной атакой остановить преследователей. В местечке Удзудзака произошёл короткий кровопролитный бой, в котором погибли командир арьергарда и большая часть его бойцов. Восточная армия тоже понесла потери, но продолжила преследование. Поняв, что без большого боя уйти не удастся, командиры Симадзу возле Уэно развернули все наличные силы и встретили противника лицом к лицу. Старейшина дома Ата Мориацу обманул преследователей, обозначив знамёнами ложную ставку главнокомандующего, и принял удар на себя. Он погиб вместе с подчинёнными, но за это время глава клана Симадзу Ёсихиро с 80 гвардейцами сумел уйти дальше на юг, к границе провинции Исэ. С сотней всадников за ним бросились Ии Наомаса и Мацудайра Тадаёси, нагнали и вступили в бой. Получив тяжёлые ранения, оба командира выбыли из строя, и погоня прекратилась⁵⁶. С горсткой приближённых глава дома Симадзу наконец покинул поле боя и ушёл в провинцию Исэ. Время приближалось к четвёртым часам дня.

Объединёнными силами клана Мори на южном фланге командовал Киккава Хироэ, племянник Мори Тэрумото. Выполнив данное Токугава обещание, он за весь день так и не двинулся с места. Более того, стоя на передней линии, он приказал своим дозорным следить за командирами соседних частей, чтобы никто не обошёл его с фланга и не атаковал позиции Токугава. Его соседи Анкокудзи

⁵⁶ Через семь лет Мацудайра Тадаёси умер от последствий ранения, полученного в этом бою.

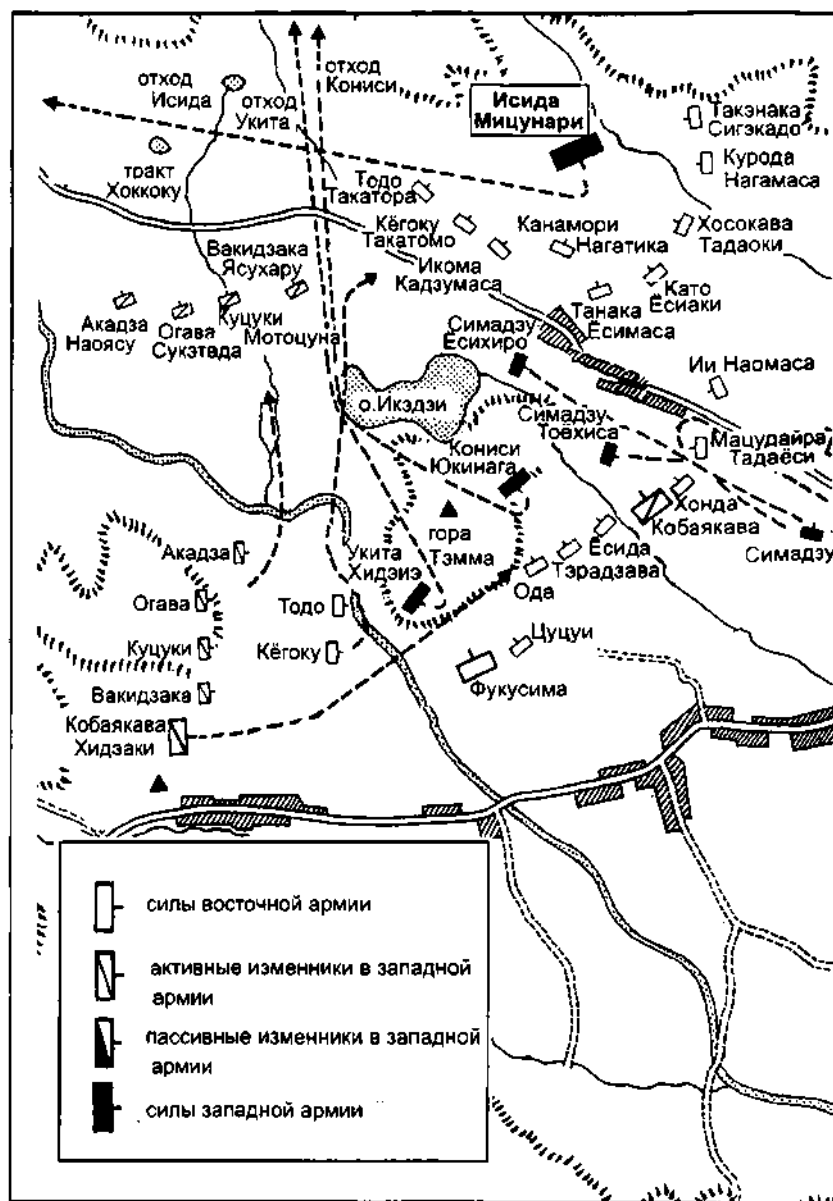
Экэй, Нагацука Масаиэ и Тёсокабэ Моритика оказались блокированными и тоже простояли весь день без дела. Увидев, что чаша весов склоняется в пользу восточной армии, Тёсокабэ и Нагацука ушли в провинцию Исэ, а Мори Хидэмото — в Оми.

Таким образом, если перед началом сражения численность западной и восточной армий была примерно одинаковой, то во второй половине дня этот баланс резко изменился: из 82 тысяч бойцов западной армии в бою участвовало не больше половины; около 20 тысяч человек перешли на сторону противника, увеличив его численность до 90–95 тысяч человек. Несмотря на опоздание 38-тысячной армии Хидэтада, благодаря предварительным договорённостям с командирами западной коалиции Токутава получил более чем двукратный перевес в живой силе. Ещё 30 тысяч человек из состава западной армии не участвовали в сражении, поскольку воевали со сторонниками Токутава в тылу. Это главные факторы победы восточной армии. Наибольший урон западной коалиции нанесли действия двух представителей клана Мори — Кобаякава Хидэаки и Киккава Хироиэ.

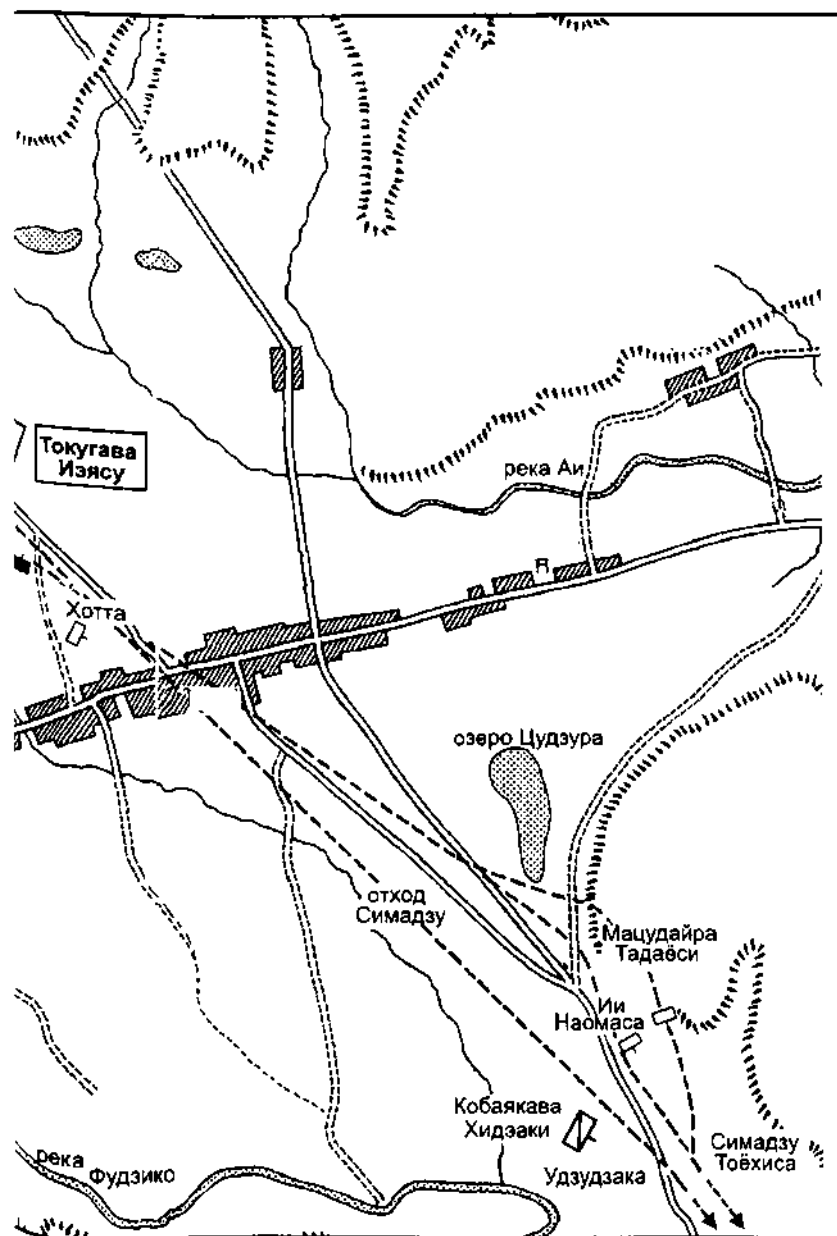
Точные цифры потерь на равнине Сэкигахара неизвестны, но принято считать, что западная армия потеряла четыре тысячи человек убитыми, а восточная — около двух тысяч. С учётом многочисленности обеих армий потери не кажутся слишком большими, но для однодневного сражения, длившегося всего шесть часов, это много. По свидетельствам современников, земля и трава на рав-

Киккава Хироиэ

Сэкигахара

Конец сражения

нине Сэкигахара окрасились в красный цвет, а небольшие речки в уезде Фува ещё долго были забиты телами погибших.

После поражения части западной армии рассеялись и бежали в соседние провинции, а командиры Токугава начали поиск их руководителей. Семнадцатого сентября был взят замок Саваяма, но Исида Мицунари успел из него бежать и через несколько дней был задержан в соседней деревне Фурухаси.

Плоды победы

Первую после победы неделю Токугава провёл в Оцу. Двадцатого сентября туда прибыл Хидэтада, чтобы объяснить с отцом по поводу опоздания, но Иэясу отказался с ним встречаться, сославшись на плохое самочувствие. Правда, через два дня по ходатайству старейшин всё же принял провинившегося сына. Находясь в Оцу, Токугава обдумывал способы возвращения в замок Осака, где под охраной Мори Тэрумото находился наследник. Сделать это можно было только мирным путём и в качестве победителя, а для этого надо было уговорить Мори покинуть город. Семнадцатого сентября Иэясу отправил ему письмо, в котором говорилось, что, пока он был в боевом походе, защищая интересы сына Хидэеси, против него поднялся мятеж и глава дома Мори, к сожалению, к нему присоединился. Однако с учётом того, что сам он в сражении не участвовал, а его родственники помогли восточной армии одержать победу, Токугава готов забыть опрометчивый шаг главы дома и не будет его преследовать, если он прекратит противостояние и мирно покинет город.

На переговоры в Осака отправились Курода, Фукусима, Асано, Икэда и другие «командиры Хидээси», воевавшие

на стороне Токугава. На переговорах с Тэрумото они делали упор на то, что главной причиной мятежа стало честолюбие Исида Мицунари, втянувшего в свои планы многих достойных людей, в том числе и главу дома Мори.

С другой стороны, к Тэрумото обращались западные командиры с предложением продолжить борьбу — мощные крепостные стены замка гарантировали надёжную защиту, да и Токугава не стал бы нападать на резиденцию наследника. К продолжению сопротивления призывал и Мори Хидэмото, оказавшийся не у дел на Сэкигахара из-за Киккава Хироиз. Его горячо поддержал Татибана Мунэсигэ, пропустивший сражение из-за боёв в Оцу и Кусацу. Симадзу Ёсихиса также горел желанием взять реванш за поражение.

Взвесив все «за» и «против», Мори Тэрумото принял окончательное решение и 24 сентября переехал из замка в свою городскую усадьбу, а затем покинул город и вернулся в провинцию Аки. По результатам последующего распределения земель принадлежавшие Тэрумото провинции Суо и Нагато были переданы его племяннику Киккава Хироиз в награду за содействие, а тот с молчаливого согласия Токугава вернул их главе дома. Получив дар, 47-летний Тэрумото ушёл в монастырь под буддийским именем Содзуй, таким же, как в своё время вышедший в отставку Ходзэ Соун.

Токугава вернулся в замок Осака через два дня после ухода Тэрумото. Он одержал ещё одну важную

Мори Тэрумото

Кониси Юкинага

победу, на этот раз дипломатическую. Главные его противники к тому времени уже были схвачены: 19 сентября — Кониси Юкинага, 22 сентября — Исида Мицунари, 23 сентября — Анкокудзи Экэй. После провоза по улицам Сакаи, Осака и Киото их казнили 1 октября в столичном квартале Рокудзё-кавахара. Принявший христианство Кониси по религиозным соображениям не смог совершить самоубийство и перед смертью истово молился. Вместе с ним был казнён и его единственный сын.

Ещё один лидер западной коалиции, бугё Нагацука Масаиэ (1562–1611), не сумевший выйти на поле боя из-за Киккава Хироиэ, вернулся в свой замок Мидзогути на острове Кюсю и занял оборону. На его захват был послан вооружённый отряд, и 3 октября во время штурма хозяин замка покончил жизнь самоубийством.

Бугё Маэда Гэнъи (1539–1602) в течение 1599 года входил в группу сторонников Исида Мицунари, но в то же время поддерживал переписку с Токугава и сообщал ему важную информацию. Весной 1600 года он перенёс инсульт, поэтому участия в сражении не принимал. Он сохранил за собой все владения и умер через два года по естественным причинам.

Ещё один бугё, Масита Нагамори (1545–1615), после поражения ушёл из Осака вместе с Мори Тэрумото и вернулся в свой замок. Впоследствии он был лишён земельных владе-

ний и сослан в провинцию Синано под надзор одного из вассалов Токугава, где жил до весны 1615 года. Во время летнего сражения в Осака его старший сын снова воевал против Токугава и потерпел поражение. После этого 70-летний Нагамори по приказу Токугава совершил *сэппуку*.

Маэда Гэнбү

Самый молодой из «великих старейшин» Укита Хидэиэ (1572–1655) после поражения нашёл убежище во владениях Симадзу на острове Кюсю. В 28 лет он принял постриг и ушёл в монастырь, но через два года покровительствовавший ему Симадзу Изхиса договорился с Токугава о восстановлении отношений и выдаче ему бывшего *тайро* при условии, что ему будет сохранена жизнь. Изясу выполнил обещание и отправил Укита сначала под домашний арест, а через четыре года — в пожизненную ссылку на остров Хатидзё в островной группе Идзу. Этот случай стал прецедентом — в последующую эпоху Токугава ссылка преступников на удалённые острова приняла системный характер.

Укита Хидэиэ

Укита Хидэиэ прожил на безлюдном острове 49 лет. Дружественный ему клан Маэда помогал бывшему *тайро* выжить, раз в два года отправляя про-

довольствие. Хидэиэ умер в 1655 году в возрасте 83 лет и незадолго до смерти говорил, что напоследок очень хотел бы поесть рисовой каши (*Хатидзё дзикки*). Несмотря на суровые условия, он пережил не только Токугава Иэясу, но и его сына Хидэтада и даже внука Измицу. В день его похорон страной уже четыре года правил Изцуна, четвёртый сёгун династии Токугава.

Вернувшись в Осака, Токугава Иэясу доложил Тоётони Хидэёри и его матери о победе над мятежниками и восстановлении законного порядка. Пятнадцатого октября в замке по этому поводу состоялась торжественная церемония. Ритуальная чашка *сакэ* была поднесена сначала матери наследника Ёдодоно, затем Токугава, но он отказался принять её раньше Хидэёри, показав, что считает себя его подданным. Однако Ёдодоно настояла на том, что ритуал исполняется правильно — Иэясу теперь опекает мальчика вместо отца, поэтому должен принять напиток первым.

Поселившись в Западной усадьбе, из которой ушёл в поход четыре месяца назад, Токугава вернулся к государственным делам. Следующие полгода он занимался урегулированием отношений с побеждёнными лидерами западной коалиции. В центре страны жизнь быстро вернулась в мирное русло, а противостояние с Уэсуги на востоке продолжалось до весны следующего года. Командиры Токугава не раз предлагали ему прекратить бессмысленное сопротивление, и в марте 1601 года он согласился. Через четыре месяца Уэсуги прибыл в столицу и подписал с Токугава мирное соглашение, по условиям которого он сохранил за собой четвёртую часть предыдущих владений и получил гарантию безопасности для себя и своих сторонников. Ни сам Кагэкацу, ни его старейшина Наоэ Канэцугу, год назад написавший Токугава провокационное письмо, не были наказаны. За три месяца до соглашения с Уэсуги таким же образом решился вопрос с Сатакэ

Ёсинобу — его доход был сокращён с 540 до 180 тысяч коку риса.

Ещё один крупный участник западной коалиции, Тёсокабэ Моритика, хотя и присутствовал на равнине Сэкигахара, но в сражении не участвовал. Токугава не имел с ним личных отношений, поэтому конфисковал все земли, и 25-летний глава дома был вынужден уйти в монастырь.

Рвавшийся в бой Татибана Мунэсигэ был разочарован решением Мори Тэрумото и после его похожего на бегство ухода из Осака вернулся в свой замок Янагава на острове Кюсю. Здесь он заключил военный союз с соседом Симадзу Ёсихиса, укрепил подступы к замку и приготовился защищаться. В конце сентября Токугава отправил против него отряды Курода Нагамаса, Набэсима Наосигэ и Като Киёмаса. С середины до конца октября 1600 года в окрестностях Янагава шли бои, но затем стало ясно, что союзник Симадзу опаздывает с отправкой подкрепления, а своими силами замок не удержать, и стороны приступили к переговорам. Посланные Токугава командиры воевали вместе с Татибана на Корейском полуострове, а Като Киёмаса три года назад вместе с ним защищал Ульсан и во время личной встречи убедил боевого соратника сложить оружие. Через три дня после капитуляции в Янагава подошло обещанное подкрепление от Симадзу, но было уже поздно. За участие в западной коалиции 33-летний Татибана был лишён земельных владений и отсидел срок под домашним арестом, а затем освобожден и стал *ро-нином*. Като Киёмаса и Мазда Тосинага звали его к себе на службу, но он отказался. После четырёх лет скитаний он оказался в Эдо и по протекции одного из старейшин Токугава был принят на службу начальником охраны Токугава Хидэтада с доходом в пять тысяч коку риса. Хорошая репутация и личные качества помогли Татибана вернуться в воинскую элиту — через шесть лет его годо-

вой доход составлял уже 35 тысяч коку риса, а в 1620 году ему были возвращены прежние владения на острове Кюсю и доход в 110 тысяч коку. Из всех воевавших против Токугава командиров западной коалиции он единственный, кто сумел вернуть себе прежний статус.

Дольше всего решался вопрос с кланом Симадзу. Вернувшись домой, его глава Ёсихиро снял с себя доспехи и ушёл в монастырь, передав пост сыну Иэхиса. Молодой преемник сообщил Токугава, что хочет прекратить конфронтацию и готов признать его власть. Однако на требование Иэясу прибыть в Осака и оформить отношения не ответил, а вместо этого заключил военный союз со соседом Татибана и занялся военными приготовлениями. В конце сентября Токугава издал приказ о походе против Симадзу, но из-за занятости отложил его, а через два месяца и вовсе отменил, решив уладить дело миром. Во время боевых действий против Татибана этот приказ ещё оставался в силе, поэтому отправка соседу подкрепления затянула конфликт. Прошло ещё полтора года, прежде чем стороны договорились об условиях примирения: признании вассалитета в обмен на две провинции (Сацума и Осуми) и один уезд в провинции Хюга. В декабре 1602 года Иэхиса прибыл в столицу и подписал соглашение. Примирение с Симадзу позволило Токугава заняться нормализацией отношений с Кореей и островами Рюкю, без чего невозможно было восстановить подорванную войной внешнюю торговлю.

Победа Токугава на равнине Сэкигахара по административно-экономическим последствиям стала самым крупным событием в жизни правящего сословия за последние 400 лет. Перекроив карту земельных владений в масштабе всей страны, Иэясу кардинально изменил соотношение сил в военно-политической элите и обеспечил себе доминирующие позиции в борьбе за власть.

В результате последующего перераспределения земель участники западной коалиции лишились большей части

своих владений. Под контроль Токугава перешли все земли Исида Мицунари (190 тысяч коку риса), Укита Хидэиэ (570 тысяч), Кониси Юкинага (200 тысяч), Тёсокабэ Моритика (220 тысяч) и многих других военачальников. Частичной или полной конфискацией владений были наказаны 93 участ-

Симадзу Ёсихиро

ника западной коалиции. Среди первых наибольшие потери понесли Мори Тэрумото (1 млн 200 тысяч коку), Уэсуги Кагэацу (1 млн 200 тысяч) и Сатакэ Ёсинобу (540 тысяч). Под контроль Токугава перешли земельные угодья с общим доходом в 6 млн 320 тысяч коку риса (9,48 млн центнеров). Согласно переписям земель, проведённым при Хидэёси, ежегодный урожай в среднем составлял 18 миллионов коку риса (27 млн центнеров). Это значит, что после Сэкигахара Токугава перераспределил в свою пользу более трети всего рисового дохода страны.

Хозяевами новых земель стали командиры восточной армии, внесшие наибольший вклад в победу; 80% всех приобретений

Симадзу Иэхиса

Фукусима Масанори

(20 провинций с совокупным доходом в 5 млн 200 тысяч коку) досталось «командирам Хидэёси». На общем собрании, состоявшемся сразу после победы, Токугава особо выделил заслуги Курода Нагамаса — без его договорённостей с командирами западной армии результат сражения мог быть другим. И награждён он был соответственно — увеличением дохода сразу на 343 тысячи коку риса. Следующими

в почётном списке значились Икэда Тэрумаса и Фукусима Масанори, от начала до конца участвовавшие в главном сражении. Фукусима, в надёжности которого Токугава сомневался до последней минуты, стал третьим по размеру вознаграждения, а 18-летний Кобаякава Хидэаки увеличил своё и без того немалое состояние в полтора раза.

Такое распределение наград между «сторонними» союзниками Токугава (впоследствии *тодзама даймё*) и его личными вассалами (*фудай даймё*)⁵⁷ оставило у последних горьковатый привкус и оказало большое влияние на последующую политику сёгунов Токугава, вынужденных учитывать, что треть страны находится в руках не самых надёжных союзников. Необходимость постоянного контроля за провинциальными *даймё* и опасение заговоров с их стороны сформировали главные особенности системы *бакухан тайсэй* (правительство в центре и воинские кланы на местах). Её отличительными чертами стали: 1) система

⁵⁷ Слово *фудай* (буквально «несколько поколений») использовалось для обозначения потомственных вассалов (*фудай но син*).

попеременной службы провинциальных *даймё* в столице;
 2) постоянное нахождение в заложниках членов их семей;
 3) конфискации земель и переназначения. Без этих мер контроля сёгунат Токугава не мог чувствовать себя в полной безопасности. Эта система управления, во многом опиравшаяся на традиции и представления предыдущей эпохи, начала складываться сразу после Сэкигахара и оказалась на удивление прочной.

Главные бенефициары военной победы Токугава

<i>Тодзама даймё</i>	Годовой доход после Сэкигахара (в коку риса)	<i>Фудай даймё</i>	Годовой доход после Сэкигахара (в коку риса)
Маэда Тосинага	1 195 000	Юки Хидэясу (второй сын Токугава Иэясу)	670 000
Датэ Масамунэ	600 000	Мацудайра Тадаёси (четвёртый сын Токугава Иэясу)	520 000
Гамо Хидэюки	600 000	Ии Наомаса	180 000
Могами Ёсимицу	570 000	Такэда Нобуёси	150 000
Курода Нагамаса	523 000	Сатоми Ёсиясу	120 000
Икэда Тэрумаса	520 000	Окудайра Нобумаса	100 000
Като Киёмаса	515 000	Окудайра Изэаса	100 000
Кобаякава Хидэаки	510 000	Тории Тадамаса	100 000

Окончание таблицы

<i>Тодзама даймё</i>	<i>Годовой доход после Сэкигахара (в коку риса)</i>	<i>Фудай даймё</i>	<i>Годовой доход после Сэкигахара (в коку риса)</i>
Фукусима Масанори	498 000	Хираива Тикаёси	63 000
Хосокава Тадаоки	399 000	Мацудайра Тадамаса	60 000
Асано Юкинага	376 000		
Танака Ёсимаса	325 000		
Хорио Тадаудзи	240 000		
Ямаути Кадзутёё	202 000		
Тодо Такатора	200 000		
Като Ёсиаки	200 000		
Накамура Кадзутада	175 000		
Икома Кадзумаса	171 000		
Тэрадзава Хиротака	123 000		
Кёгоку Такатомо	123 000		

Источник: Ода Акинобу. Онъэйроку, хайдзэцуроку = Записи о наградах и конфискациях / Фудзино Тамоцу. Кондо сюппан, 1970.

Значительно расширил свои земли и Токугава Иэясу. К прежним владениям в районе Канто он добавил принадлежавшие ему до 1590 года провинции Каи, Микава, Тотоми, Суруга и Синано, а также отдельные уезды и волости в провинциях Этидзэн, Этиго, Кавати, Тамба, Биттю

и др. География владений обеспечивала ему безопасное передвижение по всей стране и позволяла держать её под контролем. Совокупный доход Изясу возрос с 2,5 до 4 млн коку риса, что сделало его самым богатым землевладельцем за всю историю страны. Важнейшие торговые и ремесленные центры (Киото, Осака, Нара, Амагасаки, Оцу, Сакаи, Нагасаки), морские и речные порты, рудники и самые богатые земли перешли под его контроль; туда были назначены распорядители из числа надёжных вассалов. В 1603 году наместником Нагасаки, крупнейшего на тот момент торгового порта страны, стал Огасавара Итиан. Через него Изясу взял под личный контроль всю внешнюю торговлю и приносимые ею доходы. В 1604 году было создано Управление по импорту китайского шёлка-сырца (*Итованну*), получившее монопольное право на его закупку у португальцев. Главные рудники, где добывались драгоценные металлы (Ивами-омори, Тадзима-икуно, Идзу, Хитати, остров Садо и др.) также управлялись назначенцами Токугава. Особого внимания требовали два главных города страны, Киото и Осака. Их наместникам был поручен контроль за императорским двором, аристократией и западными *даймё*.

При Хидэёси в стране было 214 *даймё* с годовым доходом более 10 тысяч коку риса; в 1600 году 87 из них вошли в состав западной коалиции. После поражения 81 её участник лишился жизни или имущества, и только шесть *даймё* в той или иной степени сохранили источники дохода. Полностью избежать наказания удалось лишь двум западным кланам — Симадзу и Набэсима.

После Сэкигахара появились 190 новых *даймё* с доходом от 10 тысяч коку риса; примерно половину составляли родственники и боевые соратники Токугава, а две трети из оставшейся половины — его потомственные вассалы и союзники (*фудай даймё*). Таким образом, самые удалённые от Токугава военачальники (*тодзама даймё*) составляли примерно шестую часть всей воинской элиты.

Двоевластие

После военной победы над западной коалицией 57-летний Иэясу задумался о наследнике. Из одиннадцати сыновей, рождённых ему женой и наложницами, в живых к тому времени оставалось семеро, но реально выбирать приходилось из двух старших, 26-летнего Хидэясу и 21-летнего Хидэтада. По старшинству первым шёл решительный и властный по характеру Хидэясу, но он воспитывался в чужих семьях и был слабо связан с родным домом. В 10-летнем возрасте он был отправлен заложником к Тоётоми Хидэёси и жил у него до 16 лет. В столице он прошёл обряд совершеннолетия и в знак вассальной верности взял из его имени первый иероглиф *хидэ*. В 12 лет он получил боевое крещение во время покорения Кюсю и показал себя смелым и отважным бойцом. Хидэёси к нему хорошо относился: в 1588 году разрешил взять фамилию Тоётоми и даже включил в число претендентов на пост преемника. Однако рождение в следующем году родного сына Цурумаки резко изменило ситуацию, и Хидэёси вместе с другими приёмными воспитанниками был удалён из столицы. Вернувшись в район Канто, он женился на дочери местного *даймё* Юки Харутомо с доходом 100 тысяч коку риса, но с отцом так и не сблизился. Более того, взял себе фамилию новой семьи и изменил имя на Хидэтомо, в котором уже ничто не указывало на связь с Иэясу. Под фамилией Юки он и вошёл в историю.

После Сэкигахара отец более чем достойно наградил старшего сына, увеличив его доход со 100 до 670 тысяч коку, но это была скорее дань традиции. Судя по сохранившимся отрывочным сведениям, из всех сыновей наибольшую антипатию у Иэясу вызывали второй сын Хидэясу и шестой Тадатэру. Скорее всего причины заключались в личных отношениях. Известно, что Хидэясу был рождён служанкой его жены по имени Оман, причём вместе

с братом-близнецом, что по тем временам считалось делом позорным и грязным. В Японии с незапамятных времён бытовало представление, что только животные могут производить на свет многочисленное потомство, а люди должны рождаться по одному. Появление на свет тройни рассматривалось как полная катастрофа, а близнецы — хоть и чуть лучше, но тоже плохо. В простых семьях одного из близнецов обычно убивали, но детям Иэясу повезло: брата Хидэясу отдали на воспитание в храм, а его самого с матерью отправили подальше с глаз долой. Первые три года Иэясу вообще не хотел видеть сына и сделал это лишь по настоянию старшего Нобуясу, а увидев, посчитал его уродцем и назвал «рыбьей мордой».

В отличие от независимого и самостоятельного Хидэясу, третий сын Хидэтада, рождённый другой наложницей, рос в родной семье и испытывал к отцу глубочайшее почтение. Он не имел особых воинских заслуг и уступал старшему брату в решительности и боевитости, а катастрофическое опоздание к решающему сражению 15 сентября 1600 года вообще поставило под вопрос его будущее. Но зато он был дисциплинирован, исполнительен и предсказуем, уважал старших и следовал их советам. Женившись по воле отца на женщине с сильным характером и на шесть лет старше себя, он хорошо с ней ладил и был вполне счастлив в семейной жизни. То, что его жена Го приходилась родной сестрой матери Хидэёри, также имело значение для отношений между семьями Тоётоми и Токугава.

В семейной хронике говорится о том, что вскоре после Сэкигахара Иэясу собрал совещание и попросил главных советников высказаться по поводу двух старших сыновей. Как обычно, мнения разошлись. Хонда Масанобу (1538–1616) предложил не нарушать традицию и назначить главой дома старшего Хидэясу, сославшись на его личную храбрость и воинский авторитет. Окубо Тадатика

*Оаи, мать второго сёгуна
Хидэтада*

(1553–1628) высказался в пользу Хидэтада, аргументировав это тем, что воинская доблесть нужна для завоевания власти, а для её удержания важнее другие качества. Выслушав разные мнения, Токугава не сказал ничего определённого, а через несколько дней объявил преемником Хидэтада

(Токугава дзикки). Для Хидэясу это стало большим разочарованием, но вскоре выяснилось, что отец сделал правильный выбор — в то время его второй сын уже был тяжело болен сифилисом и на официальных мероприятиях прикрывал повязкой провалившийся нос. Он умер от этой болезни в 1607 году в возрасте 33 лет. Иэясу так и не решил ему взять фамилию Токугава, хотя к тому времени Хидэясу стал крупной фигурой в системе его власти и отвечал за охрану столичного замка Фусими.

Забегая вперёд, скажем, что в оценках личности Токугава Хидэтада, через пять лет ставшего сёгуном, чаще всего встречается слово «посредственность». Он занимал высший воинский пост с 1605 по 1624 год и известен тем, что всегда поступал просто, предсказуемо и надёжно, следуя своей главной заповеди — «сохранить завоевания отца». И ему это вполне удалось. Возможно, это был тот самый случай, когдаординарность лучше незаурядности.

Военная победа над западной коалицией упрочила положение Токугава, но не изменила его статуса по отношению к Тоётоми Хидэёри — он по-прежнему оставался его вассалом в ранге управляющего старейшины и соблюдал положенный ритуал, ежегодно приезжая в замок Осака с новогодними поздравлениями. Так же поступали и все остальные *даймё*. Сам Токугава получал от них поздравления во вторую очередь. Вся воинская элита была уверена, что к совершеннолетию Хидэёри будет занимать при дворе должность не ниже Регента и по формальным регалиям обойдёт своего главного опекуна. До 1603 года Токугава вёл себя по отношению к наследнику как образцовый вассал и не давал оснований подозревать себя в чём-либо. Осенью 1600 года он организовал назначение на должность Регента потомственного аристократа Кудзё Канэтака (1553–1636), однако это вовсе не означало, что сын Хидэёси не мог занять её в будущем.

Императорский дом в феврале 1602 года известил Токугава о намерении назначить девятилетнего Хидэёри на эту должность, однако Иэясу убедил императора, что делать этого пока не следует. В конце 1602 года по столице начали ходить слухи, что в скором времени сын Хидэёси станет Регентом, а сын Токугава — сёгуном. Однако вскоре заговорили о том, что сёгуном станет не сын Иэясу, а он сам (Фудзии, 2011). И действительно, 21 января 1603 года императорский посланник доставил в замок Фусими уведомление о присвоении Токугава Иэясу неполного первого ранга и скором назначении его на высший воинский пост. Из чего следует, что соответствующий запрос императору был сделан ещё раньше, в конце 1602 или самом начале 1603 года.

В отличие от Тоётоми Хидэёси, пришедшего к власти через сотрудничество с императорским домом и с исполь-

зованием его авторитета, Токугава Иэясу шёл другим путём. В самурайской культуре того времени центральное место занимало освящённое летописцами противостояние воинских династий Тайра и Минамото. Под влиянием религии *синто* с её культом предков оно стало неотъемлемым элементом жизненной философии любого претендента на высшую власть. Как известно, первое военное правительство было учреждено домом Тайра, его сменил сёгунат Минамото; позднее власть перешла к дому Ходзё, боковой ветви Тайра, а ему на смену пришли сёгуны Асикага, потомки Минамото. Правили эти кланы тоже по-разному: Тайра всегда из столицы через придворных министров, а Минамото — из удалённой полевой ставки в Камакура и самостоятельно. Минамото считали пост сёгуна обязательным атрибутом власти, а Тайра к нему не стремились.

Борьба двух династий и их чередование на вершине властной пирамиды оказали большое влияние и на современников Токугава: Ода Нобунага называл себя потомком Тайра и придавал контролю над столицей большое значение. Тоётоми Хидэёси тоже к этому стремился: пытался стать приёмным сыном последнего сёгуна Асикага Ёсиаки и за счёт этого хотя бы отдалённо породниться с династией Минамото, но не преуспел и получил власть другим путём. Теперь, когда настал черёд Токугава, он не сомневался, что править надо в стиле Минамото Ёритомо — из своей собственной, удалённой от столицы резиденции и без участия императора и его министров. Приверженность этой модели он продемонстрировал ещё в 1566 году, когда сменил фамилию Мацудайра на Токугава, позволявшую называть себя потомком домов Сэрада и Нитта, дальних родственников Минамото. Этим он отличался от Хидэёси, который на пути к власти получил придворную должность Регента (*кампаку*) и аристократическую фамилию Тоётоми.

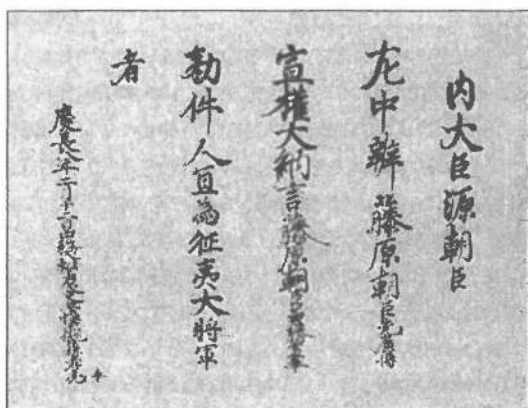
Двенадцатого февраля 1603 года Токугава получил императорский указ о присвоении ему высшего воинского звания *сэйи тайсёгун* и назначении на должность Правого министра двора. Одновременно с этим ему были пожалованы три символических, но очень почётных титула, которыми с XII века владели сёгуны династии Минамото⁵⁸.

Став сёгуном, Токугава перестал быть вассалом Тоётоми Хидэёри и прекратил верноподданнические визиты в замок Осака, а затем запретил их и всем остальным *даймё*. На долю наследника остались новогодние поздравления от императорского дома и высших аристократов. Но и здесь было введено новое правило: перед посещением замка они должны были встретиться с осакским наместником Токугава и согласовать с ним визит.

Учреждение сёгуната Токугава стало крупнейшим событием в жизни воинской элиты. Оно не вызвало с её стороны сопротивления. Отчасти из-за личного авторитета Иэясу и реальных полномочий, делавших его естественным претендентом на высшее звание, отчасти из-за ситуации с воинской формой правления. С 1573 года страна жила без сёгуна и его «полевой ставки», что на фоне четырёхсотлетней истории сёгуната выглядело как отклонение от нормы. Возврат к привычной форме воинского правления позволял Токугава объявить курс на восстановление утраченных ценностей и отодвигал фактор личных амбиций на второй план. Как и многие другие его шаги, этот тоже выглядел вполне логичным, своевременным и направленным на общее благо.

Возвышение Токугава усилило слухи, что следующим указом император уравнивает ситуацию, назначив Хидэёри на должность Регента. Эти ожидания опирались

⁵⁸ *Гэндзи тёдзэ* (Основатель клана Гэндзи), *Дзюннаин бэтто* (Управляющий дворцом императора Дзюнна) и *Сёгакуин бэтто* (пост министра образования в эпоху Нара).

*Императорский указ
о назначении Токугава Иэясу сёгуну*

на политику императорского дома, в последние три года повышавшего придворный статус Иэясу и Хидэёри параллельно и с одинаковой скоростью. Идя навстречу общественным настроениям, Токугава одним из первых решений на новом посту передал Хидэёри свою должность Внутреннего министра и объявил о его помолвке со своей внучкой Сэнхимэ, дочерью Хидэтада. В том, что этот брак будет принят с обеих сторон, не приходилось сомневаться: Ёдодоно, мать Хидэёри, и Го, мать Сэнхимэ, были родными сёстрами. Судя по всему, в то время Токугава ещё планировал создать общую с Тоётоми династию. Двадцать восьмого июля 1603 года в замке Осака состоялась церемония, на которой десятилетний Хидэёри и его шестилетняя двоюродная сестра Сэнхимэ были объявлены мужем и женой. Сын, который мог родиться в этом браке, стал бы абсолютно легитимным наследником, и через поколение вопрос о том, кому передавать власть, решался бы естественным образом. Этой помолвкой семьи Тоётоми и Токугава «объединили бренды» и породнились, продемонстрировав всей стране, что между ними нет соперничества.

Через восемь лет Иэясу сделал ещё один шаг в этом направлении, договорившись о помолвке другой своей внучки, четырёхлетней Масако⁵⁹, с недавно вступившим на престол 15-летним императором Гомидзуноо. В связанном кровными узами треугольнике Тоётоми — Токугава — императорский дом потомки

Сёгун Токугава Иэясу

Иэясу через поколение оказывались в наиболее выгодном положении, так как состояли в родстве с обеими вершинами правящего треугольника. Реализации этого плана помешали события 1614–1615 годов, но он не был забыт, а лишь отложен. В 1620 году 13-летняя Масако всё-таки стала женой императора и через четыре года родила дочь, впоследствии ставшую императрицей Мэйсё (1624–1696), первой женщиной на японском троне за последние восемь с половиной веков.

Учредив новый сёгунат, Токугава получил право отдавать воинской элите любые распоряжения, в том числе и объявлять трудовые мобилизации (*тэнка фусин*). Трудовая повинность пришла на смену воинской ещё при Хидэёси, он же определил её расчётные нормы. Перечень объектов, на которые привлекалась рабочая сила, при Токугава значительно расширился: *даймё* обеспечивали строительство сооружений в интересах не только самого сёгуна, но и его родственников и ближайшего окружения, а также крупнейших храмов и столичной аристократии. Первую трудовую мобилизацию Токугава объявил

⁵⁹ В некоторых источниках встречается под именем Кадзуко.

сразу после учреждения сёгуната, летом 1603 года. Тогда 70 крупнейших *даймё* получили приказ выделить людей на городское строительство в Эдо. В следующем году такая же мобилизация была объявлена в семи центральных провинциях; их владельцы отправили тысячи рабочих рук на реконструкцию замка Хиконэ в провинции Оми, которым владел Ии Наомаса.

В августе 1604 года 29 западным *тодзама даймё* был разослан указ о выделении транспорта и работников для капитальной перестройки замка Эдо. Весной следующего года их грузчики и каменотёсы приступили к работе в каменных карьерах полуострова Идзу. Более тысячи каменщиков вырезали из горной породы кубы, а рабочие грузили их на суда и доставляли к замку. С каждых 100 тысяч *коку* риса годового дохода требовалось поставить на строительство 1120 каменных глыб, размер и вес которых определялся количеством рабочих рук, необходимых для их перевозки. Стандартным считался камень,

для перемещения которого требовалось 100 человек.

Даймё с годовым доходом в 200 тысяч *коку* риса должен был обеспечить поставку 2240 таких камней, обладатель 300 тысяч *коку* — 3360 камней и так далее. Подготовительные работы и подвоз материалов продолжались более полутора лет, до марта 1606 года. Каменные блоки доставлялись в Эдо на трёх тысячах судов, каждое из которых могло взять на борт не более

Сёгун в одежде простого горожанина (1605 год)

двух единиц. Стандартным считался рабочий график, при котором судно за месяц выполняло две ходки к карьере и обратно. Из привезённых материалов к сентябрю были возведены стены и построены фундаменты для Главной, Второй и Третьей усадеб замка Эдо, предназначенных для сёгуна и его ближайших родственников.

Тогда же начались работы по отсыпке береговой линии. Срыв верхнюю часть холмов в районе современных Отяномидзу и Суругатай, землекопы перевезли тонны земли и высыпали её на берегу залива. За счёт этого площадь города увеличилась почти на четыре гектара, а замок Эдо отодвинулся от моря.

Землетрясения, пожары и тайфуны регулярно уничтожали результаты труда тысяч строителей, поэтому с 1603 по 1615 год в стране было проведено несколько всеобщих и множество местных трудовых мобилизаций. Самые большие ресурсы направлялись в Эдо, где работало правительство, в Сумпу, куда переехал жить Иэясу, и в Нагоя, в замок Токугава Ёсинао, одного из его младших сыновей. Повинность распределялась неравномерно — наибольшую нагрузку несли бывшие участники западной коалиции.

Принадлежавшие Тоётоми Хидэёри провинции Сэццу, Кавати и Идзуми от трудовой повинности были освобождены, но и на его нужды трудовые ресурсы не направлялись. Верные сыну Хидэёси западные *даймё*, несмотря на запрет, по-прежнему приезжали в замок Осака с ритуальными визитами и посещали поминальный храм Тоёкуни, где в память о правителе каждый год совершались богослужения.

В августе 1604 года по случаю шестой годовщины со дня смерти Хидэёси в столице с большим размахом прошли поминальные мероприятия с участием членов императорского дома, высшей аристократии и верных его памяти *даймё*. Чайные церемонии, театральные представления

и поэтические конкурсы завершил конный парад из двухсот всадников, которых прислали в столицу Като Киёмаса, Фукусима Масанори, Хосокава Тадаоки, Асано Ёсинага и другие крупные военачальники. Мероприятия показали, что память о Хидэёси жива, и придали уверенности опекунам его сына. В лагере Токугава они, наоборот, усилили озабоченность и подтолкнули сёгуна к следующему шагу.

Девятнадцатого февраля 1605 года Иэясу неожиданно для многих прибыл в столицу и поселился в замке Фусими, а в начале марта со стотысячным войском в город вошёл его сын Хидэтада. Оживлённо обсуждая это событие, столичные жители отмечали его сходство с походом на столицу, который в 1190 году предпринял Минамото Ёритомо. Поднявшийся ажиотаж устраивал Токугава, поскольку он появился в столице для того, чтобы передать власть по наследству своему сыну, а такое событие должно было иметь общественный резонанс. В том же месяце сёгун, сославшись на свой преклонный возраст, обратился к императору с просьбой утвердить его отставку и передать высший воинский пост сыну. Прощение было удовлетворено, и 16 апреля 1605 года Токугава Хидэтада был провозглашён сёгуном. Как и два года назад, торжественная церемония прошла в замке Фусими и благодаря стотысячному войску без эксцессов.

Однако атмосфера, сопровождавшая второе за два года назначение на высший воинский пост, была совсем иной. И сторонники, и противники Токугава восприняли передачу власти по наследству одинаково — как заявку на создание династии. Если раньше многие полагали, что Иэясу занял высший воинский пост лишь для того, чтобы оформить свой фактический статус, и это не мешает ему со временем передать власть сыну Хидэёси, то теперь в этом появились большие сомнения. Назначение Хидэтада уравнило династии Тоётоми и Токугава: обе имели по два представителя на вершине власти. Теперь

в случае болезни или смерти 62-летнего Иэясу в Эдо оставался законно назначенный императором сёгун с таким же законным правительством. Во время церемонии в замке Фусими было объявлено, что властные полномочия нового сёгуна и его правительства необходимы для поддержания мира и порядка в стране, чего требовал и к чему стремился в своё время Тоётоми Хидэёси. И следовательно, означали верность его заветам и его наследнику. Вопрос о том, что в новой системе власти Токугава уже нет места для Тоётоми Хидэёри, остался на заднем плане, но все это поняли.

Стало ясно, что помолвка Хидэёри с внучкой Иэясу, повышение его придворного статуса и другие жесты доброй воли со стороны Токугава — не более чем декорация в долгосрочной стратегии, рассчитанной на усиление собственной власти. И даже тот факт, что сразу после выхода в отставку Иэясу уступил Хидэёри свою должность Правого министра, уже никого не мог ввести в заблуждение.

Манёвр Токугава вызвал в лагере Тоётоми Хидэёри взрыв гнева и отчаяния. Поздравлений по поводу назначения оттуда не последовало, и это свидетельствовало о том, что напряжённость в отношениях между соправителями резко возросла. Иэясу через вдову Хидэёси обратился к матери наследника с просьбой соблюсти внешние приличия и поздравить Хидэёри с назначением, но Ёдодоно ответила, что она и её сын скорее покончат с собой, чем делают это. На фоне возросшей напряжённости в столичном районе стали распространяться слухи о предстоящей войне между двумя семьями. Демонстративный отказ от поздравления действительно мог привести к вооружённому столкновению, но Токугава не стал обострять ситуацию. Более того, он попросил разрешения приехать в замок, чтобы поздравить Хидэёри с назначением на должность Правого министра, однако мать наследника и в этом ему отказала. Его осакскому наместнику удалось уговорить

её лишь на то, чтобы принять с поздравлениями от имени Иэясу его 13-летнего сына Тадатэру. Такие уколы по самолюбию могущественного правителя — единственное, что могли себе позволить опекуны наследника. Сын Токугава посетил замок Осака 10 мая 1605 года и частично сгладил впечатление, что между семьями Токугава и Тоётоми произошёл глубокий раскол.

Подарив Хидэтада 85 тысяч *рё* золотом по случаю назначения, Иэясу формально вышел в отставку и взял себе не использовавшийся ранее титул *огосё*. В эпоху Камакура так называли усадьбу, в которой жил отец сёгуна. В выборе титула проявились одновременно и приверженность Иэясу воинской традиции, и новаторство, необходимое любому претенденту на власть. Уважение к традиции заключалось в возвращении к жизни термина времён Минамото Ёритомо, а новаторство — в наполнении старинного титула новым содержанием. Реальную власть он никому уступать не собирался, даже сыну — всё решения по-прежнему принимал сам и говорил Хидэтада, что делать в той или иной ситуации. Поэтому его новое звание *огосё* в устах современников быстро стало синонимом слова «правитель».

Токугава Хидэтада

После назначения Хидэтада вернулся в Эдо, а Иэясу ещё полгода жил в Фусими — оставлять столицу сразу после такого резонансного события было опасно. Да и вообще в ней теперь следовало бывать чаще. Поэтому, встретив следующий 1606 год в замке Эдо, он в середине марта вновь выехал в Киото и пробыл в городе

до сентября. Таким образом, в первые два года он половину времени проводил в столице, присматривая за императором и верными Хидэёси западными *даймё*.

Хроника *Коро сёдан* («Беседы старцев») приводит высказывание Токугава Иэясу о том, как он понимал своё положение в этом мире: «Судьба человека неопределённа и переменчива. Кажется, только поймал удачу — и вот уж нет её; потерял — а она снова тебе улыбается. И в стране так же: сегодня мир и спокойствие, а завтра — мятеж и буря. Власть сёгуна опирается на силу и многого не знает. То он на грани гибели, то сам убивает всех подряд, вплоть до невинных младенцев...» (Футаки, 2008). Трудно сказать, думал ли он так всегда, но в 1605–1607 годах, вероятнее всего, да.

Убедившись, что заявка на создание династии не привела к взрыву и воинская элита постепенно привыкает к новому положению дел, он решил поселиться отдельно от сына и его правительства. Жизнь в столице никогда его не привлекала, а замок Эдо перешёл к сыну, поэтому для постоянного проживания он выбрал город Сумпу в провинции Суруга, бывшую столицу Имагава. В то время это был один из крупнейших городов в центральной части Хонсю с населением более 100 тысяч человек. Иэясу в детстве провёл в нём 11 лет и хорошо его знал; кроме того, Сумпу удобно располагался между Эдо и Осака, в местности с умеренным климатом и прекрасными охотничьими угодьями. Главным замком в тот момент владел один из вассалов Токугава по имени Найто Нобунари (1545–1612). Ему было предложено переехать в Нагахаму на берегу озера Бива с сохранением прежнего дохода и доплатой в 5 тысяч *каммон* серебром на обустройство.

Переезд в Сумпу состоялся в середине марта 1607 года, когда там ещё шли строительные работы. За пять месяцев были заново отстроены Центральная пагода, Главная усадьба, Вторая усадьба и другие сооружения, обязатель-

ные для любого крупного замка. В конце марта того же года из Фусими в Сумпу начали перевозить деньги и ценности Токугава: золото, серебро, шёлк, парчу, антиквариат и т. д. Согласно хронике *Тодайки*, 25 марта из столицы вышел караван из 150 вьючных лошадей, 2 апреля — ещё 550 лошадей и 19 апреля — 80 лошадей (Фудзии, 2011). Если предположить, что каждое из 780 животных несло на себе груз в 50 килограммов (средний вес одного всадника), то они перевезли в общей сложности 39 тонн ценностей. Вскоре часть этих средств (30 тысяч *рё* золотом и 12 тысяч *каммон* серебром) Иэясу передал Хидэтада на правительственные расходы и закупку продовольствия на случай массового голода (Китадзима, 1963).

Рачительный и бережливый хозяин, Токугава продолжал накапливать богатства и в дальнейшем. К доставленным из Фусими ценностям прибавились медные монеты, благовония, корни женьшеня, мёд, органика для приготовления лекарств, виноградные вина, сахар и другие редкие по тем временам продукты. В 1616 году в кладовых Сумпу хранилось 175 огромных сундуков с ценностями, в каждом из которых содержалось до 200 наименований. Один только чайный антиквариат насчитывал 20 тысяч единиц.

Так на востоке страны появились два центра власти — Эдо и Сумпу. Все главные вопросы решались там, поэтому необходимость ездить в столицу отпала. Следующие четыре года (с 1607-го по 1611-й) Токугава в ней ни разу не появлялся, а вот в Эдо ездил регулярно, по одному-два раза в год. Его визиты повышали статус новой столицы, а длительное отсутствие в Киото и Осака, наоборот, создавало в них разреженную политическую атмосферу.

В Сумпу Иэясу вёл свободный и неторопливый образ жизни, который любил больше всего. Выезды в Эдо он обязательно совмещал с многодневной охотой, а в другое время устраивал чайные церемонии, ходил на представ-

ления театра Но, наблюдал за игрой мастеров *го* и *сёги*⁶⁰. Ещё он принимал гостей — сёгуна Хидэтада и других сыновей, а также часто навещавших его *даймё*. Иногда развлекался стрельбой по птицам, садившимся на крыши стрелковых вышек, смешивал ароматические вещества и составлял цветочные композиции. Этим аристократическим занятиям он научился у Хидэёси во время Корейской войны, когда жил в Нагоя.

Самых надёжных вассалов Иэясу поделил поровну между Эдо и Сумпу. Его главными помощниками по военно-политической части стали Хонда Масадзуми (1565–1637), Нарусэ Масанари (1567–1625), Тодо Такатора (1556–1630) и Такэнокоси Масанобу (1591–1645), а по хозяйственно-экономической — Мацудайра Масацуна (1576–1648), Гото Мицуцугу (1571–1625), Ина Тадацугу (1550–1610) и Окубо Нагаясу (1545–1613). В вопросах религии и культуры он полагался на служивших ему конфуцианцев Исин Судэн (1569–1633), Нанкобо Тэнкай (?–1643) и Хаяси Радзан (1583–1657).

В правительстве Хидэтада ключевые должности заняли потомственные вассалы Окубо Тадатика (1553–1628), Сакаи Тадаё (1572–1636), Найто Киёнари (1555–1608), Дои Тосикацу (1573–1644), Андо Сигэнобу (1557–1621), Аояма Таданари (1551–1613). Ближайшим доверенным лицом и представителем Иэясу в *бакуфу* стал Хонда Масанобу (отец Масадзуми). Ему было поручено лично контролировать работу правительства и докладывать обо всех его решениях Иэясу. Таким образом, после 1607 года отец и сын Хонда стали самыми влиятельными фигурами в новом сёгунате.

С 1607 по 1616 год страна жила в условиях двоевластия: важнейшие указы и распоряжения издавались как в Эдо, так и в Сумпу. Одни документы выходили за под-

60 Японская настольная игра, напоминающая шахматы.

писью Иэясу, другие — за подписью Хидэтада, а на некоторых стояли печати обоих правителей. Сын часто отправлял отцу проекты указов на утверждение или просил его совета по тому или иному вопросу, особенно когда дело касалось расширения или сокращения земель тем *даймё*, с которыми у отца были свои отношения. Случаи двойного родственного управления бывали в истории и раньше, например в конце XV века, когда молодой сёгун Асикага Ёсихиса какое-то время делил власть со своим отцом Ёсимаса. Такие ситуации долго не длились и обычно плохо заканчивались; отцу и сыну Асикага тоже не удалось избежать конфликта. Токугава с этой задачей справился: все одиннадцать лет двоевластия его отношения с Хидэтада оставались ровными и уважительными. Контролируя сына, отец старался действовать тактично и аккуратно, чтобы не нанести ущерба авторитету молодого сёгуна в глазах воинской элиты.

Ключевые должности в *бакуфу* заняли потомственные вассалы из четырёх близких к Токугава семей; позднее их стали называть словом *ситэнно* (буквально «четыре божества») по аналогии с буддийскими богами-охранителями. Сакаи Тадацугу, Хонда Тадакацу, Ии Наомаса и Сакакибара Ясумаса стали основоположниками четырёх главных чиновничьих династий, которые в течение долгого времени играли ключевую роль в правительстве. На более низкие должности назначались военные союзники Токугава в ранге *хатамото*. Их годовой доход редко превышал 50 тысяч *коку* риса и не шёл ни в какое сравнение с богатством провинциальных *даймё*. Иэясу строго придерживался правила, согласно которому власть и деньги не должны находиться в одних руках, поэтому чиновники *бакуфу*, имевшие большие административные полномочия, выглядели бедными родственниками по сравнению с *даймё*, которых они контролировали. Сменный метод работы и ротация ответственности среди управленцев одно-

го уровня имели ту же цель — чтобы один исполнитель не оставался у власти слишком долго.

Чиновники *бакуфу* и провинциальные *даймё* принадлежали к одному сословию, поэтому распределение между ними власти и богатства требовало взвешенных решений. В целом Токугава с этой задачей справился, но совсем избежать конфликтов не удалось. В 1613 году в правительстве разразился скандал, сильно ударивший по репутации его ближайшего окружения. Двадцать пятого апреля в своей усадьбе в Сумпу от инсульта скончался один из столпов *бакуфу*, 68-летний Окубо Нагаясу (1545–1613). Он работал в правительстве со дня его основания и отвечал за доходы с большей части земель и рудников Токугава, а также за строительство и транспорт в быстро развивавшейся провинции Идзу. Проявив управленческие способности, Окубо увеличил производительность рудников и поступления в казну, за что был поощрён повышением дохода до 90 тысяч *коку* и стал одним из самых богатых чиновников *бакуфу*. Влияние Окубо настолько возросло, что его стали называть «верховным наместником страны» (*тэнка содайкан*).

При жизни к нему не было претензий, но после смерти его политические оппоненты во главе с отцом и сыном Хонда инициировали расследование и обнаружили массовые злоупотребления властью и хищения. В доме чиновника были найдены нелегально вывезенные с рудников золото и серебро, а также деньги, антиквариат и прочие ценности. По объёму хищений это дело стало самым крупным за все годы существования сёгуната Токугава. За грехи отца расплатились его дети и другие родственники — всё движимое и недвижимое имущество Окубо было конфисковано, а семь его сыновей сначала арестованы, а затем получили приказ покончить с собой. Под удар попали все, кто был связан с разоблачённым чиновником, в том числе и государственный советник Окубо Тадатика

(1553–1628), в своё время взявший себе его фамилию. Собственно говоря, расследование против Нагаясу во многом было вызвано борьбой за влияние, которую вели в правительстве группировки Хонда и Окубо.

В январе 1614 года Окубо Тадатика был лишён всех земельных владений, а его семья отправлена под домашний арест. Правда, скандал вокруг Нагаясу был не единственной причиной наказания: в источниках упоминаются политический брак, заключённый Тадатика без разрешения Токугава, контакты с провинциальными *даймё* и создание собственной группировки. Всё это стало основанием для подозрений в заговоре. Насколько они были справедливыми, сегодня сказать трудно, но по итогам разбирательства чиновнику было приказано разрушить внешние укрепления в замке Одавара и все внутренние строения, кроме Главной усадьбы. Несколько ближайших вассалов Окубо были лишены земельных владений и отправлены в ссылку.

Прибытие наместника в провинцию

ку. Такие жёсткие меры обычно принимались в серьёзных случаях.

Через месяц отец и сын Токугава смягчили наказание для членов семьи потомственного вассала: ему было предложено отречься от своих сыновей, чтобы они смогли восстановиться на службе. Сам он был сначала отправлен в провинцию Оми под надзор Ии Наотака, где прожил несколько лет, а затем ушёл в монастырь и умер в 1628 году в возрасте 75 лет.

Внешняя политика

Создавая собственную систему власти, Токугава Иэясу во многом опирался на сделанное его предшественниками Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Пожалуй, единственной сферой, где он руководствовался только своими принципами, была внешняя политика. При жизни Хидэёси он никогда не высказывался против начатой им войны на материке, но сразу же после его смерти её прекратил и поручил хозяину провинции Цусима Со Ёситоси (1568–1615) возобновить контакты с Кореей и добиться от неё согласия на восстановление отношений.

Первый японский посланник отправился в Сеул уже в декабре 1598 года, меньше чем через месяц после окончания боевых действий, когда ещё не все части японской армии вернулись на родину. Второй — в марте следующего года, а третий — в июне. Корейские власти их задерживали и отправляли в ставку китайского командования как военнопленных. Японская армия ушла из Кореи без мирного договора, поэтому формально любой японец продолжал оставаться противником. После окончания войны Китай вывел из Кореи большую часть своих сил, оставив 24-тысячный корпус на случай повторной агрессии, по-

этому все вопросы, касающиеся контактов с Японией, решались китайским командованием.

В течение 1599 года угнанные в Японию корейцы стремились всеми способами вернуться на родину, и клан Со им в этом не препятствовал, хотя утечка рабочей силы замедляла восстановление разрушенного войной хозяйства. Со Ёситоси продолжал отправлять в Корею своих представителей, но все его инициативы оставались без ответа.

В апреле того же года в Сеул выехала очередная японская делегация во главе с капитаном судна по имени Исида Дзиндзаэмон и доставила в Корею группу угнанных в Японию китайцев. Исида привёз письмо за подписью четырёх *даймё*, адресованное корейскому министру иностранных дел. В нём говорилось, что хозяева ближайших к Корее провинций на острове Кюсю не испытывают к соседней стране враждебных чувств и хотели бы в полном объёме восстановить добрососедские отношения, а молчание корейской стороны по поводу всех предыдущих инициатив вызывает у них глубокое сожаление. Китайское командование положительно оценило возвращение пленных соотечественников из Японии, но восстановление отношений с агрессором посчитало преждевременным, о чём и сообщило правителю Кореи.

В Сеуле тем временем искали выход из сложившейся ситуации: присутствие китайской армии, с одной стороны, гарантировало безопасность, а с другой — требовало денег на содержание, которых в послевоенной казне не было. Кроме того, при дворе Сончжо опасались, что длительное пребывание в стране китайской армии может привести к полной утрате самостоятельности. Нормализация отношений с Японией могла бы помочь в решении обеих проблем, поэтому корейское руководство начало делать осторожные шаги в этом направлении. Но сначала нужно было убедиться в искренности японских намерений. Вернувшиеся из Японии репат-

рианты рассказали, что после смерти воинственного Хидэёси страной управляют три его министра (Токугава, Маэда и Укита) и что никто из них вроде не собирается воевать с Кореей. Поэтому, говорили они, если отправить в Японию посольство, то заключение мирного договора может быть вполне реальным.

В мае 1600 года на остров Цусима прибыл корейский чиновник, доставивший первый ответ из Сеула. Примерно в это же время в Корею вернулся священник Канхан, который прожил в японском плену два с половиной года и близко познакомился с конфуцианцем Фудзивара Сэйка (1561–1619), состоявшим на службе у Токугава Иэясу. Вернувшись в Сеул, Канхан рассказал о своих встречах с Фудзивара и интересе нового японского правителя к конфуцианскому учению. Переданные им слова Фудзивара о том, что Токугава Иэясу не стремится к внешней экспансии и не будет воевать в Корее, произвели в Сеуле благоприятное впечатление.

В сентябре 1600 года китайская армия покинула полуостров, и корейское руководство почувствовало себя свободнее, однако в Японии в том же месяце произошло сражение на равнине Сэкигахара, поэтому следующие полгода отношениями с Кореей никто не занимался. Десятимесячная пауза в контактах вызвала в Сеуле тревогу и опасения, не готовит ли островной сосед новую агрессию, поэтому в феврале 1601 года Сончжо отправил на остров Цусима своего представителя для сбора информации. Примерно в это же время Со Ёситоси добился встречи с Токугава

Со Ёситоси

Иэясу и показал ему полученный в мае прошлого года единственный ответ Сеула с благодарностью за возвращение корейских пленных. В продолжение усилий главы дома Со предложил найти и вернуть на родину кого-нибудь из известных в Корее деятелей и через него ещё раз подтвердить свои добрососедские намерения. Иэясу идею одобрил и официально назначил хозяина провинции Цусима ответственным за корейское направление. В апреле 1601 года в Сеул вернулся ещё один корейский священнослужитель, который подтвердил рассказы своих предшественников о положительных изменениях во внешней политике Японии.

В июне Со Ёситоси возвратил в Корею ещё 250 пленных и предложил Сеулу заключить мирный договор. Корейский правитель запросил мнение Пекина, но снова получил отказ, поэтому в ответном письме сообщил главе дома Со, что в Корее всё ещё остаётся 200-тысячная китайская армия, в связи с чем его страна не может самостоятельно решить вопрос о мирном договоре. Дезинформация о китайской армии была рассчитана на то, чтобы удержать японцев от повторной агрессии.

При дворе корейского правителя боролись две соперничающие группировки: одна выступала за то, чтобы ориентироваться на династию Мин и все вопросы решать через неё, а другая хотела большей самостоятельности во внешних делах. Соответственно, первая противилась нормализации отношений с провинцией Цусима (речь шла только об этом), а вторая поддерживала курс на сближение.

Со Ёситоси продолжил свои миротворческие усилия. До конца 1602 года он вернул в Корею ещё две большие группы военнопленных и дважды отправлял туда своего представителя Татибана Томомаса. В последний раз он снова призвал Сеул прислать посольство, но не в провинцию Цусима, а в Киото, для встречи с Токугава Иэясу. Эта инициатива имела обратный эффект и насторожила

корейский двор. После серии японских визитов 1602 года Сончжо издал указ об укреплении южных рубежей страны, а корейский министр ответил главе дома Со, что заключение мирного договора в настоящий момент невозможно, поскольку тысячи рядовых корейцев, потерявших своих близких во время войны, всё ещё думают об отмщении (Камигайто, 2002).

Несмотря на царившую в Корее обстановку сомнений и подозрительности, в марте 1603 года Татибана Томомаса вернул на родину ещё 94 корейских подданных и передал министру иностранных дел очередную просьбу о заключении мирного договора. Сончжо вновь отправил посланника в Пекин и наконец получил оттуда положительный ответ: китайский император не возражает против примирения Кореи с Японией, но возлагает на Сеул ответственность за последствия этого шага и рассчитывает, что войны на Корейском полуострове больше не будет.

В июне 1603 года в Сеул прибыл Янагива Сигэнобу, старейшина дома Со, с посланием, в котором говорилось, что в феврале этого года Токугава Иэясу занял высший воинский пост и уже в статусе легитимного правителя призывает Корею заключить мирный договор. Японский представитель особо подчеркнул, что Токугава лично не участвовал в боевых действиях и не отправил в Корею ни одного своего вассала, поэтому каким бы тяжёлым ни было прошлое, оно не должно препятствовать заключению соглашения с новой властью. Отказ же корейской стороны от контактов может стать для неё оскорбительным и привести к новым несчастьям, намекал японский посланник.

Полученное от Пекина разрешение и смена власти в Японии побудили корейское руководство к восстановлению отношений. Главе посольства было поручено собрать как можно больше информации о том, что происходит в соседней стране, и выяснить подлинные на-

мерения её руководства. Главой посольства Сончжо назначил буддийского монаха по имени Ючхон, во время войны командовавшего отрядом корейских ополченцев. В патриотизме героя освободительной войны сомневаться не приходилось; кроме того, корейская сторона понизила статус представительства, написав в сопроводительном письме, что Ючхон выезжает в провинцию Цусима как частное лицо по просьбе своего религиозного наставника. В Пекин было отправлено пояснение, что делегация не имеет официального статуса и направляется на ближайший японский остров для сбора информации.

Узнав о подготовке корейского посольства, Токугава потребовал привезти его в Киото. Поездка в японскую столицу и обратно заняла 10 месяцев, а сама встреча с Иэясу состоялась в замке Фусими в марте 1605 года, во время передачи высшего воинского звания его сыну Хидэтада. Понимая, что не имевшую верительной грамоты и возглавляемую рядовым монахом делегацию нельзя считать официальным посольством, Иэясу, тем не менее, устроил ей торжественный приём. Цель была вполне очевидна: преодолеть последствия внешнеполитической авантюры Хидэёси и укрепить свою власть экономически выгодным международным соглашением.

После встречи с Токугава корейская делегация отправилась в обратный путь в сопровождении всё того же

Корейское посольство в пути (гравюра)

Татибана Томомаса. Вместе с сопроводительным письмом от Со Ёситоси он доставил в Сеул ещё 1400 корейских репатриантов. С декабря 1605 по март 1606 года посланники главы дома Со ещё дважды приезжали в Сеул и передавали его просьбы о заключении мирного договора. В марте 1606 года корейский правитель наконец согласился заключить мирный договор. Его подписание было обставлено двумя условиями. Япония должна была: 1) принести официальные извинения за агрессию; 2) выслать в Корею преступников, во время войны разрушивших усыпальницу правящей династии. Для Токугава, не считавшего себя ответственным за войну в Корее, первое условие не стало камнем преткновения. В ноябре 1606 года письмо с извинениями было написано от имени Хидэтада, тоже не воевавшего в Корее. Со вторым условием было сложнее, ибо установить конкретных виновников преступных деяний по прошествии стольких лет было невозможно. Его обошли: вместе с миролюбивым письмом Со Ёситоси отправил в Корею двух преступников из местной тюрьмы.

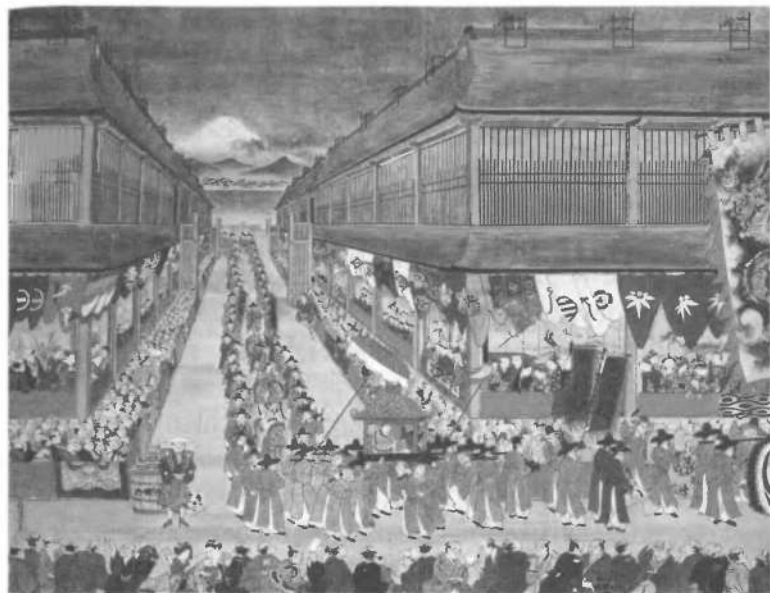
Оба требования были выполнены, и правитель Кореи в январе 1607 года издал указ о направлении в Японию официального посольства для подписания мирного договора. Главе династии Мин он сообщил, что цель визита заключается в том, чтобы принять от Токугава извинения и потребовать возвращения на родину следующей группы военнопленных.

В конце марта корейское посольство из 460 человек под руководством Е Угиля, с певцами, танцорами и музыкантами, прибыло на остров Цусима, а затем вместе с Со Ёситоси отправилось на восток страны. Шестого мая в Эдо состоялся дипломатический приём, после которого сёгун Хидэтада передал главе посольства официальный документ, в котором было записано, что Япония и Корея больше не находятся в состоянии войны. Заехав на обратном пути в Сумпу, посольство в июне вернулось

на родину. С момента окончания боевых действий прошло восемь с половиной лет — на два года больше, чем длилась сама война. В дальнейшем Япония и Корея продолжали поддерживать мирные отношения, и до начала XIX века корейские посольства ещё 12 раз приезжали в Эдо. Последний такой визит состоялся в 1811 году.

Что касается отношений с Китаем, то они так и остались неоформленными. В 1644 году, когда династию Мин сменила у власти маньчжурская династия Цин, Япония уже закрылась от внешнего мира и перестала интересоваться международными связями.

Через три года после восстановления отношений с Кореей произошло ещё одно важное для сёгуната Токугава событие — вассальную зависимость от Японии признал Сё Нэй (1564–1620), правитель островного государства Рюкю (совр. Окинава). Как и Сончжо, он тоже поначалу не обратил внимания на призыв новой японской власти к сближению, и это стало поводом для клана Симадзу начать присматриваться к южному соседу. Война в Корее дорого обошлась этому воинскому дому — во время переписи земель чиновники Хидэёси завысили площадь и урожайность его угодий, что привело к чрезмерным налогам и полному истощению ресурсов. Послевоенное восстановление хозяйства, осложнённое поражением западных *даймё* на равнине Сэкигахара и последующим сокращением их владений, шло медленно и трудно. В прежние годы вопрос легко решался нападением на соседей и присвоением их ресурсов, но теперь междоусобицы были запрещены, поэтому руководители Симадзу обратили свой взгляд на соседнее островное государство. Военный поход на Рюкю был запланирован на 1606 год, но в Эдо тогда готовились к приёму корейского посольства и посчитали нецелесообразным раздражать соседей ещё одним вооружённым нападением, поэтому запретили Симадзу какие-либо действия.

*Корейское посольство в районе Асакуса
(гравюра)*

Через два года, когда делегация Рюкю прибыла в провинцию Сацума на торжества по случаю смены главы дома Симадзу, ей было предложено выехать в Сумпу на встречу с Токугава, однако делегация не имела полномочий на переговоры, и поездка не состоялась. Поздравив нового главу дома Симадзу Тадацунэ (1576–1638) и вручив всем подарки, посланники Сё Нэй вернулись домой. Такое поведение было сочтено неподобающим, и дом Симадзу получил разрешение *бакуфу* на принуждение партнёров к диалогу. В том же году глава дома потребовал от правителя Рюкю признать вассальную зависимость от Японии и прислать в Сацума посольство. Оно было отклонено, и это стало поводом для объявления войны. В нём Симадзу Тадацунэ перечислил все преступления правителя соседнего островного государства:

- 1) Неблагодарность по отношению к дому Симадзу за освобождение от воинской повинности во время Корейской войны.
- 2) Недопоставки провианта во время боевых действий.
- 3) Неблагодарность по отношению к Токугава Иэясу, вернувшему на родину потерпевшее крушение судно и его экипаж.
- 4) Неудовлетворительное выполнение посреднических обязанностей по восстановлению отношений между Японией и Китаем (Куросима, 2015).

Двадцать шестого марта 1609 года отряд Симадзу из трёх тысяч бойцов высадился на главном острове архипелага и двинулся к дворцу правителя. Навстречу ему был выслан четырёхтысячный отряд, но в бою с японцами он потерпел поражение. Пятого апреля Сё Нэй подписал капитуляцию и был вывезен в провинцию Сацума, где признал себя вассалом дома Симадзу. Через год он по настоянию хозяев совершил путешествие в Эдо длиной в полторы тысячи километров, заехав по пути в Сумпу. Всё это время с ним обращались не как с военнопленным, а как с правителем дружественного государства: в Кагосима ему была предоставлена усадьба с многочисленной прислугой, а в Эдо он следовал тем же маршрутом и останавливался на тех же постоянных дворах, что и корейское посольство три года назад. Сё Нэй передвигался с большой свитой и в роскошном паланкине, таком же как у японского императора; в больших городах наместники Токугава и крупнейшие *даймё* устраивали в его честь пышные приёмы.

На встрече с сёгуном Хидэада правитель Рюкю признал себя вассалом Японии и подписал соответствующий документ. Его путешествие заняло восемь месяцев и завершилось в конце 1610 года, после чего ему было разрешено вернуться на родину. Визит в Эдо был обставлен как акт добровольного подчинения со стороны соседнего го-

Кортеж правителя Рюкю (гравюра)

сударства и укрепил авторитет Токугава — он сумел сделать то, к чему безуспешно стремился Тоётоми Хидэеси. А Симадзу стал единственным в Японии кланом, имевшим собственного вассала за пределами страны.

Сё Нэй в свою очередь стал первым иностранным правителем, вступившим на японскую землю. Иэясу рассчитывал, что сможет использовать его давние связи с Китаем для установления отношений с династией Мин, и в последующие три года приложил к этому много усилий, но они не принесли результата — правители Поднебесной не сочли нужным обращать внимание на тех, кого считали второстепенными вассалами.

Внешняя торговля и гонения на христиан

Подходы Токугава Иэясу к развитию внешней торговли лежали в русле его вполне современных представлений о добрососедстве и взаимовыгодных отношениях

с соседними странами. Даже удивительно, насколько последующая политика самонзоляции, проводимая сёгунами династии Токугава, противоречила взглядам её основателя.

В марте 1600 года в один из портов острова Кюсю зашло терпящее бедствие голландское судно «Лифде». Как выяснилось впоследствии, этот эпизод оказал большое влияние на формирующуюся политику Японии в области внешней торговли. В то время она осуществлялась по лицензиям, представлявшим собой бумажную грамоту с красной печатью Токугава, так называемым «краснопечатным разрешением» (*скииндзё*). До этого голландские суда никогда не заходили в японские порты, поэтому капитан «Лифде» такой лицензии не имел. Хозяин провинции Бунго арестовал судно и доложил о нём в столицу. Токугава, занимавшийся в тот момент кризисом в отношениях с Уэсути, тем не менее проявил к судну интерес и приказал перегнать его в Эдо, но по пути оно затонуло. Находившиеся на его борту английский штурман Уильям Адамс (1564–1620) и голландский торговец Ян Йостен (1556–1623) стали сначала гостями Иэясу, а затем помощниками в установлении контактов со своими странами. Через некоторое время голландец из-за пристрастия к спиртному был уволен, а англичанина Иэясу взял на службу, присвоил ему ранг *хатамото* и предоставил отдельную усадьбу в Эдо. Когда экипаж «Лифде» через пять лет возвращался на родину, Токугава передал с его капитаном письмо голландскому королю с предложением заключить договор о торговле. На следующий год такое же предложение было сделано голландскому торговому представителю в Малайзии.

Океанские штормы регулярно прибывали к японским берегам иностранные суда. Правил насчёт того, что с ними делать, не существовало, поэтому хозяин провинции обычно забирал себе судно вместе с грузом, а экипаж продавал в рабство. В 1602 году такой случай произошёл

у берегов провинции Хитати с торговым судном с островов Рюкю. В прежние годы оно пополнило бы собой казну Датэ Масамунэ, но Токугава распорядился вернуть его на родину и передал правителю Рюкю письмо с предложением заключить договор о торговле. Оно осталось без ответа — южные соседи, хорошо помнившие внешнюю политику Хидэёси, не рискнули вступать в отношения с его страной. После этого Иэясу издал указ о запрете на захват чужого имущества и потребовал от провинциальных *даймё* оказывать помощь потерпевшим крушение морякам в возвращении на родину. Новая политика должна была улучшить образ Японии, которую в соседних странах считали родиной морских пиратов. Указ вызвал недовольство местных военачальников, не только лишившихся бесплатных трофеев, но и вынужденных тратить на помощь иностранцам собственные средства.

В 1609 году пришёл ответ от голландского короля. Прибывшие в порт Хирадо торговцы привезли Иэясу подарки от него и проект торгового соглашения. В том же году договор был подписан, и в Хирадо открылось голландское торговое представительство. Через четыре года при активном содействии Адамса в Японию прибыл его соотечественник, один из руководителей Британской Ост-Индской компании Джон Сарис (1580–1643). Токугава и ему предложил открыть английское представительство, но не на западе страны, а в Эдо, и вести торговлю через ближайший порт Урага, что дало бы серьёзный толчок развитию региона. Однако Сарис отказался от всех обещанных за это благ и вслед за голландцами выбрал Хирадо, где пересекались главные торговые маршруты. На этом он посчитал свою задачу выполненной и в конце 1613 года вернулся в Англию.

Во внешней торговле Японии в то время доминировали португальцы, а наибольшее число сделок заключалось в Нагасаки, отделённом от острова Хирадо узким проли-

*Голландское торговое представительство
в Хирадо*

вом. В мае 1609 года в этом городе произошёл конфликт вокруг торгового судна «Грасса», сильно повлиявший на отношение *бакуфу* к португальским купцам и миссионерам. Местному *даймё* Арима Харунобу (1567–1612) было поручено арестовать находившегося на борту португальского судна военного атташе Андре Пессо (Andre Pessoa) за участие в беспорядках, произошедших год назад в Макао, где погибли 48 японцев. Капитан отказался выдать соотечественника, поэтому судно было атаковано и затоплено, однако военному атташе удалось бежать.

В том же 1609 году Токугава Иэясу провёл переговоры с оказавшимся в Японии губернатором испанской колонии на Филиппинах Родриго де Виверо (1564–1636). Испанские торговые суда, курсировавшие между колониями в Мексике и на Филиппинах, нуждались в пополнении запасов воды и продовольствия, поэтому губернатор предложил Токугава в обмен на право захода в японские порты прислать ему испанских корабелов, умевших строить океанские суда, и мастеров горного дела.

Японские рудокопы в то время извлекали золото и серебро устаревшим способом купелирования, в то время как испанцы уже освоили более совершенный метод амальгамации. Сотрудничество с Испанией обещало быть очень выгодным, но губернатор поставил два условия: 1) свобода деятельности для испанских миссионеров; 2) изгнание из Японии голландцев и англичан, военных противников Испании в Европе.

Выполнить их было трудно. Запрет Тоётоми Хидэёси на распространение христианства хотя и не соблюдался, но формально оставался в силе, и его отмена восстановила бы против Токугава влиятельное буддийское духовенство. Разрыв торговых отношений с Англией и Голландией также наносил большой ущерб его интересам, поэтому достичь соглашения в тот раз не удалось. Тем не менее три года спустя Иэясу предпринял ещё одну попытку договориться с испанским королём, передав ему письмо с уезжавшим из Японии миссионером. Однако судно, на котором он плыл, потерпело крушение, и письмо не дошло.

По мере восстановления внешнеторговых связей всё больше японцев переезжали в портовые города на Тайване, Филиппинах, в Малайзии, Китае и Вьетнаме. Со временем в них появились компактные этнические поселения, где говорили и думали исключительно по-японски. В отсутствие официальных отношений между Японией и Китаем двусторонняя торговля осуществлялась через посредников из третьих стран, и европейцы, как лучшие мореходы мира, играли в ней ведущую роль. В большинстве сделок китайский шёлк, фарфор и восточные пряности обменивались на японское серебро. Япония, на долю которой в то время приходилась треть всей мировой добычи серебра, ежегодно поставляла на внешний рынок до 200 тонн этого металла (Китадзима, 1963). Самая оживлённая торговля шла в портах Южного Китая,

Внешняя торговля Японии в начале XVII века

и Токугава рассчитывал, что рано или поздно его «краснопечатные лицензии» привлекут внимание Пекина и помогут установить торговые отношения с династией Мин, но этим надеждам не суждено было сбыться.

Вопрос о деятельности христианских миссионеров продолжал оставаться в центре внимания *бакуфу* и после заключения торговых договоров с Голландией и Англией. В отличие от Португалии и Испании, эти страны не увязывали развитие торговых отношений с миссионерской деятельностью, однако коммерческих конкурентов тоже не жаловали, тем более из стран, с которыми воевали в Европе. Поэтому не упускали случая представить религиозное мессианство католиков как подготовку к колониальному захвату Японии.

Подписание торговых договоров с Голландией и Англией в сочетании с отсутствием прогресса на испанском направлении подтолкнуло Токугава к усилению мер против европейского вероучения. Пока португальцы и испанцы были единственными торговыми партнёрами и поставляли нужные товары, запретительные указы Хидзёси в отношении христианства оставались на бумаге, а число японских христиан продолжало расти и к началу XVII века достигло 370 тысяч человек. Большинство их проживало на Кюсю, в западных провинциях Хонсю и в Киото. В христианство обращались целыми семьями, среди которых было много громких фамилий: Отомо, Маэда, Мори, Хатакэяма, Гамо, Курода, Цуцуи, Икэда, Кёгоку, Арима, Такаяма и др. Примеру *даймё* следовали их вассалы и союзники, в результате чего христианизация западной части страны шла лавинообразными темпами. Христианами стали даже два родных внука Ода Нобунага по линии старшего сына, Хидэнобу и Хидэнори.

Отношение сёгуната Токугава к европейской религии резко изменилось в 1612 году после громкого скандала, известного как «инцидент Окамото Дайхати». Начался он с того, что чиновник *бакуфу* Окамото пообещал *даймё* с острова Кюсю Арима Харунобу добиться расширения его владений за помощь в деле португальского военного атташе Андре Пессо. В доказательство того, что дело продвигается, он составил поддельный проект правительственного указа и передал его Арима, получив за это заранее оговорённое вознаграждение. Однако время шло, а решения *бакуфу* по делу Арима всё не было; *даймё* отправил в правительство запрос, и жульничество раскрылось. Окамото всё отрицал: никому никаких обещаний не давал и денег не получал. Обоих фигурантов вызвали на очную ставку в Сумпу, где Арима предъявил поддельный проект указа. Взяточника Окамото посадили в тюрьму, а взяткодателя Арима — под домашний арест. Однако кон-

фликт на этом не завершился: Окамото заявил, что Арима участвует в подготовке покушения на городского наместника Хасэгава Фудзихиро и он готов представить доказательства заговора. Через месяц с небольшим, 18 марта, состоялась ещё одна очная ставка, и на этот раз уже Арима не смог опровергнуть предъявленное ему обвинение. Через три дня Окамото Дайхати был сожжён на костре, а Арима Харунобу сначала отправлен в ссылку, а через два месяца получил приказ покончить жизнь самоубийством. Прогремевший на всю страну скандал нанёс сильный удар по репутации *бакуфу*, а тот факт, что оба его фигуранта были христианами, стал поводом для начала гонений на иноземную религию.

Двадцать первого марта 1612 года, в день казни Окамото, вышел указ *бакуфу* о запрете христианства (*Кинкёрэй*). Все церкви в стране надлежало разрушить, а христиан и миссионеров выслать за её пределы. Впрочем, для XVII века меры принуждения были довольно гуманными: японским христианам предоставлялась возможность отречься и принять буддизм, в этом случае их преследование прекращалось. Те, кто отказывался, должны были покинуть страну. Указ был разослан наместникам Токугава и поначалу распространялся только на его владения, поэтому затронул немногих. Однако через пять месяцев, в августе 1612 года, вышел второй указ на эту тему, а в декабре 1613 года — третий. Он требовал искоренения христианства на территории всей страны, поэтому в Киото выехал уже упоминавшийся советник *бакуфу* Окубо Тадатика с заданием проконтролировать разрушение церквей и ликвидацию столичной христианской общины.

Первыми от репрессий пострадали приближённые к Токугава *даймё* в ранге *хатамото*. Один из них, Хара Танэнобу (1587–1623), был лишён всех владений и вместе с 13 другими христианами выслан из провинции. Найдя приют у родственников, он продолжил проповедническую

деятельность, поэтому через два года был арестован. От бывшего *хатамото* потребовали отречения, он отказался; ему выжгли на лбу крест, отрубили пальцы на руках и ногах, после чего выслали из страны.

Массовые репрессии против христиан начались зимой 1614 года. В столице и прилегающих к ней провинциях прошли публичные церемонии отречения от христианства с последующим принятием буддизма. Около 70 человек отказались и были сосланы в удалённую провинцию Муцу, а ещё 110 христиан под конвоем отправлены в порт Нагасаки для последующей высылки из страны. Среди них был один из самых известных «христианских *даймё*» Такаяма Укон (1552–1615), который ещё при Хидэеси ради веры отказался от земельных владений и был отправлен в ссылку. Чуть позже к первой партии арестованных добавились христиане из других провинций, и 24 сентября изгнанники на трёх португальских судах отплыли в Манилу и Макао.

Таким образом, за год число христиан в центральных и западных районах страны значительно сократилось. Многие из тех, кому удалось избежать репрессий, перебрались в Осака под защиту Тоётоми Хидэёри, в котором видели единственную силу, способную противостоять власти Токугава. Концентрация недовольных политической *бакуфу* вокруг сына Хидэеси насторожила Токугава и ускорила принятие окончательного решения.

Конец двоевластия

В 1609 году в столице произошёл инцидент, изменивший взаимоотношения Токугава с императорским двором. Двумя годами ранее император Гоэдзэй (1571–1617) отправил в ссылку молодого аристократа по имени Инокума

Император Гоёдзэй

Норитоси (1583–1609), которого за красивую внешность и любовные похождения называли вторым принцем Гэндзи. Отбыв наказание, он вернулся в столицу и возобновил привычный образ жизни. Получив через некоторое время доклад о вечеринках Инокума с возлияниями и групповыми оргиями, император распорядился

провести расследование и наказать виновных. Об этом стало известно в Эдо. Через своего столичного наместника *бакуфу* отстранило исполнителей императорского распоряжения и провело собственное расследование. По его итогам два организатора аморальных вечеринок, в том числе Инокума Норитоси, были казнены, а десять других участников, в том числе пять женщин, пожизненно сосланы на острова. Вообще-то право награждать и наказывать аристократов всегда принадлежало императору, а тут его отодвинули в сторону и в его собственном доме решили вопрос без него. Оскорблённый этим вмешательством, 37-летний император Гоёдзэй публично заявил, что намерен уйти в отставку, и через два года уступил власть своему сыну Гомидзуноо (1596–1680).

Токугава Иэясу воспользовался «обновлением трона» в своих интересах. Во-первых, он договорился с новым 14-летним императором о его помолвке со своей внучкой Масако, а во-вторых, составил для него и придворной аристократии административное уложение из пяти пунктов (*Кугэ хатто*). В нём говорилось, что император должен постоянно жить в столице и заниматься традиционными науками и искусством, а аристократия обязана ему в этом

помогать. Документ зафиксировал на бумаге и узаконил фактическое бессилие императорского дома в светских делах, а на *бакуфу* возложил ответственность за исполнение всех предписаний, в том числе и в части наказаний для аристократов.

Интронизация Гомидзуноо с участием крупнейших *даймё* страны состоялась 27 марта 1611 года. По случаю восхождения на трон нового императора они подписали клятву из трёх пунктов:

1. Неукоснительно выполнять распоряжения *бакуфу*, продолжающего традиции сёгуната Минамото Ёритомо.
2. Не предоставлять укрытие лицам из других провинций, которые оказывают противодействие законной власти.
3. Не допускать в свои владения лиц, объявленных преступниками.

Токугава Иэясу не был в столице четыре года, поэтому воспользовался случаем, чтобы встретиться с повзрослевшим сыном Хидэеси и посмотреть на него. Юноша получил приглашение приехать на беседу с Токугава в его в столичную резиденцию Нидзё.

Все эти годы он безвыездно жил в замке Осака, поэтому перспектива 40-километрового путешествия серьёзно встревожила его опекунов. Высказывались опасения, что встреча с могущественным правителем на его территории слишком опасна и может закончиться покушением.

Асано Юкинага

Однако после того, как известные своей верностью наследнику Асано Юкинага и Като Киёмаса дали гарантии безопасности и вызвались лично его сопровождать, а Токугава пообещал прислать в замок двух младших сыновей в качестве заложников, мать Хидээри согласилась на поездку. Подозрения, с которым многие отнеслись к инициативе Токугава, отразились в слухах и домыслах, впоследствии попавших в хроники: их авторы писали, что Като Киёмаса тайно пронёс с собой на встречу кинжал, чтобы убить Токугава в случае покушения на Хидээри, а Асано Юкинага якобы лично охранял помещение, в котором проходила встреча. Эти выдумки и сегодня широко используются в романах и телесериалах на исторические темы. Всё, что мы знаем о характере Токугава Иэясу и его отношениях с *даймё* уровня Асано и Като, исключает такие версии.

Встреча 69-летнего Токугава Иэясу и 17-летнего Тоётоми Хидээри состоялась на следующий день после интронизации, 28 марта 1611 года. Она длилась два часа. Для юноши это был первый за 12 лет визит в столицу, из которой он уехал пятилетним ребёнком. Во время таких встреч поведение участников строго регламентировалось, поэтому её описание даёт представление о том, как они себя позиционировали по отношению друг к другу. В хронике *Тодайки* говорится, что Токугава сам вышел навстречу гостю к главным воротам и провёл его в зал для переговоров, а перед началом беседы предложил вести её на равных, однако Хидээри уступил Иэясу место хозяина на возвышении (Касая, 2008).

По нормам того времени сын Тоётоми Хидэёси ещё до начала встречи поставил себя ниже Токугава Иэясу — тем, что согласился на встречу в его резиденции. Понимая это, хозяин лично встретил его и проводил внутрь, чего при приёме нижестоящих обычно не делалось. Предложение Токугава вести разговор на равных, вероятнее всего, пред-

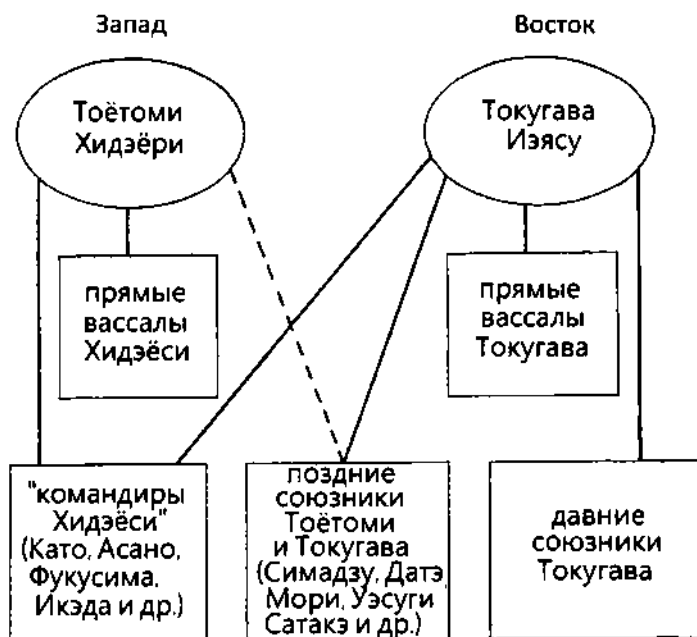
полагало расположение собеседников на одном уровне, обоюдное право менять тему разговора, задавать вопросы и т. д. Согласно хронике, Хидээри от всего этого отказался, согласившись на роль младшего партнёра.

Автор *Тодайки* неизвестен, но, вероятнее всего, это кто-то из вассалов Токугава, поэтому он вполне мог допустить неточности в пользу хозяина встречи. С другой стороны, не исключено, что при примерно равном статусе участников одной только разницы в возрасте было достаточно для проявления со стороны Хидээри самой обычной вежливости. Присутствовавший на встрече Хонда Масадзуми в письме чиновникам *бакуфу* сообщил, что по отношению к Токугава «господин Хидээри проявил свойственную вассалу почтительность» (Фудзии, 2011). Что касается содержания беседы, то оба её участника согласились с тем, что в стране должны царить мир и порядок, а мятежи и междоусобицы следует навсегда исключить.

Через две недели результаты переговоров были оформлены в виде указа *бакуфу* из трёх пунктов и стали законом, а все *даймё* в течение года письменно поклялись его соблюдать, тем самым ещё раз присягнув на верность сёгуну Токугава. Указ требовал выполнения трёх правил:

1. Беспрекословно выполнять все распоряжения *бакуфу*.
2. Не поднимать оружие против вышестоящих.
3. Не применять силу при решении спорных вопросов.

Тоётоми Хидээри как фактический соправитель был освобождён от подписания документа, и это означало, что двоевластие в стране продолжается. Ситуация тревожила Иэясу, не позволяя передать сыну всю полноту власти и отойти в сторону. Во многих источниках упоминается о том, что по результатам беседы он охарактеризовал Хидээри как весьма разумного молодого человека, способного управлять страной (Куросима, 2015). Некоторые

Двоевластие (1603–1615)

японские историки считают, что эта встреча сыграла важную роль в решении Токугава покончить с двоевластием. Вскоре после неё вышел указ *бакуфу*, запрещающий военачальникам посещать замок Осака. Цель была очевидна: полностью изолировать Хидэёри и лишить его поддержки со стороны провинциальных воинских кланов.

Двусмысленность ситуации, которая сложилась после назначения Хидэтада сёгуном, обострила соперничество лагеря Хидэёри с правительством Токугава и породила у его опекунов дух тревожного ожидания. Юноша выросл и всё больше осознавал себя законным наследником, которого с помощью политических манипуляций отстранили от власти. С другой стороны, за прошедшие годы Токугава прочно взял страну под контроль, и никто не видел, каким образом это можно изменить. Испанский торговец и пу-

тешественник Себастьян Вискаино (1548–1627) так описывал положение молодого наследника: «Сын японского правителя Хидээри живёт в городе Осака. Он женат на дочери наследного принца Токугава Хидэтада и содержится в заключении в лучшем замке страны. Правитель Токугава Изясу ограничивает круг его общения» (Сонз, 2013).

В лагере Хидээри все решения принимались небольшой группой лиц, в которой главенствовали его мать Ёдодоно и Оно Харунага (1569–1615), многолетний вассал Хидээси, служивший в его личной гвардии. Ёдодоно (в девичестве Тятя) и Оно Харунага родились в один год и с детства знали друг друга — ставшая в четыре года сиротой девочка воспитывалась родной матерью Харунага. После рождения Хидээри в замке Фусими ходили упорные слухи о том, что его настоящий отец не Хидээси, а Харунага. Об этом же говорится в нескольких источниках, в том числе в «Хронике храма Тамон» (*Тамонъин никки*) и дневниках корейского священника Кан Хана. Японские историки и сегодня высказывают сомнения относительно способности Хидээси иметь детей: несмотря на большое число наложниц, окружавших его в течение всей жизни, двух сыновей ему родила лишь Ёдодоно. Первый появился на свет, когда Хидээси было 52 года, а второй — в 56 лет. В то время мужчина после 50 лет уже считался долгожителем, поэтому отсутствие детей в молодости и их появление в преклонном возрасте многим казалось странным. Тем более что не только жена, но и наложницы Хидээси оставались бесплодными, пока были с ним, но рожали детей от других мужчин. Одной из причин возможной бесплодности Хидээси называют осложнения от чрезвычайно распространённых в то время венерических заболеваний. Однако и достоверных доказательств отцовства Оно Харунага тоже не существует, поэтому оно остаётся на уровне предположений. А Хидээси был так рад рождению наследника, что не стал вникать в обстоятельства его

появления на свет. После его смерти Оно Харунага сначала присоединился к противникам Токугава и участвовал в подготовке покушения на него осенью 1599 года, за что был сослан в провинцию Симоса. Оказавшись на следующий год в составе восточной армии, воевал на стороне Токугава, был амнистирован и назначен его представителем в замке Осака. Это определило его судьбу — Оно Харунага стал другом и помощником Ёдодоно и главным опекуном её сына. Впоследствии, во время боевых действий, он всегда был рядом с ним и защищал до последних минут жизни.

Встреча Иэясу и Хидэёри в марте 1611 года возродила у опекунов наследника надежду, что в ближайшее время юноша будет назначен на должность *кампаку*, которую в своё время занимал его отец, и это обеспечит ему приход к власти после смерти Иэясу. Но усиление конкурента не входило в планы Токугава, поэтому он через императора организовал в 1612 году назначение на должность Регента ни на что не претендовавшего 22-летнего аристократа Такацукаса Нобухиса (1590–1621).

О преклонном возрасте Иэясу и о том, что будет после его смерти, думали не только в лагере Хидэёри; он и сам понимал, что его главным противником становится время. Пока наследник вырос, оно было на его стороне, позволяя постепенно, по кирпичику, выкладывать здание новой власти. Но в декабре 1612 года Иэясу исполнилось 70 лет; в окружении правителя почти не осталось ровесников, и никто не знал, сколько времени ему ещё отпущено судьбой. Вся система власти держалась на его личном авторитете и харизме, поэтому никто не взялся бы предсказать, чем в случае его смерти закончится противостояние между Хидэёри и Хидэтада. Последний хоть и занимал высший воинский пост, не имел боевых заслуг и воспринимался воинской элитой как сугубо гражданский правитель, ставший сёгуном исключительно благодаря отцу. В этом

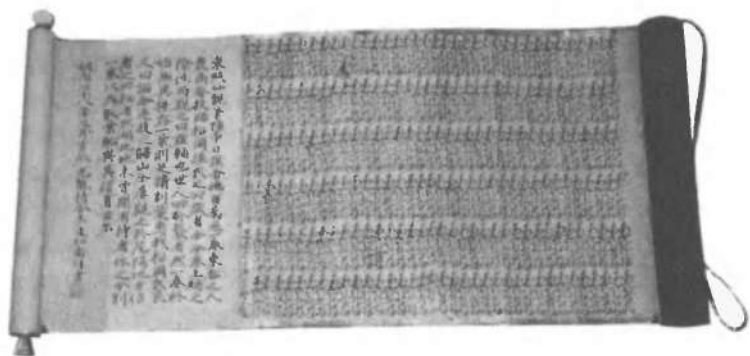
смысле он не имел преимуществ перед сыном Хидэёси, тоже ни разу не выходившим на поле боя. В придворной табели о рангах Хидэтада стоял ниже Хидэёри и в отличие от него не имел поддержки императорского двора. Крупные воинские дома Асано, Като, Маэда, Фукусима, Икэда по-прежнему хранили верность Хидэёри и в случае конфликта, вероятнее всего, встали бы на его сторону. Да и такие лояльные Токугава кланы, как Мори, Симадзу, Уэсуги, Сатакэ, вполне могли повести себя так же.

План Токугава по сближению двух династий за счёт породнения тоже не удалось довести до конца: его внучка Сэнхимэ и Хидэёри поженились, но брак оказался бездетным, хотя от наложниц наследник имел сына и дочь. Да и в ближайшем окружении Токугава не всё было благополучно: претензии на власть начал демонстрировать его шестой сын Тадатэру (1592–1683), амбиции которого поддерживал его тесть, влиятельный Датэ Масамунэ. В общем, вопрос с двоевластием всё больше беспокоил стареющего Иэясу и требовал решения.

Как уже не раз бывало, ему снова повезло. После его встречи с Хидэёри один за другим начали умирать влиятельные покровители наследника. В 1611 году ушли из жизни Като Киёмаса (49 лет), Хорио Ёсихару (66 лет) и Асано Нагамаса (63 года). Два года спустя умерли Икэда Тэрумаса (48 лет) и Асано Ёсинага (37 лет), а в 1614 году — Маэда Тосинага (52 года). Четверо из шести умерших *даймё* по возрасту годились Иэясу в сыновья. Все они при жизни демон-

Огосё Токугава Иэясу

Молитвенник Токугава Иэясу

стрировали верность клятве, данной в своё время Тоётоми Хидэёси, и готовность защищать его сына в случае опасности. Эта череда смертей была настолько выгодна Токугава, что породила слухи о том, что он сам их и организовал. Что, конечно, не соответствовало действительности — все умершие *даймё* страдали серьёзными заболеваниями, о чём говорится в их семейных хрониках.

Стремительное сокращение числа покровителей Хидэёри ещё больше изменило баланс сил в пользу Токугава и усилило тревожные ожидания в лагере наследника. Там тоже были уверены, что могущественный правитель так или иначе приложил руку к этим смертям. В переписке с верными ему военачальниками Хидэёри обсуждал растущую угрозу и просил предоставить помощь в случае столкновения с Токугава.

Судя по сохранившимся молитвенникам Иэясу, он в это время решал трудный для себя вопрос. Буддийские молитвенники того времени представляли собой скреплённые листы бумаги, на которых люди записывали то, что считали для себя самым важным или желанным. В молитвенниках Иэясу на каждом листе 250 раз повторялась одна и та же буддийская мантра, состоявшая из шести нероглифов — *наму амида буцу* («Слава будде Амида»).

Десять исписанных листов, каждый из которых был пронумерован и заверен личной печатью Токугава, сшивались вместе, образуя своего рода молитвенную брошюру. Все они датированы 1612 годом. Мы не знаем, о чём думал Токугава Иэясу, тысячи раз повторяя эту мантру, но скорее всего о том, что делать с Тоётоми Хидэёри.

Зимнее сражение в Осака

Новый 1614 год Токугава Иэясу встречал в замке Эдо, чего давно уже не делал. На этот раз всем *даймё* был разослан приказ явиться на ежегодную службу к январю и приступить к ней сразу после новогоднего ритуала. Присутствие в замке отца и сына Токугава придавало церемонии особую значимость и подчёркивало новогоднюю пустоту в замке Осака.

Праздничные аудиенции прошли первого и второго января. К тому времени все крупные военачальники уже построили усадьбы вокруг замка Эдо и переселили в них свои семьи, которые в любой момент могли превратиться в заложников. Чтобы свести к минимуму риск неповиновения, Токугава за последние 15 лет заключил 13 политических браков с *тодзама даймё*, а ещё несколькими семьям разрешил взять фамилию Мацудайра. Таким образом, число сторонников, на которых он мог рассчитывать, заметно возросло. Новогодний ритуал 1614 года прошёл по плану и убедил Иэясу в том, что воинская элита, включая не самых благонадёжных западных *даймё*, под контролем и в случае необходимости будет выполнять его приказы. Оставалось эту необходимость организовать.

В начале 1614 года резко обострилась борьба группировок в правительстве Хидэтада. После скандалов с Окубо Тадатика и Окамото Дайхати чиновники *бакуфу* и стояв-

шие за ними воинские кланы разделились на сторонников Хонда и Окубо. Как всегда в таких случаях, Иэясу стал получать донесения о том, что против него составляются заговоры. В числе их участников назывались самые разные силы — лишившиеся владений сыновья и вассалы Окубо Тадатика, преследуемые властями японские христиане, недовольные усилением англичан и голландцев португальцы, а также претендующий на пост сёгуна шестой сын Тадатэру в союзе со своим тестем Датэ Масамунэ. Что в этих донесениях было правдой, а что вымыслом, сказать трудно, но несомненно одно — весной 1614 года Иэясу встал перед необходимостью преодолеть раскол в собственном лагере и сплотить вассалов. Наилучшим вариантом была бы крупная военная акция, которая заставила бы забыть о внутренних распрях и объединить силы сторонников Токугава.

Подходящий повод представился весной 1614 года, когда в столице завершились работы по восстановлению статуи Большого Будды и отливке нового колокола в храме Хоко. На фоне продолжавших циркулировать слухов о том, что покровительствовавшие Хидэёри *даймё* были отравлены по приказу Токугава, его советник Исин Судэн доложил столичному наместнику Итакура Кацусигэ (1545–1624), что надпись, выгравированная на новом колоколе, составлена с нарушением правил и в ней есть сомнительные по содержанию места.

Храмовые колокола разрушались редко и использовались долго, поэтому к содержанию надписей на них относились очень серьезно. Право составления надписей было закреплено за группой высших священнослужителей из пяти главных столичных храмов, а в Хоко её выполнил местный монах Бунъэй Сэйкан (1568–1621) и, по докладу советника, без согласования с ними. Кроме того, в двух местах надписи была обнаружена крамола. В выражении *кокка анко* («государственная стабильность») вто-

рой и четвёртый иероглифы совпадали с именем Иэясу, но были разделены другими знаками. По давней китайской традиции имена императоров запрещалось использовать в публичных текстах; со временем это правило распространилось и на военных правителей. Недопустимым также считался разрыв иероглифов, которыми писалось имя человека.

В другом сочетании (*кунсин хораку*, буквально «благополучие правителя и подданных») второй и третий иероглифы, вместе составлявшие фамилию Тоётоми, стояли рядом и сливались в понятие «правитель». Ещё в двух местах надписи поэтические аллегории позволяли усмотреть скрытый смысл с нежелательными для власти Токугава ассоциациями (например, «бледная луна на востоке и яркое закатное солнце на западе»).

Вопрос о том, были ли обнаруженные несоответствия продиктованы желанием задеть честь Токугава, до сих пор не имеет однозначного ответа. С одной стороны, составление текстов со скрытым смыслом было довольно распространённым занятием, поэтому преднамеренный подбор и расстановка иероглифов вполне могли иметь место. С другой стороны, нет ничего невероятного и в том, что эти сочетания могли появиться совершенно случайно, без всякого умысла.

Конфуцианец Исин Судэн

Колокол храма Хоко и надпись

В любом случае доказать наличие или отсутствие тайных намерений было невозможно.

Получив из столицы доклад, Изясу распорядился провести расследование. Для разьяснения ситуации к нему выехал Катагири Кацумото (1556–1615). Будучи личным представителем Токугава в замке Осака, он одновременно выполнял обязанности управляющего наместника Хидэёри в трёх его провинциях. Вместе с Катагири в Сумпу отправился и составитель надписи Бунъэй Сэйкан, но по дороге его задержали и взяли под стражу. Посланник Хидэёри тоже был встречен холодно — Токугава его не принял, а разбирательство поручил своему главному помощнику Хонда Масадзуми.

Выслушав объяснения Катагири, Хонда передал ему требования Токугава: сомнительные места в надписи устранить, а открытие храма и освящение статуи, соответственно, отложить до исполнения. Что касается самого Хидэёри, то из Осака поступают донесения о его военных приготовлениях. В связи с этим Иэясу предлагает ему

переехать из замка в одну из принадлежащих ему провинций. Переезд потребует времени, поэтому для скорейшего решения вопроса Хидэёри должен построить в Эдо семейную усадьбу и отправить туда свою мать в качестве заложницы. Пока же ему следует воздержаться от закупки оружия и набора на службу вольнонаёмных самураев. Всё это было передано посланнику на словах. Очевидно, что вторая часть требований не имела никакого отношения к колокольной надписи.

Вслед за Катагири в Сумпу прибыла женская делегация замка Осака во главе с кормилицей Ёдодоно и матерью её гражданского мужа Оно Харунага. Цель визита была та же — объяснить недоразумение с надписью и принести официальные извинения. В отличие от Катагири, Токугава принял женщин лично и в разговоре с ними никаких требований не выдвигал.

Вернувшись в Осака, обе делегации доложили о результатах визита. Женская группа сообщила, что встреча с Токугава прошла хорошо и всё в порядке, а Катагири Кацумото передал то, что ему было сказано: Хидэёри должен выехать из замка и отправить свою мать заложницей в Эдо. В окружении наследника не знали, что думать и кому верить. С одной стороны, требования Токугава вызвали у них взрыв негодования, а с другой — навлекли на Катагири подозрения в двойной игре и предательстве интересов

Катагири Кацумото

Хидэёри. Посланник настаивал на том, что Токугава настроен решительно и дело может кончиться вооружённым столкновением. Поэтому, говорил он, следует принять его требования и начать в Эдо строительство усадьбы. Но не торопиться и всячески затягивать время в расчёте на то, что Иэясу скоро исполнится 72 года и долго он не проживёт. А после его смерти ситуация изменится, и тогда Хидэёри сможет вернуть себе власть.

Обсудив требования Токугава, в замке Осака решили, что они унижительны и неприемлемы, а самого Катагири обвинили в предательстве и уволили со службы. Несколько радикально настроенных командиров решили, что этого недостаточно, и договорились убить предателя. Благодаря вмешательству умеренного крыла в окружении Хидэёри эту угрозу удалось отвести, и всё закончилось договорённостью, что Катагири уйдёт в монастырь. Его изгнание стало победой радикально настроенных командиров в окружении наследника и означало курс на конфронтацию с Токугава. На следующий день в замке начались военные приготовления.

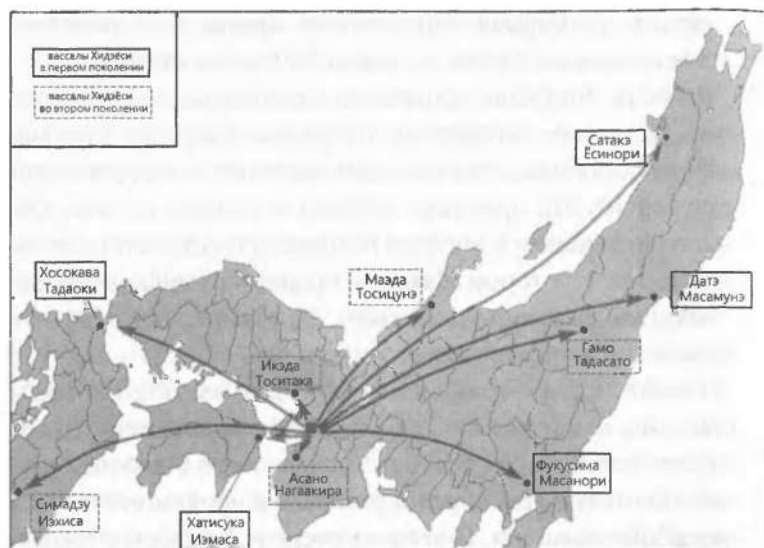
Вероятнее всего, Токугава на это и рассчитывал. Первого октября он получил из Осака донесение, что Оно Харунага, Сусукида Канэсукэ и Кимура Сигэнари пытались убить Катагири, но ему удалось спастись. Покушение на его представителя было гораздо более серьёзным поводом для карательной операции, чем сомнительные места в надписи на колоколе, и, похоже, сообщение осакского наместника даже обрадовало Токугава. На следующий день Хонда Масадзуми в письме Тодо Такатора писал, что Иэясу словно помолодел и взбодрился, узнав о событиях в Осака (*Тодокэ бунсё*). Получив хороший повод для решения большого вопроса, он им незамедлительно воспользовался. В тот же день провинциальным *даймё* был разослан указ о военном походе и предписание выставить по 235 пехотинцев с каждых 10 тысяч *коку* рисового дохода. Эта норма позволяет

рассчитать примерную численность армии, мобилизованной для похода на Осака, — около 200 тысяч человек.

Тоётоми Хидэёри попытался предотвратить столкновение. Девятого октября он отправил Токугава письмо, в котором сообщал, что не ведёт военных приготовлений и приглашает его приехать в Осака и самому в этом убедиться. Инцидент с Катагири Кацумото он объяснил недопониманием, о котором Иэясу неправильно информировали. Токугава получил это письмо 19 октября, уже находясь в пути, и проигнорировал его.

В замке Осака готовились к обороне. В августе 1614 года общая численность войска Хидэёри составляла около 30 тысяч человек. Для войны с *бакуфу* этого было недостаточно, поэтому в сентябре он разослал в провинции письма с просьбой о помощи. В первую очередь Хидэёри обратился к главам крупных воинских домов, которые служили его отцу и получили от него земельные владения (Фукусима, Хатисука, Хосокава, Сатакэ, Симадзу, Маэда, Асано, Гамо, Икэда). Однако большинство из них к тому времени так или иначе уже зависели от Токугава экономически и неоднократно давали ему клятвы верности, а 13 кланов ещё и породнились с ним за счёт политических браков. Все крупные воинские дома отказали Хидэёри в помощи, а некоторые в доказательство своей лояльности арестовали его посланников и отправили их в Сумпу вместе с полученными от него письмами и своими отказами. Говорят, что Иэясу распорядился отрубить гонцам пальцы на руках, чтобы они не могли держать оружие, и выжечь на лбу имя Хидэёри, после чего отпустил по домам. Многие *даймё*, находившиеся в тот момент на службе в Эдо (Хосокава, Асано, Ямаути и др.), в первой декаде октября лично прибыли в Сумпу, чтобы подтвердить свою готовность немедленно выступить в поход против Хидэёри.

Одиннадцатого октября Иэясу вышел из Сумпу и через 12 дней был в столице. В пути он каждый день по-

Адреса обращений Тоётоми Хидэёри за помощью

лучал донесения о том, что происходит в Киото и Осака. Передвигаться приходилось с соблюдением мер безопасности; 20 октября на одном из постоянных дворов был схвачен переодетый бродячим монахом наёмник, готовивший на него покушение.

По прибытии в столицу Токугава встретился с Катагири Кацумото и Тодо Такатора, расспросил их о новшествах в системе защитных сооружений замка Осака и назначил командовать передовыми отрядами. Отправив их на позиции, он остался ждать Хидэята, который снова задерживался. В тот день, когда Иэясу прибыл в столицу, сын с 50-тысячной армией только вышел из Эдо, потратив много времени на сборы и организацию охраны замка в своё отсутствие. По распоряжению отца он отстранил от участия в походе нескольких «командиров Хидэёси», в том числе Курода Нагамаса, Фукусима Масанори, Като Ёсиаки, Хосокава Тадаоки, Хирано Нагаясу. В 1600 году они сража-

лись на стороне Токугава и внесли решающий вклад в победу, но теперь им предстояло воевать против сына Хидзёси, и опытный полководец не хотел рисковать.

Перед выходом из Эдо Хидэтада отправил в Киото гонца с извинениями за задержку и просьбой к отцу не начинать боевые действия без него. Если бы он

Тодо Такатора

пропустил ещё и это сражение, то на его воинской репутации можно было бы окончательно ставить крест. Хидэтада это понимал, и потому очень спешил: за 17 дней его армия прошла пешим маршем 490 километров. В окрестностях столицы сёгун нагнал отряд Датэ Масамунэ, вышедший из Эдо на три дня раньше, и 10 ноября вместе с ним вошёл в Киото. Иэясу назначил начало похода на 13-е число, но астрологи определили, что дата неблагоприятна для начала большого дела, и отправление пришлось перенести на 15 ноября. Ещё через три дня вся 200-тысячная армия Токугава была в сборе и заняла исходные позиции. По свидетельству современника, кое-где её отряды стояли так плотно, что мешали друг другу.

В замке к тому времени тоже собрались все, кто мог и хотел воевать с Токугава. Годовой доход Хидзёри в 657 тысяч коку риса не позволял нанять большую армию, но в замке со времён Хидзёси хранились крупные запасы золота и серебра. На эти средства Оно Харунага собрал войско численностью 90 тысяч человек. В его составе были как безымянные низкоранговые самураи, так и представители известных воинских фамилий, имевших собственные счёты с Токугава: Ода Ёринага, Масита

Морицугу, Адзай Нагафуса, Тёсокабэ Моритика, Санада Юкимура, Мори Кацунага, Гото Матабэй, Отани Дайгаку, Хосокава Окиаки, Бан Дандаэмон.

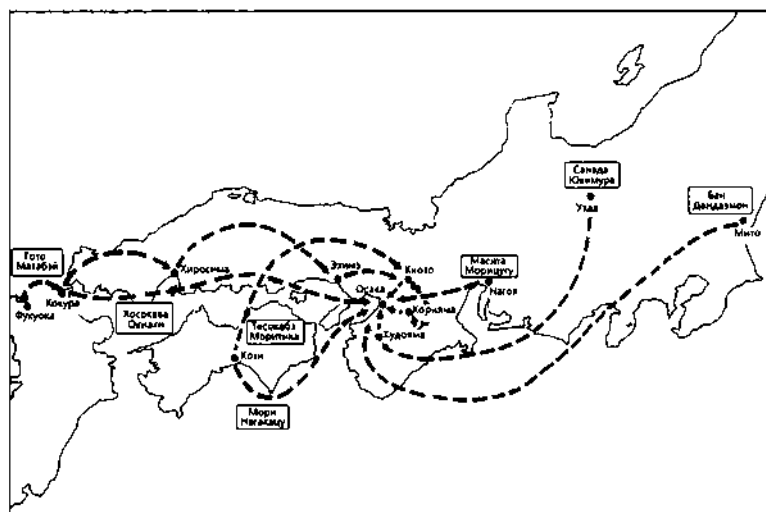
Ода Ёринага (1582–1620), родной племянник Ода Нобунага.	В 1600 году вместе с отцом Ода Ураку воевал на стороне Токугава, но после создания сёгуната стал его противником и перешёл в лагерь Тоётоми Хидэёри.
Адзай Нагафуса (1570–1615).	В 1600 году воевал против Токугава и после поражения всё потерял, поэтому свой выбор сделал быстро.
Масита Морицугу (1580–1615), сын бугё Масита Нагамори.	Служил одному из младших сыновей Токугава, но оставил службу и перешёл на сторону Хидэёри.
Тёсокабэ Моритика (1575–1615), бывший глава воинского дома с острова Сикоку.	В 1600 году воевал против Токугава, лишился земельных владений и жил в Киото как простой горожанин, преподавая в местной школе.
Санада Юкимура (1567–1615)	В сражении на равнине Сэкигахара не участвовал, но за контакты с западной коалицией был вместе с отцом отправлен в монастырь, впоследствии скитался.
Мори Кацунага (1578–1615), сын одного из старейшин дома Мори.	В 1600 году воевал против Токугава, после поражения ушёл в монастырь. Получив письмо Хидэёри с просьбой о помощи, прибыл в замок Осака.
Гото Матабэй (1560–1615), бывший вассал Курода Нагамаса.	В 1600 году воевал на стороне Токугава, но затем ушёл от Курода, сменил несколько мест службы и стал <i>ронин</i> ом.
Хосокава Окиаки (1583–1615), сын союзника Токугава Хосокава Тадаоки.	В 1600 году воевал в составе восточной армии. Был отправлен отцом в Эдо в качестве заложника, по дороге бежал и ушёл в монастырь. В 1614 году пошёл воевать против Токугава и своего отца.

Бан Наююки
(Дандаэмон) (1567–
1615), вассал Като
Ёсиаки, союзника
Токугава.

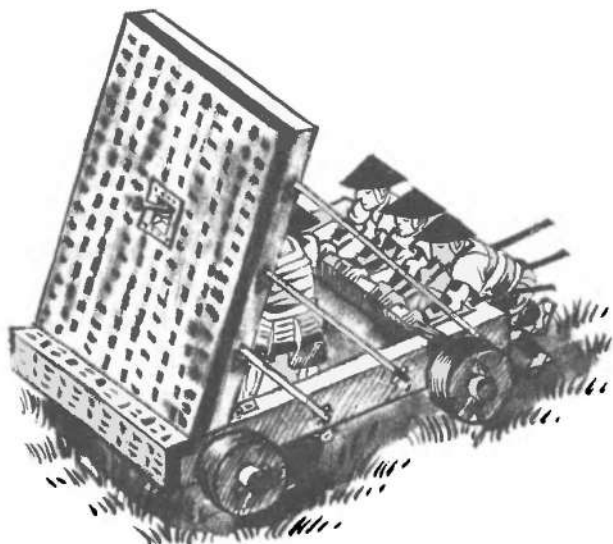
В 1600 году воевал на стороне Токугава, получил взыскание и уволился. Трижды менял место службы, затем ушёл в монастырь. В 1614 году присоединился к лагерю Хидзёри.

В штабе Хидзёри обсуждалось два тактических варианта — наступательный и оборонительный. В первом случае восточную армию следовало атаковать на дальних подступах к городу и вести бои на открытой местности. Этот план отстаивали Санада Юкимура и Гото Магабэй. Защитный вариант опирался на преимущество крепостных стен замка и выглядел надёжнее. Его поддерживали Оно Харунага и большинство командиров личной гвардии Хидзёри. В конце концов он и был принят.

В организации обороны активно участвовала Ёдодоно, мать Хидзёри. Ещё до начала боевых действий в лагере Токугава появились перебежчики, которые рассказали,

Маршруты поддержки Хидзёри

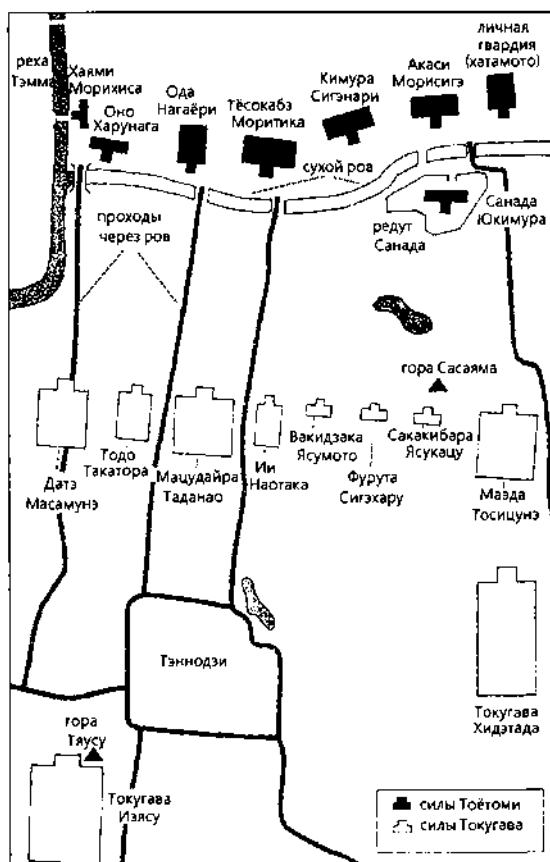
Передвижная защитная платформа

что мать наследника не только участвует в обсуждении тактических планов, но и лично проверяет посты, облачившись в воинские доспехи. По их словам, несколько близких друзей Ёдодono делают то же самое, и это вызывает недовольство командиров среднего звена. Видя, что ими руководит женщина, они теряют веру в победу. Что касается самого Хидзэри, то его роль в организации боевых действий невелика.

Отдельные стычки между отрядами двух армий происходили в окрестностях города с первых чисел ноября, но главные боевые действия начались 19-го числа, на следующий день после прибытия отца и сына Токугава. Их результатом стал захват восточной армией нескольких фортов на реке Кидзу, в двух километрах юго-западнее Осака.

Через неделю, 26 ноября, два крупных сражения произошли у деревень Сигино и Имафуку. От восточной ар-

мии в них участвовали Уэсуги Кагэкацу и Сатакэ Ёсинобу, от западной — командиры из группы Оно Харунага. Ожесточённые бои продолжались весь день и закончились с небольшим преимуществом армии *бакуфу*. Обе стороны понесли большой урон; особенно много бойцов потерял отряд Сатакэ. Через два дня столкновения продолжились у фортов Нода и Фукусима. В них участвовали другие отряды и командиры, но они тоже закончились в пользу армии Токугава. Итогом первых десяти дней стали захват

Бои за редут Санада

большей части внешних укреплений западной армии и сужение осадного кольца вокруг замка Осака.

Вслед за продвинувшейся вперёд армией перенесли свои ставки ближе к городу отец и сын Токугава. Иэясу расположился в специально построенном для него домике у подножия горы Тяусу, а Хидэтада — в Окаяма. Замок Осака был с трёх сторон защищён рвами с водой и протекавшими рядом реками; водной преграды не было только у южной крепостной стены, но здесь защитники замка построили «редут Санада» — внешний форт, вынесенный на 70 метров за пределы стены и соединённый с ней подъёмным мостом. Его окружали сухой ров и земляной вал с двойной оградой и стрелковыми вышками. Редут защищали семь тысяч человек под командованием Санада Юкимура, из-за чего он и получил своё название. В течение двух суток, 2 и 3 декабря, 26 тысяч человек под командованием Маэда Тосицунэ (1594–1658) несколько раз штурмовали редут, но каждый раз наталкивались на плотный ружейный огонь и отступали. Убедившись, что лобовым штурмом укрепление не взять, Иэясу распорядился прекратить атаки.

Хидэтада несколько раз обращался к отцу с просьбой разрешить генеральный штурм и назначить его командующим, но Иэясу каждый раз говорил «нет». Хорошо зная внутреннее устройство замка и его защитные возможности, он избрал другую тактику.

Ещё летом *бакуфу* по его инициативе закупило у голландцев и англичан крупнокалиберные дальнобойные пушки, способные вести обстрел замка через высокие крепостные стены. За две недели они были размещены у его южной стены, и 16 декабря начался планомерный обстрел. Европейские орудия не отличались скорострельностью и давали один залп каждые 20–30 минут, но зато гарантированно доставали любые цели на территории замка. Командир батареи Инатоми Масанао составил по устному описанию Катагири Кацумото внутреннюю карту

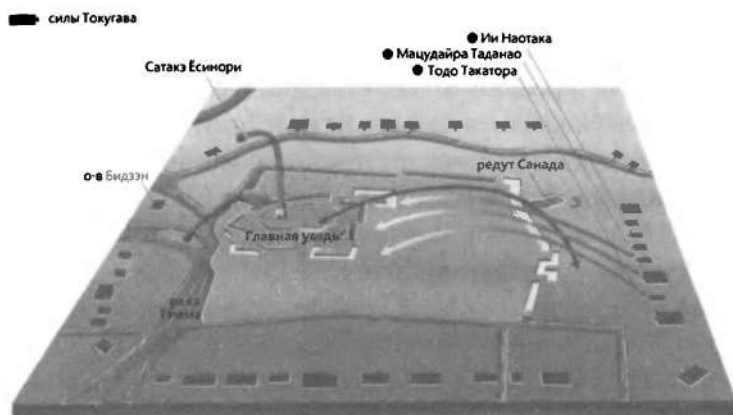

Схема артобстрела замка Осака

замка и начал прицельно бить по Главной усадьбе, где жил Хидэёри с матерью. Обстрел продолжался четыре дня, с 16 по 19 декабря. За всю историю войн в Японии артиллерия никогда не использовалась так часто, как в декабре 1614 года. Современники писали, что гул канонады был слышен за 40 километров, в Киото.

Другим аспектом психологического давления на защитников замка стали ложные атаки. По распоряжению Иэясу отряды восточной армии регулярно имитировали штурм замка — сотни пехотинцев с криками и стрельбой бросались вперёд, а затем отступали. Атаки повторялись трижды в день: в шесть и десять часов вечера, а потом в четыре утра (*Тодайки*). В замке каждый раз объявлялась тревога, и его защитники занимали свои места, но затем всё прекращалось, и наступала тишина. Ложные атаки должны были лишить защитников нормального сна и держать их в постоянном напряжении. Правда, в другом источнике говорится, что после нескольких имитаций гарнизон к ним привык и особенно уже не реагировал.

Во время осады лучники Токугава обстреливали замок записками, в которых убеждали защитников пре-

кратить сопротивление и сдаться в обмен на сохранение жизни. Хонда Масадзуми и Гото Мицугу через общих знакомых предлагали западным командирам договориться о содействии на взаимовыгодных условиях. Попытка подкупить Санада Юкимура провалилась, а контакты с Ода Ураку (1547–1622) дали результат. Ему было сообщено, что Токугава не жаждет крови и готов помиловать всех защитников замка, в том числе Хидэёри и его мать, если они прекратят сопротивление и согласятся засыпать внешние рвы.

Ода Ураку, младший брат Нобунага, знал Токугава с 1584 года, когда они вместе воевали против Хидэёси. В лагере Хидэёри он пользовался авторитетом и принадлежал к умеренному крылу, в то время как его сын Ода Ёринага входил в противоположную группировку и был настроен непримиримо. К числу умеренных руководителей относился также Оно Харунага (1569–1615), которого многие в замке считали гражданским мужем Ёдодоно и биологическим отцом Хидэёри. Радикальное крыло возглавляли Санада Юкимура и Гото Матабэй, их поддерживали Тоётоми Хидэёри и его мать Ёдодоно.

Пушки обеих армий

К мирным переговорам Иэясу подталкивала и наступившая зима. Декабрь 1614 года выдался необычайно холодным; непогода затрудняла боевые действия и требовала больших средств на снабжение армии всем необходимым. Была и ещё одна причина для того, чтобы избегать больших потерь, — невозможность должным образом вознаградить участников похода. В отличие от сражения на равнине Сэкигахара, после которого под контроль Токугава перешла треть рисового дохода страны, победа над Хидзэри не обещала больших трофеев. По этой причине он как никогда ранее требовал от старших командиров беречь жизни бойцов и применять средства индивидуальной защиты. Его логика была понятна: если не можешь компенсировать своим командирам потери, надо свести их к минимуму. Широкое использование восточной армией разнообразного арсенала индивидуальных и групповых средств защиты стало ещё одной отличительной чертой этой кампании. В декабре 1614 года она опробовала новинку — металлические щиты на колёсной платформе, для передвижения которых требовалось не менее восьми человек. От пуль и стрел пехотинцы защищались и раньше, но использовали для этого вязанки из стволов бамбука, которые легко пробивались ядрами противопехотных орудий малого калибра. Против металлических щитов они были бессильны.

Семнадцатого декабря в конфликт вмешался император. Иэясу получил от него письмо с просьбой прекратить кровопролитие и предложением своих услуг в качестве посредника. В прошлом императорский дом не раз брал на себя функцию миротворца, и предшественники Токугава охотно прибегали к его услугам, когда это было выгодно. У Токугава на этот счёт была своя точка зрения. Он считал, что, во-первых, император не должен вообще вмешиваться в светские дела, тем более такой юный и неопытный, как Мидзуноо. А во-вторых, это была его война. Он хотел сам выиграть кампанию, к которой он шёл столько лет. Поэтому вежливо отказал императору под предлогом

того, что его престиж может пострадать, если по каким-то причинам мира достичь не удастся.

Массированный артиллерийский обстрел дорого обошелся восточной армии, но уже через три дня дал результаты. Восемнадцатого декабря одно из ядер попало в женскую половину Главной усадьбы, убив, как сказано в источнике, «семь или восемь женщин» из окружения матери Хидээри. Это произвело на всех тяжёлое впечатление, и Ёдодоно предложила сыну начать мирные переговоры. Её поддержали умеренные командиры во главе с Ода Ураку и Оно Харунага, повторив главные аргументы: Иэясу уже семьдесят два года, ему недолго осталось, поэтому лучше один раз унизиться и немного подождать, чем рисковать жизнью наследника. К тому же в замке уже начала ощущаться нехватка боеприпасов и продовольствия.

В тот же день Токугава получил сообщение, что Хидээри готов начать мирные переговоры. На первую встречу обе стороны отправили женщин: замок Осака представляла младшая сестра матери наследника Охаци, а штаб Токугава — гражданская жена Иэясу и мать двоих его сыновей Отяа. Это был редчайший случай, когда переговоры об окончании военных действий вели женщины. В первый день договориться не удалось: Хидээри потребовал новых земельных владений, а это означало расширение его возможностей по найму новых вассалов, поэтому Иэясу требование отклонил. Оно было снято, и к вечеру следующего дня стороны пришли к соглашению. Токугава взял на себя следующие обязательства:

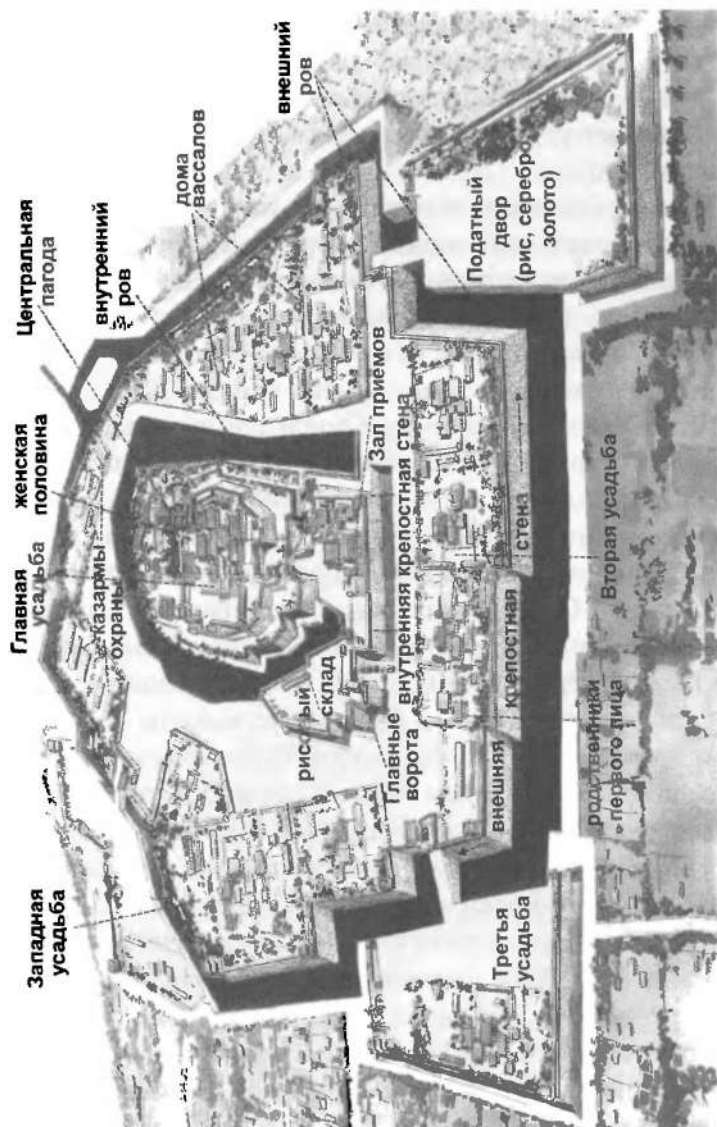
- 1) Освободить защитников замка от любых форм преследования.
- 2) Сохранить за Хидээри все прежние земельные владения.
- 3) Снять требование о выезде Ёдодоно в Эдо.
- 4) Снять требование о выезде Хидээри из замка Осака.

- 5) В дальнейшем не предпринимать против Хидэёри враждебных действий.

(Осака тодзинки)

Хидэёри со своей стороны согласился прекратить вооружённое сопротивление и пообещал, что не возобновит его в будущем. В качестве гарантии договорились ликвидировать внешние укрепления замка, делавшие его неприступным, а именно: 1) засыпать большой внешний ров; 2) разрушить крепостные стены и стрелковые башни вокруг Второй и Третьей усадеб, находившихся на его территории; 3) засыпать внутренние рвы вокруг них. После выполнения этих работ в замке Осака должны были остаться нетронутыми лишь внешняя крепостная стена и Главная усадьба, где жил Хидэёри с матерью. Её тоже окружали сухой ров и крепостная стена, но в случае массированного штурма они легко преодолевались. По условиям договора большой внешний ров ликвидировался силами Токугава, а укрепления вокруг Второй и Третьей усадеб должны были разрушить сами защитники замка. Примирение скрепили клятвами Ода Ураку и Оно Харунага отправить своих сыновей в Эдо в качестве заложников.

Двадцатого декабря артиллерийский обстрел замка прекратился, а вечером того же дня женская делегация из трёх человек прибыла в ставку Иэясу и обменялась с ним подписанными кровью клятвами о соблюдении договора. На следующий день такая же процедура прошла в ставке Хидэтада, куда отправился Кимура Сигэнари со своим помощником. Хидэёри и его мать непосредственно в переговорах не участвовали, поэтому 22 декабря представители Токугава встретились с ними в замке и ещё раз обговорили условия соглашения. В обмен на восстановление доверия со стороны Токугава Хидэёри пообещал ответить тем же, а в случае возникновения сомнений или вопросов обращаться непосредственно в *бакуфу*.

Замок Осака в 1614 году

Оставив сына контролировать ход работ, Иэясу уехал в столицу и 28 декабря доложил императору, что его воля выполнена, мир в городе восстановлен. В изданном вслед за этим указе об окончании боевых действий он поблагодарил всех участвовавших в них *даймё* и на три года освободил их от трудовой повинности, после чего вернулся к себе в Сумпу.

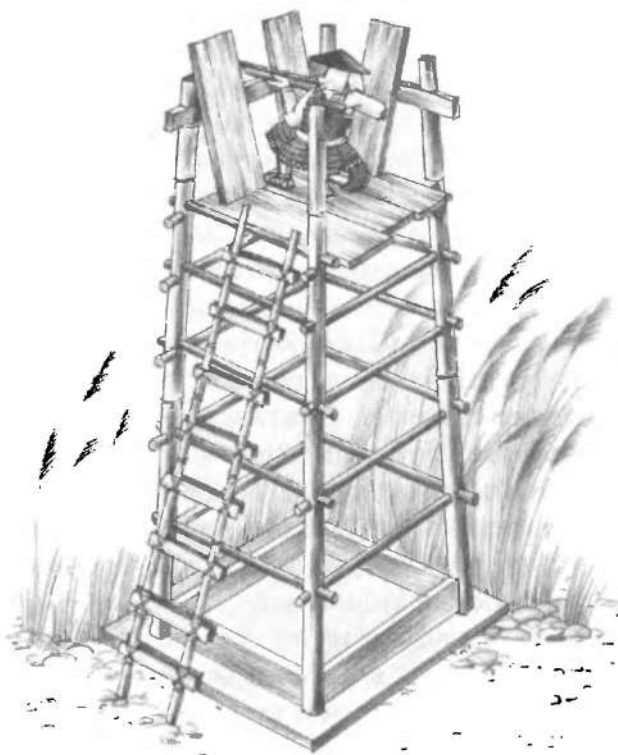
Засыпка большого внешнего рва началась на следующий день после подписания договора. Землю брали с насыпей и ближайших холмов. Пехотинцы работали днём и ночью, поэтому дело продвигалось быстро. Датэ Масамунэ сообщал в письме одному из своих вассалов, что к 25 декабря ров был уже наполовину засыпан (Сонэ, 2013).

Штаб Хидзёри, следуя избранной тактике, максимально затягивал время и не торопился начинать работы вокруг Второй и Третьей усадеб, поэтому Иэясу распорядился сделать это своими силами. Закончив с основным рвом, пехотинцы восточной армии в январе приступили к внутренним укреплениям. Судя по некоторым упоминаниям, они разрушали не только крепостные стены и стрелковые башни, но и дома на территории Второй и Третьей усадеб, в которых жили родственники и ближайшие вассалы Хидзёри. Затем началась засыпка рва вокруг Главной усадьбы, что было прямым нарушением условий договора. Эти действия вызвали гнев и протесты в лагере Хидзёри; радикально настроенные командиры вновь заговорили о том, что Токугава верить нельзя и соглашение с ним было ошибкой.

Пятнадцатого января 1615 года в Сумпу прибыли представители Хидзёри с протестом по поводу несоблюдения договорённостей. Выслушав их претензии, Иэясу признал их справедливыми и разрешил восстановить наполовину засыпанный ров вокруг Главной усадьбы. К моменту возвращения делегации в Осака все рвы были уже засыпаны и внутренние укрепления разрушены — нетронутой осталась лишь резиденция наследника.

Летнее сражение в Осака

В конце января последние отряды восточной армии покинули город, и почти сразу же в замке возобновилась военная активность. Осацкий наместник Итакура Кацусигэ сообщал Токугава, что вокруг крепостных стен вновь отсыпаются земляные валы, ставятся изгороди и стрелковые вышки, а в замок завозятся продовольствие, оружие и боеприпасы. Засыпанные рвы тоже начали понемногу углубляться — где на метр, где на полтора. В начале марта наместник писал, что почти каждый вечер

Стрелковая вышка

самураи Хидэёри группами по 100–200 человек отправляются разбойничать в столицу. А в переписке со своим соратником Гото Сэсабуро он сообщал, что после декабрьского перемирия ни один защитник замка не уехал из города. Наоборот, всё новые и новые *ронины* съезжаются в Осака в надежде получить работу и жалованье. По словам местных жителей, зимой 1615 года самураев в городе стало больше, чем было даже при Хидэёси. Наместник Токугава утверждал, что только за один март на службу в замок было принято 12 тысяч человек и все они готовятся к возобновлению боевых действий (Футаки, 1983). О том, что в середине февраля среди сторонников Хидэёри усилились настроения в пользу продолжения борьбы с Токугава, свидетельствует и письмо Санада Юкимура своему зятю Исиаи Дзюдзо (Сонэ, 2013).

Из лагеря Хидэёри Токугава получал прямо противоположную информацию. Лишившись большей части оборонительных укреплений, его советники прилагали все усилия, чтобы выиграть время и избежать повторного столкновения. Тринадцатого марта в Сумпу прибыл Аоки Кадзусигэ в сопровождении младшей сестры Ёдодоно и ещё двух женщин. Представитель Хидэёри сообщил, что условия мирного договора полностью соблюдаются и в городе всё спокойно. Делегация поздравила Иэясу с предстоящей свадьбой его девятого сына Ёсинао, передала от Хидэёри подарки и просьбу о материальной помощи для восстановления того, что было разрушено в декабре. Во время этой встречи ни одна из сторон не поднимала вопрос о военных приготовлениях.

Во второй половине марта обстановка в столичном районе ухудшилась, а в Киото и Осака широко распространились слухи о том, что армия Хидэёри готовится захватить столицу. В отсутствие силы, которая могла бы ей помешать, слухам охотно верили. Одни горожане начали покидать свои дома, а другие — выходить на улицы с

ритуальными плясками *исэодори* (букв. «танец храма Исэ»), которыми издавна сопровождался рост социальной напряжённости. В столице и прилегающих к ней провинциях толпы бедняков с бубнами и барабанами устраивали так называемые «танцевальные марши»: двигаясь по улицам городов и сёл, они распивали *сакэ*, выкрикивали со-

Ода Ураку

чинённые на ходу речёвки и совершали телодвижения, отдалённо напоминавшие танцы. Речёвки заканчивались одной и той же фразой, ставшей символом и названием этого уличного протеста — *ээ дзя най ка*⁶¹ («Ну чем не хорошо?»). Такие пляски практиковались в Японии с давних времён и служили своего рода выпускным клапаном для сброса нервного напряжения в годы тревог и испытаний. На этот раз их источником стали ухудшение обстановки в двух главных городах страны и ожидание развязки в многолетней борьбе за власть между династиями Тоётоми и Токугава. По свидетельствам современников, танцевально-протестное движение *ээ дзя най ка* достигло своего пика в марте 1615 года, а в Осака, где ситуация была самой взрывоопасной, эти танцы устраивались ежедневно (*Сумпуки*).

Сообщения обо всех этих событиях регулярно поступали в Сумпу. В конце марта Оно Харунага отправил

⁶¹ Эквивалент современной речевой концовки *ий дзя най дэс ка* на киотосском диалекте.

к Токугава своего представителя с заверениями в беспочвенности слухов, распространяемых врагами Хидзэри, и отсутствии у него тайных замыслов, но было поздно — к тому времени Иэясу уже принял решение. Несколькими днями раньше он получил донесение от Ода Ураку о том, что в замке Осака идут военные приготовления и его попытки остановить этот процесс не дали результата, поэтому он покидает город и считает своим долгом сообщить об этом. Вероятнее всего, Иэясу просто ждал повода, чтобы добиться давно поставленной цели — вынудить Хидзэри покинуть неприступный замок и отделить его от десятков тысяч вооружённых сторонников, готовых за него воевать. Если бы это удалось сделать, то сын Хидзэси превратился бы в одного из крупных землевладельцев-даймё и стал элементом системы власти Токугава, как в своё время Ода Нобукацу в системе власти Хидзэси.

Это требование Иэясу передал посланнику Оно Харунага 24 марта 1615 года. Оно не было предусмотрено декабрьским соглашением и свидетельствует об эскалации давления со стороны Токугава. Он предложил Хидзэри выполнить одно из двух условий: либо уволить и выслать из Осака всех принятых на службу самураев, либо самому выехать из замка в одну из соседних провинций, Исэ или Ямато. При этом он понимал, что ни одно из этих условий Хидзэри выполнить не мог, даже если бы захотел. Для переезда на новое место с многочисленной свитой и гвардией требовалось много времени и денег. Но главным было даже не это. Последние 16 лет юноша жил вместе с матерью и ближайшим окружением в замке, который построил для него отец. Выезд из главной резиденции страны был бы равнозначен отказу от законных прав на наследство и каких-либо притязаний на власть, и все это прекрасно понимали.

Уволить со службы и удалить из города десятки тысяч *ронинов*, нанятых за последние шесть месяцев, было также невозможно. Огромное число самураев, оставшихся без

дела с наступлением мирного времени, занимались чем придётся и едва сводили концы с концами. Обострившиеся отношения между семьями Тоётоми и Токугава сделали замок Осака единственным местом, где навыки и умения *ронинов* оказались востребованы. Только здесь им могли предложить работу и жалование, только здесь в них нуждались. За последние полгода многие из них обзавелись в городе собственным жильём и не собирались из него уезжать, тем более что большинству и уезжать было некуда. В таком же положении были принявшие христианство и преследуемые властями простолюдины из всех слоёв общества. Противостояние Тоётоми и Токугава гарантировало им хоть какой-то статус и занятость, поэтому даже если бы Хидэёри вдруг объявил, что не нуждается больше в их услугах, они вряд ли покинули бы город. Так что его возможности в этом плане были очень невелики, и Токугава это прекрасно понимал. Предъявленный им ультиматум был явно рассчитан на возобновление боевых действий, и на этот раз они должны были стать окончательными.

В лагере Хидэёри намерения Токугава поняли правильно. В первых числах апреля Оно Харунага отправил в Сумпу ещё одного представителя с просьбой пересмотреть требование о выезде Хидэёри из замка. Об этом же попросила Иэясу и Ёдодоно, отправив к нему свою младшую сестру Охацу. Ответ Токугава был однозначным: «В сложившейся ситуации иного выхода не существует» (*Сумпуки*). Указ о подготовке к новому походу против Хидэёри в тот момент был уже разослан — Иэясу издал его сразу после предъ-

Хосокава Тадаоки

явления ультиматума, не дожидаясь ответа. Его вассалы Дои Тосикацу и Сакаи Тадаё получили приказ взять замок Осака под наблюдение и сообщать обо всём, что там происходит. На выездах из города были расставлены заставы с приказом никого не выпускать и проверять все ввозимые грузы. Первая мера была направлена на то, чтобы не допустить контактов Хидэёри с *даймё* из других провинций, а вторая — исключить подвоз оружия и продовольствия.

В начале апреля крупнейшие военачальники страны получили приказ собраться в столице и ожидать там дальнейших указаний. Отдельное решение пришлось принимать по четырём «командирам Хидэёси», отстранённым от участия в зимней кампании: Хосокава Тадаоки, Курода Нагамаса, Като Ёсиаки и Фукусима Масанори. От трёх первых Токугава потребовал прислать заложников, после чего разрешил присоединиться к своей армии, а Фукусима Масанори и на этот раз был оставлен в Эдо; Иэясу доложили, что он отправил из своих владений в замок Осака 80 тысяч коку риса.

Сообщение вернувшегося из Сумпу представителя Оно Харунага об отказе Токугава пересмотреть свои требования ускорило военные приготовления в замке. Девятого апреля наёмный убийца у ворот замка пытался убить Оно Харунага, но был схвачен. Несмотря на пытки, он не выдал имя заказчика, что дало почву для множества слухов и версий. Большинство склонялись к тому, что покушение совершено по приказу Токугава, но были и те, кто усматривал в инциденте руку радикальных противников Харунага из лагеря Хидэёри.

Иэясу прибыл в Киото 18 апреля, а ещё через три дня с основными силами подошёл Хидэгада. Двадцать второго апреля на военном совете был утверждён план действий. Ликвидация большей части защитных сооружений сильно ослабила замок, а численное преимущество армии *бакуфу* на этот раз было ещё большим, чем зимой, — 150 тысяч

человек против пятидесяти пяти, поэтому операцию было решено завершить за три дня. Основные силы численностью 120 тысяч человек под командованием отца и сына Токугава должны были наступать с южного направления, со стороны провинции Кавати, а вспомогательные, под руководством шестого сына Тадатэру (35 тысяч) — с юго-востока, со стороны Ямато. Интендантским службам было приказано заготовить трёхдневный запас провианта и боеприпасов.

Двадцать четвёртого апреля Иэясу ещё раз предложил Хидэёри выполнить одно из своих требований — выехать из замка или удалить из него всех нанятых самураев — и остался ждать ответа, пока его армия выдвигалась на позиции.

Первое столкновение произошло уже на следующий день, 25 апреля. Двухтысячный отряд под командованием Оно Харуфуса захватил форт, принадлежавший командиру Токугава Цуцуи Масацугу в провинции Ямато. Развивая успех, Оно продвинулся дальше по тракту, ведущему в Нара, но был остановлен высланным навстречу командиром Токугава. Двадцать восьмого апреля крупный отряд западной армии численностью в 20 тысяч человек вышел из Осака и разделился на две части. Одна из них атаковала позиции Коидэ Ёсихидэ, а другая вошла в портовый город Сакаи, разграбила его и подожгла. Согласно записи европейского миссионера, это была месть городским властям за политику «нашим и вашим». Сначала они поддержали Хидэёри, передав ему деньги на организацию обороны, а затем подстраховались на случай победы Токугава и отправили в его распоряжение нанятый на городские деньги вооружённый отряд (Фуtaki, 1983). В результате пожара 1615 года этот крупнейший портовый город был полностью уничтожен и уже не смог восстановиться.

Первый крупный бой на открытой местности состоялся 29 апреля в Касинои, где Оно Харуфуса с тремя

тысячами бойцов атаковал пятитысячный отряд восточного командира Асано Нагаакіра. Он закончился победой Асано и гибелью одного из героев декабрьской обороны Осака, 47-летнего западного командира Бан Дандаэмон (1567–1615). Бой длился недолго и не имел большого значения, но победа в нём была сочтена хорошим предзнаменованием и добавила уверенности частям восточной армии.

Отец и сын Токугава прибыли на передовую 5 апреля и расположились в двух ставках в 10 километрах юго-восточнее Осака. Иэясу был спокоен и уверен в победе — передвигался только в паланкине и ни разу не надел шлем. Командовать передовыми отрядами на южном направлении он поручил Тодо Такатора и Ии Наотака, второй эшелон возглавили Сакакибара Ясукацу и Сакаи Иэцугу, а за третий отвечали Хонда Тадатомо и Мацудайра Ясунага. В глубине позиции, на четвёртой линии располагались Мацудайра Таданао и Маэда Тосицунэ, а позади них — личная гвардия Иэясу и Хидэтада. На юго-восточном направлении передовыми силами командовал Мидзуно Кацунари, второй линией — Хонда Тадамаса, третьей — Мацудайра Тадааки, четвёртой — Датэ Масамунэ, пятой — Мацудайра Тадатэру. Согласно тактическому плану, обе армии должны были соединиться у храма Домё и дальше двигаться вместе по направлению к Хирано и Сумиёси вплоть до встречи с противником. Как обычно, решающие бои должны были состояться на открытом пространстве.

На следующий день, 6 мая, состоялись три крупных сражения — в Яо, Вакаэ и у храма Домё. В последнем случае западному командиру Гото Матабэй пришлось в силу обстоятельств вступить в тяжёлый бой с превосходящими силами противника. По предварительной договорённости вечером 5 мая в окрестностях храма Домё ему на помощь должны были подойти отряды Санада Юкимура и Мори Кацунага, но из-за густого тумана они сбились

с пути и сильно опоздали. Получив в четыре часа утра от разведки информацию, что противник в двух километрах, Гото Матабэй принял решение атаковать его своими силами, имея в распоряжении всего две тысячи восемьсот человек. За счёт заранее занятой выгодной позиции на склоне горы он поначалу действо-

Датэ Масамунэ

вал успешно и потеснил отряд Мидзуно Кацунари, но вскоре ему на помощь подошли Датэ Масамунэ и Мацудайра Тадаакира. Численность восточной армии возросла до 23 тысяч человек, и это решило исход сражения. Отряд Гото Матабэй держался до полудня, но был разгромлен, а его командир убит. Наибольший вклад в победу внёс Датэ Масамунэ, однако и ему она досталась нелегко — в один из моментов он даже приказал открыть огонь по начавшим отступать пехотинцам своего союзника Дзимбо Сукэсигэ, чтобы остановить его бегство и предотвратить общую панику.

Незадолго до гибели Гото Матабэй ему на помощь подошли Сусукида Канэсукэ и Ямакава Канэнобу и с ходу вступили в бой, но вскоре тоже погибли. Дело шло уже к концу, когда на поле боя появились опоздавшие на 12 часов Санада Юкимура и Мори Кацунага. Они

Гото Матабэй

тоже с ходу атаковали противника, и бой разгорелся с новой силой. Особенно удачно действовал отряд Санада Юкимура, заставивший отступить поредевшие шеренги бойцов Датэ Масамунэ. Схватка продолжалась ещё более двух часов, но примчавшийся во второй половине дня гонец сообщил, что в Яо и Ваказ западные отряды потерпели поражение, и передал приказ возвращаться в замок. Оставшись в арьергарде, Санада Юкимура вновь проявил отвагу и воинское мастерство, которые были отмечены во многих источниках.

В то же самое время примерно в восьми километрах от храма Домё произошли ещё два крупных боя — в Яо и Ваказ. Вечером 5 апреля в низину, образуемую слиянием двух рек, выдвинулись западные отряды под командованием Тёсокабэ Моритика (5000 чел., у деревни Яо) и Кимура Сигэнари (4800 чел., у деревни Ваказ). Заняв удобные позиции на возвышенностях, они рассчитывали оттеснить противника в болотистую местность и лишить его свободы манёвра. В случае победы они должны были развить успех, продолжить наступление и атаковать ставки отца и сына Токугава.

Оба боя начались рано утром в густом тумане и продолжались до полудня. В Яо силами восточной армии командовал Тодо Такатора, в Ваказ — Ии Наотака. На первом направлении успех поначалу сопутствовал западному командиру Тёсокабэ — он медленно, но верно теснил бойцов Тодо и был близок к победе. Но в этот момент в Ваказ погиб Кимура Сигэнари, и его люди побежали с поля боя. Опасаясь окружения, Тёсокабэ скомандовал своему отряду отступление и вернулся в Осака.

Командиры Тодо Такатора после этого боя представили Токугава более 580 голов противника, но и сами потеряли больше 300 человек, в том числе шестерых командиров среднего звена. Ии Наотака отчитался о 300 с лишним взятых головах при собственных потерях в сто с лишним

человек. Во время *куби дзиккэн* Иэясу особо отметил погибшего западного командира Кимура Сигэнари (1593–1615). Перед сражением он обрезал концы шнура на своём шлеме, выбрил лоб, перевязал лентой волосы и нанёс на них травяной ароматизатор — эти приготовления свидетельствовали о том, что 22-летний командир не рассчитывал вернуться из боя живым.

Отправив ослабленные отряды Ии и Тодо в резерв, Иэясу поставил на их место совсем молодых командиров, Маэда Тосицунэ (1594–1658) и своего внука Мацудайра Таданао (1595–1650). На следующий день им предстояло столкнуться с главными силами противника. На рассвете 7 мая восточная армия двумя мощными колоннами начала продвижение от Тэннодзи и Окаяма в северном направлении, к замку Осака. Первой колонной командовал Иэясу, второй — Хидэтада. Сын, как обычно, просил назначить его главнокомандующим, отец, как всегда, решал всё сам. Самые крупные соединения в его армии возглавляли Мацудайра Таданао, Мацудайра Тадааки, Мацудайра Тадатэру, Хонда Тадатомо, Сакакибара Ясукацу, Сакан Иэцугу, Хонда Тадамаса, Датэ Масамунэ. В армии Хидэтада ключевые посты занимали Хонда Ясунори, Ии Наотака, Тодо Такатора, Маэда Тосимицу, Курода Нагамаса, Като Ёсиаки.

Западная армия вышла из замка Осака на рассвете и в полном составе двинулась на юг, навстречу противнику. Против Токугава Иэясу заняли позиции Оно Харунага, Санада Масаюки и Мори Кацунага, а против Хидэтада выдвинулось

Кимура Сигэнари

соединение под командованием Оно Харуфуса. Семь отрядов личной гвардии Хидэёри остались в резерве.

Тоётоми Хидэёри с утра оставался в замке, но к началу боя должен был появиться на передовой, чтобы личным присутствием вдохновить своих воинов. Узнав об этом плане, Иэясу в очередной раз использовал свой богатый опыт по части дезорганизации противника. На его стороне воевал Оно Ядзуро, младший брат Оно Харунага. На рассвете 7 мая он по поручению Иэясу отправил к старшему брату гонца с письмом, в котором «по секрету» сообщил, что командиры из личной гвардии Хидэёри вступили в переписку с Токугава и пообещали ему убить наследника по пути на передовую, а затем перейти на сторону восточной армии. Поэтому Ядзуро, не желавший смерти Хидэёри, просил старшего брата удержать его от выезда из замка и для убедительности перечислил имена семерых командиров, якобы составивших заговор. Согласно «Осацкому дневнику» (*Осака никки*), Оно Харунага получил это письмо утром 7 мая и показал Хидэёри. Посоветовавшись, они решили, что в такой ситуации наследнику лучше остаться в замке, и его выезд на передовую не состоялся (Фукуда, 2014).

Не дождавшись появления Хидэёри, Санада отправил в замок гонца, чтобы узнать, в чём дело, и прибывший Оно Харунага объяснил ему ситуацию. Сыну Хидэёси так и не довелось ни разу в жизни выйти на поле боя или хотя бы к нему приблизиться; весь день 7 мая он провёл в замке.

Выдвижение обеих армий на позиции продолжалось несколько часов, а сам бой начался около полудня. Поначалу успех сопутствовал Санада Юкимура, рядом с которым сражался его 15-летний сын Дайсукэ⁶². Его бойцы в одинаковых ярко-красных шлемах и с такого же цвета наспинными флагами энергично врубались в ряды

⁶² По другим данным, мальчику было 13 или 14 лет.

восточной армии и начали их теснить. Кое-где отступление стало переходить в бегство, и Токугава пришлось срочно ввести в бой резерв. Через какое-то время продвижение Санада удалось остановить. Детали этого эпизода неизвестны, но один из участников сражения, Окубо Тадатака (1560–1639), впоследствии пи-

Санада Юкимура

Памятник Санада Юкимура

сал, что со времён поражения от Такэда Сингэн на плато Микатагахара никогда ещё столько знамён Токугава не было повержено на землю. Симадзу Иэхиса в частном письме также отмечал военный талант и мужество Санада Юкимура и назвал его «лучшим воином страны». В таких же выражениях оценил действия этого командира и Хосокава Тадаоки (Футаки, 1983).

Оказавшись в самом центре сражения, трёхтысячный отряд Санада быстро терял людей и наступательный потенциал. А когда во время третьей контратаки восточной армии погиб и сам командир, его боевые порядки окончательно расстроились. На левом фланге Токугава удачно действовал его 19-летний внук Мацудайра Таданао, а в центре — 33-летний Хонда Тадатоми. Первый командовал соединением в 15 тысяч человек и после боя представил главнокомандующему 3700 голов, а второй, стремясь реабилитироваться за свой промах во время зимней кампании, отчаянно дрался против Мори Кацунага и обратил его отряд в бегство, но сам погиб. Отдельной благодарности и крупной посмертной награды заслужил Огасавара Хидэмаса (1569–1615) с сыновьями Таданака и Тададзанэ. Накануне в Вакаэ он не лучшим образом действовал против Кимура Сигэнари, за что получил взыскание. В главном сражении 7 мая Огасавара проявил себя с лучшей стороны, но был смертельно ранен. Один из его сыновей тоже погиб, а второй получил тяжёлое ранение.

Против Хидэтада не менее ожесточённо дрался Оно Харуфуса, младший брат Харунага. В «Хронике Сумпу» говорится о том, что действующий сёгун сам принимал участие в сражении. После нескольких часов боя стало сказываться трёхкратное численное преимущество восточной армии; ряды её противников сильно поредели, и они стали отступать к замку. Командиры Токугава их преследовали и вскоре оказались у южной крепостной стены.

Расположенная перед ней Третья усадьба замка капитулировала первой. Её обитатели заранее пообещали Токугава своё содействие и подожгли дома, как только отряды восточной армии подошли к замку. Вскоре от зажигательных стрел загорелись строения на территории Второй усадьбы. Высоко взметнувшиеся языки пламени известили всех о поражении западной армии.

Токугава планировал одержать победу за три дня, но фактически всё решилось за два, 6 и 7 мая. В летнем осакском сражении с обеих сторон участвовали около 200 тысяч человек — больше, чем в 1600 году на равнине Сэкигахара. Под впечатлением боёв летописцы храма Тодай в два раза завысили численность обеих армий, записав, что у Токугава было 300 тысяч человек, а у Хидэёри — 150 тысяч (Сонэ, 2013). Точное число убитых и раненых неизвестно, но считающийся достоверным источник *Нагасава кикигаки* («Записки об услышанном рукой Нагасава») называет цифру потерь западной армии в 18 300 человек. Даже если это и преувеличение, то общее число погибших с обеих сторон всё равно превысило 20 тысяч человек. Западная армия потеряла практически всех старших командиров: Санада Юкимура, Оно Ясунага, Гото Матабэй, Кимура Сигэнари, Сэнгоку Хидэнори, Сусукида Канэсукэ и др., а многие из тех, кто остался в живых, покончили с собой после поражения (Оно Харунага, Мори Кацунага и др.).

После сражения началось массовое бегство жителей из замка и города. Уже упоминавшийся Окубо Тадатака писал, что только в Киото бежали от 10 до 20 тысяч человек. Уйти удалось не всем, поскольку бегство сопровождалось погонями, грабежами и убийствами всех, кто попадался под руку. Отряды победителей и побеждённых, смешавшись, грабили, захватывали в заложники женщин и детей для последующей продажи в рабство или получения выкупа. За

найденные в брошенных домах ценности между мародёрами вспыхивали схватки, умножавшие число убитых и раненых. Об этом говорится в дневниках Хосокава Тадаоки и Тодо Такатора.

Надёжных источников, рассказывающих о последних часах жизни Тоётоми Хидэёри, не существует — во многом из-за того, что в живых не осталось ни одного свидетеля. Много лет спустя появилась хроника неизвестного автора *Хонайки*

Ёдодоно, мать Хидэёри

(«Внутренние записи [дома] Тоётоми»)⁶³, подробно описывающая последний акт драмы, но её достоверность тоже под большим вопросом. Согласно этому источнику, 7 мая ближе к вечеру Хидэёри вместе с матерью и 28 приближёнными поднялся на верхний этаж Центральной пагоды и объявил, что настал его час. Попрощавшись с матерью и назначив ассистентов ей и себе, он распорядился поджечь помещение и надёжно спрятать останки, после чего спустился в стрелковую башню и покончил жизнь самоубийством. То же самое сделала его мать Ёдодоно и ещё 32 человека из их ближайшего окружения, в том числе оба ассистента, а также Оно Харунага, его мать, Мори Кацунага, 15-летний сын Санада Юкимура и др. Центральная пагода, самое высокое сооружение на территории Главной усадьбы, была подожжена изнутри и несколько часов горела так, что в наступивших сумер-

⁶³ Известна также под названием *Хидэёри дзикки* («Реальная биография Хидэёри»).

ках багровые отсветы были видны даже в столице, на расстоянии 40 километров.

Кроме названной хроники, обстоятельства гибели Хидээри описаны в семейных архивах нескольких крупных военачальников, принимавших участие в последнем сражении, но многие важные детали, записанные с их слов, не совпадают.

Участник событий	Изложение	Источник
Хосокава Тадаоки	Центральная пагода загорелась около 5 часов вечера. В это время Хидээри и его близкие покончили с собой.	<i>Хосокавакэ бунсё</i> («Семейная хроника Хосокава»)
Симадзу Изхиса	Оно Харунага отправил жену Хидээри к Хидэтада с просьбой сохранить наследнику жизнь, но получил отказ, после чего Хидээри и его окружение покончили с собой.	<i>Сацума кюки</i> («Старинные записи [провинции] Сацума»)
Мори Хидэмото	Хидээри и его мать до утра 8 мая скрывались в помещениях Главной усадьбы и были обнаружены людьми Катагири Кацумото. Просьбу сохранить им жизнь Иэясу переадресовал своему сыну, тот отказал, и днём 8 мая они покончили жизнь самоубийством.	<i>Хагихан бацуэцууроку иро</i>
Датэ Масамунэ	Мать и сын оставались в живых до утра 8 мая, затем совершили самоубийство.	<i>Датэкэ бунсё</i> («Семейная хроника Датэ»)

Мори Тэрумото	Хидэёри покончил с собой вечером 7 мая.	Хагихан бацуэцу- року
Набэсима Наосигэ	Вечером 7 мая Центральная пагода сгорела, а Хидэёри покончил жизнь самоубий- ством.	Такэо Гото бунсё («Хроника Такэо Гото»)

Источник: Фукуда Тидзуру. Тоётоми Хидэёри. Ёсикава ко-
бункан, 2014. С. 199–200.

Таким образом, все участники событий сходятся в том, что Центральная пагода замка сгорела вечером 7 мая, однако время смерти Хидэёри и его матери называется по-разному: вечером 7 мая или днём 8 мая. В литературе более популярна вторая версия, связанная с прошением о помиловании и последующим отказом; вероятно, в силу большей драматичности. Её разделяют не только литераторы, пишущие на исторические темы, но и многие серьёзные учёные. Однако она оставляет место для сомнений. Многолетнее противостояние двух центров власти, ожесточённость последнего сражения и принципиальная несовместимость интересов двух династий заставляют усомниться в том, что Тоётоми Хидэёри мог на что-то надеяться. Его мать крайне враждебно относилась к Токугава и не раз заявляла о том, что скорее умрёт вместе с сыном, чем подчинится власти узурпатора. Хидэёри несколько раз имел возможность принять условия Токугава и стать одним из многих *даймё*, но каждый раз отказывался; вряд ли его мнение могло так резко поменяться. Кроме того, трудно представить, что претендент на высшую власть и его мать вместе с прислугой почти сутки скрывались в подсобных помещениях горящего замка; резиденцию первого лица обычно поджигали одновременно с его самоубийством. И если пагода сгорела 7 мая, то и Хидэёри, вероятнее всего, погиб в тот же день.

Останки наследника и его матери обнаружить не удалось. Скорее всего адъютанты выполнили последний приказ своего господина и сожгли тела или взорвали их порохом в одной из стрелковых башен. Как всегда, отсутствие прямых доказательств породило множество слухов о том, что сыну Хидэёси удалось чудом

спастись и найти убежище в одном из отдалённых уголков страны. Чаще всего называлась принадлежавшая клану Симадзу провинция Сацума на юге острова Кюсю.

Известно, что 22-летний Хидэёри отличался крупным телосложением, имел рост выше среднего и большой лишний вес, поэтому выглядел старше своих лет. Испанский путешественник Себастьян Вискаино (1548–1627), встречавшийся с ним в мае 1612 года, так описывал внешность юноши: «Ему нет ещё и тридцати лет, но он чрезвычайно тучен, настолько, что едва может передвигаться самостоятельно» (Фуtaki, 2008). С учётом образа жизни, который вёл затворник замка Осака, это описание вполне может соответствовать действительности. После

Тоётоми Хидэёри

Сэнхимэ, жена Хидэёри

его смерти особенности телосложения также были преувеличены слухами: в хронике неизвестного автора *Мэйрё кохан*, составленной много позже описываемых событий, говорится о том, что рост Хидэёри составлял шесть *сяку* и пять *сун* (197 см), а вес — 160 килограммов. Во времена, когда большинство японских мужчин имели рост не более 157–158 см, достичь таких габаритов было сложно при любом образе жизни и любом питании. Тем не менее легенда о молодом гиганте широко распространилась и долго ещё занимала воображение любителей исторических преданий.

Гибель Хидэёри поставила точку в 25-летней истории династии Тоётоми. Он проиграл схватку с Токугава, но общественное мнение в целом было на его стороне. Воинские подвиги воевавших за него командиров Санада Юкимура, Гото Матабэй и многих других попали в фольклор и обросли легендами, а сами они стали народными героями. Многие современники осуждали честолюбие Токугава, считали его клятвоотступником и предателем, называли старым лисом (*тануки оядзи*). Зная особенности характера Изясу, можно предполагать, что он предпочёл бы подчинить Хидэёри мирным путём, превратив в одного из крупных *даймё*, но интересы воинских группировок, стоявших за двумя династиями, были слишком антагонистичными для такого исхода.

В официальном браке у Хидэёри не было детей, но от наложниц он имел семилетнего сына и шестилетнюю дочь. Их пытались спасти и перед началом майских боёв вывели в столицу, но впоследствии они были найдены и арестованы. Девочку отдали на воспитание в монастырь, а сын Хидэёри был казнён 23 мая в столичном квартале Рокудзё-кавахара. Дочь Хидэёри, известная под именем Тэнсю, всю жизнь прожила в монастыре и не имела детей, поэтому стала последней представительницей семейства Тоётоми.

Восемнадцатилетняя Сэнхимэ, жена Хидэёри и внучка Иэясу, после гибели мужа вернулась в Эдо. В ноябре того же года она была повторно выдана замуж в дом Хонда за старшего сына Тадатоки (1596–1626). Однако и этот брак продлился недолго: через 10 лет её второй муж умер, и Сэнхимэ снова вернулась в отцовский дом, а затем ушла в монастырь, где жила до конца жизни.

Токугава Иэясу и его старшие командиры на следующий день после победы покинули Осака и собрались в столице для подведения итогов и распределения наград. На официальной церемонии главнокомандующий объявил, что 6 мая лучшими были Тодо Такатора, Ии Наотака и Мидзуно Кацунари, а на следующий день — Мацудайра Таданао, Мацудайра Тадаакира и Хонда Тадатоמו (по-смертно). Особо был отмечен героизм семьи Огасавара, в которой отец и старший сын погибли, а второй сын получил тяжёлое ранение.

По масштабу и политическому значению летнее сражение в Осака не уступало битве 1600 года на равнине Сэкигахара, но возможностей наградить отличившихся полководцев у Токугава на этот раз было гораздо меньше — его трофеем стали лишь три провинции Хидэёри с доходом в 657 тысяч коку риса и ещё 10 тысяч коку приговорённо-го к *сэнпуку* чайного мастера Фурута Сигэнари. Эти земли, да ещё найденное в замке Осака серебро и золото, и стали наградой тем, кто отличился в боях. Полководцу Тодо Такатора, потерявшему почти 70% своих бойцов, Иэясу добавил 50 тысяч коку риса, столько же получили Ии Наотака, Мацудайра Тадаакира и младший брат погибшего Хонда Тадатоמו. Выжившему после ранения Огасавара Тадамаса (1596–1667) доход был увеличен на 40 тысяч коку риса, а Мидзуно Кацунари — на 30 тысяч. Ещё несколько командиров получили совсем небольшие прибавки.

Несоразмерность вознаграждения затраченным усилиям и потерям у многих вызвала недовольство. Отмеченный за

боевую доблесть внук Иэясу Мацудайра Таданао получил от деда в подарок лишь 200 *каммон* серебром, короткий меч и картину без прибавки к доходу. По-видимому, это сильно его задело — в дальнейшем Таданао крайне неохотно выполнял распоряжения своего дяди Хидэтада, а через шесть лет вообще отказался прибыть на службу в столицу, за что был лишён всего имущества и отправлен в ссылку.

За неимением свободных земель Иэясу был вынужден поощрить многих вассалов чисто символически: повышением придворного ранга, разрешением взять фамилию Мацудайра или иероглиф из своего имени. Через 20 дней после победы от давнего заболевания скончался Катагири Кацумото, участвовавший в обоих сражениях и тоже не получивший вознаграждения. Недовольство распределением наград в дальнейшем повлияло на отношения многих союзников Токугава к правительству его сына Хидэтада.

Весь следующий месяц в центральных провинциях шла «охота на проигравших» (*отибуса кари*) — поиски сторонников Хидэёри, преследования, грабежи и убийства, всюду лилась кровь. Из 55 тысяч человек, сражавшихся против Токугава, не менее 35 тысяч остались в живых. Они бежали из столичного района, их находили и убивали, а заодно и тех, кто не воевал, но помогал Хидэёри или просто считался его сторонником.

Одиннадцатого мая в столице задержали Тёсокабэ Моритика и через четыре дня казнили. Двадцатого мая в провинции Кии была арестована жена Санада Юкимура и под конвоем доставлена в столицу. На следующий день схватили Оно Харутанэ, младшего брата Оно Харунага. Он был передан на суд жителей города Сакаи, который сжёг во время апрельского рейда, и казнён на центральной площади.

До конца мая в столичную резиденцию Токугава привозили головы сторонников Хидэёри. Согласно «Хронике Сумпу», только за один день 14 мая туда было доставле-

но более 600 голов. Их выставляли вдоль дороги, ведущей к замку Фусими, но на обочинах не хватало места. По свидетельству очевидца, на одном из участков дороги подставки с головами стояли в 18 рядов; в некоторых из них насчитывалось до тысячи голов (Футаки, 1983). Через месяц накал страстей стал снижаться. Одним из последних был арестован западный командир Хосокава Окиаки (1583–1615), сын Хосокава Тадаоки, сражавшегося на стороне Токугава. Ему позволили уйти из жизни достойно, приговорив к *сэппуку*.

После победы главными задачами Токугава стали восстановление разрушенного боями города Осака и ликвидация популярных у местного населения мемориальных объектов Тоётоми Хидэёси. Восстановительные работы он поручил своему внуку Тадааки (1583–1644), а по поводу мемориальных объектов обратился к императору. Главное место среди них занимала усыпальница Хидэёси в его поминальном храме Тоёкуни в пригороде столицы. Императорским указом усыпальница и храм были лишены священного статуса, после чего Иэясу хотел их разрушить, но пошёл навстречу вдове своего бывшего начальника и по её просьбе сохранил строения. Однако запретил выделять деньги на их содержание и ремонт в надежде на естественное разрушение. Этот расчёт быстро оправдался: уже к 1619 году паломничество верующих к святыням полностью прекратилось; последние почитатели Хидэёси молились его памяти дома.

Медная статуя Большого Будды и колокол храма Хоко во время боёв не пострадали. Колокол с надписью, из-за которой всё началось и про которую быстро забыли, был передан в другой храм и использовался в том же виде ещё 47 лет, пока не разрушился во время очередного землетрясения.

Новые законы

Сразу после победы над Хидээри Токугава инициировал издание нескольких основополагающих указов. Более чем пятидесятилетний опыт административного управления убедил его в необходимости тщательно продуманных и стабильных правил жизни. В *Ивабути ява бэс-сю* («Сборник вечерних разговоров Ивабути») приводится высказывание Иэясу о том, что только при неизменных законах и их твёрдом соблюдении можно рассчитывать на продолжение династии хотя бы в двух-трёх поколениях.

Первым вышел указ, известный под названием «Одна провинция — один замок» (*Иккоку итидзёрэй*). Он отразил обеспокоенность и недовольство Иэясу тем фактом, что неблагонадёжные западные *даймё* то и дело перестраивали и укрепляли защитные сооружения в своих владениях, а он ничего не мог с этим поделать, поскольку формально они имели на это право. Теперь, после ликвидации Тоётоми Хидээри, с этим решено было покончить.

Указ от 13 июня разрешал *даймё* иметь не более одного укреплённого замка в каждой провинции, а все остальные защитные сооружения должны быть ликвидированы. Если провинцией владели несколько военачальников, то каждый из них мог иметь на своей территории по одному замку. Формально действие указа распространялось на всю страну, но фактически он был направлен против западных *даймё*, поэтому только им его и разослали. Приказы о ликвидации фортов на землях побеждённых противников издавали в своё время и Ода Нобунага, и Тоётоми Хидээси, но в масштабе страны такое распоряжение делалось впервые. В течение нескольких недель в западной части страны было разобрано или сожжено более 400 укреплений.

Ещё одна особенность этого указа состояла в том, что впервые правительственный документ был подписан не отцом или сыном Токугава, а чиновниками *бакуфу*; про-

винциальных военачальников приучали к тому, что любые правительственные распоряжения обязательны к исполнению независимо от того, чья подпись под ними стоит. Советник *бакуфу* Хонда Масанобу зачитал указ собравшимся в замке Фусими военачальникам, а Токугава даже не счёл нужным при этом присутствовать — в это время он находился в своей столичной резиденции.

Вслед за этим вышли ещё три указа с правилам жизни для трёх главных сословий: *Букэ сёхатто* («Уложение для воинского сословия»), *Кинтёу нарабини кугэ сёхатто* («Уложение для императорского двора и аристократии»), *Сёсю сёхондзан сёхатто* («Уложение для храмов и духовенства»).

Первый указ состоял из 13 пунктов и был подготовлен группой священнослужителей во главе с Исин Судэн (1569–1633). В прежние годы вышестоящий военачальник обычно рассылал такого рода документы своим вассалам на места, а они отправляли ему подписанные кровью клятвы, что обязуются выполнять распоряжение. На этот раз советник *бакуфу* зачитал указ в замке Фусими перед собравшимися *даймё* в присутствии сёгуна Хидэтада. Клясться в том, что они будут его выполнять, уже не требовалось.

Из тринадцати пунктов уложения семь относились к вопросам безопасности (запрет на строительство новых укреплений, политические браки, укрывательство мятежников и т. п.), пять пунктов содержали требования к воинской элите и один (о паланкинах) адресовался в равной мере всем слоям населения. Этот документ, обращённый преимущественно к правящему сословию, стал практическим руководством по управлению страной на следующие два с половиной столетия. Впоследствии он неоднократно редактировался, дополнялся новыми пунктами, затем снова сокращался, переписывался с китайского языка на японский и обратно. Вот его текст.

<i>Букэ сёхатто</i> (редакция 1615 года)	
1	Совершенствуясь в воинском деле, надлежит осваивать и гражданские науки.
2	Увлекаться спиртным и другими удовольствиями недопустимо.
3	Люди, виновные в мятежах и убийствах, должны быть высланы из уделов.
4	Запрещается укрывать на своей земле злоумышленников из иных мест.
5	Запрещается принимать на поселение в свои уделы людей извне.
6	Запрещается строить новые укрепления, а на ремонт старых необходимо получать разрешение.
7	Обо всех изменениях в соседних землях надлежит докладывать <i>бакуфу</i> .
8	Браки между воинскими домами могут заключаться только с разрешения <i>бакуфу</i> .
9	Во время службы в Эдо число вассалов не должно быть больше установленного.
10	Одежда и внешний вид самурая должны соответствовать его статусу.
11	Людям низших сословий запрещается пользоваться паланкинами.
12	Хозяйствовать надлежит рачительно и экономно.
13	Набирать вассалов на службу надо по способностям, а управлять землями по справедливости.

Через 10 дней после *Букэ сёхатто* вышло уложение для императорского дома и высшей аристократии (*Кинтёу нарабини куэ сёхатто*). Оно состояло из 17 пунктов и представляло собой расширенный вариант пятиста-

тейного распоряжения на ту же тему, написанного Иэясу в 1613 году. По числу статей оно повторяло первую японскую конституцию 604 года, составленную Сётоку Тайси. В нём говорилось, что император должен заниматься исключительно классическими науками, литературно-поэтическим творчеством и музыкой, хранить традиции национальной культуры и выполнять ритуальные жреческие функции. При этом часть его прежних полномочий передавалась военному правительству. В частности, смена эпох и девизов правления, присвоение придворных рангов и назначение на должности, ранее объявлявшиеся императором самостоятельно, теперь перешли под контроль *бакуфу*. В документе регламентировались также некоторые спорные вопросы придворной иерархии и внешнего вида аристократов. Упорядочив таким образом жизнь императорского двора, Токугава внёс в неё элемент воинской дисциплины: в одиннадцатом пункте уложения содержалось требование наказывать ссылкой аристократов, которые не выполняли распоряжения вышестоящих.

Издание указа стало беспрецедентным вмешательством в полномочия императора. Он и до этого мало чем владел и распоряжался, но никогда ещё воинское сословие не составляло для него инструкций. Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси использовали авторитет императорского дома в своих целях, но делали это эпизодически и по мере необходимости, не пытаясь законодательно подчинить себе сам институт императорской власти. В этом смысле Токугава Иэясу пошёл гораздо дальше своих предшественников.

Тридцатого июля 1615 года указ был зачитан собравшимся во дворце аристократам и объявлен вступившим в силу. Императорский дом лишился последних остатков политического влияния и окончательно превратился в декоративный символ власти Токугава. «Сыну неба» было определено содержание в 100 тысяч *коку* риса в год; из них 30 тысяч полагалось действующему императору, 10 ты-

сяч — его отцу, а остальные 60 распределялись между ближайшими родственниками и высшей аристократией. При этом две трети бюджета должно было тратиться на церемониал и представительские расходы.

Новые правила вызвали во дворце глубокое недовольство и были проигнорированы — император Гомидзуноо продолжал издавать указы о назначениях аристократов и священников и присваивать им придворные ранги, пока третий сёгун Токугава Измицу в 1627 году не обратил внимание на это нарушение и не отменил все его указы. Несколько священников выразили своё несогласие и были отправлены в ссылку, а Гомидзуноо через два года в знак протеста ушёл в отставку.

<i>Кинтёу нарабини кузэ сёхатто</i> (редакция 1615 года)	
1	Императорскому дому надлежит заниматься классическими науками и искусствами.
2	Три главных министра двора ⁶⁴ по статусу превосходят наследного принца и во время церемоний занимают места уровнем выше.
3	Вышедшие в отставку министры из аристократических домов второй категории ⁶⁵ во время церемоний располагаются уровнем ниже наследного принца.
4	Родовитые, но малоспособные аристократы из семей первой категории не должны занимать высшие придворные должности.
5	Способные люди могут работать на высших должностях и в преклонном возрасте.

⁶⁴ Великий, Левый и Правый министры.

⁶⁵ Начиная с эпохи Нара при дворе выделялись пять аристократических семей первой категории (*сэккан*, потомки Фудзивара) и семь домов второй категории (*сэйга*), имевших приоритет при назначении на высшие должности.

6	Приём детей на воспитание семьями родственников должен быть ограничен, а наследование должности главы дома через удочерение запрещается.
7	Продвижение аристократов и военачальников в табели о рангах должно производиться отдельно.
8	При смене эпох правления правительству надлежит выбирать лучшие девизы из китайского календаря.
9	Присутствие на придворных церемониях требует соответствующих одеяний, они подразделяются на 12 категорий.
10	Повышение аристократов в должностях и званиях надлежит производить в соответствии с установившейся практикой, но возможны исключения.
11	Аристократы, не выполняющие распоряжений вышестоящих, должны наказываться ссылкой.
12	Определять наказания следует на законном основании и в соответствии с тяжестью проступков.
13	Служители храмов, пользующихся покровительством наследного принца, по статусу превосходят духовенство, приближённое к аристократическим домам первой категории (<i>сэккан</i>).
14	Повышение священнослужителей в рангах и званиях надлежит производить в соответствии с установившейся практикой.
15	Назначение аристократов и лиц духовного звания на должности надлежит производить в соответствии с установившейся практикой.
16	Фиолетовые мантии могут носить только лица высшего духовного звания; самовольное их использование подлежит наказанию.
17	Высшее буддийское звание (<i>сёнин</i>) присваивается специальным императорским указом; самозванцев наказывать ссылкой.

Через три недели после выхода предписаний для императорского двора *бакуфу* объявило об окончании введённой ещё Тоётоми Хидэёси эпохи Кэйтё и начале новой эпохи Гэнна (буквально «истoki гармонии»). Соответствующий указ был издан 4 августа 1615 года, и с этого момента в Японии началась новая историческая эпоха. Она продолжилась девять лет и закончилась в 1624 году, когда сёгуна Токугава Хидэтада сменил на посту его сын Иэмицу.

Отдельный устав был написан и для духовенства. Предписания для крупнейших монастырей Токугава начал составлять ещё в 1605 году; через 10 лет они были сведены воедино и изданы под названием *Сёсю сёхондзан сёхатто* («Уложение для храмов и духовенства»). От всех буддийских школ требовалось одно и то же: головные храмы должны твёрдо следовать своим идейным принципам, провинциальные — беспрекословно им подчиняться, а духовные лица всех рангов и званий — усердно изучать канон. Главное требование к духовному сословию в целом состояло в том, чтобы заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие, как это бывало прежде, когда храмы активно участвовали в военных конфликтах. Указами Токугава были отменены многие льготы и привилегии, которыми храмы пользовались в течение столетий, и это было главным в новой административной системе. Подорвав экономическое могущество буддийского духовенства и лишив его политического влияния, Токугава поставил точку в борьбе, которую 40 лет назад начал Ода Нобунага. Храмовое уложение, так же как и воинское, впоследствии неоднократно дополнялось и редактировалось, но его основа оставалась неизменной — духовная власть была подчинена светской.

Главное значение указов Токугава 1615 года состояло в том, что они лишили императорский дом, аристократию и духовенство права принимать сколько-нибудь важные решения и сосредоточили всю власть в руках воинского сословия.

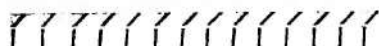
Подача данных переписи в бакуфу

Иэясу пробыл в столице до конца июля, после чего уехал в Эдо и жил там до конца года, регулярно выезжая на охоту. Четвёртого декабря он остановился на ночлег в городке Митака, памятном ему победами над Такэда и Ходзё. Местность ему понравилась, и он заявил, что хочет построить здесь усадьбу и провести в ней остаток жизни. Подготовительные работы начались в январе следующего года, но вскоре были остановлены — синтоистские жрецы осмотрели место и признали его неблагоприятным для постоянного проживания.

На новый год Иэясу остался в замке Эдо, чтобы контролировать праздничный ритуал, который должен был проходить по новым правилам. Первого января *даймё* явились на аудиенцию, одевшись в соответствии с требованиями прошлогоднего указа. Самые именитые военачальники выделялись высокими головными уборами *эбоси* в форме орлиного клюва и парадным шёлковым нарядом *сёдзоку*; все остальные также облачились в соответствии со своим рангом и годовым доходом, так что

с первого взгляда было понятно, кто есть кто.

Первого января в шесть часов утра сёгун вошёл в Палату Тёмного Дерева (*Куроки сёин*)⁶⁶. Первыми его поздравили сыновья и получили по ритуальной чашке риса с бульоном *мисо*. Затем сёгун перешёл в Палату Светлого Дерева (*Сираки сёин*)⁶⁷, где его уже ожидали шесть человек: младшие бра-

Второй сёгун Токугава
Хидэтада

тья Ёсинао, Ёринобу, Ёрифуса, племянник Таданао и два крупных *даймё*, Мазда Тосицунэ и Икэда Тоситака, по статусу приравненные к близким родственникам. После аналогичной процедуры с рисом и *мисо* состоялся приём для ближайших вассалов из замка Эдо, а затем — в Большом зале и по отдельному списку — для *фудай даймё*, *хатамото* и дружественной воинской знати с доходом более трёх тысяч *коку*. Рис и *мисо* им не подносили, но каждому была предоставлена возможность лично поклониться сёгуну и получить от него небольшой подарок — что-то из бытовой утвари или одежды. На этом индивидуальный приём закончился и начался общий, для вассалов более низких рангов; за ним было разрешено наблюдать артистам и музыкантам, обслуживавшим официальные мероприятия *бакуфу*. После общей аудиенции такой же приём для своих вассалов провели высшие правительственные чиновники.

Второго января в Большом зале отдельно проводилась церемония для «удалённых» от Токугава *тодзама даймё*.

⁶⁶ Зал со стенами из брёвен с неснятой корой.

⁶⁷ Зал со стенами из некрашеного дерева со снятой корой.

В 1616 году это были главы домов Асано, Икэда, Мори, Хатисука, Татибана, Набэсима, Сатакэ, Курода, Датэ, Кёгоку и некоторые другие. Все они более 10 лет служили Токугава и в двух последних сражениях воевали на его стороне, но примкнули к лагерю победителей последними, и в ритуале это было отражено. После *даймё* наступил черёд их прямых вассалов. И тем, и другим аудиенция давалась индивидуально, с вручением таких же подарков, как накануне, соответственно рангу. Токугава Иэясу в этот же день принимал у себя тех, кто приветствовал его сына первого января.

даймон

церемониальный наряд
чиновника выше третьего
придворного ранга

каригину

церемониальный наряд
чиновника ниже
третьего ранга

суо

церемониальный наряд
чиновника, не имеющего
ранга

нагакамисимо

рабочая одежда
даймё и хатамото

Форма одежды для чиновников бакуфу

На третий день нового года сёгун принимал в Палате Светлого Дерева по списку старших сыновей крупных *даймё* и самих *даймё* с придворным рангом ниже пятого, а также их родственников, постоянно живших в Эдо. Его отец в этот день давал аудиенцию вчерашним гостям сёгуна.

Впоследствии новогодний ритуал 1616 года был признан каноническим и навечно занесён в семейную летопись. Теперь его надлежало исполнять до тех пор, пока будет существовать род Токугава.

Убедившись, что новогодний ритуал прошёл по правилам и в Эдо всё в порядке, Иэясу вернулся в Сумпу. Двадцать первого января он вместе с младшими сыновьями Ёринобу и Ёрифуса отправился на охоту. Вечером того же дня сопровождавший его чайный мастер Сиродзиро посоветовал ему на ужин недавно появившееся в Японии голландское блюдо — кусочки морского окуня, обжаренные в кунжутном масле с луком. Сегодня это популярное блюдо называется *тэмпура*. Поужинав, Иэясу лёг спать, а ночью проснулся от сильной боли в животе и провёл несколько мучительных часов. Сопровождавший его лекарь Катаяма Сотэцу дал снадобье, и боль понемногу утихла. О происшествии сообщили в Сумпу, и на следующий день проведать Иэясу приехали Тодо Такатора и Исин Судэн, но к тому времени больной почувствовал себя лучше, и все успокоились, решив, что виной всему слишком жирное европейское блюдо. Пробыв на охоте ещё три дня, Иэясу 25 января вернулся в Сумпу без признаков нездоровья.

Однако через несколько дней болезнь вновь дала о себе знать. Об этом было доложено в Эдо, и 2 февраля проведать отца приехал Хидэтада, а вслед за ним — Датэ Масамунэ, Кониси Юкинага и Курода Нагамаса. Больной чувствовал себя то лучше, то хуже, но в целом его состояние постепенно ухудшалось — он всё меньше ел и терял силы. Согласно записи, сделанной в середине марта, на

завтрак он съедал лишь немного каши и едва мог ходить (Ямамото, 1997). Лекарь Накараи Роан прописал больному снадобье для приёма внутрь, но Иэясу, сам готовивший лекарства, отнёсся к назначению критически и лечился собственными средствами. Узнав об этом, Хидэтада попросил Катаяма Сотэцу поговорить с отцом и убедить его следовать советам врачей, но Иэясу избавился от настоячивых советов, сослав лекаря в другую провинцию.

В крупнейших храмах были организованы молебны во здравие правителя, а в императорском дворце богослужение продолжалось целую неделю. Отчёты об этом гонцы регулярно доставляли в Сумпу. Поток военачальников, аристократов и священнослужителей, желающих навестить больного, всё возрастал; приехавший в начале марта Уэсути Кагэкацу уже не смог найти соответствовавшего его рангу постоянного двора и был вынужден остановиться в ближайшем замке Эдзири.

Семнадцатого марта в Сумпу прибыл посланник императора с сообщением о том, что отставной правитель назначен на высшую придворную должность Великого министра (*дайдзё дайзин*). Указ был вручён ему в постели, а поздравления по случаю назначения принимал Хидэтада.

После 27 марта Иэясу практически перестал есть, и его состояние стало быстро ухудшаться. Старший сын постоянно находился рядом с отцом и получал последние наставления. Иэясу вновь и вновь говорил о неблагонадёжности западных *даймё*, велел сыну внимательно за ними следить и при малейшем неповиновении жёстко наказывать. Семейная хроника сохранила одно из более ранних его высказываний на этот счёт: *итидзин накутэ ва осамаримосу мадзiku* («без военной силы править невозможно»). После своей смерти он завещал сыну собрать всех *даймё* вместе с семьями в Эдо и три года держать при себе. Затем разрешить на год вернуться в свои уделы,

а через год снова вызвать в столицу — чтобы постоянно ездили, тратили силы, деньги и не думали о заговорах.

За две недели до смерти, 2 апреля, Иэясу собрал ближайших соратников и огласил свою последнюю волю: 1) похоронить его на горе Куно в провинции Суруга; 2) заупокойную службу провести в храме Дзосё в Эдо; 3) установить поминальный камень в храме Дайдзю в провинции Микава; 4) через год после смерти построить усыпальницу на горе Никко в провинции Симоцукэ, перенести туда его останки и объявить её главным поминальным объектом в районе Канто.

В эти последние дни из пяти сыновей рядом с ним находились четверо — Хидэтада, Ёсинао, Ёринобу и Ёрифуса. Отец оставил им в наследство миллион *рё* золотом, разделив его на четыре части: по 300 тысяч — сёгуну Хидэтада, девятому сыну Ёсинао и десятому сыну Ёринобу, 100 тысяч — одиннадцатому сыну Ёрифуса. Через некоторое время семьи девятого, десятого и одиннадцатого сыновей выделились среди других родственников и получили беспрецедентные привилегии. Их стали официально именовать «тремя великими домами» (*госанкэ*); за их потомками было закреплено право носить фамилию Токугава и в случае отсутствия у сёгуна прямых наследников делегировать своих сыновей (родных или приёмных) на высший воинский пост.

Нелюбимый шестой сын Татаэру не был допущен к отцу. Он не только остался без наследства, но и был лишён всех земельных владений и сослан. Наиболее вероятная причина опалы — давняя антипатия Иэясу к принявшему христианство сыну и опасения относительно его претензий на высший воинский пост. Мацудаёра Татаэру (1592–1683) прожил необычную жизнь: он провёл в ссылке 67 лет и умер на 92-м году, став одним из самых известных долгожителей XVII века. Шестой сын Иэясу пережил не только своего старшего брата Хидэтада, но и его сына, третьего сёгуна Иэмицу, и даже внука, четвёртого

сёгуна Иэцуна. Последние 11 лет он жил при пятом сёгуне Цунаёси, своём внучатом племяннике.

За два дня до смерти Иэясу вспомнил о синтоистском обряде школы Ёсида, который обещал воину приобщение к миру божественных предков — для этого его меч в момент смерти должен быть обагрён свежей кровью. Пятнадцатого апреля он вызвал адъютанта и велел передать свой меч работы известного мастера Миикэ Норихиро палачу местной тюрьмы, чтобы он казнил им приговорённого к смерти преступника. Получив обратно меч со следами крови, Иэясу поставил его в изголовье со словами «да хранит он потомков моих» (*Отибосю*).

Токугава Иэясу умер 17 апреля 1616 года в 10 часов утра на 74-м году жизни. Наиболее вероятной причиной смерти считается рак желудка. Приняв соболезнования от всех, кто находился в тот момент в Сумпу, Хидэтада занялся исполнением отцовского завещания. Тело усопшего было в тот же день доставлено на гору Куно, где в присутствии ближайших соратников прошла панихида. Здесь же через два дня состоялось захоронение во временной

Синтоистский обряд у постели больного

усыпальнице. Через год на горе Никко был построен поминальный храм Тосё, и тело Иэясу перевезли туда. После этого он был канонизирован и причислен к лику божественных предков под именем Гонгэн-сама.

Представления Токугава Иэясу о государственном управлении оказали огромное влияние на формирование

*Надгробие Токугава Иэясу
в храме Тосё*

японского общества, а особенности переходного периода от эпохи внутренних войн к мирной жизни определили характер отношений между властью и подданными на многие годы вперед. Необходимость контроля за самурайской элитой, видевшей в войне главный смысл жизни, требовала от первых сёгунов Токугава жесточайших методов правления. С 1600 по 1605 год Токугава Иэясу подписал 91 указ о конфискациях земельных владений и 103 указа о переназначениях — в среднем по три репрессивных распоряжения в месяц. Большинство их было связано с перераспределением земель после сражения на равнине Сэкигахара. Его сын Хидэтада занимал пост сёгуна 18 лет и правил уже в мирное время, но принимал такие решения в три раза чаще, чем отец, — в среднем по десять в месяц. За годы правления трёх первых сёгунов Токугава полностью или частично были лишены земельных владений 148 воинских кланов с общим доходом более 10 миллионов коку риса. Наказаний не избежали ни военные союзники Токугава, ни ближайшие родственники: лишились земель и были сосланы на поселение Фукусима Масанори,

Като Тадахиро (сын Киёмаса), уже упоминавшийся шестой сын Тадатэру, а также внуки Иэясу — Мацудайра Таданао и Мацудайра Таданага. Впоследствии число санкций неуклонно снижалось, но совсем без них не обходились никогда. Всего за 264 года правления сёгуны Токугава 323 раза конфисковывали земельные владения и 714 раз меняли их хозяев (Эдо дзидайкан, 2002).

Созданная Токугава система власти окончательно утвердилась к середине XVII века, в конце правления третьего сёгуна Иэмицу (1604—1651). К этому времени завершилось формирование четырёх основных сословий, живших по своим собственным уставам и приученных к тому, что только так и можно жить. Законодательное доминирование и управленческая активность самурайского сословия, утверждённые отцом-основателем, естественным образом привели к военизации всего уклада общественной жизни. Аристократы, крестьяне и ремесленники одевались так, как постановило воинское сословие, и вели образ жизни, соответствовавший его представлениям. Содержали свои жилища так, как требовал написанный для них устав. Выращивая рис, добывая рыбу, делая инструменты или торгуя, крестьяне, ремесленники и торговцы следовали правилам, разработанным для них военным правительством. По таким же правилам жила и сама военная каста, от рядового самурая до сёгуна, который вставал в шесть часов утра, участвовал в утверждённом ритуале, регулярно постился и выполнял множество других предписаний. За исполнением всеобщего регламента следили не четыре-пять главных чиновников *бакуфу*, которые при всём желании не могли этого сделать, а более 250 провинциальных *даймё* и тысячи их вассалов-распорядителей. Для них тоже были составлены управленческие правила.

Следующие два с половиной столетия эта военизированная машина методично и последовательно дисциплинировала некогда раздробленную на уделы и хаотично

воевавшую страну, постепенно повышая степень её управляемости. Далеко не все и не сразу подчинились новым требованиям, но двух с половиной столетий оказалось достаточно. Поначалу тех, кто не вписался, было много, но со временем становилось всё меньше. Об этой роли эпохи Токугава в истории страны следует вспоминать, когда речь заходит о достижениях Японии в последующий период, с конца XIX до начала XXI века, включая динамичные реформы годов Мэйдзи и бурный экономический рост после Второй мировой войны.

Заключение

Личные качества и факторы успеха

О характере и личных качествах Токугава Иэясу сохранилось больше заслуживающих доверия сведений, чем о его предшественниках Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. На его долю выпало больше восхвалений и придуманных достоинств, чем на долю Ода и Тоётоми, хотя и они не были этим обделены. В жизнеописаниях Токугава встречаются утверждения о том, что он с юных лет отличался недюжинным умом, прозорливостью и целеустремлённостью, мечтал об общественном благе и стремился к установлению мирной и справедливой жизни в раздираемой междоусобицами стране. Все его действия с самого начала якобы были подчинены этой высокой цели и в итоге завершились закономерным успехом. Всё это не более чем подгонка условий задачи под заранее известное решение. В действительности Токугава Иэясу, как и его современники, всю жизнь решал одну и ту же задачу — боролся за выживание. Любой из многочисленных конфликтов, в которых он участвовал, мог оказаться последним. Но судьба каждый раз распоряжалась

так, что очередной противник оказывался в чём-то слабее, и он побеждал. Иэясу невероятно нервничал и переживал за исход сражения в сентябре 1600 года, но всё-таки победил. После передачи высшего воинского звания своему сыну в 1605 году он не без оснований опасался, что западные *даймё* восстанут против него, но этого не случилось. Перед походом в Осака он тысячи раз обращался к богам с вопросом, как быть с Тоётоми Хидэёри, и снова всё окончилось для него благополучно.

Если отбросить избыточную комплиментарность, обычную для воспоминаний о победителях, то Токугава Иэясу предстаёт в образе человека, который прожил долгую и трудную жизнь, учился на своих и чужих ошибках, извлекал из них уроки и набирался мудрости. Без особой боязни ошибиться можно утверждать, что примерно к 60 годам по совокупности личных качеств он превосходил всех военачальников своего уровня, что позволяло ему претендовать на высшую власть. Основные черты его характера можно сформулировать следующим образом.

- Осторожность, предусмотрительность, продуманность действий.
- Стратегическая дальновидность, готовность жертвовать малым ради большого.
- Терпение и выдержка, умение дожидаться нужного момента.
- Почитание традиций, следование установленным правилам.
- Сдержанное отношение к религии, интерес к практическим знаниям.
- Внимание к общественному мнению и оценкам окружающих.
- Неприхотливость, умеренность вкусов и жизненных привычек.
- Приверженность здоровому образу жизни.

- Экономия и бережливость, склонность к накопительству.
- Осуждение тяги к азартным развлечениям и острым удовольствиям.

В разных источниках приводится множество высказываний Токугава Иэясу, со временем ставших крылатыми выражениями. Они дают некоторое представление о его взглядах и образе мышления.

«Жизнь человека — долгий путь с тяжёлым грузом на плечах, поэтому спешить в ней не надо».

«Привыкнув к тяготам, перестаёшь их замечать, но в минуту искушения о них бывает полезно вспомнить».

«Долготерпение — спутник благополучия, а гнев — его враг».

«Не испытав горечи поражения, не познаешь и вкуса победы».

«В своих неудачах вини себя, а не других».

«Лучше недостараться, чем перестараться».

«Сила нужна, чтобы взять власть, а ум — чтобы её удержать».

Важнейшую роль в формировании личности Токугава Иэясу сыграли его детские годы. Двухлетним ребёнком он был разлучён с матерью, в пять лет отправлен в чужой дом заложником, а ещё через год потерял отца. Детство и юность, проведённые среди чужих людей, многому его научили и помогли раньше времени повзрослеть — об этом можно судить по первым самостоятельным поступкам 17-летнего юноши.

Немаловажную роль в судьбе Иэясу сыграла его семейная ситуация, в частности, очень короткий брак родителей и ранняя смерть отца, сделавшие мальчика единственным наследником. Обилие сыновей в то время повышало

жизнеспособность семьи, но в то же время и таило опасность — борьба между братьями за лидерство в патриархальной семье часто выливалась в тяжёлые конфликты, ставившие её на грань гибели. Тот же Ода Нобунага семь лет воевал сначала с родным братом, а затем с другими родственниками, прежде чем стал единоличным лидером. То же самое происходило в семье Уэсуги и у многих других военачальников. Юному Мацудаира ни с кем бороться не пришлось: в 17 лет он вернулся в брошенный всеми замок Окадзаки и сразу стал единственным главой семьи. Более благоприятных условий для начала правления просто невозможно представить.

Многолетние ровные отношения с Ода Нобунага показывают ещё одну сторону характера Иэясу. Прежде всего это готовность начинать с малого и идти вперёд постепенно, довольствуясь ролью ведомого в союзе с более сильным партнёром; честно выполнять взятые на себя обязательства и действовать самостоятельно, не обращая слишком часто за помощью. Многолетняя борьба с сильным и опасным соседом Такэда Сингэн стала для Токугава хорошей школой боевого опыта, а тяжёлое поражение от него зимой 1572 года научило не поддаваться эмоциям и тщательно обдумывать свои решения.

В отношениях с Тоётоми Хидэёси разменявший пятый десяток лет Иэясу проявил себя честолюбивым, но по-прежнему расчётливым и выдержанным политиком. Победив Хидэёси на поле боя, он проиграл ему на дипломатическом фронте, принял поражение и перешёл на службу к победителю. Следующие 12 лет он честно выполнял взятые на себя обязательства, как делал это раньше в отношениях с Нобунага.

Став после смерти Хидэёси первым среди равных, Иэясу продолжил осторожное, выверенное до миллиметра продвижение к власти. В отличие от своего предшественника, он шёл к ней постепенно, следуя проверенно-

му правилу «не торопиться в важных делах». Точно так же он получал и придворные ранги. Если Хидэеси прошёл всю придворную карьеру стремительно, за шесть лет (1585–1591), то Иэясу поднимался по ступенькам должностей и рангов в течение 50 лет — с 1566 по 1616 год.

Придворные ранги Токугава Иэясу

Дата присвоения	Ранг
Декабрь 1566 года	Неполный пятый ранг младшей ступени
Май 1571 года	Неполный пятый ранг старшей ступени
Май 1574 года	Полный пятый ранг младшей ступени
Декабрь 1577 года	Неполный четвёртый ранг младшей ступени
Май 1580 года	Неполный четвёртый ранг старшей ступени
Октябрь 1583 года	Полный четвёртый ранг младшей ступени
Февраль 1584 года	Неполный третий ранг младшей ступени
Ноябрь 1586 года	Полный третий ранг
Август 1587 года	Неполный второй ранг
Май 1598 года	Полный второй ранг
Июнь 1602 года	Неполный первый ранг
Март 1617 года	Полный первый ранг (посмертно)

Главные черты характера Токугава ярче всего проявились на заключительном этапе его жизненного пути и позволили сделать то, что противоречило и его собственным принципам, и тогдашним представлениям о воинской верности, — перехватить власть у сына Хидэеси и создать собственную династию.

Важную роль в конечном успехе Токугава сыграл такой малоподвластный человеку компонент судьбы, как

удача. Иногда она сопутствовала ему эпизодически, иногда постоянно. Примером случайной удачи может служить неожиданная победа Ода Нобунага над Имагава Ёсимото и гибель последнего в бою при Окэхадзама — это позволило юному командиру легко избавиться от вассальной зависимости. Таким же подарком судьбы можно считать решение Такэда Сингэн не штурмовать замок Хамамацу после сражения на плато Микатагахара. В противном случае Токугава был обречён. Удачным исходом можно считать и его выход из окружения в марте 1570 года, когда вассалы и союзники Ода Нобунага отступали из провинции Этидзэн после его внезапного бегства.

Примеров удач, которые сопровождали Токугава Иэясу не эпизодически, а постоянно, намного больше. Поэтому правильнее считать их не случайными подарками судьбы, а наградой за адекватное понимание своего места в этом мире. Помимо уже названных черт характера это физическое здоровье и правильный образ жизни, которые обеспечили Иэясу долголетие и высокую работоспособность. С детства он был подвижным и энергичным юношей, любил воинские упражнения и занимался ими ежедневно. Живя у Имагава, часто плавал в быстрой и холодной речке Абэ. Во взрослые годы поддерживал физическую форму постоянными переездами, военными походами и многодневной охотой. В беседах с соратниками он часто высказывался на этот счёт. «Пешие походы в зной и холод, дождь и снег закаляют тело, позволяют видеть богатство природы и познавать нравы в разных землях. Вкусный завтрак ранним утром, усталость поздним вечером и крепкий сон ночью лучше всяких лекарств выправляют тело и оберегают его от плотских желаний» (Китадзима, 1963). Современники подсчитали, что за всю жизнь Токугава выезжал на охоту около тысячи раз (Токугава Иэясу, 2015). Если допустить, что впервые он сделал это в 10 лет, то в среднем получается по 16 выездов в год. Охотились

обычно по несколько дней, но даже если считать все его выезды однодневными, то получается, что Иэясу провёл на охоте в общей сложности около трёх лет. За два месяца до сражения на равнине Сэкигахара, когда исход противостояния между востоком и западом был совершенно неясен, он поехал охотиться в Одавара, чем вызвал недовольство своих старейшин: «Как можно ехать на охоту, когда не знаешь, что с тобой будет завтра...» (*Токугава дзикки*).

С возрастом он перестал заниматься воинскими упражнениями, но из аркебузы стрелял до конца жизни. Одна из дневниковых записей гласит, что в 1611 году 68-летний Иэясу сделал на охоте три выстрела, два из которых попали в цель. У него всю жизнь было хорошее зрение, но с возрастом появилась дальнозоркость, с которой он боролся с помощью очков, подаренных ему европейцами. Эти очки считаются первыми в Японии.

Как и многие другие в то время, Иэясу страдал от паразитов. Японские крестьяне обильно удобряли поля фекалиями, что способствовало распространению инфекционных заболеваний. Лечился он самостоятельно, так как с молодых лет любил и умел готовить лекарственные препараты. Состояли они из травяных настоев и минеральных растворов, в которые обычно добавляли молочную эмульсию или воду, чтобы их было легче глотать. Снадобья имели отвратительный вкус и запах, но на это не обращали внимания. В рукаве накидки Иэясу всегда находился льняной мешочек с лекарственными смесями. Эти переносные аптечки так и называли «лекарством в рукаве» (*го-сюяку*). Согласно хронике *Токугава дзикки*, Иэясу с молодых лет раздавал лекарства собственного приготовления своим близким,

Золотая оправа
очков Токугава

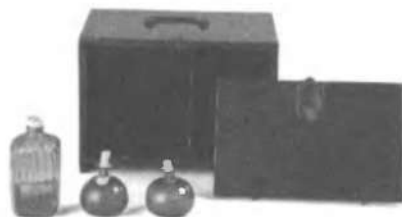
*Чашка и пестик Токугава Иэясу
для приготовления лекарств*

страдавшим от простуды или несварения желудка, а в походы всегда брал с собой китайский сборник рецептов на все случаи жизни. Делал он снадобья и по своим собственным формулам — после смерти

в его бумагах было найдено множество таких описаний. Всего в них значилось 116 веществ и препаратов самого разнообразного происхождения — семена камфорного дерева, корень солодки, женьшень, дикий мёд, мускус, ртуть и многое другое. Позднее лекарственные рецепты Токугава были изданы отдельно и составили 11-томную рукопись. Были среди них, конечно, и мази для заживления самых распространённых в то время колотых и резаных ран. Если бы Токугава не стал правителем страны, из него, вероятно, получился бы хороший лекарь. Широко известен эпизод, когда он собственноручно обрабатывал рану своего старейшины Ии Наомаса, получившего тяжёлое ранение на равнине Сэкигахара. В то время всё связанное с болезнями, ранами и кровотечениями любого происхождения считалось нечистым, поэтому люди высокого

звания избегали соприкосновений с носителями скверны; в этом смысле Токугава, собственноручно лечивший своих близких и подчинённых, был уникальным полководцем.

Создание собственного правительства предо-

*Ящик для лекарств и снадобья,
приготовленные Иэясу*

ставило Иэясу новые возможности в распространении знаний, которые он считал полезными. Семью годами ранее в Китае вышел фундаментальный трактат *Хондзо камоку* («Основы лекарствоведения»), содержащий описание целебных свойств всех известных китайцам растений и минералов. Его автор исходил из того, что в природе не существует бесполезных для человека веществ, и на этой основе составил лекарственную классификацию всего органического и неорганического многообразия мира. Узнав о трактате, Иэясу в 1605 году распорядился привезти его в Эдо и поручил своему лекарю Катаяма Сотэцу изучить текст и донести его содержание в виде лекций до всех обитателей замка. Одновременно с этим он велел собрать в Эдо самых известных врачей-лечителей и обеспечить им доступ к медицинским трактатам. Говоря современным языком, Иэясу сделал первый шаг к созданию системы медицинского обслуживания, сначала для членов своей семьи, а затем для всех, кто жил в замке Эдо. Несколько десятилетий спустя медосмотры сёгуна и членов его семьи стали проводиться на регулярной основе.

В XVI веке в Японии широко распространилось табакокурение. В то время считалось, что табачный дым обладает лечебными свойствами: уменьшает головную боль и помогает при болезнях дыхательных путей. Но Токутава Иэясу это увлечение обошло стороной, он никогда не курил, а став правителем, издал указ о запрете табака. Этот запрет оставался в силе ещё тридцать лет после его смерти и был отменён при третьем сёгуне Иэмицу.

Как и все остальные, Иэясу время от времени болел. После 40 лет у него появился хронический фурункулёз; занимаясь самолечением, он в марте 1585 года едва не умер от заражения крови. Спас его Хонда Сигэцугу, сделав прижигание неумело вскрытого фурункула моксой из листьев полыни. В июле 1600 года, за два месяца до сражения на равнине Сэкигахара, Иэясу впервые слёг с приступом лихорадки непонятного происхождения; она

сопровождалась повышением температуры, слабостью и падением эмоционального тонуса. Такие приступы повторялись у него и впоследствии.

Многие биографы Токугава отмечают его привычку грызть ногти в моменты нервного напряжения. В детстве она считается признаком повышенной тревожности и со временем проходит, но Иэясу она сопровождала всю жизнь. Во многих хрониках говорится о том, что в день решающего сражения 15 сентября 1600 года он тоже сильно нервничал и всё время грыз ногти.

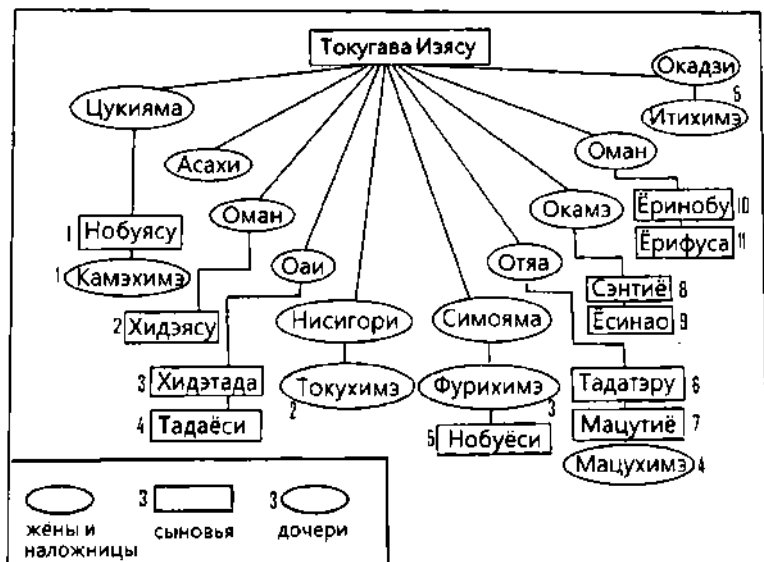
По старинным гравюрам видно, что Иэясу имел лишний вес, который стал особенно заметен после 50 лет. В этом возрасте он уже не мог самостоятельно завязывать нижний пояс и нуждался в помощи прислуги. Длина этого пояса составляла 155 см, что даёт представление об обхвате талии.

Токугава повезло и в том, что его обошёл стороной сифилис, одна из главных болезней-убийц того времени. Обычай иметь много наложниц и близкие отношения с юными адъютантами дорого обошёлся многим известным военачальникам: от сифилиса умерли Като Киёмаса, Курода Камбэй, Юки Хидэясу (второй сын Токугава), Маэда Тосинага, Асано Юкинага. Несмотря на то что Токугава всю жизнь активно интересовался женщинами, эта болезнь его миновала или, во всяком случае, не повлияла на продолжительность жизни (по некоторым сведениям, сифилис у Токугава всё-таки был, но в вялотекущей форме).

Иэясу дважды состоял в браке, и оба раза по политическим соображениям. Второй брак (с сестрой Хидээси) был бездетным, а первая жена Цукияма родила ему сына и дочь, но в продолжении семейной линии они не участвовали. Все остальные его дети родились от наложниц. Всего у Токугава было 11 сыновей и 5 дочерей, трое из них умерли в детстве. В первый раз он стал отцом в 17 лет, а в последний — в шестьдесят пять. Трое из четырёх продолживших династию сыновей появились на свет, когда

Иэясу было 59, 60 и 61 год соответственно. Из 14 следующих сёгунов Токугава лишь двое (одиннадцатый Иэнари и двенадцатый Изёси) сумели превзойти отца-основателя по числу детей, а остальные отстали с большим отрывом. Обилие сыновей сыграло не последнюю роль в жизнеспособности и устойчивости династии Токугава — этим она выгодно отличалась от семьи Тоётоми.

Иэясу и Хидэёси имели много наложниц, но выбирали их по-разному. Токугава руководствовался исключительно личными симпатиями, не обращая внимания на происхождение, — все его фаворитки были вдовами или дочерьми низкоранговых (в том числе безработных) самураев или крестьян. Хидэёси же выбирал наложниц только из семей воинской или аристократической знати. Токугава известен также тем, что поддерживал со своими женщинами долговременные прочные отношения — в 1607 году вместе с ним в Сумпу переехали десять бывших фавориток.

Жёны, наложницы и дети Иэясу

Последней его симпатией была девушка по имени Року (1597–1625), родившаяся на 55 лет позже Иэясу.

Несмотря на обилие наложниц, Токугава часто говорил о вреде и опасности острых удовольствий и предостерегал от них своих вассалов. Телесные наслаждения и азартные игры он считал опаснейшими соблазнами, которые могут погубить человека. Действительно, кроме охоты у него, пожалуй, не было других сильных увлечений. К поэзии он был равнодушен, театральные представления посещал, но больше по необходимости, иногда наблюдал за игрой в *го* и *сёги*. В отличие от Нобунага и Хидзёси, не был он и большим поклонником чайной церемонии, хотя званые мероприятия посещал и собирал чайный антиквариат, но скорее из-за его материальной ценности. Его не привлекали праздные, чисто развлекательные способы времяпрепровождения, не приносящие практической пользы, какими бы утончёнными они ни были. В этом отношении он был абсолютным прагматиком, и эта его черта впоследствии закрепились в управленческой практике *бакуфу*, требовавшего от провинциальных *даймё* сдержанности в личных удовольствиях. По этой же причине соколиная охота много лет поощрялась потомками Иэясу как самый

достойный вид воинского досуга.

Жизненный итог Токугава Иэясу — классический пример успешности человека, не только оказавшегося в нужное время в нужном месте, но и обладавшего необходимыми для успеха личными качествами. Процесс объединения страны, начатый в 1568 году усилиями Ода

Позолоченная хаори
Токугава Иэясу
из натуральной кожи

Нобунага и продолженный Тоётоми Хидэёси, продлился в общей сложности 47 лет и завершился победой Токутава. Особенности этого процесса можно считать ярко выраженную преемственность этапов и полное соответствие личных качеств главных исполнителей характеру стоявших перед ними задач.

Ода Нобунага, изобретательный и бескомпромиссный боец, сражался за власть 14 лет и погиб в двух шагах от неё. Он выполнил основную, самую трудную часть работы, когда все ещё воевали против всех.

Многому у него научившийся Тоётоми Хидэёси продолжил силовое объединение страны, добавив к военным талантам своего предшественника дипломатическую хитрость и умение использовать человеческие слабости. Путь к власти занял у него восемь лет, и столько же он находился на её вершине. По совокупности личных качеств он не уступал своему учителю и вполне мог добиться конечного успеха — создать долговременную правящую династию. Этому помешали акцент на войну в конце правления, нехватка времени и человеческих ресурсов, необходимых для создания такой династии.

Следующие 18 лет хозяином положения был Токутава Изясу. Используя доставшиеся от Хидэёси полномочия, он начал последовательно, шаг за шагом выстраивать систему собственной власти. В нарушение клятвы, данной своему предшественнику, он сначала подчинил его сына политическими методами, а затем устранил силовым путём.

Смена лидеров и последовательность этапов в процессе объединения страны ещё долго волновали воображение потомков и отразились в народном фольклоре. Про Нобунага, Хидэёси и Изясу было сочинено великое множество литературных и театральных сюжетов, в простой и доступной форме показывающих их взаимоотношения и место в истории страны. Пожалуй, самые известные среди них — про певчую птицу и рисовые лепёшки *моти*. Первая байка, посвящённая

Гравюра Утагава Ёситора
(XIX век)

главным чертам характера трёх объединителей страны, повествует о том, как бы они поступили, если бы пойманная ими птица отказалась петь в клетке. Нобунага бы просто убил за ненадобностью, Хидэёси придумал бы способ, как заставить её петь, а Иэясу дождался бы, пока сама запоёт. Вторая присказка резюмирует результаты их многолетних усилий: Нобунага заготовил тесто для сладких рисовых лепёшек, Хидэёси их из этого теста сделал, а Иэясу съел. В первой половине

XIX века, то есть через двести с лишним лет после смерти Токугава Иэясу, малоизвестный художник Утагава Ёситора изобразил этот сюжет на гравюре, благодаря чему он стал широко известен не только в Японии, но и за рубежом.

Успех Токугава Иэясу ознаменовал переход к мирному этапу в жизни страны, в ходе которого в японском обществе утвердилось множество новых, ранее неизвестных представлений и принципов. Длительная и почти полная изоляция страны от внешнего мира, в условиях которой проходило их усвоение и закрепление, обеспечила глубину и качество этих процессов. За годы правления династии Токугава окончательно сформировалось общепризнанное сегодня своеобразие японской нации, обеспечившее её достижения и место в современном мире. Личный вклад Токугава Иэясу в этот процесс трудно переоценить.

Литература и источники

Источники

Адзай сандайки (Хроника трёх поколений Адзай)
Буй сёкудан (Разговоры о подвигах при свечах)
Гизэн Дзюго никки (Хроники Гизэн Дзюго)
Даймикаваси (Большая хроника [провинции] Микава)
Ивабути ява бэссю (Сборник вечерних рассказов Ивабути)
Иэтада никки (Хроники Иэтада)
Коё гункан (Военная летопись [провинции] Каи)
Коранки (Хроника гибели [провинции] Каи)
Микава гофудоки (Поздняя летопись [провинции] Микава)
Микава моногатари (Сказание о Микава)
Мусю бунсё (Хроника провинции Мусаси)
Нагасава кикигаки (Записки об услышанном рукой Нагасава)
Осака тодзинки (Хроника зимнего сражения в Осака)
Отибосю (Сборник опавших листьев)
Сёэй кидзи (Летопись славы [дома] Мацудайра)
Синтё коки (Хроники Ода Нобунага), автор Ота Гюити
Синтёки (Хроники Ода Нобунага), автор Одзэ Хоан
Сумпуки (Хроника Сумпу)
Суруга досан (Местные производства [провинции] Суруга)
Тодайки (Летопись нашего времени)
Тодокэ бунсё (Хроника дома Тодо)
Токугава дзикки (Подлинная хроника [дома] Токугава)
Ханканфу (Родословная воинских кланов)
Хонайки (Внутренние записи [дома] Тоётоми)

На русском языке

Асмолов В. К. Имджинская война 1592–1598 годов и корейский воин XVI–XVII веков (электронная версия).
Елисеев Д. Хидэёси, строитель современной Японии. СПб.: Евразия, 2008.
Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М.: Наука, 1984.

- Ламерс Й. П. Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага. СПб.: Евразия, 2012.
- Прасол А. Ф. Объединение Японии. Ода Нобунага. М.: Восточная книга, 2015.
- Прасол А. Ф. Объединение Японии. Тоётоми Хидэёси. М.: Восточная книга, 2016.
- Спеваковский А. Б. Самураи — воинское сословие Японии. М.: Наука, 1981.
- Тернбулл С. Самураи. М.: Астрель, 2008.

На японском языке

- Аримичу Югаку. Нихон но дзидайси. Сэнгоку но тинки кокка 12 = Эпохи в японской истории. Региональные государства эпохи междоусобных войн. Т. 12. Ёсикава кобункан, 2003.
- Асао Наохиро и др. Иванами кодза нихон цуси 11. Кинсэй 1 = Полный курс японской истории Иванами. Т. 11: Новое время. Ч. 1. Иванами сётэн, 1993.
- Асао Наохиро. Тайкэй нихон но рэкиси (8). Тэнка тоицу = Серия «История Японии». Т. 8: Объединение страны. Синсё, 1993.
- Вакасаки Кэн, Яманака Сёдзи. Нихон но гассэн 40 = Сорок японских сражений. Тоё кэйдзай симпоса, 2010.
- Дзусэцу сэнгоку гассэнсю = Эпоха междоусобных войн. Иллюстрированное описание сражений. Гаккэн, 2013.
- Идзуми Сэйдзи. Токутава бакуфу сэйрицу катэй но кисотэки кэнкю = Становление военного правительства Токутава. Бункэн, 1995.
- Икэ Сусуму. Нихон но дзидайси. Тэнка тоицу то тэсэн синряку 13 = Эпохи в японской истории. Объединение страны и агрессия в Корею. Ёсикава кобункан, 2003.
- Икэгами Рёта. Дзусэцу сэнгоку бусё = Воины эпохи сэнгоку. Иллюстрированное издание. Синкигэнся, 2010.
- Иматани Акира. Сэнгоку даймё то тэнно = Крупнейшие военачальники и император в эпоху междоусобных войн. Коданся гакудзюцу бунко, 2001.
- Исни Сусуму. Тюсэй бусидан = Средневековые воинские дружины. Коданся гакудзюцу бунко, 2011.
- Камигаито Кэнъити. Бунроку, кэйтё но эки = Война годов Бунроку и Кэйтё. Коданся, 2002.
- Кан Хан. Канъёроку. Тэсэн дзюся но нихон ёкурюки = Японские дневники интернированного корейского монаха. Хэйбонся, 1984.

- Касая Кадзухико. Сэкигахара гассэн. Иэясу но сэнряку то бакухан тайсэй = Сражение при Сэкигахара. Стратегия Иэясу и система бакухан. Коданся, 2008.
- Касая Кадзухико. Сэкигахара гассэн то Осака но дзин = Сражение при Сэкигахара и битва за Осака. Ёсикава кобункан, 2007.
- Китадзима Масамото. Токугава Иэясу. Сосикися но сёдзо = Токугава Иэясу. Портрет основателя. Тью коронся, 1963.
- Китаи Тосио. Сэнгоку даймё но сётэй = Реальные лица военачальников эпохи междоусобных войн. Тью корон синся, 2015.
- Конлан Томас. Дзусэцу дэнгоку дзидай. Буки, богу, сэндзюцу хяка = Эпоха воюющих провинций. Иллюстрированная энциклопедия вооружений, доспехов и военной тактики / Яп. ред. Овада Тэцуо. Хара сёбо, 2013.
- Кумагаи Мицуаки. Токугава Иэясу то дзюрокунин но кодомотати = Токугава Иэясу и его 16 детей. Сёдэнся, 2015.
- Куросима Сатору. Тэнка тоицу. Хидэёси кара Иэясу э = Объединение страны — от Хидэёси к Иэясу. Коданся, 2015.
- Марусима Кадзухиро. Сэнгоку даймё но гайко = Дипломатия военачальников в эпоху междоусобиц. Коданся, 2013.
- Минэгиси Сумио, Катагири Акихико. Сэноку бусё, гассэн дзитэн = Полководцы и сражения эпохи междоусобных войн. Ёсикава кобункан, 2005.
- Мицунари Дзюндзи. Сэкигахара дзэнъя. Сэйгун даймётати но та-такаи = Накануне Сэкигахара. Боевые действия западных дай-мё. Нихон хосо сюппан кёкай, 2009.
- Моримото Масахиро. Мацудайра Иэтада никки = Дневники Мацудайра Иэтада. Кадокава гакутэй сюппан, 1999.
- Накамура Ёсихико. Сэкигахара гассэн химэрарэта синсо = Неизвестные факты о Сэкигахара. Тью корон синся, 2000.
- Накамура Коя. Токугава Иэясу бунсё но кэнкю = Изучая документы Токугава Иэясу. Т. 2. Нихон гакудзюцу синкокай, 1980.
- Нисии Сидзу. Сэнгоку бусё но сибо синдансё = Посмертные диагнозы полководцев эпохи междоусобных войн. Эксноулидж, 2012.
- Нисимата Фусао. Сиротори но гундзигаку. Тикудзёся но ситэн кара кангаэру сэнгоку но сиро = Штурм фортификационных сооружений. Замки эпохи междоусобных войн глазами их создателей. Гаккэн, 2013.
- Овада Тэцуо. Сэнгоку бусё = Военачальники эпохи междоусобных войн. Тью коронся, 1993.
- Овада Тэцуо. Хидэёси но тэнка тоицу сэнсо = Борьба Хидэёси за объединение страны. Ёсикава кобункан, 2006.

- Ода Акинобу. Онъэйроку, хайдзэцуроку = Записи о наградах и конфискациях / Фудзино Тамоцу. Кондо сьоппан, 1970.
- Сайто Синъити. Сэнгоку дзидай но сюэн = Окончание междоусобных войн. Тюо коронся, 2005.
- Симмура Идзуру. Нихон кириситан бункаси = История христианской культуры в Японии // Симмура Идзуру дзэнсю = Полное собрание сочинений Симмура Идзуру. Т. 6. Тикума сёбо, 1973. С. 435–440.
- Сонэ Юдзи. Осака но дзин то Тоётоми Хидзёри = Штурм замка Осака и Тоётоми Хидзёри. Ёсиава кобункан, 2013.
- Сэнгоку бусё но рирэкисё = Биографии полководцев эпохи междоусобиц / Куриэтибу суито. Такарадзимаса, 2013.
- Сэнгоку бусиндэн. Рэкиси гундзо сиридзу 66 = Дух воинов эпохи сэнгоку. Серия «Исторические портреты». Вып. 66. Гаккэн, 2008.
- Сэнгоку гассэн тайдзэн. Гэкокудзё но хонрю то гунъю но татакаи. Дзёкан = Полное описание сражений эпохи междоусобных войн. Главные направления меняющейся эпохи и сражения крупнейших полководцев. Вып. 1. Гаккэн, 1997.
- Сэнряку, сэндзюцу, хэйки тайдзэн. Нихон сэнгокухэн = Стратегия, тактика, вооружение. Полное описание эпохи междоусобных войн. Гаккэн, 2011.
- Такаянаги Мицуёси. Сэнгоку сэнки 3. Хоннодзи но хэн, Ямадзакисаки но татакаи = Военные хроники периода сэнгоку. Инцидент в храме Хонно и сражение при Ямадзакисаки. Сюндзюся, 1958.
- Танигути Кацухиро. Нобунага то кизэа касинтати: сиккяку, сюкусэй, мухон = Нобунага и его пропавшие вассалы — мятежи, ссылки, репрессии. Тюо корон синся, 2007.
- Танигути Кацухиро. Ода Нобунага гассэн дзэнроку = Полная хроника сражений Ода Нобунага. Тюо корон синся, 2002.
- Токугава Иэасу. Боцуго ёнхякунэн = Токугава Иэасу — 400 лет со дня смерти / Под ред. Овада Тэцуо. Хэйбонся, 2015.
- Токугава Иэасу. Рэкиси гундзо сиридзу 11 = Токугава Иэасу. Серия «Исторические образы». Вып. 11. Гаккэн, 1989.
- Токугава Иэасу. Боцуго ёнхякунэн = Токугава Иэасу: к 400-летию со дня смерти / Ред. Овада Тэцуо. Хэйбонся, 2015.
- Тэнкабито Нобунага кара Хидзёси э = От Нобунага к Хидзёси // Нихон рэкиси тэмбо дай нанакан = Обзор японской истории. Т. 7 / Под ред. Кувата Тадатика. Обунся, 1981.
- Фройс Луис. Нихонси = История Японии / Пер. Мацуда Кинти, Кавасаки Момота. Т. 1–5. Тюо коронся, 1977.

- Фудзин Дзёдзи. Нихон киндай но рэкиси 1. Тэнкабито но дзидай. = История Японии средних веков. Т. 1: Эпоха объединителей. Ёсикава кобункан, 2011.
- Фудзики Хисаси. Сэнгоку но сахо = Установления эпохи междоусобиц. Коданся, 2008.
- Фудзимото Ацуси, Фукуо Такэтиро. Фукусима Масанори. Сайго но сэнгоку бусё = Фукусима Масанори. Последний полководец эпохи междоусобиц. Тёо коронся, 1999.
- Фукуда Тидзуру. Тоётоми Хидэёри. Ёсикава кобункан, 2014.
- Фусао Нисимата. Сэнгоку но гунтай = Воины эпохи междоусобных войн. Гаккэн, 2012.
- Футаки Кэнъити. Осака но дзин = Осацкие сражения. Тёо коронся, 1983.
- Футаки Кэнъити. Токугава Иэясу. Тикума сёбо, 2008.
- Хаттори Тосиро. Эйютати но бёсё синдан. Соно бёки, сэйкаку га нихон но рэкиси о каэта = Диагнозы героев: характеры и болезни, изменившие историю Японии. Пи-Эйч-Пи кэнкюдзё, 1983.
- Хонда Такаси. Токугава Иэясу. Ёсикава кобункан, 2010.
- Эбара Масахару. Нихон но дзидайси. Икки но дзидай 11 = Эпохи в японской истории. Эпоха мятежей. Т. 11. Ёсикава кобункан, 2003.
- Эдо дзидайкан = Галерея эпохи Эдо / Под ред. Оиси Манабу. Сёгакукан, 2002.
- Ямада Куннаки. Сэнгоку но кацурёку = Выживание в эпоху междоусобиц // Нихон но рэкиси. Сэнгоку дзидай. Хатикан = История Японии. Эпоха междоусобных войн. Т. 8. Сёгакукан, 2008.
- Ямадзи Айдзан. Токугава Иэясу. Т. 1–2. Иванами сётэн, 2007
- Ямамото Ситихэй. Токугава Иэясу. Бунгэй сюндзю, 1997.
- Ямамото Хирофуми. Тэнкабито но иккю сирё. Хидзёси мондзё но синдзицу = Первоисточники объединителей страны. Подлинный смысл письменных документов Хидзёси. Касива сёбо, 2009.

На английском языке

- Boxer C. B. The Christian Century in Japan (1549–1560). Berkeley, University of California Press, 1951. P. 190–198.
- Sadler A. L. The Maker of Modern Japan. The Life of Tokugawa Ieyasu. Charles E. Tuttle Co., 1981.

Приложение 1

Путь к власти: покровители, союзники, противники

ТОЁТОМИ ХИДЭЁСИ			
Годы	Покровитель	Главные союзники	Главные противники
1554–1559	Ода Нобунага		Родственники дома Ода
1560	Ода Нобунага		Имагава Ёсимото
1561–1567	Ода Нобунага		Сайто Ёситацу Сайто Тацуоки
1568	Ода Нобунага		Роккаку Дзётэй «Триумвиры Миёси» Мацунага Хисахидэ
1570–1572	Ода Нобунага		Асакура Ёсикагэ Адзай Нагамаса
1572–1573	Ода Нобунага		Сёгун Ёсиаки Исияма-хонган Асакура Ёсикагэ Адзай Нагамаса Такэда Сингэн «Триумвиры Миёси» Мацунага Хисахидэ
1574–1580	Ода Нобунага		Сёгун Ёсиаки Исияма-хонган Мори Тэрумото Такэда Кацуёри и др.

Окончание таблицы

Годы	Покровитель	Главные союзники	Главные противники
1580–1582	Ода Нобунага		Сёгун Ёснаки Мори Тэрумото Тёсокабэ Мототика Такэда Кацуёри и др.
1582		Нива Нагахидэ Икэда Цунэоки Накагава Киёхидэ Такаяма Укон Ода Нобутака	Акэти Мицухидэ
1583		Нива Нагахидэ Икэда Цунэоки Накагава Киёхидэ Такаяма Укон Ода Нобукацу	Ода Нобутака Сибата Кацуиэ Такигава Кадзумасу
1584		Нива Нагахидэ Икэда Цунэоки Накагава Киёхидэ Такаяма Укон Уэсути Кагэкацу	Ода Нобукацу Токугава Иэясу
1586–1587		Мори Тэрумото Токугава Иэясу Уэсути Кагэкацу	Тёсокабэ Мототика Симадзу Ёсихиса
1589–1590		Фудай даймё	Ходзё Удзимаса
1590–1591		Фудай даймё	Местные военачальники на северо-востоке Хонсю
1592–1598		Фудай даймё	Корея и Китай

ТОКУТАВА ИЗЯСУ		
Годы	Главные союзники	Главные противники
1557–1560	Имагава Ёсимото	Ода Нобунага
1560–1562	–	Повстанцы в провинции Микава
1562–1568	Ода Нобунага	Имагава Удзидзанэ
1568–1571	Ода Нобунага Такэда Сингэн	Имагава Удзидзанэ Ходзэ Удзиясу
1571–1573	Ода Нобунага	Такэда Сингэн Ходзэ Удзимаса
1573–1578	Ода Нобунага Уэсуги Кэнсин	Такэда Кацуёри Ходзэ Удзимаса
1578–1582	Ода Нобунага Ходзэ Удзимаса	Такэда Кацуёри Уэсуги Кагэкацу
1582–1583	–	Ходзэ Удзимаса
1584–1586	Ходзэ Удзимаса Ода Нобукацу	Тоётоми Хидэёси
1586–1589	Тоётоми Хидэёси Ходзэ Удзимаса	Тёсокабэ Мототика Симадзу Ёсихиро
1590	Тоётоми Хидэёси	Ходзэ Удзимаса
1592–1598	Тоётоми Хидэёси	Корея и Китай
1598–1600	Фудай даймё	Исида Мицунари
1600–1614	Фудай даймё	Тодзама даймё
1614–1615	Фудай даймё	Тодзама даймё Тоётоми Хидэёри

Приложение 2

Хронологический указатель

Год	Месяц	Возраст	Событие
1542	Декабрь		Рождение в замке Окадзаки. Отец Мацудайра Хиротада, мать Мидзуно Одай.
1544	Сентябрь	2	Развод отца с матерью и её отправка в форт Кария.
1545	Сентябрь	3	Неудачная попытка отца Иэясу вернуть потерянный форт Андзё.
1547	Октябрь	5	Отправка мальчика заложником в Сумпу и его продажа Ода Нобухидэ.
1548	Март	6	Победа отца Иэясу над Ода Нобухидэ.
1549	Март Ноябрь	7	Смерть отца. Отправка Иэясу в Сумпу.
1551	Март	9	Смерть Ода Нобухидэ и появление Нобунага.
1555	Март	13	Совершеннолетие и получение имени Мотонубу.
1557	Январь	15	Брак с Цукияма и смена имени на Мотоясу.
1558	Февраль	16	Боевое крещение.
1559	Март Май	17	Рождение старшего сына Такэтиё (впоследствии Нобуясу). Посещение могилы отца в Окадзаки и объезд владений в Микава.
1560	Май	18	Участие в походе Имагава против Ода Нобунага. Встреча с матерью в усадьбе её второго мужа Хисамицу Тосикацу. Гибель Имагава Ёсимото и возвращение Иэясу в Окадзаки.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1560	Сентябрь	18	Рождение старшей дочери Камэхимэ.
1561	Февраль Август Сентябрь	19	Начало боевых действий за провинцию Микава. Захват форта Нагасава. Захват форта Тодзэ и контроль над западной частью провинции.
1562	Январь Февраль Март Сентябрь	20	Военный союз с Ода Нобунага (<i>Киёсу домэй</i>). Освобождение семьи Иэясу и её переезд в Окадзаки. Гибель тестя Иэясу и казнь заложников Мацудайра в Сумпу. Победа Иэясу над Удзидзанэ в бою при Гою.
1563	Март Июль Сентябрь	21	Помолвка старшего сына Иэясу с дочерью Нобунага. Смена имени Нобуясу на Иэясу. Начало вооружённого мятежа Икко в провинции Микава.
1564	Январь Март Июнь	22	Решающее сражение с мятежниками в Камивада. Победа над мятежниками. Вытеснение Имагава из провинции Микава и установление над ней полного контроля. Назначение Сакаи Тадацугу и Исигава Кадзумаса наместниками.
1566	Декабрь	24	Императорский указ о присвоении Иэясу аристократического ранга (неполный пятый младшей степени), признание его хозяином провинции Микава и смена фамилии Мацудайра на Токугава.
1567	Май	25	Брак старшего сына Иэясу и дочери Нобунага.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1568	Сентябрь	26	Успешный поход Ода Нобунага в столицу. Восстановление сёгуната Асикага. Нападение Такэда Сингэн и Токугава Иэясу на Имагава Удзидзанэ, его бегство в форт Какэгава и осада форта силами Токугава.
	Октябрь		
	Декабрь		
1569	Май	27	Капитуляция форта Какэгава и захват большей части провинции Тотоми.
1570	Апрель	28	Выезд в столицу и поход в составе армии Нобунага в провинцию Этидзэн против Асакура. Неудача и возвращение в Киото. Сражение на реке Анэ, победа Нобунага и Иэясу над Адзаи и Асакура. Перенос домашней резиденции из Окадзаки в Хамамацу. Разрыв отношений с Такэда Сингэн и военный союз с Уэсуги Кэнсин.
	Июнь		
	Октябрь		
1571	Февраль	29	Вторжение Такэда Сингэн в провинцию Тотоми. Вторжение Такэда Сингэн в Микава.
	Апрель		
1572	Декабрь	30	Поражение Токугава Иэясу от Такэда Сингэн на плато Микатагахара.
1573	Апрель	31	Смерть Такэда Сингэн. Изгнание сёгуна Ёсиаки из столицы и ликвидация сёгуната Асикага.
	Июль		
1574	Февраль	32	Рождение у Токугава второго сына Хидэясу. Потеря форта Такатэндзин (победа Такэда Кацуёри). Возврат форта Нагасино.
	Апрель		
	Сентябрь		
1575	Апрель	33	Вторжение Такэда Кацуёри в провинцию Микава. Победа Нобунага и Иэясу над Такэда Кацуёри в сражении при Нагасино.
	Май		

Год	Месяц	Возраст	Событие
1576	Август	34	Поход Токугава в Ёкосука (провинция Тотоми) и победа над Такэда Кацуёри.
1577	Август	35	Отпор Такэда Кацуёри в провинции Микава.
1578	Март	36	Смерть Уэсуги Кэнсин.
1579	Апрель	37	Рождение третьего сына, будущего сёгуна Хидэада.
	Июль		Семейный конфликт в замке Окадзаки.
	Август		Приговор и убийство жены Иэясу.
	Сентябрь		Приговор и самоубийство старшего сына Иэясу.
1580	Сентябрь Октябрь	38	Рождение четвёртого сына Тадаёси. Начало осады форта Такатэндзин.
1581	Март	39	Падение форта Такатэндзин, полный контроль над провинцией Тотоми.
1582	Март	40	Победа Нобунага и Иэясу над Такэда Кацуёри, гибель клана. Переход Сумпу в распоряжение Токугава.
	Июнь		Измена Акэти Мицухидэ и гибель Нобунага.
	Июль		Вторжение Иэясу в провинции Каи и Синано.
	Август Октябрь		Боевые действия против Ходзё Удзинао. Мирное соглашение с Ходзё, раздел Каи и Синано.
1583	Январь	41	Встреча с Ода Нобукацу и договорённость о союзе против Хидэёси.
	Август		Брак старшей дочери Иэясу с Ходзё Удзинао.
	Сентябрь		Рождение пятого сына Нобуёси.
1584	Январь	42	Казнь трёх старейшин Ода Нобукацу и его конфликт с Хидэёси.
	Март		Поддержка Ода Нобукацу со стороны Иэясу.
	Апрель		Победа Токугава над Хидэёси в боях при Комаки и Нагакутэ.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1584	Ноябрь	42	Мирное соглашение между Хидзёси и Нобукацу.
	Декабрь		Мирное соглашение между Хидзёси и Иэясу. Отправка второго сына Токугава заложником.
1585	Июль	43	Получение Хидзёси ранга <i>кампаку</i> .
	Ноябрь		Начало реконструкции замка Сумпу. Уход Исикава Кадзумаса на службу к Хидзёси. Прибытие от Хидзёси посланников с предложением вассалитета.
1586	Январь	44	Визит Нобукацу с целью ускорить принятие вассалитета.
	Март		Встреча Токугава с отцом и сыном Ходзё.
	Май		Брак с младшей сестрой Хидзёси.
	Октябрь		Прибытие в Окадзаки матери Хидзёси.
	Декабрь		Поездка Иэясу в Киото, встреча с Хидзёси и принятие вассалитета. Перенос главной резиденции из Хамамацу в Сумпу.
1587	Август	45	Посещение Киото по случаю победы Хидзёси на острове Кюсю. Получение неполного второго ранга и должности советника двора.
1588	Апрель	46	Открытие замка Дзюракутэй и клятва верности Хидзёси со стороны воинской элиты.
	Май		Завершение строительства Главной пагоды в замке Сумпу. Рекомендация отцу и сыну Ходзё принять вассалитет Хидзёси.
	Июнь		Выезд в Киото в связи с болезнью матери Хидзёси.
	Июль		Требование к Ходзё принять вассалитет Хидзёси.
	Август		Выезд в столицу Ходзё Удзинори и встреча с Хидзёси.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1589	Июль	47	Семистатейное административное уложение и начало переписи земель в провинциях Микава, Тотоми, Суруга, Кан и Синано.
	Октябрь		Инцидент с захватом форта Нумата одним из командиров Ходзё.
	Ноябрь		Решение Хидзёси о военном походе против Ходзё.
	Декабрь		Разработка плана совместных действий Иясу и Хидзёси.
1590	Январь	48	Смерть второй жены Асахикимиэ.
	Февраль		Выступление из Сумпу в поход против Ходзё.
	Апрель		Начало осады Одавара.
	Июль		Капитуляция дома Ходзё и передача Иясу его владений.
	Август		Переезд Токугава в Эдо.
1591	Июль — октябрь Ноябрь	49	Подавление мятежа на северо-востоке Хонсю (<i>Осю икки</i>) по приказу Хидзёси. Раздача земель всем храмам района Канто.
1592	Январь	50	Рождение шестого сына Тадатэру.
	Февраль		Поездка в Киото, участие в совещании о начале войны в Корее.
	Март		Переезд в Нагоя (провинция Бидзэн) в связи с началом войны в Корее.
1593	Май	51	Участие в приёме китайского посольства.
	Август		Возвращение из Нагоя в Осака.
	Октябрь		Рождение у Хидзёси сына Хидзёри. Возвращение в Эдо и встреча с Фудзивара Сэйка.
1594	Февраль	52	Выезд в Киото, участие в составлении указа о переписи земель в масштабе страны. Рождение седьмого сына Мацутиё.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1595	Июль Сентябрь	53	Приговор и самоубийство <i>камтаку</i> Хидэцугу, наследника Хидэёси. Клятва верности Хидэёси и его сыну Хидзёри. Рождение восьмого сына Сэнтёй. Брак сына Хидэтада с приёмной дочерью Хидэёси.
1596	Май Сентябрь Октябрь	54	Получение полного второго ранга и должности Внутреннего министра. Несогласие с Хидэёси относительно возобновления войны в Корее. Смерть ближайшего соратника Сакаи Тадацугу.
1597	Январь Май	55	Указ Хидэёси о возобновлении войны в Корее. Рождение у Хидэтада дочери Сэнхимэ.
1598	Июль Август Сентябрь	56	Тяжёлая болезнь Хидэёси и клятва верности его сыну Хидзёри. Повторная клятва верности пяти регентов и пяти старших распорядителей его сыну Хидзёри, смерть Хидэёси. Приказ об окончании войны в Корее.
1599	Январь Март Сентябрь	57	Переезд Тоётоми Хидзёри из Фусими в замок Осака. Усиление позиций Токугава и конфликт с группой Исида Мицунари. Смерть Мазда Тосииз. Нападение семи командиров на Исида Мицунари. Переезд Изясу в Западную усадьбу замка Осака.
1600	Март Апрель Июнь	58	Встреча с англичанином Уильямом Адамсом. Вызов Уэсуги Кагэкацу в столицу и его отказ. Поход на восток против Уэсуги Кагэкацу.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1600	Июль Сентябрь Ноябрь	58	Начало боевых действий Исида Мицунари против Токугава. Сражение на равнине Сэкигахара и победа Токугава Иэясу. Рождение девятого сына Ёсинао.
1601	Январь Май Август Октябрь	59	Организация почтового сообщения между Эдо и Киото. Учреждение печатного двора в замке Фусими. Назначение Итакура Сигэмаса наместником Киото. Указ об организации внешней торговли.
1602	Март Май Август	60	Рождение десятого сына Ёринобу. Трудовая мобилизация <i>даймё</i> на строительство для Иэясу столичной резиденции (замок Нидзё). Смерть Одай, матери Иэясу.
1603	Январь Февраль Март Июль Август	61	Императорский указ о присвоении Иэясу неполного первого ранга. Указ императора о назначении на должность сёгуна. Трудовая мобилизация <i>даймё</i> на строительство города Эдо. Помолвка Сэнхимэ, внучки Иэясу, с Тоётоми Хидэёри. Рождение одиннадцатого сына Ёрифуса.
1604	Май Июнь Июль	62	Указ о порядке импорта шёлка-сырца. Отправка западными <i>даймё</i> заложников в Эдо. Рождение у Хидэтада сына Измицу, будущего третьего сёгуна Токугава. Мать — племянница Ода Нобунага.
1605	Апрель Май	63	Уход с должности сёгуна и передача её сыну Хидэтада. Требование к Тоётоми Хидэёри прибыть в Киото и его отказ.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1606	Март	64	Трудовая мобилизация <i>даймё</i> на строительство замка Эдо.
	Май		Смерть ближайшего сподвижника Сакакибара Ясумаса. Вступление сына Ёсинао во владение провинцией Овари.
1607	Январь	65	Реконструкция замка Сумпу.
	Февраль		Переезд из Эдо в Сумпу.
	Апрель		Назначение Хаяси Радзан личным лектором Изясу.
1608	Май	66	Вступление девятого сына Ёсинао во владение провинцией Овари.
	Март		Окончание строительных работ в замке Сумпу.
1608	Март	66	Перевод монетного двора из Фусими в Киото.
1609	Июль	67	Разрешение на заход в японские порты голландских судов и учреждение торгового представительства Голландии в Хирадо.
	Декабрь		Приём испанского генерал-губернатора Филиппин Родриго де Виверо.
1610	Февраль	68	Строительство замка Нагоя.
1611	Март	69	Встреча с Тоётоми Хидэёри в замке Нидзё.
	Апрель		Приведение к присяге на верность <i>даймё</i> из района Тохоку.
	Декабрь		Перевод всех поставок риса с земель <i>бакуфу</i> в Эдо.
1612	Февраль	70	Инцидент с Окамото Дайхати.
	Март		Запрет христианства.
1613	Апрель	71	Смерть Окубо Нагаясу, старшего советника Изясу.
	Июнь		Издание административного уложения для придворной аристократии.
	Сентябрь		Учреждение английского торгового представительства.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1614	Январь	72	Конфискация земельных владений <i>даймё</i> Окубо Тадатика.
	Июль		Приказ Изясу о переносе даты открытия новой статуи Будды в храме Хоко.
	Сентябрь		Разжалование и ссылка Катагири Кацумото. Изгнание в Манилу японских христиан.
	Октябрь		Решение о войне с Хидэёри и мобилизация сторонников.
	Ноябрь		Начало зимней военной кампании в Осака.
	Декабрь		Окончание боевых действий и мирный договор.
1615	Апрель	73	Разрыв мирного договора и приказ о походе против Хидэёри. Начало летней кампании в Осака.
	Май		Поражение и смерть Тоётоми Хидэёри.
	Июнь		Издание кодекса для воинского сословия (<i>Букэ сёхатто</i>), запрет на строительство замков.
	Июль		Издание кодекса для императорского двора и аристократии (<i>Кинтё нарабини куэ сёхатто</i>).
1616	Январь	74	Обострение болезни.
	Март		Назначение на должность Великого министра.
	Апрель		Завешание, смерть и захоронение на горе Куно.
1617	Март		Посмертное присвоение полного первого ранга и божественного статуса.
	Апрель		Перезахоронение на горе Никко.

ООО «Издательство ВКН»

107497, Москва, ул. Бирюсинка, д. 6, к. 1–5. Тел. (495) 374-59-68
www.east-book.ru; www.muravei.ru. E-mail: muravei@muravei.ru

Подписано в печать 10.05.2017. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 1000 экз. Заказ № 3304.

Эта книга — последняя в серии из трёх работ, посвящённых процессу объединения Японии в конце XVI — начале XVII века. Главное место в ней занимает жизнь и деятельность Токугава

Иэясу, личность которого оказала огромное влияние на последующее развитие страны. Выходец из малоизвестного воинского клана Мацудайра, он большую часть своей жизни оставался на вторых ролях, но в 56 лет судьба дала ему шанс войти в историю, и он блестяще им воспользовался. Книга в живой и увлекательной форме рассказывает о том, как это произошло.

Важную её часть составляют сведения о культуре, быте и нравах Японии периода междоусобных войн. Она позволит читателю заглянуть в эту уже далёкую от нас эпоху и получить представление о некоторых малоизвестных реалиях японского общества того времени. Текст книги иллюстрирован множеством гравюр, рисунков и картографических схем, которые помогут читателю лучше понять события, происходившие в Японии четыре с половиной столетия назад.

ISBN 978-5-7873-1149-5

